Российская Академия наук
Институт языкознания

Ульяновский государственный университет

Институт международных отношений

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ:
Психологические и лингвистические аспекты

Материалы YII-ой Международной
научной конференции
(Ульяновск, 16-19 мая 2007 года)

Москва-Ульяновск, 2007

УДК 155.5:4
ББК 88.3:81

Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы YII-ой Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2007 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2007. – 269 с.

Печатается по решению оргкомитета Международной научной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты».

Редколлегия: доктор филологических наук, профессор А.В.Пузырёв (Ульяновск; отв. редактор), доктор филологических наук, профессор Ю.А.Сорокин (Москва), доктор филологических наук, профессор С.А.Борисова (Ульяновск).

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить запросу времени преодолеть концептуальную разобщенность учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (Р.Декарт 1936: *49*). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам стала универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Редколлегия

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Саранск), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)

ПРОБЛЕМА НАРАСТАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ОДНООБРАЗИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, НАРОДОВ И ФАКТОРЫ ДЕГРАДАЦИИ НАУКИ И ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

1. Активно осуществляется глобализация образования – университетов в системе Болонского процесса, но тем самым нарастает видовое однообразие как науки, так и образования, а прогресс состоит в нарастании именно видового разнообразия формы и содержания социальных процессов.

2. Содержание и методы науки на 80–100% создаются романо-германским культурно-историческим типом, остальные 20% представляют собой продолжение методов и подходов западной формы науки; фактически вся оригинальная наука развивается в индо-германской группе языков. Исключение составляет лишь русская форма науки, имеющая свою онтологию и свою методологию (антиномичный тип логик).

А. Вклад стран мира и России в развитие науки в 1981-1992 гг.

Основываясь на данных И.В.Маршаковой-Шайкевич, проинтерпретируем статистический анализ вклада различных стран в науку.

1. Западная Европа и Северная Америка дают 70% всего объема науки в фундаментальной, прикладной, природо-ориентированных отраслях.

2. Западная Европа и США абсолютно доминируют в производстве науки в мире и никакие иные страны и близко к ним не приближаются.

3. На Западную Европу, Северную Америку, Восточную и Южную Европу приходится 80% всего объема науки, а на весь остальной мир – 20% .

4. Весь мир, исключая Западную Европу, Северную Америку, Восточную и Южную Европу, Россию, обнаруживает в 80-х – начале 90-х годов незначительный рост в 3% .

5. Россия уменьшила свой вклад в науку с 7% до 5,5% , хотя в абсолютном выражении наблюдается небольшой рост.

6. Франция, которая по численности народонаселения не сопоставима с Японией, имеет вклад в науку сопоставимый с Японией. У Японии – 7,02% , а у Франции – 5,33% . Население Японии – 122 млн. человек, Франции – 55 млн. человек.

7. И.В.Маршкова-Шайкевич регистрирует, что около 50% всех публикаций в области философии приходится на США. На Россию в области философии приходится 3,4% публикаций. А внутри России публикации в области философии составляют 0,29% публикаций вообще. Хотя по доле в мировом объеме публикаций вообще Россия занимает 7-8 места, имея 3,7% публикаций (И.В.Маршкова-Шайкевич 2000: 139-150).

Фактически США и Запад осуществляют, конечно, не философскую, а духовно-гуманитарную экспансию американского рационализма и понятий в обла-

сти культуры народов, в том числе и России. Факт же ничтожной доли нашего гуманитарного знания в мировом, ничтожная доля философии в науке самой России суть параметр умирания души и духа народа, его неспособности к духовному творчеству в XXI веке вообще.

Замечу, что и финансирование науки в России, конечно, ничтожно (1-3%), а среди него 80% финансирования идет на естественные науки, технические, и лишь 20% на гуманитарные науки. А ведь антропология развивается прежде всего, гуманитарными науками. То есть структура затрат на науку и образование ускоряет деградацию антропологии русского народа.

Б. Вклад стран мира и России в развитие науки в 1993-1997 гг.

1. В 1993-1997гг. доля публикаций в 18 отраслях естественных наук США – 37%, Канады – 5%, Японии – 4%, России в различных отраслях - 3-10%, в целом - 3,69%

2. Гуманитарные науки. Их доля в мировом объеме науки - 11%. Доля России – 1%, по отраслям – 0,8 - 4,28%. Из них доля философии – 0,04%, доля социологии – 0,16%, доля образования – 0,02%, психологии – 0,59%. Доля цитирования – 2-25%. Среднее число ссылок на 1 публикацию – 0,1-0,59%.

3. Число публикаций на 1 тысячу человек, и показатель публикационной нагрузки – число публикаций на 1 млн. долларов ВВП.

Израиль – 7,21 публикаций на 1 тысячу человек и 0,45 публикаций на 1 млн. долларов. Швейцария соответственно – 8,14 и 0,35. США соответственно – 4,66 и 0,17. Россия соответственно – 0,84 и 0,18.

4. Процент цитирования.

Работы западноевропейских ученых цитируется в 58-64%. У России этот показатель – 33,6%. Россия занимает 14 место по цитируемости работ своих ученых. Среднее число ссылок на 1 публикацию: у США – 5,19; Швейцария – 5.90, Россия – 1,29.

5. Ассигнования на науку в России.

В 1997 г. 73% ассигнований приходится на технические науки. Естественные науки – 18,47%; сельскохозяйственные науки – 2,62%; медицинские науки – 2,61% (это одна из причин резкого скачка заболеваемости в России); общественные науки – 2,13%; гуманитарные науки – 1,17%.

3. Функция роста науки: $F(t) = R \lg R(t)$,

где R – коэффициент, R(t) – затраты на науку, F(t) – первоклассные открытия уровня нобелевских премий, которые и в 1900 г. и в 2006 г. по количеству примерно те же, хотя по качеству много ниже, а между тем, численность научных работников возрастает в год на 7%, население – на 1,7%, объем научной деятельности удваивается каждые 10 – 15 лет (экспонентный рост науки). То есть наблюдается кризис в развитии производства существенной науки.

4. В чем причины?

4.1. Идет активный процесс нарастания языкового однообразия человечества в связи со становлением глобальной культуры и цивилизации. В 2100 году, возможно и вероятно сохранятся как всемирно-исторические только китайский, арабский, испанский, английский, русский языки. Вероятно, русский также исчезнет. Фактически основным и единственным языком науки стал английский, это ведёт к резкому свертыванию разнообразия моделей, науки воспитания и образо-

вания, ведёт к свёртыванию этнокультурных самодостаточных креатипов творчества, разрушаются космо-психо-логосы, обеспечивающие развитие этнокультурных моделей личности.

Утрачивается форма культурно-типичной креативности этносов, открытия делают типичные немцы, французы, русские и т.п., которые фиксируют оригинальные ОНТОЛОГИИ, видимые только в их КПЛ и их языках (принцип лингвистической относительности Б. Уорфа).

4.2. Развитие логической модели науки, укорененной только в романо-германской группе языков, ведет к разрыву аккультурационных понятий и собственной чувственности, собственных понятий и аккультурационных образов, свёртывая и разнообразие типов этнокультурного воображения (в человеке разрушаются – фенотип, генотип, эволюционный психотип, культурно-типичный креатип, но растёт функциональный прототип или адаптация к господствующему направлению в науке, что развивает только интерпретационное мышление в принципе Д. Ф. Куина).

4.3. Безмерное господство функциональной рефлексии и логико-математический вывод, индукция математическая, которые разрушают форму объективного следования и придают суждениям науки и ее верификациям инструментальную и диспозициональную форму, эллиминируя из науки, воспитания и образования истину, абсолютную истину и абсолютную ложь, релятивизируя знание и опыт вообще, придавая ему чисто редукционную форму (редукция тождества, когда редуцируемый x и редуцирующий x тождественны).

4.4. Универсализация и специализация в структуре профессий (антиномия), которая подавляется безмерной специализацией, разрушающей синтетическую способность разума.

4.5. Стандартизация – уникализация (антиномия), которая подавляется именно реальной стандартизацией личности в Болонском процессе, а якобы разнообразие личностей на самом деле есть однообразие в единственной романо-германской модели науки и образования, отрицая иные культурно-типические модели воспитания и образования.

4.6. Групповой подход в воспитании и образовании ведет к разрушению и не становлению креативных коллективо-сред: в группах угнетаются общевидовые рефлексы за счет развития рефлексов выживания в группе.

4.7. Преподавание (учебник – Б.Больцано, Е.Вигнер, П.Ф.Каптерев) носит или характер дидактического материализма, или дидактического формализма.

Необходимо изменить содержание предметов – наук. Чтобы подготовить кандидатов физико-математических наук в области твердого тела необходимо изучить 600 работ, но можно их заместить шестью из области квантовой механики (Е.Вигнер), то есть необходимо изучение общих методов и логик научного открытия, отказавшись от изучения множества содержаний, которые уже не необходимы для научного творчества.

4.8. Телеология глобальной школы исключает формирование и разрушает параметры комплекса homo sapiens, способствуя развитию комплекса homo debilis (однообразия, слабости открывающей способности интеллекта).

5. Цели именно ВОСПИТАНИЯ и ОБРАЗОВАНИЯ.

5.1. Воспитание первично и состоит в развитии высших психических функций и рефлексов (ВПФ), которые как операции и есть содержание научных предметов: поэтому воспитывая, мы формируем ВПФ синтетического характера, которым придается аналитическая форма в изучаемых предметах в системе формируемого научного мировоззрения и логик научного открытия, а образовательный процесс специфицирует этил логики в предметах и профессиях.

5.2. Цели воспитания и образования: не усвоение комплекса профессиональных знаний, но:

1) формирование этнокультурных национальных характеров как синтеза ВПФ: русских, славян, угро-финн, русских и угро-финн и т.п.;

2) субцели:

– формирование комплекса homo sapiens и преодоление оснований комплекса homo debilis (ослабленный интеллект);

– усвоение комплекса профзнания;

– социализация (самоактуализация, самоопределение в профессии, внеучебная деятельность, развитие, адаптация, идентификация, инновация, самопознание, самоформирование);

– приобщение к мировой культуре в мере в аккультурации и рецепции и при реторсии;

– развитие логик научного открытия типом личности этнокультурного характера.

6. Субъектом зла становятся подрастающие поколения, как имеющие субстанцию зла: комплексы homo debilis, как отсутствие или разрушение параметров комплекса homo sapiens, разрушительности (садизм, некрофилия, садомазохизм, нарциссизм, инцестуально-симбиотический синдром, неофилия, скопофилия), функционализма, глобализма, Лотреамона. Можно и так поставить вопрос (А.С. Макаренко) – откуда зло в ребенке? Из бездеятельности, потребления, беззаботности, безответственности и отсутствия меры наказания и воздаяния, возмездия.

7. Соответственно суммируем все сказанное в основной аксиоме воспитания и образования: Wa(┐a) = SK[IN]Ex(┐x) и K(ГИОSpA),

где *Wa* – итоговый человек, приближающийся к идеалу человека, имеющего уста, образ и подобие Божие, форму культурно-типичности осевого характера, ┐a – мера зла в человеке как выпускнике; I – оператор саморазвития и самосовершенствования по идеалу, культурно-типическому образцу; Σ – оператор знаний, трансформируемых на культурно-типической основе, функциональные знания, знания логик научного открытия, этика, эстетика и религия, коммуникационные умения, самопознание и самоформирование; N – оператор индивидуального эффективного стиля педагогического предмета в пуле (школа-семья); K – оператор педагогической власти культурно-типического характера; S – оператор культурно-типической трансформации русских людей из начальной формы x в итоговую – a, форма коллективности в отношении к индивидуальности; X – множество русских людей вообще, ┐x – реальный ученик с его добром и злом.

Уточним структуру *K*. Это культурно-типический авторитет и педагогическая власть учителя, основанная на организации взаимодействия ряда форм знаний. Структура *K* такова:

$$K\,(ГИОSpA)\,,$$

где *F* – функциональное научное знание;

И – знание форм истины и лжи, иллюзии;

О – образовательное знание, содержащее в свою очередь подструктуры: дидактическое знание (d) и знание культурно-типической традиции в педагогике и дидактике и форм отклонения от нее (t); (a) антиномии воспитательно-образовательного процесса и их процессуальная оптимизация; (c) – оргзнания и оргопыт;

Sp – спасительное знание (учение Христа, учение Мухаммеда и др.);

А – антропологическое культурно-типическое знание, которое содержит: n – всеобщее знание; a – антропологическое знание согласно антропологическому принципу познания; z – знание идентификации: $Z = PR \wedge ИR$, где Z – учитель, PR – православный русский человек; ИР – исламский русский человек. Эта идентификация с абсолютными ценностями, делающая абсолютно возможным вневременной авторитет учителя.

Литература:

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Демографические и эстетические основания космо-психо-логоса. Система философии. Том II. Часть 1. Историческая культурно-типическая антропология модели человека. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – 340 с.

Маршакова-Шайкевич И. В. Сравнительный анализ вклада стран в общемировой прогресс науки // Вопросы философии, 1998, № I, с. 43-50.

Маршакова-Шайкевич И. В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии, 2000, № 8, с. 139-150.

Маршакова-Шайкевич И.В. Исследовательская активность стран мира в конце XX века// Вопросы философии, 2002, № 12. С.64-75.

Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно. – М.: Сов. Россия, 1991. – 592 с.

Минюшев Ф.И. Социология культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 272 с.

Канд. филол. наук Н.И.Демьянович (Волгоград)

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ С КОМПОНЕНТОМ «ГОЛОВА»)

В данной статье представлена попытка сопоставительного анализа семантики ФЕ нескольких славянских языков (восточных, южных и западных) с целью определения их общих и отличительных качеств. Подобное исследование позволяет увидеть в каждом из исследуемых языков не только семантическое и образное сходство, но и национальную специфику ФЕ, а также степень их межъязыковых связей. Фразеосемантическое поле «состояние человека» выбрано нами для исследования в связи с тем, что оно наиболее ярко отражает семантическую, образную и стилистическую близость фразеологизмов анализируемых славянских язы-

ков. Учитывая понятийный аспект ФЕ с компонентом «голова» мы выделяем своеобразное микрополе ФЕ с основным значением, отражающим состояние человека неспособного здраво рассуждать, размышлять вследствие каких-либо воздействий на человека или его психику.

Компонент «голова» может рассматриваться как некое вместилище-оболочка и как его содержимое вместе взятые, которые связаны с физическим и психическим состоянием человека, с его деятельностью и поведением. Нами выделяется микрополе ФЕ с архисемой ‘неспособность здраво мыслить’, с которой в зависимости от состояния человека взаимодействуют другие семы. Так, состояние крайнего умственного напряжения в результате долгих размышлений, раздумий над чем-либо или от обилия впечатлений передается ФЕ: рус.: *голова пухнет;* укр.: *голова пухне;* болг.: *главата (ми) ще се пръсне;* сербохорв.: *пуца ми глава;* чеш.: *hlava se div nerozskočí;* слов.: *hlava (sa) ide puknúť;* пол.: *głowa puchnie*. Далее нами выделяется состояние исступления, сильного возбуждения и состояние беспокойства, тревоги, страдания, которые отражаются в ФЕ: *ударить в голову, голова болит* и др.

Во всех языках имеются ФЕ, передающие значение ‘пребывать в состоянии ужаса, смятения’, ‘крайней растерянности, отчаяния’, а также ‘утратить способность ясно соображать от множества дел’. ФЕ: *схватится за голову биться головой об стену, голова (башка) идет кругом и др.*

В исследуемых языках функционируют ФЕ, характеризующие состояние сильной головной боли, болезненной дурноты или тяжести в голове в результате слабости, усталости или опьянения. Это ФЕ: *голова (башка) трещит, помутилось в голове, голова как свинцом налита* и др.

Отдельные ФЕ отражают состояние бодрости, свежести, напряженности ума при решении трудных вопросов и другие, но они в основном совпадают и наблюдаются лишь незначительные отличия в компонентном составе ФЕ.

Сопоставительное изучение данного микрополя свидетельствует об отсутствии существенных культурно-психологических отличий в составе славянских языков. Оно способствует установлению фразеологических универсалий и выявлению национальных своеобразий в каждом из исследуемых языков.

Канд. филол. наук Е.А. Дженкова (Волгоград)

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «СТЫД»/ «SCHAM» (на материале русского и немецкого паремиологического и фразеологического фондов)

Вслед за В.И.Карасиком мы считаем, что образная составляющая концепта, наряду с понятийной и ценностной, является одним из важных компонентов, формирующих архитектонику концепта (В.И. Карасик). Как правило, человек осваивает окружающую действительность именно на основе образов, находящих свое языковое выражение в качестве компонентов фразеологизмов и паремий (Н.А.Красавский). Образная составляющая концепта, как и стоящие за ней метафорические и метонимические преобразования, выявляет этнокультурную специфику концептов.

Материалом для нашего исследования послужили паремиологические сборники русского и немецкого языков.

Стыд по своему воздействию приравнивается к действию огня по модели «физическое действие – эмоциональное состояние», поэтому часто говорят, что человек «сгорел от стыда», чувствует себя «как береста на угольях». Метафора огня является одной из базовых, структурирующих наше мышление и восприятие, выражена «огневой» лексикой (термин Ю.Д.Апресяна) и представляет собой разновидность температурной метафоры.

В паремиях и фразеологизмах в соответствии с древнейшими представлениями людей проводится граница между духом и плотью. «Тело осознается как «сосуд», в котором заключено духовное, чувственное, ментальное» (В.В.Красных). За каждым внутренним состоянием человека закреплено определенное телесное, материальное место «обитания». Грусть, печаль локализуются в сердце человека, страх можно прочесть в глазах. Глаза можно считать излюбленным местом локализации многих эмоциональных состояний, возможно, потому что глаза являются зеркалом человеческой души. Не является исключением и эмоция стыда (напр., *Бесстыжих глаз и чад неймет; первый дар на роду, коли нет в глазах стыду; sich die Augen aus dem Kopf schämen*).

В немецких фразеологизмах стыд путем метонимического переноса по смежности, вовлеченности в одну ситуацию уподобляется определенным фрагментам одежды, которые можно снять, избавив себя от мучительного переживания стыда (*das Schamhütlein ablegen; den Schamschuh ausziehen*). При характеристике многих эмоциональных состояний, в том числе и эмоции стыда, большое значение приобретает кровь человека как проводник жизненных сил (напр., *кровь бросилась в лицо; das Blut stieg ihm ins Gesicht; das Blut stand ihm in den Ohren*).

Таким образом, можно сказать, что, передавая абстрактное через конкретное, паремии и фразеологизмы являются формой рефлексии внеязыковой действительности и выступают мощным средством компрессии информации; они выручают там, где невозможно найти точные определения. Фразеологизм или паремия может дать гораздо более емкую характеристику действий и состояний человека, чем длинное, многословное описание.

Аспирант Ж.Б.Жалсанова (Москва)

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И БУРЯТ

Вопросы межкультурной коммуникации и национальной идентичности являются на сегодняшний день очень актуальными. Один из способов анализа особенностей межкультурного общения предлагает такая наука как психолингвистика. С помощью свободного ассоциативного эксперимента мы получаем доступ к языковому сознанию представителей различных национальностей и культур.

По данным исследований Н.В.Уфимцевой **мужчина** входит в состав ядра языкового сознания представителей различных культур: русской, украинской, белорусской, болгарской. В докладе рассматривается образ **мужчины** в языковом сознании бурят и русских. Материалом анализа являются данные свободного ассоциативного эксперимента, который был проведен в сентябре 2006 г. в г.Улан-Удэ (Республика Бурятия). В эксперименте приняли участие 3 группы испытуемых: буряты, владеющие бурятским языком (буряты 1), буряты, не владеющие

бурятским языком и считающие родным языком русский (буряты 2), и русские. Рассмотрены общие представления о мужчине, о присущих ему качествах в русской и бурятской культурах. **Мужчина** для русских и бурят – *человек, отец, друг, брат, хозяин, муж, сын, дядя.* Он должен быть *умным, смелым, сильным, красивым* и *высоким.* Выявлена национальная составляющая в стереотипе мужественности в языковом сознании представителей русской и бурятской культур.

Образ **мужчины** у бурят 1 связан с обычаями и традициями бурятского народа, что не так сильно выражено у бурят 2. Содержание этого образа у бурят 2 и русских совпадает в большей степени, чем у бурят 1 и бурят 2, но все же м**ужчина** бурят 2 имеет национальную окраску. Культура бурят, не владеющих бурятским языком, представляет собой гибрид традиционной бурятской и современной русской культур. Тесные хозяйственные и культурные связи с русским народом не могли не отразиться в (языковом) сознании бурят, тем более что родным для них является русский язык.

Полученные данные являются важными для понимания национально-культурной специфики языкового сознания русских и бурят, а также для успешной межкультурной коммуникации народов.

Кандидат пед. наук Л.А.Калмыкова (Переяслав-Хмельницкий, Украина)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В РЕЧЕВОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Взаимодействие между мыслительными процессами и языковыми структурами не ограничивается связью между логическими категориями и единицами речи такими, как понятие и слово, суждение и предложение [Л.С.Выготский. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1982. – С. 6-361]. Высшая ступень структурной системы языка в синтаксисе – функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение) образуют наиболее тесную связь с мышлением. Чем выше уровень языковой структуры, тем многограннее связь между языковыми и мыслительными категориями: на уровне функционально-смысловых типов речи связь между языком и мышлением проявляется наиболее полно и выразительно [О.А.Нечаева. Функционально-смысловые типы речи: Описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1974. – 214 с.; Л.П.Федоренко. Закономерности усвоения родной речи: Учеб. пособие – М.: Просвещение, 1984. – 159 с.].

Задача лингвопедагогической психологии – учесть положения теории типологии речи, вскрыть возможности детского мышления выделять взаимообусловленные явления действительности на более высоком уровне, чем суждения, и реализовывать эти связи в соответствующих контекстуальных языковых типах речи, в частности в повествовании, описании и рассуждении. С их помощью языковыми средствами в процессе мышления передаются реально существующие связи между явлениями действительности, которые ребенок выражает в речи на текстологически-синтаксическом (надфразовом) уровне.

Функционально-смысловой подход к развитию речи детей обеспечит функционирование уместных лексико-грамматических средств в индивидуальном языке дошкольников, которое не всегда оказывается возможным только через обучение словоформам и предложениям, а также создаст психолингвистические – кон-

текстуально-операциональные условия порождения разных типов речи и сочетаемости их между собою [Л.О.Калмикова. Формування мовленнєвих умінь і навичок у дітей: психолінгвістичний та лінгвометодичний аспекти: Навч. посіб. для студ. ВНЗ. – К.: НМЦВО, 2003. – 300 с.].

Учет логико-смысловых и структурно-функциональных характеристик типологии речи открывает неограниченные возможности внедрения новых технологий развития монологической речи у детей дошкольного возраста: речи, рассматриваемой не в качестве недифференцированного сплошного потока с названием «монолог», а речи, в её конкретных функционально-смысловых типах и стилистических вариантах. Таким образом, выделение современной психологией и лингвистикой функционально-смысловых типов речи дает возможность преодолеть унифицированный взгляд на монологическую речь как на нераздельную, однотипную, однородную по своему составу категорию. Упрощенный взгляд на монолог не учитывает специфики взаимосвязи языка и мыслительных операций, с помощью которых выражаются временные, пространственные, причинно-следственные и другие отношения; особенностей монологической речи в разных коммуникативных ситуациях и речевых интенциях как следствия отображения детьми различных объективно существующих взаимосвязей. Вот почему необходим пересмотр традиционных подходов к развитию речи детей в детском саду, внедрение технологий формирования речи, которые раскрывают общесмысловое значение повествования, описания и рассуждения, их речевую структуру, языковые особенности функционирования таких монологических высказываний, их роль в когнитивном и коммуникативном развитии детей.

Соискатель А.Б.Канатова (Владикавказ)

ЯЗЫК ОСЕТИНСКИХ ДЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА (К ИСТОКАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА).

1. Анализ синтаксиса детского фольклора ведет не только к выявлению и описанию закономерностей, которыми определяется структура его жанров, но – что не менее важно – даёт возможность на фактическом материале реконструировать процесс возникновения и развития не только синтаксиса, но и лингвистической картины мира.

2. Осетинский детский фольклор во всех своих жанрах полностью строиться по канонам экспрессивного синтаксиса. При этом экспрессивный синтаксис находит свое воплощение в самых разнообразных способах и средствах.

а) параллелизм:

Сæ лæг хъуылæг цагьта,
Сæ чызг гуымбыл ахста,
Сæ чындз йæхи надта,
Сæ ус цырагъ дардта.

б) цепочечная связь.

Фурды быны сæрвасæн,
Ай нанайæн сæрвасæн,

Нана гукку ракæна,
Гукку фыййау ахæра,
Фыййау фос рахиза,
Фос бирæ æхсыр æркæна,
Нана фос радуца,
Æхсыр гыгы аназа.

в) эллиптированные конструкции:

Карчы базыр – куысыфтæг
Ой, расимæм, ой
Махæн кæстæр – куырафцæг
Гогызы сæр – цырд лукъа
Ой, расимæм, ой
Нæ кæстæрæн – быд цухъа
Ой, рæсимæм, ой

3. В осетинских детских фольклорных произведениях сохранился древнеиндоевропейский порядок слов, где объект ставится перед глаголом-действием:

Нана гукку ракæндзæн
Гукку хосдзау ахæрдзæн
Хосдзау кæрдæг ракæрддзæн
Кæрдæг нæ хъуг ахæрдзæн
Нана хъуджы радудздзæн
Æхсыр къоппы акæндзæн.

4. Особенностью синтаксиса детского фольклора является то, что здесь уже минимальным количеством слов достигается и передается внутренняя сжатость и компактность детской речи. Синтаксис обладает специальными формами, способными придавать детской речи выразительность.

Специальные синтаксические построения дают возможность экспрессивного выделения в детской речи необходимых слов – предметов и действий.

Следует заметить, что языку осетинского детского фольклора полностью присуща «прагматическая направленность синтаксической экспрессии» (Ю.Д.Каражаев).

5. Анализ способов и средств синтаксической стилистики в произведениях осетинского детского осетинского фольклора имеет большую научную значимость – здесь прослеживаются первые ступени развития тех или иных концептов тех или иных лингвистических (наивных) картин мира в глоттоонтогенезе, а следовательно, и в глоттофилогенезе.

А.Б.Канатова, докт. филол. наук Ю.Д.Каражаев (Владикавказ)

ЯЗЫК ОСЕТИНСКИХ ДЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: К ГЕРМЕНЕВТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ.

1. Вопросы языка и детского фольклора остаются одним из неисследованных в осетинском (да и не только в нем) языкознании. Между тем, высокое и всестороннее изучение данной проблемы может пролить свет на многие загадочные факты в формировании речемыслительной деятельности в онтогенезе.

Языковые средства, которые делают осетинские детские фольклорные произведения живыми и эмоциональными, почерпнуты, главным образом, из народной речи. Здесь большой интерес представляет герменевтика лексических особенностей языка детского фольклора.

2. Так, в языке детского осетинского фольклора весьма интригующим является факт активного функционирования разнообразной асемантич ной лексики. В строго лингвистическом смысле единицы этого «лексикона» далеко не слова, ибо последние должны обладать хоть какими-то значениями. В то же время эти квазислова в поэтике детских фольклорных произведений играют весьма конструктивную роль, без них невозможны образы неких сказочных, загадочных миров, в которых, кстати говоря, пребывают детские души и умы. Дело в том, что квазислова-паралингвизмы в детских текстах создают свои особые невидимые, но весьма тонко ощутимые музыкально-романтические картины. Совершенно естественно, что такие картины чудесных сказочных экзотических невзрослых миров имплицитно, подсознательно, формируются на основе детской этнофоносемантики квазислова, – на бессознательных, неощущаемых звукоассоциациях, порождающих те или иные реальные эмоций. В этом смысле можно сказать, что язык детского фольклора диагностирует особую фазу в психолингвоонтогенезе, в этнолингвистической картине мира. Приведем пример – текста с квазисловами:

– Акъла – дикъла,
Чара, бамбохъ,
Хъенцъи – менцъи,
Тутыр, писи,
Агънæг æфтыд.

– Дыгуыла, дыгуыла,
Дасма, дыгуыла,
Иехара къоцца,
Сар дæ къоцца,
Алыкка, мылыкка,
Тенка цъыкк!

– Анаалмахъо, аналмахъо,
Каналмахъо, каналмахъо,
Цъамцъулутти, цъамцъулутти,
Йад мæ пъцри, иуд мæ цъури,
Гакъа дар най, гогъо дар най.

Детскую асемантичную «лексику» можно сравнить с аналогичной квазилексикой в языке фольклорных произведений, созданных старшим возрастным рангам. (Ср. тексты, сопровождающие различные магические акты – акты волшебства – колдовства, тексты проклятий, а также заговоры, заклинания, молитвы и другие жанры, в основе которых, как известно, заключены древнеиндоевропейские формулы праксиологических вербальных жестов).

Квазислова из детского фольклора можно сравнить с подобными в языке «поэзии зауми». (Ср. например, у Крученых: «дыр, бул, щыл, убещур скум вы со бур лэз»; А. Вельтман: «ы-ей-гей-ег-дой-дй-да-егда; вар-ой-зы-воз-рай-ой-ро-возро, дай-ки-ди-возроди, тай-си-ей-тси-возродится». См. также у В.Хлебникова, Ф.Сологуба, Е.Гуро и др.)

Асемантичная лексика и детского фольклора, и поэзии зауми, в отличие от фольклора взрослого населения, преследует не прагматические цели, а служит задачам развлекательно-игрового характера. Кроимее того, эта лексика, как отмечено выше, является миротворящей, эстетизирующей, а в детском фольклоре еще и

социализирующей, силой. Асимантическая лексика, несмотря на такую ее сущность, глубоко этнична: в каждом языке существуют свои этнофонодистрибции.

Асемантическая лексика, очевидно, связанна с тем, что детский возраст более распознает звучание, больше доверяет ему, чем значению.

3. В лексике осетинских детских фольклорных текстов встречаются и полусемантичные/неполносемантичные слова. Приведем примеры:

– Лела гæсгæ **<u>дыгъадон.</u>**
– **<u>Уобæлхо</u>** зулун къхо.
– Туке – туке, **<u>гулудзагъур</u>**.
– Море канун **<u>рæрæсхæрæн</u>**.
– Гого-гого **<u>гогорбунти.</u>**
– Акъæкъое – бакъæкъое **<u>сæнæрсой.</u>**
– Цъиу – цъиу, **<u>цъиуандари</u>**.
Да' взæр цухъа кæм ахаудта.

Эта часть лексики знаменита тем, что она является как бы мостиком между асемантичными и полносемантичными словами. Сказанное, несомненно, иллюстрирует этапы лингвоонтогенеза, а в конечном счете, и глоттогенеза, обнажая путь «от квазислов до подлинных слов».

4. Следующей особенностью осетинских детских фольклорных текстов является наличие в них экспрессивной лексики. Лексика эта встречается в следующих разновидностях:

А. Экспрессивные слова, указывающие на негативные признаки ума, внешности, социального статуса и т.д. и чаще используются как перформативы, т.е. как слова-действия. У этих слов своя предикативная природа, они указывают на какое-то свойство, признак, бывают в основном в роли негативных «насильственных предикатов» (Ю.Д.Каражаев 1996). Приведем примеры:

Ædылы –
Æрра – } Дурачок
Сæрхъæн –

Дзæгъæлзад – незаконнорожденный
Лыскъсæр – вшивая голова
Схъæлфындз – курносый
Фаджыс – навоз
Фаныкгуыз – замухрышка
Хуырхгуыбын – любитель сыворотки
Хытъынджын – брюхач

Б. Экспрессивные слова «языковых игр» детей. «Языковые игры», рассчитанные, как правило, на простаков, – очень интересный жанр осетинского детского фольклора. Его нет в текстах фольклора взрослого населения. В детском устном народном творчестве «языковые игры» / соревнования были и являются свидетельством истории поколений.

Приведем примеры:

– Лæппу – Мальчик
– Дæ гуыбын къуыпп у – У тебя живот выпуклый

– Къуырисæр – Понедельник
– Уæ аджы хуыйы сæр – В казанке свиная готова
– Сабат – суббота
– Хæрæгыл абад – Сядь на осла
– Бæлас – Дерево
– Дæ хæлаф æрлас – Штаны спусти
– Хуыцаубон – Воскресенье
– Дæ дзыппы ’хцадон – В кармане кошелек
– Ссæдз – Двадцать
– Фаджысы ныссæдз – В навозе застрять

В ряд экспрессивных слов входят и табуированные названия частей (чаще – интимных, «срамных») тела, физиологических отправлений, а также обсценная лексика. Все они выступают в роли инвективных выражений. В отличие от языка взрослых, детские инвективы – более мягкие, игривые, они носят подражательный характер, употребляются не столь осознанно.

Приведем примеры:

– Дзабыр.
Куыдзы с….ы бабыр.
– Тархъус
Йа л….. ы дæ хъус.
– Кружкæ
Салдаты л…х ныррус кæн
– Нæуæндаг.
Хæфсы с….ы дæ дæндаг

5. В осетинском детском фольклоре интересна ономастическая лексика. По собственным именам можно делать выводы о том, когда и где возникли те или иные фольклорные произведения, кто их сочинил – дети сами или взрослые для детей. Среди ономастикона есть выдуманные имена, которые выполняют эстетико-поэтические функции – благодаря своему звучанию они воссоздают разнообразный романтический мир детей.

– Берæгъ гъир – гъирæнгæ
Хъæдрæбун гъæрзтæй.
Аршайты Арсой
Хуæрзæфæсæй рæкстæй
– **Алдаратæм** цы хордтай?
Карчы фыд.
– Уæлæ **Куыдзойтæм** – къæдз бæх.
– Базыраты Бубули
Адавта мын мæ кæри.
– Уызын, уызын, **Уызынбег**
Фæцæуы дæм Хъызылбег.

Докт. филол. наук Ю.Д.Каражаев (Владикавказ)

ЯЗЫК И КОГНИЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ИМПЛИЦИТНЫХ МЕТАМОРФОЗ СЛОВЕСНЫХ СМЫСЛОВ

1. Как известно, когнитивная лингвистика, робко заявившая о себе ещё в 80-годах XX столетия, сегодня уже стала генеральной-стратегической-линией развития современного языкознания. Основной – кардинальной – сутью данного направления языкознания, логически продолжающего общенаучную парадигму, является то, что в отличие от предыдущих циклов-стратегий, изучавших в языке предметную ткань и значение, схваченных тем или иным словом, ныне поворот сделан на выяснение/выявление невербализованных чувственной ткани и смысла тех же/этих же лингвистических единиц. Отмеченное означает, что в большинстве случаев слова того или иного этноязыка по значению (денотату/референту) совпадают с таковыми же других этноязыков, но, как правило, отличаются от них своим смыслом (концептом) – контейнером знаний, полученных в результате этнокогнитивного (чаще всего, аксиологического) мировосприятия. Иначе говоря, задача когнитивной лингвистики заключается в том, чтобы смотреть не в слова, а за тем, что находится за ними, т.е. за значениями как означающими определённых конкретных этносмыслов. При этом, концепты, как контейнеры эмоционально-экспрессивно-оценочных знаний, выражаемых значениями тех или иных слов, в течение хода этноистории и этноязыка могут трансформироваться и приобретать неожиданные ракурсы, т.е. совершенно иные смысловые звучания. Подобные метаморфозы смыслов, как правило, «хоронят», т.е. имплицируют предыдущие миро-ощущения для последующих этнопоколений. Иначе говоря, названия-значения те же, а смыслы-другие. Как правило, рядовые носители языка об этих фактах превращений смыслов слов совершенно не догадываются. И тут понятно, что задачей когнитивной лингвистики предстаёт не только выяснение способа этноминации, но и реконструкция дометаморфозных смыслов значений слов, а следовательно, и историю этнолингвоментальных процессов. Подобные реконструкции крайне необходимы не только профанному уровню/уровню здравого смысла - творцам наивной (не примитивной!) картины мира, но и, прежде всего, представителям соответствующих наук, которые вольно-невольно попадают в тенеты метаморфоз, в результате чего на свет появляются некорректные интерпретации. В качестве подтверждения данной мысли ниже приводятся примеры на материале осетинских этнографизмов.

2. Итак, перед нами следующие концепты – осетинские этнографизмы, представляющие собой соответствующие атавизмы (реликты) древнейшего этноментального состояния.

2.1.**Нӕ лӕг** «наш муж/мужчина» – этноэтикетная форма выражения понятия **мӕ лӕг** «мой муж», неприличного для произнесения в обществе, а потому табуированного к употреблению, и заменяемого эвфемизмом **нӕ лӕг.** Выражение это, однако, на наш взгляд, восходит к тому периоду, когда у группы женщин был один **лӕг** «муж, мужчина».

2.2. **Не’фсин** буквально «наша хозяйка/жена», **нӕ къӕбӕргӕнӕг** буквально «наша хлебодельница», т.е. жена – эвфемизмы вместо табуированного выражения **мӕ ус** «моя жена». Весьма возможно, что данное выражение восходит, так же как

и в случае 2.1., к тому периоду, когда у группы мужчин была одна жена/хозяйка/госпожа.

2.3. **Лæппу** (осетинско-иронское)/ **Биццеу/биччеу (**осетинско-дигорское, восходящее к иранскому-ср.персидское, таджикское бачча/о) – этнографическое) эвфемистическое обращение родителей к сыну вместо табуированных выражений **мæ лæппу/биццеу/биччеу** «мой мальчик» или ещё ближе **мæ фырт** (осетинско-иронский вариант)/ **мæ фурт** (осетинско-дигорский вариант) «мой сын» /**мæ хъæбул/ хъæболæ «**мой ребёнок/моё дитя». Здесь так же, как и выше (2.1, 2.2) речь идёт о другом – о том, что ребёнок мужского пола зачат каким-то мужчиной из группы мужчин, обладавших одной и той же женщиной.

2.4. **Чызг/кизгæ** буквально «девочка/девушка». Осетинско-иронско-дигорское этнографическое этикетное обращение к дочке, а также слово, употребляемое в разговоре с кем-то о дочке. (При этом заметим не только отсутствие в осетинских [иронском и дигорском] языках специализированной лексемы со значением «дочь/ка», но и запрет на употребление приватизирующего местоимения **мæ** «моя»). Здесь опять же, надо полагать, что указанная современная общеосетинская этнографическо-этикетная форма **чызг/кизгæ** сигнализирует о тех реминисценциях, когда у группы мужчин/женщин была дочь, с неустановленным «авторством».

2.5. **Чындзхæссæг/хæссджытæ/киндзхæссæг/хæссгутæ –** буквально «невестку несущий/несущие». Общеосетинское название сватов в этносвадебном обряде, при котором отобранная группа мужчин выезжала из дома жениха в дом невесты с тем, чтобы после исполнения определённых церемоний, забрать и привести её к месту назначения. Здесь обращает на себя внимание выражение **хæссæг/хæссджытæ** «несущий/несущие» – в самом деле, почему такое несоответствие: ведь невесту же не несут – она сама идёт или едет на том или ином виде транспорта в сопровождении **чындзхæсджытæ** «сватов»? Ответ здесь находится в далёком прошлом: дело в том, что во избежание какого бы ни было контакта со случайным-одержимым духом человеком, невесту покрывали с головы до пояса так, что её глаза, ноздри, рот и т.д. были полностью сокрыты от взоров всех окружающих. Понятно, что в таком положении невесту, естественно, приходилось нести, поскольку она сама не могла двигаться с закрытыми глазами.

2.6. **Киндзхон/киндзхонтæ** (осетинско-дигорское выражение) – буквально «невесту ведущий/ведущие». – Этнографизм с тем же значением, что и в **2.5.** Современное значение этого слова как будто бы означает «приглашающий/ие невесту», что прекрасно вписывается в этикетный смысл обряда: а как же иначе, невеста сама не может идти без приглашения! Однако и здесь ореол высокопарности и благородства скрывает под собой весьма прозаичный смысл: невесту с закрытыми глазами необходимо **вести,** что в принципе сродни **везти** (или **нести)**.

2.7. **Къухылхæцæг/къохбæлхуæцæг** буквально «за руку (невесты) держащий/ведущий». – Близкий родственник жениха, исполняющий в свадебном обряде одну из главных ролей – забрать за руку снаряженную в отцовском доме невесту и привести её – номинальную сестру в дом жениха. Как видно, и здесь «закрытый» смысл сводится к тому, что «незрячую» невесту надо было вести за руку.

2.8. **Уайсадын**. – Этнографизм, означающий обряд избегания общения молодой невестки со старшими мужчинами – родственниками мужа. По мнению профессора В.И.Абаева (см. его «Историко-этимологический словарь осетинского языка», т.IV. Л., 1989, с. 43-44), **уайсадын** этимологически восходит к «затенять/таить речь». Однако в этой этимологической статье автор, очевидно, не задавался целью вскрыть первоначальный смысл значения «затенять/таить речь», на что, вероятно, повлияло современное толкование самого выражения, сводящегося к облагороженному этикетному содержанию «стесняться (речевого) общения со старшими мужчинами». Но заметим, что подлинный, имплицированный, смысл здесь также заключён в том обстоятельстве, что невестка оберегается от проникновения во время общения зловредного духа или вообще чего-нибудь такого, что одержим духом, и что может в течении «адаптационного» периода нанести невестке и её будущему потомству непоправимый вред (ср. в этом смысле этимологию слова **уац**, имеющего в качестве значений в иранских, в т.ч. и в осетинском, языках такие значения, как «слово-дук», «слово-речь-божество», «слово, одержимое духом» и т.д. см. в: Абаев В.И. Историко – этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л. 1989. с26-28; см. так же статью: Рахимов Р.Р. «Завеса тайны» (о традиционном женском затворничестве в Средней Азии) //ж. «Этнографическое обозрение», 2005, №3, с.4-19).

Таковы наши предварительные выводы по данной проблеме.

Канд. филол. наук М.Г.Луннова (Пенза)

ФОНИКА ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Общеизвестно, что картина мира, запечатленная в языке, находит свое отражение и в русских народных сказках. Позволим себе задаться вопросом относительно того, могут ли звуковые сближения слов в текстах русских народных сказок репрезентировать языковую картину мира?

В этом плане интересными могут показаться звуковые ассоциации к традиционному персонажу русских народных сказок, к такому, как Кощей Бессмертный. Этот образ прочно вошёл в сознание русского народа, и за ним стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых прецедентным именем в сознании носителей языка. Поэтому кощеем сейчас называют, помня о характерных чертах персонажа сказки, тощего и высокого человека, чаще старика, а также скрягу.

В сборнике "Народные русские сказки" А.Н.Афанасьева к концепту ***Кощей Бессмертный*** (Кош Бессмертный) наиболее частыми оказались ассоциаты (обозначим совпадающие звуковые комплексы подчеркиванием) *смерть* и *кости* (*коски*).

Ассоциат *смерть* подчеркивает связь Кощея с миром мертвых: *"Наконец Иван-царевич вышел, кажет яйцо и говорит: "Вот, Кош Бессмертный, твоя смерть!"* [Аф., I, №156, с. 360]. По предположению Ю.С.Степанова, Кощей был в восточнославянской протокультуре посредником между миром людей и миром мертвых, подобно современному шаману [Степанов Ю.С. 1998: 64].

Основной концепт связан с "костью", "коской": *"Вдруг Ко́ш Бессмертный входит в дом и говорит: "Фу, фу! Русской ко́ски слыхом не слыхать, видом не ви-*

дать, русская ко́ска сама на двор пришла! Кто у тебя был? Не сын ли?" [Аф., I, №156, с. 359]. Имя Кощей и его звуковой ассоциаты *кости, коски* в первую очередь имеют ярко выраженную этимологическую связь. По мнению Ю.С. Степанова, Кощей – это "костосей", "тот, кто сеет кости". А, следовательно, в то же время и посредник между миром людей и миром мертвых.

В русских народных сказках Кощей является представителем мира мёртвых, поэтому он не выносит запах живого человека: "Фу, фу! Русской коски видом не видать, слыхом не слыхать, а здесь Русью несёт!" [Аф., I, №156, с. 360]. По мнению В.Я.Проппа, Афанасьев не ошибся, утверждая, что Иван пахнет не просто как человек, а как живой человек. Мёртвые, бестелесные не пахнут, живые пахнут, мёртвые узнают живых по запаху [Пропп В.Я. 1998: 148].

Вся эта "зеркальность", "обратное отражение" еще ждут объяснения. Возможно, принцип объяснения заключен в том, что Кощей представитель "того", загробного, мира, а в нём – всё обратно земному.

Таким образом, уже наблюдения над фоническими структурами в русских народных сказках позволяют говорить об их обусловленности языковой картиной мира.

Соискатель Н.Н.Моисеева (Моисеева)

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ *МЕТОДА РАССТОЯНИЙ* В КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследование концептов является одним из генеральных направлений развития отечественной и зарубежной лингвистики. В этой связи несомненный интерес могут представлять многочисленные исследования, посвящённые таким лингвокультурным концептам как «закон», «приватность», «вежливость», «отличник», «школа», «красота», «любовь» и др. (Галашевская 2001; Прохвачева 2000; Томахина 2000; Толочко, Слышкин 2000; Толочко 1999; Мещерякова 1999; Вильмс 1997).

В системном описании ментального отражения и языкового воплощения основных ценностных доминант той или иной культурно-языкой группы одно из ключевых мест занимает концепт «судьба». В русском и английском языках к концепту «судьба» в последнее время обращались В.Ю.Апресян, Н.В.Жданова (Апресян 2006; Жданова 2006). Однако в русском и французском языках сопоставительного исследования этого концепта, по нашим данным, не проводилось.

Полагаем, что в качестве метода, позволяющего объективировать лингвистические исследования, может выступить *метод расстояний*, предложенный В.А.Никоновым и дополненный В.Д.Бондалетовым, в чьей интерпретации он получил название *количественно-качественный метод* (Бондалетов 1983: 74-78).

Опираясь на данные синонимических и толковых словарей, а также используя данные, полученные Н.В.Ждановой (Жданова 2006: 11), мы выявили основные значения концепта *судьба* в русском и французском языках:

1) независимый от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (судьба, участь, часть; destin);

2) высшая сила, воля божества, предопределяющая все, что происходит в жизни (судьба, рок; destin, sort, destinée, fortune, hasard, fatalité, Providence, chance, fatum);

3) высшая сила, направляющая к благу (Провидение);

4) высшая сила, осуществляющая принуждение (fatalité, nécessité);

5) жизненный путь (доля, участь) (судьба, участь, доля, удел, жребий, планида, счастье, часть; sort, destinée, lot);

6) счастье (предопределенное судьбой) (судьба, фортуна, планида, звезда, талан, счастье, линия; étoile);

7) будущее (судьба, участь, будущность, грядущее; destin, sort, avenir, aventure);

8) история существования, развития (судьба; destin, fortune);

9) случай (отсутствие замысла, непредсказуемый элемент событий) (фортуна; sort, hasard, événement, aventure, aléa, chance, étoile);

10) неизбежное, неотвратимое, то, что должно случиться (судьба, рок, фатум, предопределение, предназначение; sort, fatalité, fatum, prédestination);

11) страдания, испытания, несчастья (рок, крест, фатум, планида, недоля, чаша; fatalité, malheur, fatum, adversité);

12) внутренне осознаваемая цель, предназначение (предназначение; destinée, condition);

13) благоприятное или неблагоприятное положение (destin, sort, destinée, état, condition);

14) ход жизни, могущий быть изменённым тем, кто её проживает (destin, destinée);

15) отдельная судьба человека (совокупность дел и событий) (destinée, fortune, vie, existence);

16) везенье-невезенье (успех, приходящий случайно) (звезда, талан, счастье, линия; fortune, chance, étoile);

17) профессиональный успех (будущность, карьера);

18) череда одинаковых случайностей (полоса);

19) череда необъяснимых совпадений, которые, как кажется, демонстрируют неизвестную высшую конечную цель (fatalité, fatum);

20) несчастный, досадный случай (fortune, fatalité, événement, malheur, adversité);

21) счастливый случай (fortune, Providence, chance);

22) результат, исход (destin, sort, événement, issue);

23) то, что предсказано (prédiction);

24) удача, неожиданно приходящая на помощь (Providence).

Таким образом наше исследование позволило выделить а) «сквозные» значения, общие для русского и французского языков (приведём эти значения, сохраняя их общую нумерацию):

1) независимый от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (судьба, участь, часть; destin);

2) высшая сила, воля божества, предопределяющая все, что происходит в жизни (судьба, рок; destin, sort, destinée, fortune, hasard, fatalité, Providence, chance, fatum);

5) жизненный путь (доля, участь) (судьба, участь, доля, удел, жребий, планида, счастье, часть; sort, destinée, lot);

6) счастье (предопределенное судьбой) (судьба, фортуна, планида, звезда, талан, счастье, линия; étoile);

7) будущее (судьба, участь, будущность, грядущее; destin, sort, avenir, aventure);

8) история существования, развития (судьба; destin, fortune);

9) случай (отсутствие замысла, непредсказуемый элемент событий) (фортуна; sort, hasard, événement, aventure, aléa, chance, étoile);

10) неизбежное, неотвратимое, то, что должно случиться (судьба, рок, фатум, предопределение, предназначение; sort, fatalité, fatum, prédestination);

11) страдания, испытания, несчастья (рок, крест, фатум, планида, недоля, чаша; fatalité, malheur, fatum, adversité);

12) внутренне осознаваемая цель, предназначение (предназначение; destinée, condition);

16) везенье-невезенье (успех, приходящий случайно) (звезда, талан, счастье, линия; fortune, chance, étoile);

б) специфически русские значения, которые не повторяются во французском языке:

3) высшая сила, направляющая к благу (Провидение);

17) профессиональный успех (будущность, карьера);

18) череда одинаковых случайностей (полоса);

в) специфически французские значения, отсутствующие в русском языке:

4) высшая сила, осуществляющая принуждение (fatalité, nécessité);

13) благоприятное или неблагоприятное положение (destin, sort, destinée, état, condition);

14) ход жизни, могущий быть изменённым тем, кто её проживает (destin, destinée);

15) отдельная судьба человека (совокупность дел и событий) (destinée, fortune, vie, existence);

19) череда необъяснимых совпадений, которые, как кажется, демонстрируют неизвестную высшую конечную цель (fatalité, fatum);

20) несчастный, досадный случай (fortune, fatalité, événement, malheur, adversité);

21) счастливый случай (fortune, Providence, chance);

22) результат, исход (destin, sort, événement, issue);

23) то, что предсказано (prédiction);

24) удача, неожиданно приходящая на помощь (Providence).

В группе русских ЛСВ оказалось 3 варианта, они обслуживают 4 словоупотребления, что составляет 8,6% общего числа словоупотреблений.

В группе французских ЛСВ – 10 вариантов, обслуживающих 29 словоупотреблений, что составляет 42,1% их общего числа.

Схема обработки «сквозных» ЛСВ приведена в таблице 1.

Если представить схематически все компоненты различий, а именно: а) состав и удельный вес русских ЛСВ, б) состав и удельный вес французских ЛСВ, в)

состав «сквозных» (общих) ЛСВ и удельный вес расхождений в их употребительности, то получится следующая картина (см. табл. № 2).

Как видим из таблицы 2, спектр ЛСВ концепта *судьба* анализируемых языков совпадает на 39,9%. Удельный вес различий между ними – 60,1%. Иными словами, различий в языковом наполнении концепта *судьба* в русском и французском языках больше, чем совпадений.

Таблица 1.

Сравнение употребительности «сквозных» ЛСВ

ЛСВ	Русский язык			Французский язык		
	Кол-во словоупотр.	% словоупотр.	На сколько % больше	Кол-во словоупотр.	% словоупотр.	На сколько % больше
1	3	6,5	5,1	1	1,4	-
2	2	4,3	-	9	13,0	8,7
5	8	17,4	13,1	3	4,3	-
6	7	15,2	13,8	1	1,4	-
7	4	8,7	2,8	4	5,8	-
8	1	2,2	-	2	2,9	0,7
9	1	2,2	-	7	10,1	7,9
10	5	10,9	5,1	4	5,8	-
11	6	13,0	7,2	4	5,8	-
12	1	2,2	-	2	2,9	0,7
16	4	8,7	4,4	3	4,3	-
Итого:	42	91,3	51,5	40	57,7	18

Таблица 2

Количественно-качественное сравнение ЛСВ концепта *судьба* в русском и французском языках

Языки / Спектр ЛСВ	Русский язык	Французский язык
I. Различия:		
а) русские ЛСВ	8,6%	—
б) французские ЛСВ	—	42,1%
с) расхождения в употребительности «сквозных» ЛСВ	51,5%	18%
Всего:	60,1%	60,1%
II. Сходство:	39,9 %	39,9%
Итого:	100%	100%

Полученные расхождения несомненно подчеркивают факт специфичности национального сознания и в то же время ставят перед исследователем проблему выяснения причин различий употребительности «сквозных» и специфических

значений концепта. Однако, поскольку подобная постановка вопроса требует глубокого и всестороннего анализа, отметим только, что не имеем возможности в рамках небольшой статьи останавливаться на этом подробно.

Таким образом, использование «метода расстояний» в выявлении со- отношения сходства и различий концепта *судьба* в русском и французском языках позволяет получить предельно точные данные. Следует особо подчеркнуть, что исследование на уровне языка не исчерпывает данной проблемы. Полная картина особенностей концептуализации судьбы в русском и французском языках возможна лишь с учётом данных, полученных в ходе исследования на уровне речи, и это – задача, ждущая своего решения.

Цитируемая литература

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Ок. 11000 синоним. рядов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – 495 с.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. интов по спец. № 2110 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь»: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 21 с.

Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 2000. – 1201 с.

Галашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 196 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: т. 1-4. – М.: Рус. яз., 1978 – 1980.

Жданова Н.В. Национальная специфика концепта «судьба» в русском и английском языках: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2006. – 19 с.

Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской культуре // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 272 с.

Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): Дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 226 с.

Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988.

Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н.Ушакова: т. 1-4. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Л.: 1935-1940.

Толочко О.В. Образ как составляющая концепта «школа» // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 272 с.

Толочко О.В., Слышкин Г.Г. Концепт «отличник» в русской картине мира // Языковая личность: проблемы креативной семантики: Сб. науч. тр. / ВГПУ – Волгоград: Перемена, 2000. – 215 с.

Томахина И.Г. Лексикографическое выражение концепта вежливости в русском, английском и итальянском языках // Языковая личность: проблемы креативной семантики: Сб. науч. тр. / ВГПУ – Волгоград: Перемена, 2000. – 215 с.

Genouvrier E. Nouveau dictionnaire des synonymes. – Paris: Librairie Larousse, 1977. – 510 p.

Robert P. Dictonnaire alphabetique et analogique de la langue francaise. – Paris: Le Robert, 1980.

Апресян В.Ю. Семантика и прагматика судьбы. // http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm

Dictionnaire de la langue francaise // www.sensagent.com/dictionnaires/fr-fr

Dictionnaire des synonymes de l'Université de Caen. // http://www.elsap1.unicaen.fr/cherches.html

Докт. филол. н. И.М. Румянцева, аспирантка О.А.Симонова (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОСОДИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА СЛОВА В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы функциональной интерпретации просодических (суперсегментных) явлений в языке и речи справедливо считаются одними из самых сложных и противоречивых в современном языкознании.

В индоевропеистике просодия слова раскрывается обычно в понятиях и терминах словесного ударения. Так же решается вопрос и с просодией слова в латышском языке, который принадлежит к балтийской группе индоевропейских языков.

Считается, что ударение в латышском языке является динамическим и почти всегда падает на первый слог. Однако при этом в латышском языке существует фонематическое противопоставление гласных по долготе: простые гласные (помимо них имеются ещё и дифтонги) могут быть как краткими, так и долгими. Длительность долгих гласных превышает длительность кратких примерно в 2,5 раза. Причём в слогах с долгими гласными и дифтонгами сохранены также древние слоговые интонации: длительная (māte – мать), прерывистая (meita – дочь), нисходящая (roka – рука). Таким образом, просодия слова в латышском языке представляет собой весьма сложную и специфичную картину взаимодействия нескольких факторов: фактора динамической выделенности слога (как это традиционно понимается в индоевропеистике), фактора противопоставления гласных по долготе и фактора так называемой слоговой интонации.

Так обстоит дело не только в латышском языке, но и во многих других языках, в особенности таких, в которых словесное ударение квалифицируется как слабое; существует проблема расстановки ударения, а такая характеристика гласных как долгота, оказывается «занятой» фонематическим различием (так, в частности, происходит в языке хинди). В подобных языках так же, как в языках сингармонического строя (например, турецком) и языках со слоговыми тонами (например, китайском), словесное ударение оказывается проблемой со многими загадками.

Мы полагаем, что общая ориентация в лингвистике на «универсальное» понятие словесного ударения оказывается не продуктивной при описании многих языков, в том числе латышского языка, в связи с чем предлагаем новое для этого языка истолкование просодии слова: истолкование не в терминах и понятиях сло-

весного ударения, а в терминах и понятиях более широких – «просодическое устройство слова», «словесная ритмика» латышского языка.

Первой и универсальной функцией словесной просодии (ритмики) является функция конститутивная, только на её основе становятся возможными смыслоразличительные дифференциации.

Отказ от понятия «ударение» и предпочтение ему более широких понятий и терминов – «просодическое устройство слова», его «ритмика» – не означает просто замену терминов, а затрагивает само существо явления, смещает акценты при его моделировании и описании. Исследователю не надо жёстко «привязываться» к понятиям «выделенный» – «невыделенный» – «слабо выделенный» слог, а надо выяснять характеристики (артикуляторные и акустические), которые создают просодический облик слова в данной языковой системе.

Канд. филол. наук З.М.Степанова (Пенза)

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Задача данной статьи – выявить общее и особенное в структурной организации пространственных предлогов во французском и русском языках.

В плане происхождения и формальной структуры вслед за Г.А.Шигановой [5] мы выделяем три категории предлогов:

1) лексические непроизводные предлоги;
2) лексические производные предлоги;
3) фразеологические предлоги.

Далее следует краткая характеристика каждого вида предлогов во французском языке, в русском языке и в сопоставительном плане.

Лексические непроизводные предлоги

Во французском *языке* лексические непроизводные (первообразные, первичные) предлоги восходят к латинским предлогам или к их сочетаниям. По данным В.Г.Гака (2000: 426), к этой категории предлогов относится 20 лексем: *à, après, avant, avec, contre, dans, de, depuis, derrière, dès, devant, en, entre, envers, par, pour, sans, sous, sur, vers.*

Из 20 непроизводных предлогов французского языка 17 относится к пространственным предлогам. Непространственных предлогов – всего три: *dès, envers, sans* (последние не способны выражать пространственные отношения).

В русском языке по данным Г.А. Шигановой (2001) насчитывается 35 лексических непроизводных предлогов, из них 29 относятся к пространственным предлогам: *в / во 1 (кого, что), в / во 2 (ком, чём), до (кого, чего), за 1 (кого, что), за 2 (кем, чем)* и т.д. (см. полный перечень лексических непроизводных предлогов русского языка: Г.А.Шиганова 2001: 441).

Вслед за В.В. Виноградовым и рядом современных учёных предлоги с тождественным звуковым составом, но оформляющие разные падежи, мы считаем омонимичными, т.к. они внутри каждого падежа имеют свой особый круг значений (см.: В.В.Виноградов 1986: 258; Г.А.Шиганова 2001: 14).

Среди непроизводных предлогов русского языка к непространственным можно отнести лишь шесть предлогов: *без / безо (кого, чего), для (кого, чего), о / об / обо 2 (ком, чём), по (ком, чём), про (кого, что), ради (кого, чего).*

Сопоставительный анализ

1. *В обоих языках* лексические непроизводные предлоги:

– образуют небольшую и непополняющуюся группу простейших слов, состоящих из одного или нескольких звуков;

– отличаются развитой полисемией, смысловой неспециализирован-ностью;

– среди них абсолютное большинство относится к пространственным предлогам, т.е. к предлогам, способным выражать (среди прочих) пространственные отношения.

2. *В русском языке* внутри категории непроизводных предлогов существуют предлоги-омонимы, оформляющие разные падежи. *Во французском языке* такого явления не наблюдается ввиду отсутствия падежной системы. Наличие омонимичных непроизводных предлогов в русском языке объясняет значительное количественное расхождение этого вида предлогов по языкам (35 в русском, 20 во французском).

В русском языке широко распространено фонетическое варьирование непроизводных предлогов: *в / во, к / ко, из / изо, между / меж, о / об / обо, через / чрез*. *Во французском языке* фонетическому варьированию подвергается всего лишь один предлог *de*, который принимает усечённую форму *d'* перед гласным или *h немым.*

Лексические производные предлоги

Во французском языке группа лексических производных предлогов малочисленна и включает 10 предлогов, среди которых нет ни одного пространственного. Все эти предлоги являются отглагольными и совпадают по форме с причастиями настоящего и прошедшего времени некоторых глаголов:

concernant 'что касается' – от глагола *concerner* 'касаться, иметь отношение к';

vu 'ввиду' – от глагола *voir* 'видеть' и т.д.

Следует отметить, что некоторые предлоги, которые можно было бы отнести к рассматриваемой группе, вышли из употребления или употребляются в современном французском языке исключительно редко. Речь идёт о лексемах, которые были образованы путём сращения двух непроизводных предлогов: *dedans* < de + dans; *dessous* < de(s) + sous; *dessus* < de(s) + sur; *devers* < de + vers (эти лексемы-архаизмы относятся к пространственным предлогам).

Количественно небольшой состав лексических производных предлогов во французском языке определяется его структурой: являясь языком аналитическим, французский язык свободнее формирует сочетания знаменательных слов со служебными, образуя тем самым новый разряд предлогов – фразеологические.

С другой стороны, исследователи отмечают противоположную тенденцию, которая характерна для современной разговорной речи и просторечия: широкое употребление усечённых форм полных предложных оборотов типа:

de côté de > *côté* 'со стороны, в сторону': *côté façade (cour, rue)* 'со стороны фасада (двора, улицы)'; *côté public* 'в сторону публики' (в драматургических ремарках);

dans la direction de > *direction* 'в направлении к': "Il s'oriente *direction* plumard" (Queneau). – 'Он направляется к постели';

hors de > *hors* 'вне, за пределами': *hors la France (Paris, la ville)* 'за пределами Франции (Парижа, города)';

question de > *question* 'что касается' (непространственный предлог).

Нормативность таких единиц некоторыми исследователями подвергается сомнению (см.: А.Г.Тер-Авакян 1983: 70), тем не менее они довольно широко употребляются в разговорной речи (см.: Н.А.Шигаревская 1977: 97-99).

В русском языке группа лексических производных предлогов довольно многочисленна и составляет 96 единиц, которые подразделяются на три подгруппы:

1) отадвербиальные (60);

2) отсубстантивные (26);

3) отглагольные (10) (приводятся статистические данные Г.А.Шигановой).

Для нас наибольший интерес представляет наиболее многочисленная группа – отадвербиальные предлоги, т.к. они в абсолютном большинстве своём выражают пространственные отношения: *вблизи, вглубь, вдоль, внутри, внутрь, возле, вокруг, около, посреди* и мн. др.

Среди отадвербиальных предлогов можно выделить два разряда лексем:

1) предлоги, омонимичные наречиям, на базе которых они образовались, ср.:

"…они смело шли *наперекор* общему потоку – на запад" (В. Пикуль);

"Его как будто что-то дёргало идти *наперекор*" (Н. Гоголь);

2) предлоги, которые не имеют омонимов в современном языке. Такие единицы утратили связь с исходными словами, произошла полная транспозиция, т.е. осуществился полный переход наречий в предлоги, и исходные формы в русском языке перестали существовать: *близ, среди, супротив* и др.

В группах отсубстантивных (*вместо, насчёт, путём* и др.) и отглагольных (*благодаря, включая, кончая* и др.) предлогов лексемы с пространственным значением не отмечены.

Сравнительная характеристика

1. *В обоих языках* лексические производные предлоги обладают более ярко выраженной семантикой, более очевидным лексическим значением, чем непроизводные предлоги. Это объясняется наличием у предлогов сем, "унаследованных" от знаменательного слова-источника (Г.А.Шиганова 2001: 151).

2. По количественному составу группы лексических производных предлогов в сравниваемых языках неравновелики: 10 во французском и 96 в русском. Такое значительное расхождение в количестве единиц определяется структурными свойствами сравниваемых языков: аналитичностью французского и синтетичностью русского. Аналитический язык, в отличие от синтетического, неохотно производит *цельнооформленные* предложные лексемы, отдавая предпочтение *раздельнооформленным* предложным оборотам (= фразеологическим предлогам). Мы полагаем, что именно по этой причине некоторые лексические производные предлоги французского языка вышли из употребления, другие (новообразования) имеют ограниченное употребление (функционируют преимущественно в просто-

речии). Русский язык как язык синтетический свободно формирует лексические производные предлоги (наряду с фразеологическими).

Фразеологические предлоги

Фразеологический предлог – качественно новая единица по равнению с лексическим предлогом. Слова, становящиеся компонентами фразеологических предлогов, претерпевают сложнейшие семантические и грамматические преобразования.

Компонентами фразеологических предлогов могут быть только те знаменательные слова, в одном из лексико-семантических вариантов которых содержится элемент *релятивности*, который в условиях двусторонних синтаксических связей может развиться (см.: Е.Т.Черкасова 1967: 19).

По мнению Г.А.Шигановой, сущность механизма фразообразования заключается в том, что "отдельные семы из лексических значений слов-компонентов актуализируются и, взаимодействуя друг с другом, формируют новую фразеологическую семантику; остальные семы при этом погашаются, деактуализируются" (Г.А.Шиганова 2001: 46). Происходит то самое "лексико-грамматическое удвоение", о котором говорит В.В.Виноградов (1986: 560). В трёхкомпонентных моделях должно быть, происходит "утроение" смыслов.

Фразеологические предлоги образуются по определённым *моделям*.

Модель образования фразеологического предлога может быть охарактеризована с двух сторон:

1) в плане объёма, т.е. числа компонентов. С этой точки зрения модели подразделяются на двухкомпонентные, трёхкомпонентные и т.д. Например, предлог *вблизи от* образован по двухкомпонентной модели, а предлог *на пути к* – по трёхкомпонентной модели;

2) в плане компонентного состава (имеется в виду принадлежность компонентов модели к тем или иным частям речи и лекико-семантическим классам слов). Например, тот же предлог *вблизи от* образован по модели "наречие + лексический непроизводный предлог". В качестве знаменательного компонента модели выступает наречие *вблизи*, обозначающее близкое расстояние между предметом и неким ориентиром.

Во французском языке насчитывается 307 фразеологических предлогов (по данным Г.А. Тер-Авакяна – автор использует термин "составные предлоги": Г.А.Тер-Авакян 1983: 15, 229-234), из них 94 предлога выражают пространственные отношения (30,6 %).

М.Е.Разина-Сапегина, автор дипломной работы, написанной под нашим научным руководством, приводит полный список моделей, по которым образуются фразеологические предлоги французского и русского языков. По её данным, фразеологические предлоги французского языка формируются по 18 моделям, из них 10 моделей принимают участие в образовании пространственных предлогов.

О продуктивности моделей образования пространственных фразеологических предлогов французского языка можно судить по таблице № 1.

ТАБЛИЦА № 1

№п/п	Модель	Предлоги		Примеры
		К-во	%%	

1	Предлог + наречие	9	9,6	par dessus
2	Наречие + предлог	4	4,3	loin de
3	Существит. + предлог	3	3,1	retour de
4	Наречие + наречие	2	2,1	plus loin
5	Предлог + наречие + предлог	15	15,9	en dehors de
6	Предлог + прилагат. + предлог	3	3,1	à bas de
7	Предлог + существит.+ предлог	55	58,5	à la tête de
8	Предлог + инфинитив + предлог	1	1,6	à partir de
9	Предлог + предл. + прич. + предл.	1	1,6	à contre-courant de
10	Предл. + прилагат. + сущ.+ предл.	1	1,6	au beau milieu de
	Итого:	94	100	

На основании таблицы № 1 можно составить рейтинг моделей по продуктивности.

I место – модель №7: *предлог + существит. + предлог*. по этой модели образовано 58,5% пространственных фразеологических предлогов французского языка: *à destination de, à dos de, à flanc de, à fleur de, à hauteur de, à la face de, du côté de, en partance pour, sur la gauche de* etc.;

II место – модель №5: *предлог + наречие + предлог* (15,9%): *au dedans de, au dehors de, au delà de, au dessus de, au dessous de, en dedans de* etc.;

III место – модель №1: *предлог + наречие* (9,6%): *de dedans, de dessus, de dessous, par dehors* etc.

Первые два места занимают трёхкомпонентные модели, в состав которых входят два лексических непроизводных предлога и – между ними – знаменательное слово (существительное или наречие).

Следует отметить, что во французском языке среди фразеологических предлогов имеются так называются третичные предлоги (термины "первичный, вторичный, третичный предлог" используются Ю.С. Степановым – 1965: 41).

Соотношение первичных, вторичных и третичных предлогов представлено в таблице № 2.

ТАБЛИЦА № 2

Первичный предлог	Вторичный предлог (ныне устаревший)	Третичный предлог
dans	dedans	Au dedans de (en dedans de), de dedans
sur	dessus	Au dessus de de dessus, par dessus
sous	dessous	Au dessous de (en dessous de), de dessous, par dessous

В русском языке насчитывается 462 фразеологических предлога (по данным Г.А. Шигановой 2001), из них 118 предлогов выражают пространственные отношения (25,5%).

Фразеологические предлоги русского языка образуются по 17 моделям, из них шесть участвуют в формировании пространственных предлогов.

Модели образования пространственных предлогов русского языка и степень их продуктивности представлены в таблице № 3.

ТАБЛИЦА № 3

№п/п	Модель	Предлоги		Примеры
		К-во	%%	
1	Предлог + существит.	74	62,7	под боком
2	Наречие + предлог	23	19,5	вдалеке от
3	Деепричастие + предлог	2	1,7	начиная от
4	Предлог + существит. + предлог	14	11,9	на пути в
5	Деепричастие + предлог+ предлог	4	3,4	начиная от…до
6	Деепричастие + предл.+ наречие + предлог	1	0,8	начиная с… вплоть до
	Итого:	118	100	

Рейтинг моделей по продуктивности:

I место – модель № 1: *предлог + существит.* (62,7%): *в глубине, в границах, в зоне, в кругу, вне пределов, за спиной, под завесой* и др;

II место – модель № 2: *наречие + предлог* (19,5%): *вблизи от, вверх по, вдоль по, навстречу к, направо от, рядом с* и др.;

III место – модель №4: *предлог + существит. + предлог* (11,9%): *в сторону от, в уровень с, на пути к, по направлению к* и др.

Первые два места занимают двухкомпонентные модели, в состав которых входят один непроизводный предлог и одно знаменательное слово (существительное или наречие).

Сопоставительный анализ

1. *В обоих языках* фразеологические предлоги представляют собой количественно широкий класс, насчитывающий несколько сот единиц.

Класс фразеологических предлогов – наиболее новый по образованию, и он продолжает пополняться новообразованиями в обоих языках.

Активный количественный рост таких конструкций вызван как экстралингвистическими причинами, так и собственно языковыми. К внеязыковым факторам следует отнести, прежде всего, общественную потребность в точных и специализированных средствах выражения отношений: фразеологические предлоги обладают широкими возможностями выражения различных оттенков значений в силу специфики своей структурной организации. К языковым факторам относится "перегруженность" значениями лексических непроизводных предлогов и их неспособность дифференцировать весьма усложнившиеся отношения, в т.ч. в сфере пространственности.

Большое число русских фразеологических предлогов свидетельствует о неуклонном росте аналитических предложных конструкций, т.е. аналитических тенденций в современном русском языке.

В состав наиболее продуктивных моделей образования пространственных предлогов в обоих языках входят имена существительные, наречия и лексические непроизводные предлоги. Знаменательные слова сохраняют в составе релятивного фразеологизма сему 'пространственности' и усиливают сему 'отношения'.

2. В плане расхождений между языками следует отметить, что наиболее продуктивными для французского и русского языков являются соответственно трёх- и двухкомпонентные модели. Высокая продуктивность трёхкомпонентной модели "предлог + существит. + предлог" во французском языке, в отличие от русского языка, где наиболее продуктивна двухкомпонентная модель "предлог + существит.", связана с аналитичностью французского языка, где предлог способен выполнять падежную функцию, т.е. сближается с флексией падежа, ср.:

во главе – à la tête de; в середине – au milieu de; на уровне – au niveau de.

С аналитизмом связано также наличие во французском языке "третичных" предлогов, образованных на базе "вторичных", которые вышли из употребления и функционируют в современном языке только как наречия.

Таким образом, данное исследование выявило определённые сходства и расхождения в структурной организации пространственных предлогов в двух языках. Отмеченные сходства объясняются, очевидно, универсальностью категории предлога, тогда как расхождения связаны с разноструктурностью рассматриваемых языков.

Цитируемая литература:

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986.– 640 с.

2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: – М.: Добросвет, 2000.–832 с.

3. Степанов Ю.С. Структура французского языка. Морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи. – М.: Высшая школа, 1965. – 181с.

4. Тер-Авакян Г.А. Значение и употребление предлогов во французском языке: Пособие по грамматике для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1983. – 240 с.

5. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967.– 280с.

6. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография.– Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001.– 454 с.

7. Шигаревская Н.А. Новое в современном французском синтаксисе: Пособие для учителей франц. яз. – М.: Просвещение, 1977.– 104 с.

Соискатель Е.Г.Стешина (Пенза)

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО / WEALTH» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ СОЗНАНИИ

В настоящее время успешно развивается такое направление лингвистики, как *когнитивная лингвистика*. Что касается собственно когнитивной лингвистики, то «наличие различных подходов и направлений исследования привело к тому, что когнитивная лингвистика сегодня не имеет единого определения. Когнитивными называют уже в принципе любые исследования, в которых языковые явления свя-

зываются с деятельностью человеческого мозга. Однако в каждом конкретном случае исследуются разные аспекты этого взаимодействия» (Н.Н.Болдырев 2001: 15).

Е.С.Кубряковой проведено обширное исследование роли языка при изучении когнитивного мира человека. В ее работе показывается, что «анализ познавательных процессов, анализ истинного или же ложного знания и методов его получения и т.п. – все это давно проводилось под эгидой философии и логики. Достаточно вспомнить в этой связи, с одной стороны, о теории познания с ее глубокими традициями, а, с другой, о так называемой философии сознания, ключевым понятием которой, кстати говоря, тоже является понятие сознания, духа, интеллекта, разума – mind... Сегодня прослеживается яркая тенденция сблизить исследование когниции с изучением языка, что не превращает, однако, ни когнитивную науку в науку только о языке, ни лингвистику в науку о знании... На долю лингвиста выпадает строить предположения не только о том, какая система собственно лингвистических форм стоит за речемыслительной деятельностью, но и о том, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание. Про эту ипостась языка и говорят, что она позволяет доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания...» (Е.С.Кубрякова 1994: 36-37).

Когнитивная лингвистика нацелена на описание, моделирование содержания исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы (групповой, национальной) концептосферы, путем выявления максимально полного состава языковых средств, репрезентирующих этот концепт, и максимально полного описания их семантики. Предметом когнитивной лингвистики является исследование языковых средств (слов, словосочетаний, текстов), объективирующих в языке и речи определенные концепты. Когнитивная лингвистика широко обсуждает категорию концептосферы человека – области знаний, составленной из концептов как ее единиц (З.Д.Попова, И.А.Стернин 2003: 93).

Основной категорией когнитивной лингвистики является понятие «концепт». Одно из первых определений концепта дано в 1928 году в известной работе С.А.Аскольдова-Алексеева: «...мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода … Концепты – это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» (С.А.Аскольдов 1997: 269, 272).

В.И. Карасик считает, что основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны (В.И. Карасик 1996: 132).

З.Д.Попова и И.А.Стернин понимают концепт, как когнитивную единицу «…из признания того факта, что человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в ходе мышления. Мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания» (З.Д. Попова, И.А. Стернин 2000: 3).

С.Г.Воркачев и Г.В.Кусов полагают, что существует «когнитивная память слова» – смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным

предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка (С.Г.Воркачев, Г.В.Кусов 2000: 90).

Этносемантическое ядро концепта «богатство» в русском языке или вообще в индоевропейских языках складывалось постепенно под влиянием этногенеза социальных отношений.

М.М.Маковский в своих исследованиях говорит, что понятие «богатый» в языческом сознании отличалось от современного. Под «богатством» понималось прежде всего «витальное богатство», в частности Человек-Микрокосм: ср. *др.-англ.* rinc «человек». Богатство в древнем осмыслении - это то, что в санскрите называли «атман»: речь идет прежде всего о божественном творении, о создании пространства, огня, воды, земли, травы, пищи, о создании света, звука, жизни и смерти - все родилось из Неуничтожимого и возвращается к нему же. К богатству относили животворящий огонь… Имущество сопоставлялось с божественной силой Огня с животворными и поддерживающими жизнь водами, выпадающим с неба дождем (М.М. Маковский 1999: 303).

Интересно проанализировать, как семантическое наполнение концепта «богатство» в современном понимании сближается с древним понятием.

Сравнительная характеристика концепта «богатство» в сфере символических понятий, позволяет выявить ряд закономерностей в рамках отдельно взятого слова и воссоздать функционирующую языковую картину мира через мир ассоциативных образов. Поэтому для определения, насколько близко этимологическое наполнение концепта «богатство» сочетается с современным представлением «богатства» использовался свободный ассоциативный эксперимент. Применение свободного ассоциативного эксперимента объясняется и тем фактом, что концепт тесно связан с ассоциативным пространством или полем имени, проявляясь в нём. Эксперимент проводился среди английских и русских участников в апреле 2006 года.

Мы находим необходимым представить блок ассоциаций на предъявленное слово-стимул «wealth», полученных нами в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента на материале английского языка.

Wealth shallow materialism, rich (4), money(13), work, luxurious lifestyle, good health and prosperity, opulence (3), wise, Hollywood, worriless, opulent, happy (3), hard work, happiness (2), gold, success (2), excess (2), got plenty of money, security, blind, cash, contentment, comfort (3), food, clothes, abundance, dream, money man, warmth, lucre, riches (3), prosperity, America

Среди наиболее частотных реакций ассоциативного поля слова-стимула *wealth* обнаружены реакции: money – 21,6%, rich – 6%, riches, opulence, comfort – 5%, happiness, success, excess – 5%.

В английском сознании ядерным признаком ассоциативного поля стимула *wealth* признается признак *наличия денежных средств* (money, got plenty of money, cash, money man) и составляет 27%. Английская нация мыслит материально: деньги – основа благосостояния.

В английском языковом сознании в базовый слой ассоциативного поля стимула *wealth* входят следующие когнитивные признаки: *богатство - состояние изобилия* (rich, opulence, luxurious, lifestyle, opulent, abundance, prosperity, riches) –

18 %, *состояние счастья и удовольствия* (good health and prosperity, happy, happiness, success, contentment, comfort, warmth, security, dream) – 25%. В английском сознании такие признаки как: *для достижения богатства надо много работать* (work, hard work) – 3%, Америка (America, Hollywood) – 3%, *богатство вызывает отрицательные эмоции* (lucre, excess, shallow materialism, blind, worriless) – 10%, *еда и одежда* (food, clothes) – 3% - являются когнитивными признаками ближней периферии.

Этимологический словарь английского языка on-line дает следующие сведения о развитии лексемы wealth:

Wealth – «happiness», «prosperity in abundance of possessions of riches» from M.E. *wele* «well-being». (see weal(1)).

Weal (1) – «well-being», O.E. *wela* «wealth», in late O.E. also «welfare, well-being», from W.Gmc. *welon*, from PIE base *wel-* «to wish, will» (see will (v.)). Related to well (adv.) (Этимологический словарь английского языка.)

Таким образом, процесс образования исследуемого концепта предлагается представить в виде цепочки последовательных превращений понятия: *wel-* «to wish, to will, well» > *wela* – «weal, welfare, well-being» > *wele* – «well-being» > «happiness» .

Анализ этимологических данных приводит к следующим выводам:

1. Первоначальное значение исследуемого концепта – надеяться, желать, хотеть.

2. В ходе эволюции понятия «*wel-* to will, to wish» превращается в «*wela* – weal, welfare, well-being», т.е. нечто уже обязательно определенное, и исключительное по важности – благосостояние, счастье.

3. И, наконец, основное значение лексемы wealth – «*wele* –well-being» – (материальное) благосостояние, достаток, «happiness» – счастье.

Можно сказать, что, основное значение богатство – *благополучие, счастье* актуально для современного английского сознания и по результатам свободного ассоциативного эксперимента соответствует базовым когнитивным признакам с достаточно высоким рейтингом *богатство - состояние изобилия* (18%), богатство – *состояние счастья и удовольствия* (25%). Значение «желать, хотеть» стерлось в дефинициях исследуемого понятия с течением времени, но подсознательно к богатству стремятся, его хотят и желают.

В результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента на материале русского языка в таблице представлен банк полученных ассоциаций на слово-стимул «богатство».

Богатство	Удача(3), роскошь(13), достаток средств(2), пузатый дядька, жадность, хорошо, фортуна, презрение, доллары, много денег (3), средства, все, счастье (4), бриллианты (2), драгоценности, деньги (7), золото (4), радость, успех, дом, власть (2), счастливый, девушка, бедность, бумага, энергия, высокое положение, стремление многих, сказочное

В составе ассоциативного поля слова-стимула *богатство* наиболее частотными являются следующие реакции: роскошь – 21,6%, деньги – 11,7%, удача, много денег – 5%, счастье, золото – 6,6%, бриллианты, достаток средств, власть – 3,3%.

В содержании ассоциативного поля стимула *богатство* когнитивный признак *наличие внешнего великолепия (роскошь, сказочное, бриллианты, драгоценности, золото)* является ядерным (35%). Очевидно, для русского народа богатство заключается в наличии внешнего великолепия, роскоши и красоты.

Базовый слой ассоциативного поля стимула *богатство* представлен такими когнитивными признаками как: *наличие материальных средств* (деньги, достаток средств, доллары, много денег, средства) – 23%, *состояние радости* (радость, счастье, счастливый, энергия) – 11,6% и *богатство предполагает состояние успешности* (удача, фортуна, успех) – 8%. Периферия представлена следующим образом: *богатство – это власть* (власть, высокое положение) – 5%, *богатство вызывает негативное отношение* (презрение, бумага, пузатый дядька, жадность) – 6,6%.

В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера отмечается, что богатство произошло от *bogъ* – «бог» или *bogъ* – «достояние, доля» (М.Фасмер 1964: 47).

В этимологическом словаре русского языка Н.М. Шанского говорится, что «богатый» – общеслав. суф. производное от *–богъ* «богатство, имущество, доля». Структурно точно соответствует лат. «*fortunatus*» - богатый (от fortuna «богатство, счастье, судьба»). см. фортуна, убогий. Таким образом, богатый имеет несколько составляющих: богъ, фортуна, убогий.

Бог – исходное значение – дающий, оделяющий господин; доля, счастье, богатство. Религиозное же значение является вторичным.

В свою очередь, *фортуна* – заимствованное слово в Петровскую эпоху из латинского языка, где «*fortuna*» – судьба, богиня судьбы – суф. производное от «*fors*» – случай, неожиданность, *фортуна* буквально – «ниспосланное Богом».

Убогий – общеславянская местоименная форма прилагательного «*убогъ»*, префиксальное производное (у=не) от утраченного «*богъ*» – «богатство», в результате убогъ = небог > «бедный». Исходно – «лишенный богатства» (Н.М. Шанский, Т.А. Боброва 1994: 34).

Отсюда очевидна ценность диахронического рисунка слова «богатство», который позволяет увидеть первичные понятийные признаки, лежащие в основе концепта. Такие наблюдения над происхождением исследуемого концепта подтверждают особую роль описываемого концепта для мысли о человеке и мире.

Можно выделить следующие первичные понятийные признаки:

1. Богатство изначально соотносилось с понятием «достояние, состояние, доля, дающий».

2. Богатство структурно соответствует латинскому слову «fortunatus» и имеет такие дефиниции, как счастье, судьба.

3. Богатству противопоставляется бедность.

История развития слова «богатство» позволяет сравнить, насколько первичные понятийные признаки исследуемого концепта сохранились в современном сознании русской нации, и насколько эволюция его доминантных признаков определяет российское сознание наших дней. По результатам свободного ассоциативного эксперимента видно, что сохранились следующие первичные признаки: «достояние, состояние, счастье, судьба». Так, все три когнитивных признака: *наличие материальных средств* – 23%, *состояние радости* – 11,6% и *богатство предпо-*

лагает состояние успешности – 8% принадлежат базовому слою исследуемого концепта. Но первичный признак «доля, дающий» исчез из сознания с течением времени, он находится на периферии концепта «богатство» и составляет невысокий рейтинг 6,6%. Отмечается также, что русское сознание современности не определяет богатство через бедность. Следовательно, амбивалентные понятия «богатство/бедность» рассматриваются сознанием самостоятельно и изолированно.

В заключение хочется отметить то, что объединяет оба концепта в русском и английском сознании – их принадлежность к божеству. В исследованиях М.М. Маковского говорится, что «богатство в древности часто уравнивалось с Божеством: ср. в этой связи лат. rex «царь» (> «Бог»). Типологически ср. *русск.* «Бог», но «богатый»; *англ.* god «Бог», но goods «товар, богатство» (М.М. Маковский 1996: 28).

Можно сделать вывод, что концепты «богатство/wealth» в ходе эволюции частично сохранили первичные понятийные признаки, которые актуальны для сознания русской и английской нации в наши дни.

Цитируемая литература:

Аскольдов С.А. Концепт и слово. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – с. 267-379.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.

Воркачев С.Г., Кусов Г.В. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память. - Воронеж: изд-во ВГТУ, 2000. – с. 90-102.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – с. 3-16.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4. – с. 34-47.

Маковский М.М. Историко-этимологический словарь английского языка. – М.: Издательский дом «Диалог», 1999. – 416с.

Маковский М.М. Язык-миф-культура: символы жизни и жизнь символов. – М., 1996. – 329с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 192 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. и с предисл. Б.А.Ларина. – Т.1. – М.: Прогресс, 1964. – 562 с.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 400с.

Этимологический словарь английского языка. http://www.etymonline.com/index.php?search=wealth&searchmode=none

Докт. филол. наук Т.Ю.Тамерьян (Владикавказ)

ЭТАПЫ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ИНДИВИДА

Построение глобальной картины мира дву/многоязычным индивидом происходит в процессе освоения иноязычных картин мира. Основная проблема заключается в условиях усвоения $Я_2$ или ИЯ, которые определяют сценарий развития речемыслительных навыков. Если ИЯ изучается преимущественно в учебных условиях, то родной и второй языки, имеющие одинаковый статус, усваиваются не только в естественном окружении, но так же изучаются в системе школьных и вузовских учреждений. Поскольку обучение иностранному языку осуществляется на втором языке (русском), то для полного понимания нередко привлекается еще родной (осетинский) язык.

Сразу же оговорим принятые в статье сокращения: ЯЛ – языковая личность, РЯ – родной язык, ИЯ – иностранный язык, $Я_2$ – второй язык.

Необходимо особо отметить большую функциональную активность русского языка в общественно-политической, экономической и сфере образования. В среде иммигрантов второй язык также доминирует. Таким образом, учет различных психолингвистических механизмов усвоения языков представляет несомненную важность для моделирования условий искусственного билингвизма, что и обусловливает дифференцированный подход к двуязычию. Дальнейшее моделирование условий многоязычия должно осуществляться с учетом поступательной интеграции иностранного языка (при опоре на второй и родной языки) в процесс познания окружающего мира.

По замечанию А.А.Леонтьева, «индивид содержит в себе все предпосылки для своего дальнейшего языкового развития, и общество выступает для него исключительно как социальная среда, обуславливающая это развития, но не являющееся его причиной» [Леонтьев 1969:88].

Становление би/полилингвальной личности осуществляется на фоне культурного, социального и исторического контекста. Формирование лингвокультурных составляющих ЯЛ происходит на основе двух и более языковых систем. За исключением некоторых случаев сбалансированного дву/многоязычия, этот процесс несинхронен, а формирование компетенций на одном языке (родном/первом), как правило, опережает аналогичные процессы на другом, протекающие по иной схеме.

Языковой контакт, происходящий на вербально-семантическом (лексическом) уровне без интеграции этнокультурной составляющей, может привести к «креолизации» языков или возникновению так называемых «пиджинов» как коллективного явления.

В то же время семилингвизм имеет место тогда, когда оба языка не получают достаточную когнитивную и социокультурную базу для формирования компетенции на двух языках, соответствующих возрастным нормам, а это может привести к отставанию в развитии других видов компетенций, определяющих становление языковой личности (ЯЛ). Феномен семилингвизма наблюдается среди детей эмигрантов, оторванных от нативной культуры, когда информация, поступающая через второй язык превышает достигнутый ими уровень лингвокогнитивного развития.

В процессе формирования лингвокогнитивного уровня дву/многоязычной личности выстраивается упорядоченная система, «в какой-то мере отражающая структуру мира» [Караулов 1987]. Помимо факторов, обусловленных индивидуальными и возрастными особенностями восприятия и построения картин мира, в данном случае релевантны межнациональные и межкультурные особенности их трактовки разными социо-лингво-культурными сообществами.

Анализ поуровневого развития ЯЛ является индикатором общего речемыслительного и когнитивного развития индивида. В то время как сравнение словарного запаса на РЯ, $Я_2$ и ИЯ отражает возможные направления языкового взаимодействия. Формирующаяся компетенция характеризуется состоянием функциональной зависимости, которая опирается на общий уровень когнитивного развития. На последующих этапах разворачивания речевой способности на иностранном языке языковая компетенция позволяет решать более сложные коммуникативные и когнитивные задачи. Таким образом, «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы», когда устанавливается иерархия смыслов и ценностей в картине мира и ее тезарусе [Караулов 1987].

Если начальный этап развития поликультурной ЯЛ отмечен формированием внутренней речи на втором/иностранном языке, то последующее ее развитие приводит к становлению модальности в языковой деятельности индивида.

Освоение родного языка и изучение иностранного происходит по разным сценариям, в соответствии с которыми осуществляется концептуальное построение картины мира в языковом сознании билингва. В основе этих процессов лежат различные психолингвистические механизмы, связанные с естественным речевым онтогенезом и дидактическим управляемым процессом обучения.

Как подчеркивал Л.В.Щерба, задачи обучения иностранному языку заключаются не в усвоении науки о языке как таковом, а в овладении некой деятельностью, являющейся функцией одного или другого человеческого коллектива (что в этой же мере отражает сущность овладения родным языком). Впрочем, независимо от способа усвоения, язык является основным средством и посредником в социализации каждого человеческого индивида [Щерба 1974]. Таким образом, только начальные условия овладения/ обучения языку обусловливают способ усвоения речемыслительных навыков.

Вопрос о том, при каких условиях двуязычная среда (ситуация обучения) оказывают позитивный эффект на речемыслительное и когнитивное развитие индивида, остается открытым. Теория порогового уровня (the Threshold Theory) концентрируется вокруг поиска определенного момента, с которого начинается позитивное влияние билингвизма на когнитивные способности индивида. Это происходит по мере достижения определенного уровня (порога) развития, когда двуязычным ребенком достигается достаточная компетенция на первом языке. Предполагается существование двух пороговых уровней – нижнего и верхнего. По достижению нижнего уровня минимизируется негативные воздействия двуязычия, по достижению верхнего – открывается его позитивное воздействие. По мнению Дж.Камминса, первый порог достигается, когда устное речевое развитие на родном языке беспрепятственно продолжается одновременно с изучением второ-

го/иностранного, достижение же второго порога связывается с развитием навыков чтения [Cummins 1992].

Исследуя функциональное взаимодействие между языками в процессе формирования билингвальной личности, Дж.Камминс выводит гипотезу взаимозависимости (Independence Hypothesis), согласно которой уровень компетенции на втором языке в значительной мере зависит от степени развития речевой способности на первом языке (там же). Так, на раннем этапе обучение происходит с опорой на родной язык, а интеграция второго языка осуществляется тогда, когда мыслительные и речевые навыки обучаемого достигают достаточного уровня развития.

Таким образом, в круг исследуемых вопросов, связанных с гипотезой взаимозависимости языков, входит практическое обучение двуязычию, его влияние на речемыслительный онтогенез индивида, в том числе формирование билингвальной личности в условиях искусственного билингвизма.

Цитируемая литература:

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Cummins J. Bilingualism and Second Language Learning//Annual Review of Applied Linguistics. Vol.13. 1992.

Канд. филол. наук В.В.Шмелькова (Пенза)

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЗМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Лексика любого языка более, чем другие уровни, реагирует на исторические изменения общественно-политического и культурного характера в жизни народа – носителя этого языка. Многочисленные изменения в русском словаре конца XX – начала XXI века еще раз подтвердили тезис о том, что неспокойные, «рубежные» эпохи в жизни народа сопровождаются активными процессами в лексической системе.

Среди активных процессов в лексике русского языка конца XX века (архаизация советизмов, жаргонизация литературной речи, усиление процессов заимствования иноязычных слов и др.) следует обратить внимание на процесс лексической деархаизации – возвращения в активное речевое употребление устаревших (в той или иной степени) слов.

Октябрьская революция 1917 года, будучи переломным этапом в русской истории, оказала огромное влияние и на язык, а архаизация оказалась одним из самых характерных процессов эпохи. «Понятно, что первые годы революции, годы борьбы со свергнутыми классами и укрепление советского строя, – писал С.И.Ожегов – характеризуются массовым устранением, переходом в пассивный запас лексики, связанной со старым государственным строем и буржуазным бытом» (С.И.Ожегов Лексика. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. С. 32).

Достаточно большую группу слов в советское время составляли относительные историзмы, т.е. слова, которые стали историзмами по отношению к советской действительности, но продолжавшие оставаться актуальными в жизни капиталистических стран (рента, предприниматель, коммерсант и др.). З.Ф.Белянская называет подобные слова «лексикой двойной социальной соотнесенности» (З.Ф.Белянская. Устаревшая лексика современного русского языка (Историзмы). АКД. – Л., 1978. С. 16).

Относительные историзмы нельзя считать в полной мере архаичной лексикой. Эти лексемы и в советское время стояли на грани активного и пассивного словаря, однако в советское время они ассоциировались (по отношению к российской жизни) с дореволюционным временем, а в словарях неизменно сопровождались пометами исторического, временного характера (В дореволюционной России, в России до революции 1917 года, в царской России и т.п.).

Большинство слов среди относительных историзмов тематически относятся к сфере экономики, политики, банковского и судебного дела (акциз, банкрот, биржа, магнат, оппозиция, присяжные торги и т.д.).

В конце XX века эта лексика вернулась с периферии русского языкового сознания и обозначает реалии, соотносимые с действительностью этого времени. В наше время эти слова перестали быть историзмами и по отношению к российской действительности.

Канд. филол. наук Е.В.Шустрова (Екатеринбург)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ЧЕРНОГО» И «БЕЛОГО» ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА

Наличие комплекса экстралингвистических и языковых причин приводит к возникновению или угасанию определенных языковых, стилистических и концептуальных составляющих в художественной картине мира того или иного народа. История афроамериканской диаспоры в США, попытки сохранить определенные африканские обычаи, с одной стороны, и необходимость следовать европейской модели поведения, в том числе и речевого, с другой стороны, привели к объединению в афроамериканским дискурсе белых и черных элементов, представленных как на уровне языка, так и на когнитивном уровне. Эта тенденция находит отражение и в афроамериканской литературе, как одной из форм дискурса.

На основе системного сопоставительного анализа, проводившегося в синхронии и диахронии, можно утверждать, что основные различия афроамериканского и белого дискурса базируются на: определении места человека по отношению к космосу, Богу и обществу; сохранении первоначального мифа и системы ценностей, объединяющих общество, в афроамериканской диаспоре и их радикальное преобразование в культуре Запада; различном понимании роли и смысла творчества; разном историческом фоне; диаметрально противоположном отношении к первобытным ритуальным обрядам.

В афроамериканской художественной картине мира находит отражение особая система религиозных верований, сложившаяся на базе языческих африканских и христианских обрядов и заповедей. В частности, для нее характерно по-

клонение единому Высшему Слову, наличие ряда богов-посредников, призванных истолковать божье слово, присутствие в этой системе природных (зооморфных) явлений и существ, отсутствие прямого упоминания о Боге-Отце – как элементы переноса в христианство определенных черт африканских религий, с одной стороны, и одновременное почитание Святой Троицы, с другой; смешение Ветхого и Нового Заветов; слияние образов Моисея и Христа в единый образ бога-посредника. Одним из ведущих образов, унаследованных из африканских религий, остается бог-посредник Езу (или Езу-Элегбара), который в афроамериканском фольклоре часто заменяется образом Обезьяны-Оракула или Насмешника (*Signifying Monkey*).

В афроамериканской художественной картине мира находит отражение традиция особого намека (*signifyin'*) – неотъемлемая черта афроамериканской языковой культуры, которая может рассматриваться как ритуальное речевое поведение, имеющее целью передачу скрытого смысла, и как особая концептуальная метафора.

Афроамериканский дискурс формируется под влиянием принципа соблюдения афроамериканской устной традиции, основанной на вере в магическую силу слова, предписывающую необходимость кодирования информации, использование в определенных ситуациях повседневного общения высокопарной речи и сложных аллегорий. Как следствие, изменение семантики лексических единиц стандартного американского английского; широкое развитие процессов метафоризации, энантиосемии, смещения коннотативных компонентов стандартных лексических значений английских слов; кодирование информации на уровне текста.

Канд. филол. наук И.Ф.Янушкевич (Волгоград)

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Наша попытка описания процесса формирования языкового сознания личности в раннесредневековую эпоху опирается на тезис Е.Ф.Тарасова о том, что языковое сознание может быть исследовано только как продукт прошедшей, бывшей деятельности, а не в момент протекания процессов, его реализующих (Тарасов, 1997). В связи с этим раннесредневековый текст представляется весьма подходящим материалом для изучения языкового сознания англоязычной личности. Как известно, сознание как форма отражения реального мира (картины мира) концептуализируется в языке, поэтому языковая картина мира «обозначает мир в зеркале языка» (Красных, 2001) и может быть определена как «совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» (Маслова, 2001). С этой точки зрения нами рассмотрены тексты законов англосаксонских королей в период с 6 по 9 века, во время перехода от общинного к феодальному строю.

Так называемые законы кентских королей (Этельберта, Хлодгера, Эадрика и Уитреда 6-7 веков) представляют собой тарифы на штрафы за разные преступления, из них почти 60% приходится на наказания за членовредительство и только по одной статье – за порчу церковного имущества и за нарушение границ частного домовладения. Анализ языковых особенностей позволяет выделить лексиче-

ские единицы, репрезентирующие действия, подпадающие под наказание (do *lyswe* (evil), steal, slay, do *wegreaf* (robbery), make *feahfang* (fighting), strike off, pierce, mutilate, strike out, injure, break, stab, disfigure, strike on with a fist, give a bruise, wound, destroy, cut off, carry off by force и др.), и виды наказаний в форме денежных компенсаций, выраженных в шиллингах: *bot* (for an injury or wrong), *drihtinbeah* (to the lord for killing a freeman), *leodgeld* (value of a man's life), *wite* (money or food to sustenance of King or his officers), *fedesl* (feeding), *wergeld* (to the kin for slaying a man) и т.д.). В целом содержание законов 6 века указывает на антропоцентричность мира англосаксов: основное наказание налагалось за преступления против личности; это свидетельствует о том, что человек ценился более имущества. Общинный строй смещал фокус ценности к человеку, так как земля и прочее имущество пока не представляли личной ценности (они были общие) и не были объектом права. В слабо иерархизированном сообществе даже предметы роскоши обладали коннотацией общедоступной ценности, переходя от вождя к воинам-дружинникам (дарение колец и под.). С ростом феодальных отношений фокус ценности смещается к предметам, обладание которыми начинает соотноситься с социальным статусом их владельца.

К концу 9 века в законах короля Альфреда Великого усиливается централизация власти короля и церкви, их слово считается неопровержимым (incontrovertible), их показания не требуют клятвы. В законах возрастает число статей, регулирующих наказания за материальный ущерб (бывшее общинное имущество обретает хозяина), а также усложняется и детализируется процедура судопроизводства. Появляются лексические единицы, репрезентирующие новые явления реального мира (oath; *canne* – asseveration; prison; *wed* – pledge; *aewda-man* – witness; *aewdas* – proof; warranty; forfeit; excommunication; outlawry и т.д.). Эти особенности свидетельствуют об изменении языковой картины мира и, следовательно, об изменении языкового сознания личности эпохи раннеанглийского средневековья.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

Канд. пед. наук А.А.Абдулфанова (Калуга)

НАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ И МЕТАЯЗЫК ЛИНГВИСТИКИ

Стиль научного мышления выражается в соответствующем метаязыке исследования. В 70-е годы XX века был осознан принцип социокультурной детерминации лингвистического познания. Он повлиял на логико-методологические параметры исследования, вошел в структуру лингвистического знания, способствовал формированию нового метаязыка. Рассмотрим это на материале словообразовательного словаря А. Н. Тихонова.

Социальное происхождение знания об образовании слова, социальная распределенность знания выражаются стилистической разнородностью лексики, представленной комплексно, в словообразовательном гнезде. Это естественное объединение единиц, исходящее из объективных законов языка: неизменности корневой морфемы слова; постоянства, воспроизводимости, повторяемости служебных морфем.

Комплексность единиц описания языка позволяет выявить общее, универсальное, типовое. На этом фоне эффективнее осознается единичное, индивидуальное, специфическое. Научное мышление реализует свою дихотомию. Такие элементарные единицы, как производящая основа и формант, оказываются сразу в нескольких контекстах: 1) внутрисловном, 2) словообразовательной паре, 3) цепи, 4) парадигме, 5) гнезде, 6) типовой парадигме, 7) словообразовательном типе. В гнезде систематизируются парадигмы и цепи. Затем гнездо – целое по принципу холизма вводит их в новые комплексные единицы: типовые парадигмы, словообразовательные типы.

Базовая логико-семантическая операция содержит бинарную оппозицию, экономный способ мышления. Это образование слова путем соединения производящей основы со словообразовательным формантом. Поскольку словообразовательное значение производного мотивировано семантически и структурно, лингвистическое знание приобретает объяснительный характер. Целостность словообразовательной пары как базовой операциональной единицы основана на двух видах связи: корреляции и семантической. В языковом сознании данная целостность закрепляется в двух образах (звуковом, графическом) посредством психолингвистических механизмов – фонологического слуха и динамического стереотипа письменной речи. Таким образом, в основании словообразовательной модели как идеального инварианта и стереотипа языкового сознания лежит субстрат из логического, семантического, структурного, звукового, графического.

В словообразовательной цепи наследуется такое социокультурное априори, как историческое время. Последовательная производность выражает исторически обусловленный порядок словообразовательных операций. Способом выражения мировоззренческого знания является позиция производного.

Научное мышление автора словаря базируется на разных парадигмах знания: исторической, эволюционной, структурно-семантической, функциональной. Это позволяет задать словарю любую операцию.

Мировоззренческое знание о степени освоенности человеком явления, обозначенного исходным словом гнезда, выражено посредством количества словообразовательных парадигм, ступеней словообразования, словообразовательного потенциала производящего.

Метаязык семиотически разнообразно категоризует научную информацию, организует когнитивное пространство словаря. Его формами являются вертикальная и горизонтальная плоскости гнезда, позиция производного, неизменность или повторяемость/частотность явления, его количественные показатели.

Словарь открыт для новых слов. Знание способно к саморазвитию, поскольку мышление автора воспроизводит собственные пути эволюции словообразования, логику языка как его внутреннюю необходимость. Метаязык делает проницаемым непреходящий характер времени: его движение от прошлого к настоящему и будущему.

Докт. филол. наук Н.Ф. Алефиренко (Белгород)

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ПОЗНАНИЯ В СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМ И КОГНИТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта, поддержанного грантом Белгородского государственного университета (2007 г).

Обозначенная проблема для языкознания не нова. Увлечение когнитивной семантикой на рубеже XX–XXI веков иногда сознательно или подсознательно связывается с представлением о том, что системно-структурные аспекты лингвистического анализа исчерпали свой эвристический потенциал. Такому пониманию, как ошибочному, противопоставляется убеждение А.В. Бондарко в том, что развитие когнитивной семантики не только не противоречит, но, наоборот, предполагает системно-структурный подход. Их совместимость допустима и с точки зрения описания средств формального выражения языковых значений, и с точки зрения системного моделирования семантических категорий языка и речи (единиц языка, высказывания и даже целого текста). Нет сомнения в том, что речь должна идти о системно-когнитивном исследовании языковой семантики. Вместе с тем это не значит, что при этом допускается возможность простого объединения семантики системно-структурной и семантики когнитивной. Этому противостоит отсутствие у них единого принципа. Системно-структурная семантика исследует содержание слова с позиции объекта (логический подход), а когнитивная семантика – с позиции субъекта (антропоцентрический подход). Однако для комплексного и корректного рассмотрения проблемы синергетики сопряженного кодирования информации языковыми и мыслительными средствами этого явно недостаточно. Собственно проблема состоит в том, что наши знания обычно не поддаются эксплицитной языковой и логической репрезентации. Ее сложность задана на нейрологическом уровне, поскольку образная информация сохраняется в правом

полушарии коры головного мозга в виде зрительных образов, а мыслительная (понятийная) информация – в левом полушарии в виде сигнификатов линейно упорядоченных вербальных единиц (Б.М.Величковский). Ясно, что знания обоих типов не существуют изолированно, информация при необходимости перебрасывается с одного полушария в другое, она постоянно сверяется, коррелируется. Чрезвычайно важно понять, при помощи сопряжения каких мыслительных и языковых механизмов возникает та неуловимая синергетика слова, которая позволяет ему быть не только средством передачи, но и средством формирования и выражения мысли. Полагаю, что решение данной задачи нуждается в особом подходе – когнитивно-семиологическом, опирающемся на синтетико-аналитическое осмысление взаимодействия внеязыковой и языковой семантики. Структурные элементы (наносмыслы) образного и понятийного познания на разных этапах отражения и интерпретации действительности находятся в интерактивном режиме: переходят друг в друга. Такая взаимность возможна лишь в том случае, если смысловые структуры языкового и доязыкового мышления изоморфны на уровне глубинной семантики. Объективирование информации языковыми и довербальными средствами можно рассматривать как явление двойного кодирования. Согласно теории двойного кодирования, в процессе взаимодействия языкового и довербального кодов включаются механизмы избирательного внимания, благодаря которому при переходе от ощущений к восприятию и представлениям запоминаются наиболее значимые для человека признаки и свойства познаваемого объекта. Это приводит к конденсации и кристаллизации приобретенной информации в форме первичного концепта. Он – продукт многократного перекодирования мысли с правого, довербального, полушария коры головного мозга в левое (речевое) и наоборот. Такое перекодирование, преодолевая законы линейного мышления, порождает симультанные, синергетические (нелинейные) содержательные формы концепта, образующие его многослойную организацию, что обусловливается двумя факторами: а) поэтапной, слойно-ярусной обработкой информации и (б) триединством ее категоризации в (а) когнитивную систему, (б) эмотивно-оценочную и (в) языковую. Основой такого структурирования служат понятия «смысл», «значение» и «значимость».

Докт. филол. наук С.А.Борисова (Ульяновск)

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА

Текст как языковый знак соединяет различные зоны реальности – текстовую и повседневной жизни, частью которой является реципиент. Реальность повседневной жизни организуется вокруг маркеров “здесь” и «сейчас», отображающих соответственно локализацию тела носителя языка в пространстве, и настоящее время процесса восприятия им некоторого объекта/текста. Совокупность пространственно-временных характеристик формирует интерсубъективный мир индивида как отображение мира реального, который он разделяет с другими людьми. Конечно, каждый человек обладает своей перспективой на этот общий мир, но у всех носителей языка в синхронии социального бытия есть нечто общее в понимании этой реальности, что сравнимо с «общей частью в структуре знаний» в

терминах Н.И.Жинкина, благодаря которой возможен сам процесс коммуникации, в том числе и текстовой.

С течением времени художественный текст выходит за пределы того временного диапазона, в котором был создан, и становится доступен последующим поколениям носителей языка в другом временном и социальном пространстве, выступая, при этом, в качестве темпорально-культурного символа прошлого. Подобные трансценденции создают «эффект присутствия» множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном значении отсутствуют в реальности в момент “здесь-и-сейчас”.

Именно этот момент соотносится нами с процессом смыслового восприятия носителем языка объекта/текста, в ходе которого с помощью темпорально-пространственных маркеров происходит реконструкция отсутствующих «здесь-и-сейчас» отношений. Опознаваемые маркеры помогают реципиенту расшифровать значения смысловых элементов «символического дискурса» автора, воплощающих в себе его менталитет и характерные особенности социального бытия и культуры определенного временного периода.

Язык художественного текста детерминирован эпохой, поэтому художественное время сближает людей разных временных периодов, выражая яркие, неповторимые оттенки человеческих переживаний и личностных реакций. Рассматривая проблему проявления множественности смысла в результате интерпретации читателем “символического дискурса” автора, П.Рикер (1995) уделяет большое внимание времени и его роли в интерпретации, определяя ее как «место сцепления двух времен – прошлого и настоящего», поскольку интерпретация часто совершается во времени, отличном от времени текстовой реальности.

Реципиент/интерпретатор «встречается» с текстом в момент смыслового восприятия, который является частью его индивидуального настоящего и рассматривается нами как *коммуникативное время*. Именно в коммуникативном времени происходит идентифицирующий анализ-синтез сознанием реципиента темпорально-смысловой структуры авторского текста и отображение ее в собственном речевом произведении. Нами экспериментально выявлено (1996), что темпоральная структура как воспринимаемого текста, так и речевого произведения реципиента детерминируется одним из временных шифтеров: «тогда» для выражения прошлого, «теперь» для выражения настоящего и «затем/потом» для выражения будущего.

А.Вежбицкая определила, что временной шифтер «теперь» подразумевает «мир, частью которого являюсь я, говорящий это». Следовательно, если реципиент интерпретирует время текстовой реальности как совпадающее с его индивидуальным настоящим, с его ощущением «Я-здесь-и-сейчас», то он констатирует синхронность, одновременность своего бытия, своего настоящего с временным полем текстовой реальности. Как следствие доминирования в языковом/ речевом сознании реципиента временного шифтера «теперь» формируется текстовая интерпретация типа «синхрон».

Временной шифтер «тогда» отображает «некоторый мир, который имел место до мира, частью которого являюсь я, говорящий это». Формирование текстовой интерпретации в условиях доминирования временного шифтера «тогда» происходит как результат идентификации языковым сознанием интерпретатора вос-

принимаемых из текста символов как маркеров диапазона прошедшего времени. В этом случае, события текстовой реальности воспринимаются субъектом как имеющие место *за пределами* диапазона «теперь». Воспринимаемый текст осознается как символ иного времени, прошлого, которое объективировалось в нем. Текст «пришел» в настоящее из прошлого, «прошел сквозь время» (dia – сквозь, chronos – время). Интерпретация этого типа определяет исходный текст как «диахрон», в котором время текстовой реальности *предшествует* времени бытия реципиента, его настоящему, моменту восприятия/ коммуникации.

Третий тип темпоральных отношений в системе «текст - реципиент/интерпретатор» предполагает отображение реципиентом в своем речевом произведении будущего, мыслимого как *возможного* мира, который *последует* за настоящим миром реципиента, определяемым шифтером «теперь». В этом случае, в качестве доминирующего выступает временной шифтер «затем/ потом», перемещающий реципиента в мир за пределами настоящего. Так формируется речевое произведение/ интерпретация типа “футурохрон”.

Экспериментально установлено, что проекция воспринимаемого текста формируется реципиентом в русле *одного* из шифтеров, который становится главным, доминирующим. А.А. Ухтомский определял *доминанту* как господствующий очаг возбуждения, который суммирует одни импульсы в центральной нервной системе, и одновременно гасит и подавляет активность других центров. Доминанта выступает как временно господствующая рефлекторная система, обуславливающая работу нервных центров в конкретный момент коммуникации, понимаемый нами как *коммуникативое* время.

В процессе смыслового восприятия темпорально-смысловой структуры текста возникает специфическая *темпоральная доминанта*, которая детерминирует идентификацию временного диапазона воспринимаемой реципиентом информации в русле одного из темпоральных шифтеров, в результате чего формирующаяся проекция текста определяет событие или ситуацию как имеющие место в прошлом, настоящем или будущем. В этом случае, временной шифтер выступает как генерализированное понятие (доминантное слово) для целой группы временных маркеров, характеризующих тот или иной временной диапазон (t-диапазон). Именно возникающая темпоральная доминанта оказывает непосредственное влияние на процесс смыслового восприятия и интерпретации реципиентом текстовой реальности и «заставляет» его отбирать лишь такие характеристики воспринимаемых объектов, которые способствует ее подкреплению. При этом поступление сигналов от иновременных маркеров блокируется, поскольку они не соответствуют t-диапазону формирующейся текстовой интерпретации.

Темпорально-смысловая структура текста отображает мир, хорошо знакомый автору, и он выбирает в этих целях наиболее подходящие с его точки зрения, языковые средства, смысл которых ясен и ему, и большинству его современников, поскольку они принадлежат одному миру, разделяют его «здесь» и «сейчас». Когда текст выходит за пределы своего «здесь-и-сейчас» и «встречается» с последующими поколениями реципиентов, принадлежащими к другому, изменившемуся во времени социуму, восприятие его темпорально-смысловой структуры может быть затруднено в силу возможного отсутствия как в коллективном, так и в инди-

видуальном языковом сознании субъектов текстовой деятельности некоторых темпоральных характеристик символов или самих символов.

Установлено, что на процесс формирования темпорально-смысловой структуры речевого произведения реципиента влияет как состояние его социоментальной картины мира, так и менталитет социума в целом. Адекватность восприятия темпоральной структуры текста зависит от психических характеристик реципиента, его тезауруса, индивидуального знания и некоторых других факторов. Непосредственное взаимодействие составляющих системы «текст - реципиент» происходит в момент смыслового восприятия, понимаемый нами как коммуникативное время, и соотносится с временным шифтером «теперь», соотносящимся с индивидуальным настоящим временем реципиента. Именно в период *коммуникативного времени* происходит «идентифицирующий синтез» временной рамы речевого произведения реципиента.

Временной шифтер «теперь» объединяет временные маркеры, характеризующие диапазон настоящего времени, и выступает в начале текстовой коммуникации в качестве своеобразной «стартовой точки» всего последующего процесса формирования темпоральной доминанты. Языковое сознание реципиента соотносит ощущение его «теперь» с элементами выраженной символическим способом темпоральной структуры воспринимаемого текста.

Таким образом, речевые произведения реципиентов формируются в одном из трех временных диапазонов: настоящего, прошедшего или будущего времени. Как результат доминирования в процессе текстовой коммуникации одного из временных шифтеров формируются текстовые интерпретации следующих типов: “синхрон”, “диахрон”, “футурохрон”. Предложенные схемы типологизации текстовых интерпретаций показывают, что речевые произведения типов “диахрон” и “футурохрон”, выходят за пределы единства субъекта “Я” и его настоящего.

Экспериментально выявлено, что один и тот же воспринимаемый художественный текст может осознаваться различными реципиентами, принадлежащими к одному временному периоду, и как «диахрон», и как «синхрон», и как «футурохрон». Подобная вариативность темпоральной оценки реципиентом текстовой реальности объясняется психическими особенностями личности интерпретатора, объемом индивидуального знания в смысле А.Залевской (1992), а также разнообразием средств, используемых автором для отображения временного плана текста.

Наличие в языковом сознании реципиента и автора сходных темпоральных характеристик, репрезентированных в тех или иных символах, детерминирует процесс адекватного восприятия реципиентом темпорально-смысловой структуры текста. В этом случае, воспринятый текст реально выступает для реципиента в качестве символа определенной эпохи и культуры социума, а темпоральность проявляется как реальная детерминанта процесса восприятия.

Соискатель С.П.Ванюшина (Ульяновск)

КОМПЛИМЕНТ КАК ЕДИНИЦА КОММУНИКАЦИИ.

Предметом исследования в данной работе является комплимент как единица коммуникации. В нашем исследовании мы исходим из общепринятого понимания комплимента: «Комплимент – лестное для кого-либо замечание, любезный отзыв.

Обменяться комплиментами» [Словарь русского языка 1999 т. 2: 86]. Необходимо отметить, что лексема *лестный*, будучи дериватом от существительного *лесть*, имеющего отрицательную коннотацию, в приведенном толковании является синонимом прилагательного *любезный* и сопровождается положительной коннотацией. Таким образом, комплимент отражает реально существующие достоинства собеседника, хотя и допускает некоторую гиперболизацию.

Прежде чем приступить к анализу комплимента как коммуникативной единицы, важно разграничить понятия анализа по элементам и анализа по единицам.

Впервые о разграничении анализа по элементам и анализа по единицам в связи с изучением проблем мышления и речи заговорил Л.С. Выготский [Л.С. Выготский 1982 т. 2: 13-16]. В Словаре русского языка в 4 томах слова *элемент* и *единица* имеют семь и пять лексико-семантических вариантов соответственно. Наиболее интересными – при разговоре об элементах и единицах мышления, языка, речи и коммуникации – являются у слова «элемент» четвёртый лексико-семантический вариант (4. Элемент – составная часть какого-либо целого. *Разложить на элементы*) [Словарь русского языка 1999 т. 4: 757-758] и соотносительный с ним пятый лексико-семантический вариант у слова «единица» (5. Единица – отдельная часть в составе целого, обладающая определённой самостоятельностью. *Штатная единица*) [Словарь русского языка 1999 т. 1: 461-462]. Очевидно, что явления фонетики, морфемики и лексики – это явления элементов языка. Явления же единиц языка характеризуют более высокие языковые ярусы – прежде всего уровень синтаксиса [А.В. Пузырёв 2002: 53].

Какова же природа комплимента? Является ли он единицей коммуникации? Полагаем, что здесь нельзя обойтись без использования методологического инструментария. Согласно субстратной методологии А.А. Гагаева [А.А. Гагаев 1991; 1994], в каждом предмете следует разграничивать четыре ступени сущности: всеобщее, общее, особенное, единичное. В ходе адаптации данной методологии к лингвистическим реалиям (выделения четырёх ступеней языковой сущности и их единиц) [А.В. Пузырёв 1995: 32] вырисовывается следующая схема.

Степени отвлечённости/конкретности		**Ступени сущности языка**		**Единицы**
Всеобщее	↔	Мышление	↔	Мысль
Общее	↔	Язык	↔	Предложение
Особенное	↔	Речь	↔	Высказывание
Единичное	↔	Коммуникация	↔	Коммуникативный акт

Всеобщему как наибольшей степени отвлечённости соответствует такая ступень языковой сущности, как мышление. Комплимент реализуется в виде единицы мышления – мысли, которая в свою очередь представляет собой суждение, развёрнутое или сокращённое [Ю.А. Самарин 1962: 404]. Такое суждение, будучи «лестным замечанием» [Словарь русского языка 1999 т. 2: 86], носит ярко выра-

женный оценочный характер – включает в свой состав оценку, то есть является по своей природе аксиологическим.

На соответствующей ***общему*** ступени языковой сущности – в языке – комплимент реализуется в форме предложения, некоего отвлечённого структурного образца – инварианта. По своим синтаксическим характеристикам данные предложения могут быть повествовательными (восклицательными/невосклицательными) и вопросительными, причём последние имеют риторический характер и выражают утверждение. Например:

а) Комплимент в форме повествовательного невосклицательного предложения.

“**That’s a nice dress** – I like the style.” [J. Galsworthy 2000: 367]

(– **Красивое на вас платье**, люблю этот стиль. [Дж. Голсуорси 1988: 287])

б) Комплимент в форме повествовательного восклицательного предложения.

“The principal of this house was that you should have room to breathe – **like a gentleman!**” [J. Galsworthy 2000: 99]

(– Проект делался с тем расчётом, – сказал архитектор, – чтобы хозяину было где повернуться в собственном доме, **как и подобает джентльмену**. [Дж. Голсуорси 1988: 93]

в) Комплимент в форме вопросительного предложения.

«**Что мне заменит ваш разговор, ваше присутствие, ваш внимательный и умный взгляд?**» [И.А. Тургенев 1965: 135]

Третья ступень языковой сущности, соотносящаяся с ***особенным***, – это речь. На данном уровне комплимент представляет собой конкретное высказывание, то есть некий конкретный вариант инвариантного по своему характеру предложения, который носитель языка наполняет определённым содержанием. Содержание комплиментарных высказываний раскрывается, как правило, с помощью положительных оценочных прилагательных или существительных с прилагательным оценки (см. примеры выше). Также используются указательные местоимения и усилительные наречия.

а) Комплимент, включающий указательное местоимение.

“You’re **so** clever with all those things**,”** said Aunt Ann. [J. Galsworthy 2000: 21]

(– Ты **так** хорошо разбираешься во всём этом, – сказала тётя Энн. [Дж. Голсуорси 1988: 38])

б) Комплимент, включающий усилительное наречие.

«**Как** Софья Павловна у вас похорошела!» [А.С. Грибоедов 1971: 23]

Единичному как наибольшей степени конкретности соответствует такая ступень языковой сущности, как коммуникация. Единицей данного уровня является коммуникативный акт. Модель коммуникативного акта, наиболее широко применяемая в лингвистике для анализа производства речи и текста, предложена Р.О. Якобсоном [Р.О. Якобсон 1985: 306-319].

Как следует из модели Р.О. Якобсона, в коммуникации участвуют адресант и адресат, от первого ко второму направляется сообщение (являющееся одновременно процессом и результатом порождения речи), реализованное с помощью кода. Контекст связан с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемым, а понятие контакта соотносится с регулятивным аспектом коммуникации.

	контекст	
Адресант	сообщение	адресат
	контакт	
	код	

Рассматривая комплиментарные высказывания через призму данной модели, можно сделать вывод о том, что комплимент представляет собой коммуникативный акт: А вступает в статусно обусловленный контакт с Б, в ходе которого А посылает Б сообщение, содержащее лестное для Б замечание/любезный отзыв о Б и выраженное вербально/невербально, и осуществляет речевое воздействие: социальное (определённые социальные акты) и эмоциональное (межличностные субъективно-эмоциональные отношения).

Важно, что социальное речевое воздействие имеет актуализационную или манипулятивную природу. Э. Шостром выделяет следующие контрастные характеристики актуализаторов и манипуляторов [Э. Шостром 1992: 34-35]. Актуализатор «стоит» на таких китах, как 1) честность (прозрачность, искренность, аутентичность); 2) осознанность (отклик, жизненаполненность, интерес); 3) свобода (спонтанность, открытость); 4) доверие (вера, убеждение). Манипулятора отличают 1) ложь (фальшивость, мошенничество); 2) неосознанность (апатия, скука); 3) контроль (закрытость, намеренность); 4) цинизм (безверие).

Точно так же, как в психологии общения разграничиваются актуализационные и манипулятивные стили, – следует разграничивать комплименты а) актуализационного, б) манипулятивного характера.

а) Актуализационный комплимент.

“Love’s a queer thing,” he [old Jolyon] said, “fatal thing often. It was the Greeks – wasn’t it? – made love into a goddess; they were right, I dare say, but then they lived in the Golden Age.”

“Phil adored them. … Yes. He loved balance and symmetry; he loved the wholehearted way the Greeks gave themselves to art. … **You’re of the Golden Age, too, Uncle Jolyon**.”

Old Jolyon looked round at her [Irene]. Was she chaffing him? No, her eyes were soft as velvet. [J. Galsworthy 2000: 351]

(– Любовь – странная вещь, – сказал он [старый Джолион]. – Часто роковая. Ведь это греки – не правда ли? – сделали из любви богиню; и они, вероятно, были правы, но ведь они жили в Золотом веке.

– Фил обожал их. … Да. Он любил равновесие и пропорции, любил греков за то, как они без остатка отдавались искусству. … **Вы тоже из Золотого века, дядя Джолион**.

Старый Джолион оглянулся на неё [Ирэн]. Что она, смеётся над ним? Нет, глаза её были мягки, как бархат. [Дж. Голсуорси 1988: 276])

Ирэн, являясь типичным актуализатором, как видно из контекста всего произведения, открыто, искренне и выразительно выражает свои тёплые чувства к стоящему по статусу выше старому Джолиону, тем самым располагая его к себе и улучшая его эмоциональное состояние.

б) Манипулятивный комплимент.

She passed, dancing with other men, her dress, iris-coloured, floating away from her feet. She danced well; he was tired of hearing women say with an acid smile: **"How beautifully your wife dances, Mr. Forsyte – it's quite a pleasure to watch her!"** [J. Galsworthy 2000: 191]

(Она проносилась мимо, танцуя с другими мужчинами, платье цвета ирисов развевалось вокруг её ног. Она танцевала хорошо; ему уже надоело выслушивать комплименты дам, говоривших с кислой улыбкой: **«Как прекрасно танцует ваша жена, мистер Форсайт, просто наслаждение смотреть!»** [Дж. Голсуорси 1988: 160])

Данный пример демонстрирует коммуникацию в мире верхушки английского буржуазного общества начала XX века, которое, по Дж. Голсуорси, характеризуется манипулятивным стилем жизни. «Кислая улыбка», с которой произносится комплимент, свидетельствует об апатичном настроении говорящего и фальшивости и намеренности высказывания, что и приводит к отрицательной реакции на комплимент («…ему уже надоело выслушивать комплименты…»).

Поскольку уровень коммуникации – это уровень, где мышление, язык и речь выступают в их единстве и демонстрируют уникально неповторимый характер их проявления в данной точке пространства и времени [А.В. Пузырёв 1995: 258], – постольку комплимент на уровне коммуникации мы обязаны рассматривать в единстве с реакцией на него. В психолингвистическом аспекте комплимент предстаёт в виде реплики-стимула и реплики-реакции и входит в коммуникативный акт выражения отношения к собеседнику и регулирования взаимоотношений с ним. Более того, поскольку комплимент представляет собой явление этикетного характера и его цель заключается в желании сделать приятное собеседнику, согласно правилам хорошего тона лестные замечания должны быть восприняты адресатом. Проиллюстрируем на примере.

"You're so clever with all those things," said Aunt Ann. "And how is dear Irene?"

Soames' smile died… [J. Galsworthy 2000:21]

– Ты **так хорошо разбираешься во всём этом**, – сказала тётя Энн. – А как себя чувствует Ирэн?

Улыбка на губах Сомса сейчас же увяла… [Дж. Голсуорси 1988:38])

Необходимо отметить случаи косвенного употребления комплимента, когда комплимент входит как элемент в структуру иного иллокутивного акта. То есть значение комплиментарного высказывания не совпадает со значением используемых адресантом предложений, и посредством произнесения комплимента может осуществляться, например, приветствие, поздравление, извинение, благодарность и т.п. Приведём некоторые примеры.

а) Комплимент как элемент поздравления.

Светла, легка, красива и горда,
Всегда идёшь по жизни без труда.
Ты преданная, нежная жена,
И в сердце мужа ты царишь одна.
Мы с днем рождения тебя поздравить рады,
Ты наша гордость, счастье и отрада. [Лучшие тосты 2004: 436]

б) Комплимент как элемент благодарности.

«…Дочка слушала с любопытством. В её воображении вы сделались героем романа в новом вкусе… Я не противоречил княгине, хотя знал, что она говорит вздор.

– **Достойный друг**! – сказал я, протянув ему руку» [А.С. Грибоедов 1971: 97].

Итак, на всех ступенях языковой сущности: мышление (*всеобщее*), язык (*общее*), речь (*особенное*), коммуникация (*единичное*) – комплимент реализуется в виде их единиц – суждения, предложения, высказывания, коммуникативного акта. Но свои уникально неповторимые черты комплимент приобретает только в коммуникативном акте. Следовательно, комплимент является единицей коммуникации, причём единицей универсальной, так как он удовлетворяет важнейшую психологическую потребность любого человека – потребность в положительных эмоциях.

Цитируемая литература:

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. – М.: Педагогика, 1982-1984.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Морд. ГУ, 1991. – 308с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании: К вопросу о понятии «субстрат» в классической, неклассической, постнеклассической науке и метафизике. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1994. – 48с.

Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. – Кн. 1. Собственник; Последнее лето Форсайта/ Перев. с англ. М. Лорие. – Т.: Укитувчи, 1988. – 304с.

Грибоедов А.С. Горе от ума. – Ленинград: Изд-во «Детская литература», 1971. – 176с.

Лучшие тосты/ Авт.-сост. Н.Ю. Васнецова. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 608с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1995. – 378с.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. – 164с.

Словарь русского языка: В 4-х т./ РАН, Ин-т лингв. ис-ний; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус.яз., Полиграфресурсы, 1999.

Тургенев И.А. Рудин. – М.: Изд-во «Просвещение», 1965. – 176с.

Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. /Перев. с англ. А. Малышевой. – Мн.: ТПЦ «Полифакт», 1992. – 128с.

Якобсон Р.О. Избранные работы/ Сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1985. – 455с.

Galsworthy J. – The Forsyte Saga: The man of Property. – М.: Изд-во «Менеджер», 2000. – 384р.

Канд. филол. наук В.П.Васильев (Кемерово)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Современные представления о категории формируются в ситуации, когда новая теория категоризации, основанная на детальных эмпирических исследованиях в антропологии, лингвистике и психологии [Лакофф 1955:147], составляет конкуренцию классической. Отклонение от классического понимания категории выражается в критике его основоположений и выдвижении альтернатив, являющихся в большинстве случаев их прямыми антитезисами, а также в создании нового образца категории (прототипической категории).

Снятие антиномии не- и классических категорий достигается разными путями – а) переопределением статуса классической категории, характеризуемой теперь как частный случай явлений категоризации [Лакофф 1995: 148]; б) синтезом двух подходов к категории, поскольку в языке есть «место для прототипов, но есть место и для инвариантов» [Вежбицкая 1997: 201]; в) усмотрением в таксономической категории первичной классификации, «твёрдого ядра», образующего собой суть класса, основу его расширения и призму для осознания специфичности других группировок, наличие которых в языке часто считается сильным преувеличением [Селивёрстова 2001: 301]; г) отрицанием взаимоисключающих версий как несостоятельных в установлении природы категоризации и выделением трёх оперативных планов в её осуществлении [Никес 1997]. Отсюда следует, что создание непротиворечивой теории категоризации требует её распространения на широкую систему семантических областей.

В докладе предлагается психолингвистическое освещение суперординатной категории «атмосферные осадки» с той целью, чтобы установить «чисто человеческие способы обработки информации не в столь строгих формах рационального мышления» [Кубрякова 1999: 5]. Его основная задача сводится к тому, чтобы показать проявление семантической группировки как субъективной категории обыденного, житейского сознания «в оценках типичности и в данных методики перечисления членов категории» [Григорьев 2004].

По результатам классификационного эксперимента категориальный класс «укомплектовывается» элементами, характеризующимися общностью по существенным признакам (*дождь, снег*) и их переранжированному составу (*дождь→дождинка*) или оказывающимися включенными в конкретную ситуацию (*моросить, ветер, гроза, зонт-ик*, *сель*). В соответствии с этим он распадается на две группы: слова, образующие внутреннюю организацию категории, которые при её воспроизводстве различаются частотой упоминания, частотой первоочередного упоминания, средним порядковым номером в последовательности

упоминаний, а с точки зрения соответствия имени категории имеют разную степень типичности, и слова, находящиеся на его границе, нечёткость которой создаётся межкатегориальным взаимодействием, Таким образом, класс метеонимов, обозначающих атмосферные осадки, формируется в виде межчастеречного семантического поля с гетерогенными измерениями его членов, вероятностным ядром которого является субстантивная таксономическая группировка, носящая прототипический характер. Другие, периферийные, члены категории, расширяющие это ядро, связаны с ним семейным сходством.

Соискатель М.Р.Викторова (Пенза)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДЛЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В АВТОРСКИХ ПЕСНЯХ Ж.БРЕЛЯ И В.ВЫСОЦКОГО.

В методологии принято различать три уровня: первый – общетеоретическая (философская) методология; второй – общелингвистическая методология и третий – специальная методология. Цель нашей статьи – выявить методологические основы исследования продлений согласных звуков в авторских песнях Ж. Бреля и В.Высоцкого.

В качестве общетеоретической (философской) методологии нами берётся за основу универсальная схема научного исследования, разработанная философом А.А. Гагаевым и популяризируемая профессором А.В.Пузырёвым [А.В.Пузырёв 2002: 6]. В общефилософском плане продление согласных звуков следует рассматривать как некий момент интенсификации высказывания с целью повышения силы воздействия на человека.

Воздействие – это уникальное свойство любого человеческого общества. Взаимодействие человека с окружающим его миром осуществляется в системе объективных отношений, которые складываются между людьми в их общественной жизни [А. В. Петровский 1997: 196]. Без воздействия друг на друга жить в обществе нельзя, и продление согласных звуков, вероятнее всего, выступает как один из способов интенсификации, как способ такого воздействия. Продление согласных звуков, на наш взгляд, является одним из способов повышения силы воздействия на человека.

В качестве общелингвистической методологии в настоящем исследовании используется методология, где предлагается опираться вместо известной дихотомии язык – речь на тетрахотомию ***мышление – язык – речь – коммуникация*** [А.В.Пузырёв 1995: 36]. Пользуясь указанной методологией, носящей общелингвистический характер, исследователь продлённых согласных обязан рассматривать данное явление – продление согласных звуков – на четырёх уровнях: на уровне языка, мышления, речи и коммуникации.

В настоящей статье на первый план вынесен логический аспект исследования продлённых согласных звуков.

Что должно иметься в виду, когда продление согласных звуков рассматривается на уровне мышления? Под мышлением в настоящей работе понимается «Процесс, в результате которого достигается новое знание, это переход от незнания к знанию» [см.: О.К. Тихомиров 1970: 257]. Вероятнее всего, продлённые со-

гласные звуки на уровне мышления – это проявление некоего возбуждения. В данной связи считаем необходимым сослаться на исследование А.В.Пузырёва «Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления» [см.: А.В.Пузырёв 1995: 59], где указывается, что в центральной нервной системе «имеются специальные структурные образования, в которых возбуждение, раз попав в них, оказывается как бы в циркулярной «ловушке», продолжая здесь распространяться от элемента к элементу по замкнутому кругу в течение долгого времени» [R. Lorente de No 1933: 381; 1934: 113; П.К. Анохин 1968: 122). По мнению П. К. Анохина, указанные «ловушки возбуждения» вполне могут быть привлечены для объяснения некоторых следовых явлений небольшой длительности [П.К.Анохин 1968: 124]. К таким явлениям, на наш взгляд, следует отнести продление согласных звуков, поскольку данное фоносемантическое средство имеет свойство усиливать интенсивность звукового восприятия.

Если различать мышление языковое и мышление метаязыковое (языковедное – по И. А. Бодуэну де Куртене), то с точки зрения языкового мышления продление согласных звуков имеет прямое отношение к эмоциональному мышлению. Как известно, эмоциями называется такой способ отношения человека к окружающему миру и себе самому, который выражается в виде непосредственного переживания. Переживание, в свою очередь, отражает значимость для человека воздействующих на него явлений и фактов [В.И.Жельвис 1990: 8]. Жанр авторской песни предполагает непосредственное воздействие на слушателя. Для авторской песни не нужна обстановка – для неё нужна атмосфера [В.С.Высоцкий 1998: 121] и особый эмоциональный настрой. Именно поэтому так существенна связь продлений с эмоциональным состоянием автора.

На уровне мышления принципиально важно видеть общие и индивидуальные свойства исполнителей, особенно если они являются носителями разных языков, представителями разных культур. Поскольку нас интересует сопоставление русской и французской культур, постольку мы остановили свой выбор на самых ярких представителях авторской песни – это Ж.Брель и В.Высоцкий.

Жанр авторской песни, по определению, предполагает существование автора-личности, с её неповторимым нервно-психическим складом и творческим настроем. Ж. Брель и В. Высоцкий идеально соответствуют этим требованиям. Являясь не только авторами-исполнителями, но и профессиональными актёрами, Ж. Брель и В. Высоцкий добивались яркого перевоплощения. О чём бы ни пели барды: о любви и дружбе, о предательстве и силе человеческого духа, о Родине и о войне, о человеческих пороках – они всегда оставались предельно искренними. Этих авторов-исполнителей объединяет импульсивность, которая проявляется, в том числе, и в способности растягивать или распевать согласные звуки, что, в свою очередь, оказывает сильное воздействие на слушателя.

В.Высоцкий не случайно подчёркивал: «Для меня авторская песня – это возможность беседовать, разговаривать с людьми на темы, которые меня волнуют и беспокоят; рассказывать им о том, что меня скребёт по нервам, рвёт душу и так далее, – в надежде, что их беспокоит то же самое» [В.С.Высоцкий 1988: 119]. Подобную оценку давали исследователи творчества Ж. Бреля : «Brel veut chanter pour tous et peut parler à chacun. Touchant la plupart de ses auditeurs, tendant vers l’universel, Jacques Brel fut un génie populaire. (Брель хочет петь для всех и может

разговаривать с каждым по отдельности. Волнуя большую часть аудитории, стремясь к универсальному, Брель был народным гением) [O. Todd 1984: 477].

Продлевая согласные звуки в своих произведениях, Ж.Брель и В.Высоцкий, на наш взгляд, позволяют слушателю испытывать новые эмоции, устанавливая психологический контакт исполнителя и зрителя. Каждый из авторов при этом остаётся неповторимой индивидуальностью. Сравнивая песни Ж.Бреля и В.Высоцкого с точки зрения использования в них продлённых согласных, исследователь находит общие характеристики и национально-культурные, специфические особенности исполнения.

Важно отметить, что нами рассматриваются проблемы использования продления согласных звуков и на уровне метаязыкового мышления. К сожалению, исследуемое языковое явление – продление согласных – в лингвистической литературе изучено недостаточно: лингвисты обращались к этому вопросу, но в комплексном плане данная проблема изучена не была. В частности, было замечено, что продление согласных звуков – это яркое прагматическое средство [А.В.Пузырёв 1995: 288]. Наблюдая над психологической стороной продления звуков в романе В.Д.Дудинцева «Белые одежды», учёным было установлено, что с точки зрения психологии общения, продлённые звуки – это языковое средство, отражающие психологические взаимоотношения говорящего и слушающего [см.: А. В. Пузырёв 1995: 280].

Исследователями был сделан вывод о том, что с точки зрения языковой системы продлённые звуки – это интенсификаторы, это средство интенсификации звуковой (на письме – графической) формы слова [см.: И. И. Туранский 1990: 60-64]. Вслед за И.И.Туранским на уровне языка мы рассматриваем продление согласных звуков в авторской песне как средство, позволяющее усилить, особым образом подчеркнуть звуковую форму слова. По определению А. В. Пузырёва, продление звука – это такое материально выраженное сегментное фоносемантическое средство, сущность которого заключается в увеличении сверх обычного – длительности произнесения какого-либо звука [А.В.Пузырёв 1995: 264].

Ещё на заре XX века О.Э. Мандельштам писал: «Поэтическая речь живит блуждающий, многосмысленный корень. Множитель корня – согласный звук, показатель его живучести. Слово размножается не гласными, а согласными. Согласные – семя и залог потомства языка. Пониженное языковое сознание – отмиранье чувства согласной. Русский стих насыщен согласными и цокает, и щелкает, и свистит ими» [О.Э.Мандельштам 1990 т. 2: 208].

Вероятнее всего, продление согласных звуков связано с эмфатическим ударением. Подтверждение этой мысли можно найти в монографии Л. В. Щербы «Фонетика французского языка»: «…Все согласные являются более или менее краткими. Однако в некоторых случаях имеет место продление согласного звука. Речь почти всегда идет об эмфатическом ударении. Это ударение или выдвигает и усиливает эмоциональную сторону слова, или выражает аффективное состояние говорящего в связи с тем или иным словом. Различие между логическим и эмфатическим ударением можно сформулировать следующим образом: логическое ударение привлекает внимание к данному слову, а эмфатическое делает его эмоционально насыщенным. Эмфатическое ударение состоит в усилении и удлинении согласного» [см.: Л. В. Щерба 1963: 132].

Ж.Брелю и В. Высоцкому не достаточно наличия ритма в стихотворении, они прибегают к игре согласных, чаще всего сонорных. Mais le rythme ne suffit pas, il doit souligner le jeu des sonorités [O. Todd 1984: 488]. La versification de Brel frappe avant tout par sa sonorité, qu'il joue de la rime pauvre ou riche, de l'assonance ou de l'allitération). Стихосложение Ж. Бреля поражает, прежде всего, своей звонкостью, которая играет на богатой или бедной рифме, на ассонансе или аллитерации [O.Todd 1984: 486]. В. Высоцкий с его неподражаемой интонацией, с его надрывной мощью [см.: В.С.Высоцкий 2004: 9] использует своеобразный ритм, или как он его называет «точный ритм», часто прибегая к растягиванию. Таким образом, прибегая к усилению и удлинению согласного, авторы-исполнители добиваются эмоциональной насыщенности слова, фразы и текста в целом.

Рассматривая продлённые согласные на уровне речи, мы переходим на уровень частной методологии. В методологическом плане важно подчеркнуть, что речь – это своего рода поверхность языковых факторов. Задача лингвиста – углубляться в сущность речевых явлений, находя в них языковые закономерности.

В рамках частной методологии нами используются следующие специальные приёмы:

1.Фоностилистический анализ авторских песен с точки зрения употребления в них продления согласных звуков.

2.Сравнительно-сопоставительный анализ продлений согласных звуков в авторской песне русского и французского языков.

3.Эксперимент направленного типа на выявления диапазона вариативности восприятия продления согласных звуков.

4.Эксперимент направленного типа на выявление фонетического значения согласных звуков.

5.Статистическая обработка материала эксперимента.

Под фоностилистическим анализом подразумевается анализ продлений согласных звуков с точки зрения прагматики, с точки зрения стилистики и с точки зрения психологии общения.

С точки зрения стилистики продлённые звуки – это средство эмфазы, примета эмоциональной, экспрессивной речи.

С точки зрения психологии общения продлённые звуки – это языковое средство, отражающее психологические взаимоотношения говорящего и слушающего.

С точки зрения прагматики продлённые звуки – это средство, позволяющее говорящему выразить своё отношение к тому, что он сообщает и обеспечить воздействие высказывания на адресата. [А.В. Пузырёв А.В. 1995: 280].

В качестве иллюстрации связи продлённых согласных с эмфазой можно использовать песню Ж.Бреля «Les vieux» «Старики». В 26 строчках этой песни обнаружено 22 продления согласных звуков. Эта песня, как указывает Н.С.Бордовских, пронизана «суровым лиризмом и драматичностью» [см.: Н.С.Бордовских 1988: 350]. Основной лейтмотив песни заключается в безвозвратности ушедшего. Жизнь подходит к финалу, и ничего нельзя изменить. Самое страшное для стариков – это одиночество. Пока они вдвоём, жизнь ещё как-то теплится в них, но «как боятся друг друга они потерять»:

Ils se tiennent la main, ils ont peur de se **pp**erdre et se **pp**erdent pourtant…

Как боятся друг друга они потерять, и однако теряют всегда…

(Перевёл М. Ваксхмахер)

В этой строке зафиксировано продление согласного звука [р] в глаголе se perdre – потерять друг друга. В этой песне звук [р] продлевается чаще других согласных звуков – 8 раз и два раза в глаголе se **pp**erdre – потерять друг друга. Следует отметить, что согласный звук [р], по нашим наблюдениям, не входит в число 5 самых распространённых продлённых согласных в прослушанных нами 1400 сточках песен Ж.Бреля. Продление данного согласного звука обусловлено, на наш взгляд, идей песни, её главным смыслом: старики боятся потерять друг друга, однако противостоять этому не в силах.

Трагическая ситуация неизбежности конца жизни подчёркивается с помощью образа-символа «la pendule d'argent» – серебряные часы. В слове «pendule» «часы» автор-исполнитель прибегает к продлению согласного звука [р]. Это слово встречается в тексте 3 раза, и каждый раз Ж.Брель растягивает согласный звук [р]:

Et s'ils tremblent un peu est-ce de voir vieillir la **pp**endule d'argent tremblent

Qui ronronne au salon, qui dit oui qui dit non, qui dit: je vous attends.

А в пустынной гостиной дряхлеют часы, и вздыхают уныло во сне,

И бормочут в бреду, и пророчат беду и ему, и ей, и мне.

(Перевёл М.Ваксмахер)

Продление согласных звуков в этой песне явно носит прагматический характер, т.е. прибегая к использованию данного фоносемантического средства, Ж.Брель активно воздействует на слушателя, овладевая его вниманием и вовлекая его в переживания, вызванные содержанием песни, её смысловой направленностью.

Наряду с фоностилистическим анализом мы используем и сравнительно-сопоставительный анализ, который помогает найти сходства и различия качественных характеристик продлённых согласных звуков во французской и русской авторских песнях. По нашим наблюдениям, в песнях Ж.Бреля чаще всего продлеваются согласные звуки [r], [s], [m], [t], [f], в то время как в песнях В.Высоцкого на первое место по частоте продлений выходят следующие согласные звуки: [р], [л], [н], [х], [м]. Кроме того, сравнительно-сопоставительный анализ позволяет нам выявить позиции продлённых согласных в слове, синтагматические позиции слов, содержащих продлённые согласные звуки, морфологические характеристики слов с продлёнными согласными звуками, а также синтаксические функции слов, содержащих продлённые согласные звуки.

Используя приёмы специальной методологии, мы обнаруживаем на уровне речи качественные характеристики продлённых согласных звуков, которые позволяют выявить закономерности в использовании данного фоносемантического средства в авторских песнях Ж.Бреля и В.Высоцкого.

На уровне коммуникации продлённые согласные звуки будут рассмотрены с позиции автокоммуникации (высказывания самих авторов- исполнителей – Ж.Бреля и В.В.Высоцкого – по поводу продлений согласных звуков, к которым они прибегают в своих песнях); с позиций прямой коммуникации со слушателями, т.е. прослушивание сохранившихся записей с концертов и встреч, диалогов со слушателями.

Учитывая тот факт, что коммуникация – это царство субъективности, и на уровне коммуникации каждый прав [см.: А.В.Пузырёв 2002: 27], мы провели серию экспериментов направленного типа на выявление диапазона вариативности продления согласных звуков в авторских песнях Ж.Бреля и В.Высоцкого с целью снятия обвинения в чистом субъективизме. Существенной разницы в результатах прослушивания песен автором данного исследования и участниками эксперимента не выявлено. Подобный эксперимент был проведён в июле 2006 года с носителями французского языка. Результаты эксперимента находятся в стадии обработки.

Был проведён эксперимент и на выявление фонетического значения продлённых согласных звуков (по образцу эксперимента, описанного А.П.Журавлёвым в монографии «Фонетическое значение») [см.: А. П. Журавлёв 1974: 38-43]. Цель эксперимента – определить диапазон вариативности присвоения студентами разных курсов фонетического значения самым распространённым продлённым согласным звукам. Данные последнего эксперимента находятся также в настоящее время в стадии обработки.

Таким образом, методологические приёмы, применяемые в нашем исследовании, помогают нам выполнить системный анализ авторских песен Ж.Бреля и В.Высоцкого с точки зрения использования в них продлений согласных звуков, а сочетание требований общефилософской, общелингвистической и специальной методологии, позволяет обеспечить объективность и научность исследования.

Цитируемая литература:

Анохин В. П. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. – 547 с.

Бордовских Н. С. Стихи и песни. Брель Ж. Сборник статей. М.: Радуга, 1988. – 364 с.

Высоцкий В. С. Не пройдёт и полгода: Песни, стихотворения. – М.: Эскимо, 2004. – 352 с.

Высоцкий В. С. Четыре четверти пути. – М.: Физкультура и спорт, 1988. 364 с.

Викторова М.Р. Вариативность восприятия продления согласных звуков// Материалы 5-ой всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. М.: Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В. Г. Белинского; Администрация г. Пензы, 2005. С. 115-120.

Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1990.

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психологическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический институт им. К.Д.Ушинского, 1990. – 81 с.

Журавлёв А. П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 160 с.

Петровский А. В. Введение в психологию. – М.: Изд-во «Академия», 1997. – 496 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.: Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ имени В.Г.Белинского, 1995. 378 с.

Пузырёв А.В.Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. 164 с.

Тихомиров О.К. Мышление как психологическая деятельность // Современные проблемы теории познания диалектического материализма. М., 1970. Т.II.С. 257.

Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. – М.: Высшая школа, 1990. – 174 с.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 309 с.

Clouzet J. et Clouzet A. Jacques Brel Poésie et chansons. – Seghers, Paris, 2003. – 278 p.

Lorente de No, R. Studies on structure of cerebral cortex// Youmal fur Pscychologie und Neurologie. 1933. Bd. 45. N 1-6. S. 381-438.

Todd O. Jacques Brel, une vie. Editions Robert Laffont, 1984. – 546 p.

Канд. филол. наук Н.В.Гридина (Ульяновск)

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КВАЛИТАТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ.

Данная статья посвящена исследованию взаимодействия единиц языкового и мыслительного плана при объективации логико-мыслительной категории квалитативности. Предметом исследования являются языковые единицы, воплощающие в языке квалитативность.

Категории качества было посвящено немало исследований. Все исследования категории квалитативности в разносистемных языках можно суммировать в рамках двух направлений: изучение категории качества как лексической категории [Разинкова 1948; Козлова 1987; Ильченко 1991; Галич 1981; Лебедева 1993; Валиева 1991; Дзбановская 1974; Клюева 1975, Акуленко 1985,] и как функционально-семантическое поле [Бондарко 1984], или грамматико-лексических полей качества [Гулыга, Шенделbс 1976, Васильев 1976, Вердиева 1986, Шарипов 1983, Левицкий 1991, Левина 1991, Усачева 1994 и т. д.].

Каждое из названных исследований, несомненно, вносит свой вклад в решение проблемы изучения категории квалитативности, определения ее места в семантической системе. Лексико-грамматический подход, исходящий из уровневого описания языка, позволяет тщательно и глубоко проанализировать особенности языковых единиц в рамках каждого из описываемых уровней. Однако логико-семантическая квалитативность не всегда совпадает с лексической и синтаксической качественностью. В то же время логико-мыслительная категория качества может не получить экспликацию в языке, а быть объективированной на ассоциативно-семантическом уровне. Необходимо исследовать комплексное «семантическое качество» языковых и речевых единиц, а именно изучить квалитативную модификацию их семантической организации, выявить способы морфологического, лексического и синтаксического проявления квалитативности и охарактеризовать степень ее выраженности в предложении-высказывании.

В концепции функционально-семантического поля исследуется связь одного семантического признака со средствами формального выражения на разных уров-

нях языка, что позволяет перейти к анализу межкатегориального взаимодействия в мышлении и языке. Однако функционально-семантическое описание языка выявляет возможности обозначения логико-мыслительных понятий, а не способы закрепления этих понятий в языковых формах и последующего использования последних в различных репрезентативных актах. Полевой подход представляется односторонним еще и потому, что проводится без учета влияния других мыслительных категорий.

Для более глубокого проникновения в суть логико-семантической категории данное исследование проводится в свете морфотемного анализа, разработанного А.И.Фефиловым. Языковая единица измеряться нами в методологическом плане с помощью такой формально-семантической единицы, которая соответствует ее семиотической природе и может быть принята за эталон комплексного межуровневого синтетического исследования. В качестве такой процедурной единицы, отвечающей данным требованиям, была выбрана морфотемная структура языковых и речевых единиц, разработанная Фефиловым А.И., позволяющая проследить определенные тенденции взаимоотношения логико-семантической категории квалитативности и логико-мыслительной категории качества (Фефилов А.И. 1997).

Языковая единица как результат номинативной деятельности сознания имеет несколько уровней взаимоотношения формы и значения. «Оязыковление» мыслительных понятий протекает на различных уровнях объективации. Переход мысли в язык осуществляется поэтапно, сначала мысль получает статус семантических признаков, а затем оформляется в виде определенной языковой формы.

На первом этапе – семантизации – концептема получает статус семантических признаков. В результате создается синтагмема**.** Логико-семантическая категория квалитативности занимает исходную, замыкающую, смежную, промежуточную позиции с синтагмеме слова в зависимости от степени доминантности выражаемого признака. В связи с чем выделяются собственно качественные синтагмемы и синтагмемы с комитативной квалитативностью.

Неоднородные разноуровневые и межуровневые языковые единицы, объективирующие то или иное понятие, могут находиться в следующих отношениях с логико-мыслительным понятием: воплощение, обозначение, выражения и описания результата анализа языковых явлений.

На уровне **семантизации** нами выделены следующие классы языковых единиц, объективирующие квалитативность: Квалитативно-субстанциальный класс языковых единиц (*беляк, старик, красивое платье, круглое гнездо, сахар и т. д.*); Квалитативно-реляционный класс (*громыхать, громко петь, пить поспешно, отвечать отрывисто, выбелить, покрасить, ужаснуться и т.д.*); Квалитативно-локативный класс (*красивая комната, круглый контейнер, протяженность и т.д.*); Квалитативно-темпоральный класс (*короткая осень; молодость, старость, вечность и т.д.*); Квалитативно-квантитативный класс (*одиночество, равенство и т.д.);* Квалитативно-квалитативный класс (*нравственность, чувственность, страх, дерзость и др.*).

На уровне **формантизации,** т.е этапе экстериоризации компоненты закрепляются за разноуровневыми языковыми формантами. При объективации логико-семантической категории квалитативности на этапе формантизации взаимодействуют различные языковые уровни и каналы объективации.

В результате анализа нами выделяется квалитативность морфематического (Морфемат_Квал) и синтагматического порядка (Синтагм_Квал). В свою очередь морфематическая квалитативность имеет следующие разновидности: морфологическую (объективированную различными морфологическими категориями) и словообразовательную, формантизированную словообразовательными средствами. Синтагматическая квалитативность воплощается в номинативных синтаксических единицах, синсинтагматическая – в коммуникативных синтаксических единицах. Синтаксизация первого порядка осуществляется на уровне словосочетания, синтаксизация второго порядка – на уровне предложения-высказывания, где языковые единицы, объективирующие логико-семантическую категорию квалитативности, получают различные функции (субъекта, объекта, инструмента и т.д.).

Частеречная квалитативность согласуется с основным частеречным вопросом какой(ая, ое)? как? и эксплицируется с помощью адвербиального и адъективного знаков. Контенсионал частеречной квалитативности является антиципированным, подразумеваемым, не соотнесенным с объектом. Контенсионал синтагматической квалитативности актуализирован на уровне словосочетания, обусловлен предицирующими и предицируемыми словами.

Морфологическая квалитативность представлена частеречной квалитативностью (Ч_Квал), частеречной акциональностью (Ч_Акц), частеречной субстанциональностью (Ч_Суб).

Частеречная квалитативность взаимодействует с категориально-семантическим базовым уровнем формантизации, например, *зеленый лист* объективирует синтагмему Суб+Рел_Характ+Квал(Суб) «лист, характеризуемый определенным цветом», которая формантизируется в морфотему КСП_Суб ++ ДСП_Квал, где детерминативно-семантический признак, если его рассматривать отдельно, как несоотнесенный с объектом, представляет собой взаимодействие частеречной квалитативности, логико-семантического признака реляционности квалитативного порядка («характеризующий»), формантизированного на категориальном уровне, и логико-семантического признака квалитативности, получившего статус номинационно-семантического признака, схематически данную взаимосвязь можно представить следующим образом:

КСП_Рел_Квал
Ч_Квал НСП_Квал

Вышеобозначенные каналы объективации вместе с частеречной квалитативностью формантизируют различные логико-семантические признаки, ср. *змеиный яд* = «яд, принадлежащий змее» Суб+Рел_Пос+Суб, где чатеречная квалитативность выполняет лишь формально-классификационную функцию, не семантизирована логико-семантической категорией квалитативности.

КСП_Рел
Ч_Квал НСП_Суб

Частеречная квалитативность, выраженная именем прилагательным является в русском языке синтагматичной благодаря своей морфологической оформленности. Ср. *красив**ый** флаг*, где окончание указывает на частеречную (синтагматиче-

скую) квалитативность; в английском языке *a nice flag* не эксплицирует частеречную квалитативность.

Логико-семантическая квалитативность коррелирует также с частеречной акциональностью, которая согласуется с основным частеречным вопросом что (с)делать? и формантизуется формой глагольного знака, и частеречной субстанциональностью, отвечающей на вопрос кто? что?, эксплицируется именем существительным, представляющей квалитативность как квазипредмет. Это дает нам основание выделить классы субстантивной и вербиальной морфтем, объективирующие логико-семантический компонент квалитативности. При этом мы считаем, что прилагательное – это явный номинативный формант одного из семантических признаков субстантивности (существительного), а наречие – номинализированный семантический признак глагола, который выходит на лексико-синтаксическую поверхность. Субстантивная морфотема представляет качество как свойственное объекту, заложенное в его природе, как нечто отвлеченное от носителя, само выступающее как объект характеристики и качество как проявление определенного действия. Вербиальный класс с логико-семантическим признаком квалитативности объективирует качество как процесс проявления, создания, становления качества, процесс обладания определенным качеством, нахождения в каком-то состоянии.

Логико-семантическая категория квалитативности, объективированная вербиально при помощи различных каналов объективации, является комитативной, представляет для нас особый интерес, так как глагол имеет сложную семантическую структуру, где квалитативность, взаимодействуя с другими логико-семантическими категориями, морфологическими и синтаксическими категориями глагола, претерпевает определенные изменения. В зависимости от способа, канала формантизации необходимо выделить тип релятора, взаимодействующий с логико-семантическим признаком квалитативности, на уровне вербиальной морфотемы.

Формальное значение грамматического качества присуще также причастиям, которые называют иногда «атрибутивными формами глагола.

Логико-семантическая категория квалитативности объективируется на различных уровнях: категориально-семантическом (КСУ), детерминативно-семантическом (ДСУ), ассоциативно-семантическом (АСУ) и номинационно-семантическом уровнях (НСУ), ср. *болеть* (НСП_Квал), *варить* (АСП_Квал), *красота* (НСП_Квал), *тепло* (НСП_Квал), *краснота* (НСП_Квал), *выпрямлять* (НСП_Квал), *говорить взволнованно* (ДСП_Квал), *зеленый лист* (ДСП_Квал) и т.д.

Взаимодействие различных каналов объективации и языковых уровней при объективации логико-семантической категории квалитативности на этапе формантизации можно представить схематически (см. Приложение 1)

Таким образом, нами выявлено взаимодействие квалитативности с другими логико-семантическими признаками на уровне объективации (семантизации и формантизации), определенны квалитативные классы языковых единиц, схематически представлены взаимодействие различных каналов при объективации квалитативности на формантном уровне.

Использование морфотемной концепции, разработанной А.И. Фефиловым, при изучении логико-семантической категории квалитативности, позволяет глубже понять взаимодействие понятия с языковой единицей, являющейся многомерной и многоуровневой.

Список сокращений:

КСП – Категориально-семантический, базовый уровень семантизации

НСП – Номинативно-семантический, и мотивационно-семантический, вспомогательный или фоновый уровень формантизации

ДСП – Детерминативно-семантический уровень формантизации, уровень вспомогательного, смежного наименования

АСП – Ассоциативно-семантический уровень формантизации

Суб – логико-семантический признак субстанциальности (предметности)

Квал – логико-семантический признак квалитативности (качества, свойства)

Акц – логико-семантический признак акциональности (действия)

Темп – логико-семантический признак темпоральности (времени, длительности)

Лок – логико-семантический признак локативности (внутреннего или внешнего пространства)

Кван – логико-семантический признак квантитативности (множества, количества)

Рел – логико-семантический признак реляционности (отношения, связи)

Трансм – логико-семантический признак трансмотивности (движения)

Ч_Квал - Частеречная квалитативность

++ означают контактную конституентную связь логико-семантических признаков

+ означает дистантную связь логико-семантических признаков

Список литературы:

Акуленко В.В. Лексические средства выражения интенсивности качественного признака в совр. рус. яз. (на мат. им. прил.). Киев, 1987.

Бондарко А.В. Методологические проблемы языкознания. Киев, 1988.

Валиева Э.Г. Лексическая категория качества в современном английском языке. Диссетрация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. М., 1976.

Васильев Л.М. Семантические классы русского глагола. Диссертация на соискание д.ф.н. Уфа, 1970.

Вердиева З.Н. Семантическое поле в современном английском языке М., 1986.

Галич Г.Г. Градуальные характеристики квалитативных прилагательных, глаголов и существительных в современном немецком языке. Диссертация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. Л., 1981.

Гулыга Е.В., Шенделъс Е.И.О компонентном анализе значимых единиц языка //Принципы и методы семантических исследований М., 1976 с. 291-313.

Дзбановская Г.С. Глагольная и именная репрезентация качества в современном английском языке. Диссертация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. М., 1974.

Ильченко О.М. Средства выражения предметной качественности в современном английском языке): Диссетрация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. Киев, 1991.

Клюева Г.В. проблема лексической категории/ на материале категории качества в современном нем. яз.: Диссертация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. М., 1975.

Козлова И.А. Градуальность качества в разных в разных типах номинации. (на мат. английских прил.): Диссертация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. М., 1987.

Лебедева Л.В. Влияние категориальной принадлежности слова на развитие семантики (на мат. рус. и англ. языка): Диссертация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. Саратов, 1993.

Левина Н.В. Развитие функционально-семантического поля состояния с ядром – словами категории состояния в новоанглийском языке. Диссертация на соискание к.ф.н. Л., 1985.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: Учебное пособие по спецкурсу. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

Разинкова Л.И. Лексическое выражение категории качества в современном английском языке. М., 1948.

Шарипов А. Функционально-семантическое поле качественного признака человека в совр. нем.яз. М., 1983.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

<table>
<tr><td colspan="3">Морфотемная квалитативность</td><td rowspan="2">Время, число, лицо и т.д.</td><td rowspan="3">Ч_Суб
Ч_Квал
Ч_Акц</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Морфематическая квалитативность</td><td rowspan="2">Морфологическая квалитативность</td><td>классификационная</td></tr>
<tr><td>семантизированная</td><td>Аспектуальность</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Словообразовательная квалитативность</td><td rowspan="2">приставки</td><td colspan="2">классификационный</td></tr>
<tr><td colspan="2">семантизированные</td></tr>
<tr><td rowspan="2">суффиксы</td><td colspan="2">классификационные</td></tr>
<tr><td colspan="2">семантизированные</td></tr>
<tr><td colspan="4">Синтагматическая квалитативность</td><td>Суб/Агенс</td></tr>
<tr><td colspan="2">Синсинтагматическая квалитативность</td><td>Суб / Агенс</td><td>Инструмент</td><td>Объект</td><td>Пациенси др.</td></tr>
</table>

Канд. филол. наук С.В.Гудилова (Ульяновск)

ПОЛЕВОЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ КОМПОЗИТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ СЕРЕДИНЫ 50-Х – СЕРЕДИНЫ 80-Х ГОДОВ)

Понятие **поля** активно используется в разных сферах современной лингвистики (Уфимцева 1961; Щур 1974; Караулов 1976; Кузнецов 1980; Бондарко 1984, 2002; Всеволодова 2000 и др.). Под полем понимается «совокупность языковых (главным образом лексических единиц), объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей)…» (ЛЭС 1990: 381). Невозможно решить и проблемы композитологии без применения **полевого подхода.** Однако вопрос о моделировании словообразовательного поля сложных слов относится к числу практически неизученных.

Сложные слова образуют особое лексическое поле, которое можно было бы на основании принципов его выделения назвать **морфолексическим.** Оно служит для объединения в одну **систему всех слов с общими свойствами морфемной структуры**, включающей две или более корневых морфемы, и формируется на основании общности **формальных** показателей.

Любое поле языковых средств характеризуется своим центром (ядром) и периферией [Бондарко 1976: 213; Бондарко 2002: 321].

Морфолексическое поле в современном русском языке представляет собой сложно организованную в формальном отношении лексическую систему, которая включает в свой состав целый ряд других систем, которые также могут рассматриваться в качестве полей особого типа (субполей в рамках морфолексического поля).

Центральным сегментом морфолексической системы сложных слов является более частное и наиболее строго организованное поле особой языковой природы – **словообразовательное поле сложных слов** (о важности понятия словообразовательного поля см.: Ревзина 1969). Дериваты, принадлежащие данному словообразовательному полю, мотивируются несколькими производящими, а словообразовательным формантом является операционный дериватор – сложение элементов производящей базы (*лесопарк, впередсмотрящий, диван-кровать, СНГ*), нередко в сочетании с аффиксальными дериваторами (*мореплава**тель**, землекоп-**ø***).

Не войдут в **словообразовательное поле сложных слов** (но будут на его периферии) так называемые ложные композиты: *железобетонный ← железобетон, новгородский ← Новгород* и т.п., так как они, обладая многокорневой основой, являются аффиксальными дериватами.

Граница между «истинными» сложными словами и ложными композитами не так уж очевидна, и на практике возникают проблемы с разграничением этих двух видов дериватов даже в таких основательных лексикографических трудах, как Словарь новых слов русского языка 1950-1980 гг. под редакцией Н.З.Котеловой (СНС).

Случаи смешения суффиксальных и префиксальных образований с дериватами-сложениями свидетельствуют о том, что теоретически очевидные принципы отграничения сложных слов от ложных композитов при практическом их применении на большом массиве слов могут вызывать даже у опытных и квалифицированных лексикографов затруднения и явные ошибки.

Так, в СНС в качестве композитов рассматриваются отвлеченные существительные с суффиксом *-ость* типа *помехозащищенность, энергонасыщенность* и др. под. В СНС рядом со словом *энергонасыщенность* помещен и собственно композит *энергонасыщенный*; сравнение этого композита с производным от него существительным *энергонасыщенность* со всей очевидностью показывает, что данное существительное (как и все подобные слова) – это суффиксальное образование, а вовсе не результат сложения.

Группу ложных композитов из словника СНС представляют имена прилагательные типа *макромолекулярный, цитохимический, неокапиталистический*, *сейсморазведочный* и др. под, образованные от существительных; составители СНС в словообразовательной справке рассматривают два возможных, на их взгляд, пути образования таких прилагательных, хотя рассмотрение таких слов с деривационной точки зрения допускает лишь один, суффиксальный, способ образования.

Таким образом, далеко не все слова, называющиеся в словаре-источнике сложными, на самом деле таковыми являются.

Не будут входить в **пределы морфолексической системы сложных слов и** непроизводные и нечленимые в русском языке заимствованные слова типа *бобслей, киднепинг.*

В целом структура морфолексической системы сложных слов предстает в следующем виде (см. схему 1).

Схема 1

Морфолексическая система сложных слов русского языка

I ***СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ*** ***(центр, или ядро морфолексической системы*)** **Включает различные типы сложных и аффиксально-сложных дериватов:** *лесопарк, лесоруб, землечерпалка, МГУ, впередсмотрящий, музей-квартира, филология*
II ***ПЕРИФЕРИЯ МОРФОЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СЛОЖНЫХ СЛОВ*** ***(вне словообразовательного поля сложных слов)*** **Включает ложные композиты (**аффиксальные дериваты типа *лесопарковый, филолог, филологический*)

Итак, морфолексическая система сложных слов представляет собой особое поле со своим центром и периферией, со своими границами. Каждый из сегментов этой системы в свою очередь представляет собой более частное поле (или субполе). Термин «*микро*поле» подходит в меньшей степени – в связи с тем, что каждый из основных сегментов поля сложных слов образуется достаточно большим количеством лексических единиц (исчисляемых сотнями, а то и тысячами, как в случае с главным концентром поля – субполем композитов в узком смысле). Реализуется, по удачному выражению **Н.М.Шанского, «принцип матрешки»: в рамках поля устанавливается еще одно, более частное поле, и так далее.**

Можно предположить, что словообразовательное поле сложных слов не является моноцентрическим, что оно, в свою очередь, состоит из двух концентров (полей, которые являются по отношению к общему словообразовательному полю сложных слов субполями).

Первый, самый обширный концентр словообразовательного поля сложных слов образуется, по нашей терминологии, композитами. Это сложные слова с бесспорной производностью: а) производностью синтагматической, согласно критерию Винокура, т.е. соотносимостью со «свободными» производящими основами, ср.: *лес, парк* → *лесопарк*; б) производностью парадигматической, ср. словообразовательную модель соотносительных слов типа *лесопарк, таксопарк* и т.п.

Второй концентр словообразовательного поля сложных слов образуется дериватами, которые мы предлагаем обозначать особым термином квазикомпозиты. Квазикомпозитами являются сложные слова типа *филология, гомеостат, аутогенный,* которые не обладают всеми свойствами композитов. Квазикомпозиты не могут считаться производными в соответствии с критерием Винокура (нет отношений синтагматической производности от свободных основ), но обычно они рассматриваются в качестве сложных слов, «производных по модели», см.: Кубрякова 1981 (наличествует парадигматическая производность). Большое количество таких слов наряду с композитами содержится во многих лексикографических изданиях, например в составе словообразовательных гнезд, зафиксированных в Словообразовательном словаре А.Н.Тихонова (ССРЯ), в Толковом словообразовательном словаре [Ширшов 2004] и др. В то же время очевидно, что квазикомпозиты – это особый пласт сложных слов. Этим и обусловлено выделение квазикомпозитов в особый концентр в рамках словообразовательного поля сложных слов.

Первый из указанных концентров словообразовательного поля сложных слов – субполе собственно композитов – основной (базисный). Сложные слова-квазикомпозиты – дополнительный, периферийный концентр словообразовательного поля сложных слов.

Строение словообразовательного поля сложных слов в современном русском языке может быть представлено следующим образом (см. схему 2).

Итак, система сложных слов может быть представлена как особая лексическая подсистема – морфолексическое поле, т.е. поле слов, формируемое на основе такой особенности, как полицентричность морфемной структуры. Основу данной морфолексической системы составляет другое, более узкое, но более четко структурированное поле – словообразовательное поле сложных слов. Периферийную область общей морфолексической системы сложных слов составляют ложные композиты типа *лесостепной, филологический*. За пределами морфолексической

системы сложных слов находятся заимствованные из иностранных языков нечленимые и непроизводные в современном русском языке слова типа *армрестлинг, бобслей, киднепинг.*

Схема 2

Общая структура словообразовательного поля сложных слов

Первый (основной) концентр поля: СОБСТВЕННО КОМПОЗИТЫ	**Второй концентр поля: КВАЗИКОМПОЗИТЫ**
картофелепродукты, водогрязелечебница, декоративно-прикладной, самообеспечиваться; выставка-продажа, кафе-клуб, корабль-спутник; выставком, ПТУ, СВ, стереовизор, учхоз; труднодостижимый, широкообразованный, хлоросодержащий	аллерген, геотермальный; биоэкос, тайм-аут, ноосфера; арболит, гомеостат, аутогенный; трасология

Перспективы дальнейшего описания данной категории дериватов связаны с последовательным применением полевого подхода к словообразованию и расширением исследовательской базы, привлечением представительных словарных баз данных.

Цитируемая литература:

Бондарко А.В. 1976: Теория морфологических категорий. – Л., 1976.

Бондарко А.В. 1984: Функциональная грамматика. – М., 1984.

Бондарко А.В. 2002: Теория значения в системе функциональной грамматики. – М., 2002.

Всеволодова М.В. 2000: Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М., 2000.

Караулов Ю.Н. 1976: Общая и русская лексикография. – М., 1976.

Кубрякова Е.С. 1981: Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1981.

Кузнецов А.М. 1980: Структурно-семантические параметры в лексике. – М., 1980.

ЛЭС 1990: Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.

Ревзина О.Г. 1969: Структура словообразовательных полей в славянских языках. – М., 1969.

СНС: Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н.З.Котеловой. СПб., 1995.

ССРЯ: А.Н.Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка: В двух томах. – М., 1985.

Уфимцева А.А. 1961: Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.

Ширшов И.А. 2004: Толковый словообразовательный словарь русского языка. – М., 2004.

Щур Г.С. 1974: Теории поля в лингвистике. – М.-Л., 1974.

Соискатель С.О.Гуляйкина (Пенза)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ МАНИПУЛЯЦИЙ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В настоящей статье обращается внимание на методологические основы исследования языкового выражения манипуляций. Под методологией в научном смысле понимается «систематический анализ методов, применяемых для получения научного знания и тех общих принципов, которыми направляется научное исследование» [Философия 2004: 496]. Согласно философскому энциклопедическому словарю все методологические исследования делятся на общие, частные и конкретные.

Раскроем понятия методологических исследований более подробно. Общая методология «занимается вопросами обоснования научного знания независимо от того, в какой из конкретных научных дисциплин оно получено» [Философия 2004: 496]. Частная методология «исследует методологические проблемы отдельных наук или их узких групп» [Философия 2004: 496]. Конкретная методология, называемая иногда методикой, «занимается методологическими аспектами, связанными с отдельными исследовательскими операциями в рамках конкретных научных дисциплин» [Философия 2004: 497].

В плане **общей методологии** манипуляция должна рассматриваться как одна из универсальных характеристик любого человеческого социума (общества). Как известно, основным средством общения людей, живущих в неком социуме, является язык. Именно в языке обнаруживается наиболее полное проявление феномена манипуляции. Если мы исходим из того положения, что общество не может существовать без языка, то мы должны признать тот факт, что оно также не существует без манипуляций.

Отметим также, что общество располагает не только основным средством осуществления манипуляции – языком, но и бесконечным множеством субъектов и объектов манипуляции. Человек, будучи существом глубоко социальным, «возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием» [С.Г.Кара-Мурза 2001: 11]. Полностью соглашаясь с мыслью С.Г.Кара-Мурзы, заметим, что жить в обществе и быть свободным от общества невозможно, а потому общество не может не манипулировать.

Вслед за Е.Л.Доценко полагаем, что основанием манипуляции является «манипулятивная природа социума» [Е.Л.Доценко 2000: 68]. Среди предпосылок, способствующих проведению манипулятивного воздействия, Е.Л.Доценко выделяет: конфликт человека с самим собой, ощущение абсолютной беспомощности, недоверие по отношению к другим людям и пр. [Е.Л.Доценко 2000: 63-64]. Следовательно, манипуляция возникает из различных психологических установок людей, существующих и взаимодействующих в неком социуме. В связи с этим

манипуляция рассматривается как один из видов психологического воздействия [см.: Е.Л.Доценко 2000, Г.А.Ковалёв 1989, В.Н.Куницына 2001 и др.].

Под *воздействием* в самом общем смысле понимается процесс, «который реализуется в ходе взаимодействия двух и более равноупорядоченных систем и результатом которого является изменение в структуре (пространственно-временных характеристиках), состоянии хотя бы одной из этих систем» [Г.А.Ковалёв 1989: 5].

В центре внимания нашего научного исследования находится *психологическое воздействие*, которое представляется как «изменение психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения за счёт использования психологических, социально-психологических закономерностей» [В.Н.Куницына 2001: 491].

Исследуя явление манипуляции как одного из видов психологического воздействия, в общенаучном плане представляется наиболее практичным пользоваться методологией, разработанной современным российским философом А.А.Гагаевым. Предложенная им концепция предполагает формализацию связи категорий и схем при исследовании систем с целью выявления их основ [см.: А.А.Гагаев 1994: 3]. Пользуясь субстратным подходом А.А.Гагаева, необходимо различать четыре одновременно сосуществующих изучаемого предмета: 1) исходный предмет; 2) развитой предмет в собственном смысле слова; 3) то, во что данный предмет превращается; 4) будущий предмет. Каждая из перечисленных ступеней сущности исследуется в пяти аспектах (целевых подсистемах): всеобщее (в онтологическом плане – бытие), общее (сущность), конкретно-абстрактное (необходимость), особенное (явление), единичное (действительность) [А.А.Гагаев 1991: 173-203]. Таким образом, рассматривая изучаемый предмет на четырёх ступнях сущности – и на каждой из них – через пять целевых подсистем, исследователь получает возможность увидеть свой предмет в 20-ти аспектах его изучения.

В качестве **частной методологии** нам импонирует методология, предложенная А.В.Пузырёвым. В известном смысле её можно считать своеобразным продолжением (или уточнением) субстратного подхода А.А.Гагаева. В своей монографии «Анаграммы как явление языка» А.В.Пузырёв рассматривает четыре ступени сущности изучаемого предмета с позиций лингвистики, в результате чего выявляется следующая тетрахотомия: ***мышление*** (исходный предмет) – ***язык*** (развитой предмет в собственном смысле слова) – ***речь*** (то, во что данный предмет превращается) – ***коммуникация*** (будущий предмет). Исследуя явление манипуляции посредством двадцатиклеточной системы описываемого подхода, в данной статье остановимся подробнее на целевой подсистеме «Общее», так как именно она раскрывает логические аспекты изучаемого явления.

На уровне мышления – уровне полагающей рефлексии – необходимо исследовать основание изучаемого явления. Как отмечалось выше, основанием манипуляции являются манипулятивные социальные предпосылки, способствующие проведению такого воздействия и возникающие в процессе взаимодействия людей, живущих в обществе. Однако не всякое психологическое воздействие становится манипуляцией. Понятие *психологическое воздействие* является родовым понятием по отношению к понятию *манипуляция*; оно может быть различных ви-

дов, в том числе и манипулятивным. Выделим те черты, которые присущи манипулятивному психологическому воздействию:

1. Скрытость, косвенность воздействия: манипуляция имеет успех тогда, когда она остаётся незамеченной объектом воздействия, который не в состоянии раскрыть истинных намерений манипулятора.

2. Мастерство манипулирующего: термин «манипуляция» имеет в корне элемент латинского слова manus – рука, что трактуется как ловкость, сноровка в умении обращаться с предметами (объект манипуляции рассматривается манипулятором именно как вещь) [см.: Е.Л.Доценко 2000, С.Г.Кара-Мурза 2001 и др.].

3. Возникновение собственного намерения или желания у объекта манипуляции: возникновение самостоятельного стремления у жертвы манипуляции необходимо для осуществления полного контроля его действий, от которых зависит успех / неуспех манипулятивного акта.

4. Получение выгоды (материальной или нематериальной) манипулятором: собственно то, ради чего манипулятор осуществляет психологическое воздействие

5. Разрушительность результатов: негативный (деструктивный) характер манипуляциий неизбежен, так как в своей основе манипуляция имеет разрушительное намерение – использовать человека как средство достижения поставленной цели.

Следует особо оговорить те случаи, в которых действия, внешне (под «внешностью» мы понимаем речевую репрезентацию) кажущиеся феноменами одного порядка, на самом деле могут иллюстрировать явления противоположного характера. Таковыми в нашем исследовании являются речевая манипуляция и коммуникативное искусство. В тех случаях, когда намерения манипулятора благородны, преследуемые им цели возвышенны (например, в сказках – желание помочь другу, избавить близкого человека от страданий, спасти жизнь любимой и т.п.), и ради их достижения он пользуется манипулятивной тактикой воздействия, то в данном случае речь идёт об *искусстве коммуникации*. Примером подобного искусства может быть общение врача-психотерапевта или психолога со своим пациентом, направленное на повышение больным собственной самооценки, приобретение уверенности в себе и, как следствие, улучшение психического и физического самочувствия. На уровнях языка и речи различия в явлениях коммуникативного искусства и манипуляции не релевантны, основное разграничение в понимании этих феноменов имеет место на уровнях мышления и коммуникации, что является предметом отдельного исследования.

Итак, под *манипуляцией* мы понимаем особый вид психологического воздействия, искусное исполнение которого приводит к скрытому возбуждению у объекта манипуляции желания или намерения, не являющегося его собственным и приводящим к получению определённой выгоды субъектом манипуляции за счёт разрушения её объекта.

Уровень языка – основной детерминирующий уровень, на котором исследователю предстоит выявить сущность изучаемого предмета. Поскольку на данном уровне господствует предполагающая рефлексия, позволим себе сформулировать следующие гипотезы:

Манипуляцию следует рассматривать как явление психолингвистическое, нежели просто психологическое, так как любое взаимодействие людей, связанное с общением (в том числе и манипулятивным, [см.: А.Б.Добрович 1987: 89-113]), невозможно без языка и его средств выражения.

Язык, как основное средство осуществления манипуляции, располагает особым набором языковых средств, которые содержат определённые манипулятивные возможности и, следовательно, способствуют созданию манипулятивного стиля говорящего.

Манипулятивный стиль говорящего складывается, вероятнее всего, из тех языковых средств, которые содержат в себе определённую эмоциональную окраску, повышенную или сниженную эстетическую ценность, элементы повтора, отступление от нормы, избыточность элементов и пр. Подобные языковые приёмы призваны, на наш взгляд, привести объект манипуляции в состояние психического дисбаланса, что должно снизить его сопротивляемость к психологическому воздействию, создать некий эффект давления, исключить способность адресата объективно разобраться в ситуации, и, в результате, позволить манипулятору произвести манипулятивный акт.

Манипулятивные языковые средства пронизывают, по-видимому, все пять общепринятых языковых ярусов: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический и семасиологический. Наиболее эффективными в проведении манипуляции могут оказаться:

на фонетическом уровне – стилевое варьирование фонем, ударение (словесное и фразовое), мелодия, интонация;

на морфологическом уровне – синонимия (парадигматическая эквивалентность, взаимозаменимость), вариативность в употреблении (частичная взаимозаменимость), эмоциональная окрашенность морфем;

на лексическом уровне – принадлежность к различным лексикологическим группам слов (архаизмы, неологизмы и пр.), эмоционально-оценочная лексика, смешение стилей, повтор;

на синтаксическом уровне – отклонение от элементарной двусоставной модели предложения, отсутствие строевых элементов, избыточная сложность синтаксической модели, инверсия, переосмысление синтаксических значений, параллелизм;

на семасиологическом уровне – эпитет, фигуры количества, качества, тождества, неравенства, противоположности [Ю.М.Скребнев 1975: 88-156].

Исследование языкового выражения манипуляций на уровне речи заставляет перейти на уровень требований **конкретной методологии**, в рамках которой находят своё применение различные методы лингвистических исследований: метод стилистического анализа, описательный метод, сравнительный метод, метод сопоставительного анализа, метод интерпретации текста и др.

Приведём пример использования метода стилистического анализа языковых средств в исследуемом речевом материале. В цитируемом отрывке, взятом из русской народной сказки «Оклеветанная купеческая дочь», главная героиня, желая спасти своего брата и восстановить своё честное имя, демонстрирует искусство речевого воздействия (с целью приведения объекта манипуляции – генерала – в

состояние психического дисбаланса она сказала царю, что он украл у неё перчатку):

«Генерал начал божиться: ничего знать не знаю и ведать не ведаю. «Как же ты не знаешь? – говорит ему купеческая дочь. – Сколько раз бывал в моём доме, со мной на постели лёживал, в любовные игры поигрывал…» – «Да я тебя впервой вижу! Никогда у тебя не бывал и теперь – хоть умереть – не знаю: кто ты и откуда приехала.» – «Так за что же, ваше величество, мой брат страждает?» – «Который брат?» – спрашивает царь. «А вон которого на виселицу привели!» Тут всё дело начистоту открылося…» [Народные русские сказки 1957 т.3: 75].

На фонетическом уровне отметим интонацию девушки: две вопросительные реплики («Как же ты не знаешь?» и «Так за что же, ваше величество, мой брат страждает?»), эмотивное высказывание («А вон которого на виселицу привели!»); особую интонацию перечисления («бывал в моём доме, со мной на постели лёживал, в любовные игры поигрывал…»).

На уровне морфологии употребляются усилительные частицы: «же» («Как же…», «… за что же…»), «так» («Так за что…»), «вон» («А вон которого…»), используется личное местоимение «я» в различных вариантах (падежная форма «со мной», притяжательное местоимение «мой» («в моём доме», «мой брат»)), выбран ряд глаголов несовершенного вида в прошедшем времени («бывал», «лёживал», «поигрывал»).

На лексическом уровне языка использовано сочетание эмоционально-оценочных лексических единиц различных стилевых групп: существительные, содержащие явно интимный контекст «дом – постель – игры» и архаичный глагол «страждать», присущий возвышенному стилю.

На синтаксическом уровне языка обратим внимание на употребление вопросительной фразы в несобственном значении («Как же ты не знаешь?»), наличие однородных сказуемых в предложении «Сколько раз бывал в моём доме, со мной на постели лёживал, в любовные игры поигрывал…».

Семасиологический ярус представлен в виде нарастания (климакса – термин Ю.М.Скребнева, [Ю.М.Скребнев 1975: 150]): «…бывал в моём доме, со мной на постели лёживал, в любовные игры поигрывал…».

Как показал стилистический анализ приведённого эпизода из сказки «Оклеветанная купеческая дочь», языковые средства, используемые манипулятором, достаточно выразительны и экспрессивны (особая интонация, оценочная лексика и т.д.), что подтверждает одну из наших гипотез о характере языкового выражения манипулятивного воздействия (в данном случае – искусства общения).

Рассмотрим языковые манипулятивные средства, используемые в англоязычной литературе на примере народной сказки «Jack Hannaford/ Джек Хэннефорд». Джеку предстоит провести фермера, чтобы сохранить деньги, которые он выманил у его жены и спасти себя самого от преследования:

«”Lord save you!” exclaimed Jack; “I’ve seen a rare sight.”

“What was that?”

“A man going straight up into the sky, as if he were walking on the road.”

“Can you see him still?”

“Yes, I can.”

“Where?”

“Get off your horse and lie down.”

“If you will hold the horse.”

Jack did so readily.» [English Fairy Tales 1898: 45].

«– Да благословит тебя Господь! – воскликнул Джек. – Такое редко увидишь! (Досл.: У меня было редкое видение!)

– Что это было?

– Человек поднимался прямо на небо, как будто бы он по дороге шёл.

– И сейчас ты его видишь?

– Да.

– Где?

– Слезай с лошади и ложись рядом.

– Не подержишь ли моего коня?

Джек охотно согласился.»

Заметим, что манипуляция Джека завершилась успешно: он вскочил на коня и умчался прочь от лежащего на земле фермера, у которого действительно было «редкое видение»: человек стрелой мчался по дороге на его собственной лошади.

Проводя стилистический анализ данного отрывка, обнаруживаем, что на фонетическом уровне используется эмотивное высказывание «Lord save you!/ Да благословит тебя Господь!» в сочетании с авторским словом «exclaimed/ воскликнул».

На уровне морфологии наблюдаем сохранение формы were в условном предложении «…if he were walking…/…будто бы он … шёл» (ср.: совр. тенденция – if he was) и императив «Get off your horse and lie down./ Слезай с лошади и ложись рядом.».

Лексический языковой ярус представлен цепочкой существительных «Lord/ Господь», «sight/ видение», «sky/ небо, небеса», имеющих возвышенную коннотацию.

На уровне синтаксиса отметим наличие эллипса (опущение вспомогательного глагола was в предложении «A man (was) going…»).

На семасиологическом уровне употребляются сравнительная конструкция «as if he were…/ как будто бы он…» и устойчивое выражение «Lord save you!/ Да благословит тебя Господь!».

Стилистический анализ приведённого отрывка из английской народной сказки «Jack Hannaford/ Джек Хэннефорд» убеждает нас в том, что англоязычные речевые приёмы, также как и русские, в целом совпадают с выделенными нами – на основании методики Ю.М.Скребнева – средствами языкового выражения манипуляций.

На уровне коммуникации явление манипуляции должно рассматриваться с позиции общения внутри сказки и общения со сказкой. Исследование общения читателя со сказкой предполагает использование психолингвистических методов (напр., свободно направленный ассоциативный эксперимент), что не входит в рамки данной работы.

Исследование общения внутри сказки включает в себя изучение всего контекста, содержащего манипуляцию, и предполагает выяснение личностно-ориентированного смысла, который лежит в основе той или иной манипуляции (или коммуникативного искусства). Обратимся к примеру, взятому из сказки

«Оклеветанная купеческая дочь»: генерал (объект воздействия) находится в состоянии психического дисбаланса: он напуган (так как обвинён купеческой дочерью в краже, которой не совершал), пытается оправдаться, ищет доказательства опровержения своей вины (божится, клянётся и т.п.). Девушка, подготовившая описанное психологическое основание для проведения речевого воздействия, используя соответствующие языковые средства, успешно добивается поставленной цели: генерал признается, что не знает её, а царь отменяет казнь брата.

Аналогично поведение героев в эпизоде из английской народной сказки «Jack Hannaford/ Джек Хэннефорд»: фермер находится в состоянии душевного переживания (он жаждет поймать вора, укравшего деньги у его жены), Джек отвлекает его внимание на некое чу́дное видение, пользуясь манипулятивными средствами языка, легко убеждает фермера в своей правоте, и тот доверяет мошеннику свою лошадь.

Как видно из приведённых и других имеющихся у нас примеров, на уровне коммуникации уровни мышления, языка и речи выступают в единстве, благодаря чему внутри сказки воссоздается уникально-неповторимый коммуникативный акт.

Таким образом, в исследовании языкового выражения манипуляций в народных сказках должны учитываться требования методологии всех трёх уровней: общей, частной и конкретной.

Цитируемая литература:

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 1991. – 308 с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании: К вопросу о понятии «субстрат» в классической, неклассической, постнеклассической науке и метафизике. Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 1994. – 48 с.

Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М.: Просвещение, 1987. – 207 с.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 2000. – 344 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием в России сегодня (Серия: История России. Современный взгляд). – М.: Алгоритм, 2001. – 544с.

Ковалёв Г.А. О системе психологического воздействия (К определению понятия) // Психология воздействия (проблемы теории и практики): Сб. науч.тр. / АПН СССР. НИИ общей и пед. психол. / Ред. А.А.Бодалев. М.,1989. С.5-14.

Куницына В.Н., Казарина Н.В., Погольша В.Н. Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб.: Питер,2001. 544с.

Народные русские сказки: В 3-х томах. / Составитель А.Н.Афанасьев. Т.3. М.: Государственное издательство худ. лит-ры, 1957. 572 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975. – 179 с.

Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А.Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072с.

English Fairy Tales. Selected and edited with an introduction by Sir George Douglas. New York: A.L. Burt Company, 1899. 360 p.

Аспирант А.Р.Давлетбердина (Уфа)

ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ *ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ* (В СООТНОШЕНИИ С ПОНЯТИЕМ *ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ*)

Исследования проблемы «язык и мышление» имеют давнюю историю, поскольку обусловлены интересом науки к взаимодействию и взаимосвязи рассматриваемых феноменов, но, несмотря на наличие большого количества работ общего и частного характера, остается много, так называемых, «белых пятен» – неисследованных аспектов. Именно поэтому эта проблема продолжает привлекать к себе внимание ученых.

В данном контексте мы считаем целесообразным вновь обратиться к вопросу о языковой личности, поскольку лингвистические исследования такого рода считаются общепризнанными и необходимыми для изучения диалога национальных культур. Параметры исследования языковой личности находятся лишь в стадии разработки. Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого Й.Вейсгербера.

В отечественной лингвистике впервые данный вопрос стал разрабатываться В.В. Виноградовым, который обозначил два пути изучения рассматриваемого феномена – личности автора и личности персонажа [В.В.Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977]. О говорящей личности писал А.А. Леонтьев [А.А.Леонтьев. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999]. Само понятие языковой личности разработал Г.И. Богин, создав модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Г.И.Богин. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Л., 1984, с. 35]. Введено данное понятие в широкий научный обиход Ю.Н. Карауловым, считавшим, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [Ю.Н.Караулов. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987, с. 115]. Языковая личность, по мнению Ю.Н. Караулова, имеет три структурных уровня. Первый уровень – вербально-семантический, отражающий степень владения обыденным языком, второй – когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности), и создающих коллективное или индивидуальное когнитивное пространство. И третий – высший уровень – прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

В современной науке о языке помимо указанных выше имеются различные подходы к изучению языковой личности: в частности, этносемантический (С.Г.Воркачев), словарный (В.И.Карасик), многокомпонентный – человек предстает как говорящая, собственно языковая, речевая и коммуникативная личности (В.В.Красных) и др.

Понятие «личность» является одним из самых существенных и иерархически главных в раскрытии важнейших проблем взаимосвязи языка и мышления, диалектики их развития. Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры, языке и мышлении. Изучение данных сравнений, полученных в условиях направленного ассоциативного эксперимента с русско- и башкирскоговорящими испытуемыми, позволяет нам, продолжая рассуждения С.Лема, дать определение *лингвокультурной* личности как закрепленного в языке базового национально-культурного прототипа носителя анализируемых языков, составляющих вневременную и инвариантную часть структуры личности (включая языковую).

Аспирант Е.А. Денисова (Москва)

ПРИЗНАКИ МОНОЛОГА И ДИАЛОГА

Проблемами монолога и диалога в отечественном языковедении занимались такие выдающиеся лингвисты, как М.М.Бахтин, В.В.Виноградов, Ю.М.Лотман, Л.В.Щерба, Л.П.Якубинский и др.

Говоря о диалоге как форме словесного выражения, мы подразумеваем под ним «форму речи, состоящую из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта (от лат. dialogos – беседа, разговор двоих)» (ЛЭС 1990: 135).

В противоположность диалогу монолог – форма речи, «образуемая в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие. Иногда монологическую речь определяют и как интраперсональный речевой акт. Характеризуется он значительной протяженностью, связностью (во всех отношениях) компонентов-высказываний, смысловой завершенностью» (ЛЭС 1990: 310). В.В.Виноградов, Н.Н.Иванова и др. считали монолог первичной речевой формой. Они характеризовали его как форму, органически свойственную литературным произведениям, хотя и допускающую диалогические вкрапления (см.: Карпенко 2005).

В работах Л.В.Щербы, Л.П.Якубинского «прослеживается четкое разграничение монологической и диалогической форм речи при явном предпочтении диалогической формы общения» (Филиппов 2003: 206).

Л.В.Щерба четко разграничивал литературный язык, в основе которого лежит монолог, и разговорную речь, характерной чертой которой является диалог. «Диалог – это, в сущности, цепь реплик. Монолог – это уже организованная система облеченных в словесную форму мыслей, отнюдь не являющаяся репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих. Всякий монолог есть литературное произведение в зачатке» (Щерба 1957: 115).

К характерным особенностям диалогической речи, по Л.В. Щербе, относится реплицирование, спонтанность речевых реакций собеседников, зависимость реплики как от ситуации общения, так и от высказываний партнера по коммуникации.

Л.П.Якубинский разделял взгляды Л.В. Щербы на разграничение монологической и диалогической форм речи. Несмотря на то, что он отмечал условность применения терминов естественный / искусственный по отношению к диалогу и монологу, предпочтение все же отдавал диалогической форме общения. Он писал: «В сущности, всякое взаимодействие людей есть именно *взаимо*-действие; оно по существу стремится избежать односторонности, хочет быть двусторонним, "диалогичным" и бежит "монолога"» (Якубинский 1923: 133). Отличительными признаками диалогической речи, по Л.П.Якубинскому, является непосредственный характер общения, краткость реплик, отсутствие особой заданности компонентов и предумышленной связанности в построении реплик.

Несколько иной является точка зрения М.М.Бахтина на проблему разграничения монолога и диалога. Если русские формалисты признавали, что монолог вторичен по отношению к диалогу, то «для Бахтина граница между диалогом и монологом значит неизмеримо больше, нежели для формалистов. Она не совпадает с границей между *воспроизведением* и *повествованием* (диалогом и монологом) в том или ином рассказе или пьесе» (Кристева 2000: 430). У М.М.Бахтина диалог может быть монологичным, а монолог нередко оказывается диалогом. «Для него эти понятия относятся к языковой инфраструктуре, подлежащей изучению со стороны *семиологии* литературных текстов – семиологии, которая, не довольствуясь ни методами лингвистики, ни данными логики, вместе с тем должна строиться, исходя из них» (Кристева 2000: 431).

Центральным понятием при определении границ высказывания для М.М.Бахтина является смена речевых субъектов:

«Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может. Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному строению, они обладают как единицы речевого общения общими структурными особенностями, и прежде всего совершенно четкими границами. (…) Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются с м е н о й р е ч е в ы х с у б ъ е к т о в, то есть сменой говорящих. Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после их окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании). Говорящий кончает свое высказывание, чтобы передать слово другому или дать место его активно ответному пониманию. Высказывание – это не условная единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов, кончающаяся передачей слова другому, как бы молчаливым "dixi", ощущаемым слушателями [как знак], что говорящий кончил» (Бахтин 1986а: 440-441).

Такое понимание высказывания сводит к минимуму различие между монологическими и диалогическими высказываниями, так как и в одном и другом случае границу высказывания определяет смена говорящего субъекта.

Суть диалогических отношений, по М.М. Бахтину, заключается в следующем: «Это особый тип с м ы с л о в ы х отношений, членами которых могут быть только ц е л ы е в ы с к а з ы в а н и я (или рассматриваемые как целые, или потен-

циально целые), за которыми стоят (и в которых выражают себя) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний. Реальный диалог (житейская беседа, научная дискуссия, политический спор и т.п.). Отношения между репликами такого диалога являются наиболее внешне наглядным и простым видом диалогических отношений. Но диалогические отношения, конечно, отнюдь не совпадают с отношениями между репликами отдельного диалога – они гораздо шире, разнообразнее и сложнее. Два высказывания, отделенные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.)» (Бахтин 1986б: 495-496).

Таким образом, по М.М.Бахтину, каждое отдельное высказывание – это всего лишь звено в цепи речевого общения, где между глубоко монологическими речевыми произведениями всегда присутствуют диалогические отношения.

Ю.М.Лотман в работе «К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина» акцентировал внимание на то, что непременным условием диалога является возможность существования двух выраженных точек зрения. «Это подразумевает наличие двух сопоставимых кусков текста, отличающихся направленностью, точкой зрения, оценкой, ракурсом и совпадающих по некоторому “содержанию” сообщения или его части» (Лотман 1970: 228). Последовательность же высказываний, не связанных ни в каком отношении, не образует диалога, даже если наделена его графическими признаками.

Существенным признаком диалогической речи, по Ю.М.Лотману, можно считать смену точек зрения. «В этом смысле можно говорить о двух принципах построения текста: *монологическом*, при котором текст строится как соединение повествовательных единиц с одной общей для всех фиксированной точкой зрения, и *диалогическом*, конструктивным принципом которого будет соединение сегментов с различными точками зрения» (Лотман 1970: 229).

Таким образом, диалогическую речь отличает смена двух выраженных точек зрения, которые представляют собой части более крупного единства.

К выводам, схожим со взглядами Ю.М.Лотмана, приходит К.А.Филиппов, изучив специфику диалога как особого типа текста на основе работ В. Дресслера, К. Гаузенблаза, Р. Маккельдея. Особенность диалога заключается не в том, что в нем каким-либо образом переплетаются различные свойства текста, а в том, «что стратегию его развертывания определяет не один человек, а два или более» (Филиппов 2003: 217). Причем общая цель объединяет их усилия по коммуникации. Таким образом, диалог развертывается как единый текст.

Таким образом, каждый из специалистов, к чьим работам мы обращались, отмечал, что диалог является двусторонним (смена двух или более выраженных точек зрения) речевым актом в отличие от монолога, где отсутствует реплицирование; непосредственный характер общения, спонтанность речевых реакций собеседников в диалоге – пассивное и опосредованное восприятие речевой деятельности в монологе; зависимость реплики как от ситуации общения, так и от высказываний партнера по коммуникации, что позволяет считать диалог крупным единством. И лишь М.М. Бахтин приходит к выводу, что диалог может быть монологичным, а монолог нередко оказывается диалогом.

Цитируемая литература:

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / Сост. С.Бочаров и В.Кожинов. – М., 1986а.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожинов. – М., 1986б.

Карпенко Е.П. К проблеме диалога в поэзии // Восьмые международные Виноградовские чтения. Русский язык: уровни и аспекты изучения: Сборник научных трудов. – М.: МГПУ, 2005.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990.

Лотман Ю.М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина. – М., 1970.

Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. Т.1. Пг., 1923.

Н.В.Драчук (Волгоград)

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ОРГАНИЗАЦИИ АНТОНИМО-СИНОНИМИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Антонимо-синонимические парадигмы (блоки) представляют собой определенным образом структурированные единства антонимов и синонимов, объединенные совокупностью объединительно-различительных признаков. Данные парадигмы, образованные на основе качественных прилагательных, обнаруживают в своем составе многочисленные синонимические ряды, члены которых обладают ярко выраженными коннотативными семами и характеризуются различного рода стилистической окраской.

Место таких прилагательных в блоке определяется их семантическими различиями, а также наличием дополнительных (экспрессивных, эмоциональных, стилистических) элементов в их содержании. Опорное слово синонимического ряда, являющееся также ядром антонимических отношений в парадигме, всегда стилистически нейтрально, его понятийное содержание выражает семантику всего ряда. Синонимы, семантике которых присущи коннотативные компоненты, определяющие стилистическую принадлежность слова, являются крайними членами синонимического ряда. Например: ***умный*** (о человеке), *сообразительный, толковый (разг.), мозговитый (разг.), башковитый (разг.) –* ***глупый****, тупой, безголовый (разг.), пустоголовый (разг.), безмозглый (прост.)*.

В большинстве случаев концентрация стилистически отмеченных прилагательных наблюдается в блоках, представляющих различного рода характеристику человека. Количество данных блоков составляет 68% от общего числа антонимо-синонимических парадигм. В меньшей степени (21%) представлены блоки, опи-

сывающие предмет в оценке людей: *плохой* (предмет по качеству), *дрянной (разг.), никудышный (прост.), поганый (прост.), паршивый (прост.)*. Последнее место в количественном отношении (11%) занимают блоки, характеризующие событие в оценке людей: *второстепенный* (событие по степени важности), *пустяковый (разг.), чепуховый (прост.), ерундовый (прост.).*

Синонимы эмоциональной субъективной оценки всегда связаны со стилистическими особенностями употребления. Стилистическая принадлежность прилагательных в блоках указывается с помощью следующих помет: “книжн.”, “разг.”, “прост.”. Наиболее распространенными (61%) оказываются лексические единицы, отнесенные к разговорному стилю: *сообразительный – смекалистый (разг.), смышленый (разг.)*. Часто встречаются в блоках синонимы со стилистической пометой “прост.” (30%): *больной – квелый (прост.), дохлый (прост.)*. В меньшем количестве (9%) представлены прилагательные, принадлежащие книжному стилю: *снисходительный – толерантный (книжн.)*.

Анализ синонимов в блоках показывает, что стилистически маркированные единицы в большей степени характеризуют синонимические ряды с отрицательной семантикой. В таких рядах отмечается наибольшее количество слов, имеющих пометы “разг.”, “прост.”: *нахальный, наглый, беспардонный (разг.), хамский (разг.), бесстыжий (прост.*).

Таким образом, экспрессивно-стилистические различия прилагательных в синонимическом ряду наряду с различиями семантического характера обусловливают их положение в структуре блоков. Систематизация слов с учетом данных различительных признаков свидетельствует о том, что стилистическая характеристика прилагательных является одним из факторов, определяющих организацию антонимо-синонимических парадигм.

Аспирантка Г.В.Дьяченко (Луганск, Украина)

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Необходимо отметить, что представления о промежуточных звеньях между языком и сознанием углубляются многими исследователями и разными науками, в частности когнитивной лингвистикой в последние десятилетия XX столетия.

Поскольку понятие «мышление» зачастую употребляется как синоним рационального, постольку мы употребляем термин «сознание», так как считаем, что рациональность составляет сознание в единстве с эмоционально-волевыми процессами. Поэтому термин «сознание» позволяет избежать узости в постановке проблемы и возможных ее искажений, подчеркивает целостность и полифоничность сознания, а также разноплановость соотношения языка и духовных структур.

Медиаторная реальность между сознанием и языком сложна и многоаспектна, исследователи высвечивают ее различные грани: внутренняя форма языка (В. фон Гумбольдт), внутренняя речь (Л. С. Выготский), предметно-схемный код (Н. И. Жинкин), ситуационная модель (Т. А. ван Дейк), ментальные пространства (Ж. Фоконье), языковое сознание (В. фон Гумбольдт и др., Е. Ф. Тарасов), фрейм (Ч. Филлмор), коммуникативное сознание (И. А. Стернин), сценарий, экспериенциальный кластер (Дж. Лакофф), ментальная модель (Ф. Джонсон-Лэрд), универсальная грамматика (Н. Хомский), внутренняя форма слова (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня), правила концептуального вывода (Р. Шенк) и т. д. Концепция

универсального экзистенциально-смыслового кода есть еще один шаг на пути к осмыслению связи языка и сознания (УЭСК). Помимо прочего, концепция УЭСК, интегрируя основные функции языка – коммуникативную и когнитивную, высвечивает контуры «экзистенциальной функции языка». Язык, с одной стороны, призван раскрыть другим и миру человеческую экзистенцию через посредство УЭСК – содержательный аспект экзистенциальной функции. С другой – язык является одной из форм человеческого существования (К. Ясперс, М. Хайдеггер), организуя и структурируя человеческий опыт – онтологический аспект экзистенциальной функции. В процессе каждого акта общения язык становится способом экзистенции, проявляя и реализуя человеческое присутствие. В-третьих и «в-главных», язык есть *репрезентативно-кумулятивный органон* человеческой экзистенции, обладающий способностью замещать в культуре реального человека – темпоральный аспект экзистенциальной функции языка. Человеческая экзистенция хранится в культуре и «взрывается» как кумулятивный снаряд внутри диалоговых актуализаций (ср. с концепцией семантического взрыва Ю. М. Лотмана). Итак, экзистенциальная функция обусловлена тем в языке, что – *через* него существуют, в *нём* существуют, *им* существуют. Экзистенциальная функция языка связывается с фундаментальными характеристиками, во-первых, бытия человека как живой, динамической, открытой, незавершенной смысловой реальности, а во-вторых, языка как непосредственного способа его существования, смыслообразования, самоопределения и самоосуществления в мире.

Канд. филол. наук О.А.Егорова (Ульяновск)

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОЭТИКЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Под лингвоэтикой мы понимаем теоретическое осмысление ценностных поведенческих и смысложизненных проблем человека, некий способ существования нравственной составляющей как важной узловой темы лингвокультурологии и внутри неё – форму и способ выражения человеком собственных и общежитийных языковых и культурных ресурсов в рамках модальной рамки «нравственный закон».

Иначе говоря, лингвистическая этика – это тип нравственно-этического бытия и мышления в языке, господствующий в тот или иной период жизнедеятельности человека и базирующийся на некоторых ключевых нравственно-этических принципах и категориях. Лингвистическая парадигма уходит корнями в онтологию человека. За лингвофилософией стоит глубинная антропологическая и онтологическая парадигмы. Мы понимаем лингвистическую этику именно как онтологический процесс, процесс появления новых способов обозначения нравственного сознания в языковом мышлении.

Лингвоэтика – это вербализованный в языке нравственно-этический образ окружающей действительности и бытия, сформированный в сознании представителями определенной лингвокультуры, и внутри него – образ нравственного человека. Этот процесс означивания нравственной составляющей определяет все остальные базовые процессы, происходящие в культуре и обществе. Нравственная

составляющая является стержневым конструктом и выступает несущим элементом картины мира.

Глобальный кризис нравственности как базового процесса существования индивида в обществе является губительным не только для развития общества, но и для выживания самого человека. Если нравственное образование человека не будет осуществляться, то наступит "нравственно-этическая катастрофа", влекущая за собой и все остальные кризисы.

Остановимся на исходных положениях лингвоэтической картины мира, представленной в бинарной оппозиции «добро-зло». Эти положения образуют некие содержательные фокусы на которых зиждется лингвоэтическая картина мира.

1. Принцип нравственного поведения человека. Речь идёт о конкретном опыте любого человека, начиная с простого коммуникативного житейского и кончая глубинным экзистенциальным опытом. Поэтому человек всегда совершается прежде всего в поступке. Есть абсолютное добро или зло, и есть конкретная личность, совершающая конкретный поступок, за который она несёт ответственность.

2. Принцип ответственности. Он вытекает из первого и имеет неоспоримое значение. Любой человек, совершающий в этом мире любое действие и произносящий любое слово любой значимости отвечает за них всем своим существом, всей полнотой своего бытия. Мир выразителен и конкретен. Он «населён» голосами, он живет и реагирует. И любое слово отражается на его самочувствии, поэтому всякое "я" должно быть в ответе за себя и другого в смысле моральных оценок.

3. Принцип морали. Мораль – это единственный критерий, определяющий осмысленность и ответственность действий конкретного человека. Бинарная оппозиция "добро-зло" и другие этические оппозиции классического сознания должны быть господствующими в нашем сознании, несмотря на «вызов времени», брошенный человеческому обществу. Именно тот человек, который не следует нормам и правилам поведения, а прячется за анонимными нормами "хочу" и "могу", прежде всего нуждается в морали.

4. Принцип следования "парному мышлению". Этот принцип схож с предыдущим. Он заключается в стремлении видеть и понимать мир сквозь призму различных парных оппозиций: "добро-зло", "свой-чужой", "хорошее-плохое" и проч. Начиная с первобытной мифологии человеческое сознание устраивало себя по принципу этих оппозиций. Постепенно маркеры этих понятий становились всё более жёсткими. В конечном итоге мировая культура зафиксировала некий космос с расставленными на нём знаками "добро-зло", которые являются ориентирами в универсуме как целом.

Асп. Е.В.Задорожнева (Волгоград)

ЗАВИСИМОСТЬ СОЧЕТАЕМОСТИ АНТОНИМОВ ОТ ИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СЕМАНТИЧЕСКОМУ КЛАССУ.

Антонимы – это слова одной и той же части речи, имеющие сходные значения и предельно противопоставленные друг другу по одному существенному дифференциальному признаку (Л. А. Новиков).

В зависимости от характера обозначаемой противоположности антонимы объединяются в следующие семантические классы: 1) антонимы, выражающие контрарную противоположность (обнаруживают градуальное изменение признака): *легкий – нетрудный – средней трудности – нелегкий – трудный*, 2) антонимы, выражающие комплементарную противоположность (отрицание одного из таких антонимов дает значение другого, т. к. между ними нет среднего): *не + здоровый* значит *больной*, 3)антонимы, выражающие векторную противоположность (логической основой этих антонимов может быть как контрарная, так и комплементарная противоположность): *ругать – хвалить* (Л. А. Новиков). Последний класс антонимов в силу своей синтетичности не представляет для нас особого интереса.

Наблюдения доказали, что контрарная противоположность значений антонимов обусловливает относительно полное совпадение их лексической сочетаемости (набор и условия реализации лексических распространителей (Н. З. Котелова)). Например, словарь сочетаемости демонстрирует одинаковую сочетаемость компонентов антонимической пары *бедный – богатый* (*бедный – среднего достатка – богатый*) со следующими классами распространителей: 1) *человек, невеста, семья, страна, край, деревня, хозяйство*…2) *очень, довольно, относительно, чрезвычайно*… 3) *быть, стать, казаться*… Различия касаются сочетания с наречием *сказочно*, семантика которого не допускает связи со словом *бедный*, т. е. невозможно быть *сказочно бедным*, можно быть *сказочно богатым*.

Антонимы *жизнь – смерть* эксплицируют комплементарную противоположность, что, на наш взгляд, определяет частичное совпадение сочетаемости: 1) *человеческая, чужая, своя, его*… (*жизнь, смерть*), 2) (*жизнь, смерть*) *человека, ребенка, Ани*… Все остальные классы распространителей иллюстрируют индивидуальную сочетаемость анализируемых лексем: *жизнь* 1) *большая, долгая, короткая, будущая, прежняя*… 2) *начало, середина, конец, остаток, цель*… 3) *опасность… для*, *борьба… за*, *любовь… к*, 4) *любить, спасти, продлить*, … и т. д.; *смерть* 1) *преждевременная, скоропостижная, моментальная, насильственная*… 2) *опасность, угроза, внезапность, преждевременность*… 3) *известие, сообщение, извещение*… *о* 4) *встреча, борьба… со* и т. д.

В ходе исследования лексической сочетаемости антонимов нам встретилось несколько исключительных случаев. Например, антонимизированные лексемы *белый – черный* построены на контрарной противоположности (*небелый* это не значит *черный*, более того, традиционно, между *белым* и *черным* находится *серый*). Вопреки ожиданиям словарь сочетаемости иллюстрирует частично совпадающую сочетаемость анализируемых единиц.

В целом, подавляющее большинство рассмотренных нами примеров позволяет утверждать, что сочетаемостный потенциал членов антонимических парадигм зависит от типа противоположности их значений, а, значит, и от принадлежности к тому или иному семантическому классу.

Аспирант Ю.А.Золотарёва (Ульяновск)

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЭЛЕМЕНТЫ ИЛИ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА?

Рассматривая языковые преступления как явление языка, исследователь прежде всего обязан ответить на вопрос: каким именно языковым феноменом яв-

ляется языковое преступление – элементом или единицей языка? Для объективного анализа данного явления, на наш взгляд, необходимо использовать тетрахотомию *«мышление – язык – речь – коммуникация»* (об этой тетрахотомии см.: А.В.Пузырёв 1995, 2002).

В нашей работе в качестве рабочего используется следующее определение языковых преступлений: языковое преступление – это ложь, *а)* носящая разрушительный характер; *б)* распространяемая политической системой социума (власти или оппозиции) и *в)* тиражируемая в средствах массовой информации данного социума.

Основное внимание в докладе сосредотачивается на основном, детерминирующем уровне – уровне языка. Следует помнить, что это уровень предполагающей рефлексии (А.В. Пузырёв, 1995: 108).

Языковые преступления на уровне языка выступают в виде языковых моделей и единиц типового характера, лежащих в основе конкретных языковых преступлений. Поэтому принципиально важным представляется разграничение – в рамках рассмотрения языковых преступлений – элементов и единиц языка (о разграничении анализа по элементам и анализа по единицам см.: Л.С. Выготский 1982 т. 2: 13-16; А.А.Леонтьев 1997: 48; А.В. Пузырёв 2002: 51-57).

Чаще всего эти понятия: ***элементы*** и ***единицы*** языка – не разграничиваются. Сошлёмся на один из самых авторитетных лингвистических источников: «Единицы языка – элементы системы языка, имеющие разные функции и значения. Совокупности основных единиц языка, в узком смысле этого термина, образуют определенные «уровни» языковой системы, например, фонемы – фонемный уровень, морфемы – морфемный уровень. Термином «единицы языка», в широком смысле, обозначают обширный круг неоднородных явлений, являющихся объектом изучения лингвистики. Выделяют материальные, имеющие постоянную звуковую оболочку, единицы, например, фонему, морфему, слово, предложение, «относительно-материальные» единицы (по А.И. Смирницкому), имеющие переменную звуковую оболочку, например, модели строения слов, словосочетаний, предложений и единицы значения (например, семы и др.), составляющие смысловую (идеальную) сторону материальных или относительно-материальных единиц и вне этих единиц не существующие» (Языкознание 1998: 149).

Если же понятия ***элементы*** и ***единицы*** языка разграничивать, то окажется, что основным их различительным признаком является наличие/отсутствие целостности, самостоятельности. К элементам языка относятся фонема, морфема, лексема, словосочетание, к языковым единицам – предложение, сложное синтаксическое целое, текст (см. также: А.В.Пузырёв 2002: 51-57). Поскольку на уровне языка предложение чаще всего функционирует лишь как модель (вне конкретного вещественного содержания), постольку языковые преступления в виде предложений на уровне языка тоже могут существовать лишь в виде моделей. В этом плане модели высказываний, содержащие языковые преступления, по нашему мнению, вряд ли чем отличаются от языковых моделей предложения вообще. Иными словами, высказывание, содержащее языковые преступления, строится по обычным языковым моделям, и в собственно синтаксическом плане такие предложения вряд ли чем отличаются от обычных.

Полагаем, что на уровне языка специфика данного феномена проявляется в том, что языковые преступления выступают в виде отдельных языковых элементов – чаще всего слов и словосочетаний. Таковы, например, следующие: *враг народа, передача особым порядком, диктатура пролетариата, выравнивание линии фронта, дружественный огонь, защитная реакция* и т.д.

Следует учитывать, что вне конкретного предложения (контекста) данные элементы не могут представлять собой языковые преступления, а являются всего лишь их компонентами. Статус последних те или иные элементы приобретают лишь в составе единиц языка (предложение, сложное синтаксическое целое, текст).

Но следует помнить, что при рассмотрении языковых элементов в системе единиц языка мы выходим на уровень речи, где элементы входят в соответствующие единицы и, в частности, служат репрезентации языковых преступлений.

Важно, однако, учитывать и экстралингвистические факторы, т.к. они позволяют разграничивать языковое преступление от искусного словесного воздействия на сознание народа.

Таким образом, в качестве предварительного вывода можно заключить, что языковые преступления на уровне речи репрезентируются в качестве высказываний, а на уровне языка они функционируют либо в качестве общепринятых моделей предложений, либо в качестве тех или иных элементов языка (слов и словосочетаний). Отнесение этих элементов языка к корпусу языковых преступлений или к примерам словесного искусства определяется экстралингвистическими факторами.

Цитируемая литература:

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. – М.: Педагогика, 1982-1984.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. Пенза: ПГПУ имени В.Г.Белинского, 2002. 164 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь./ под ред. Ярцевой В. Н. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998 – 685 с.

Докт. филол. наук Л.Г. Зубкова (Москва)

МОРФЕМНО-СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Наиболее известная типологическая классификация языков исходит из морфемной структуры слова. Однако имплицитно – в силу сопряженности соотносительных единиц двоякого членения языка-речи – морфологическая классификация в большей или меньшей степени опирается на свойства не только минимальной значащей единицы языка – морфемы, но и минимальной произносительной единицы – слога, тем более что через слоговую структуру реализуется суперсегментная организация слова, которая служит способом связи морфем в единое целое и тип которой (тон, сингармонизм, ударение) зависит от степени лексично-

сти/грамматичности значащих компонентов слова и степени их членораздельности / слитности в соответствии с производимым или воспроизводимым характером словоформ.

Свойственное изолирующим (тональным) языкам тождество морфемы и слога закрепилось в таких понятиях, как «слоговые языки», «слогоморфема», «морфологическая значимость слогоделения».

Применительно к «нeслоговым» агглютинативным (сингармонистическим) и флективным (акцентным) языкам в отсутствие тождества морфемы и слога долгое время оставался открытым вопрос о том, какая именно единица является конститутивной в суперсегментной организации слова – слог или морфема (морфемный комплекс). На самом деле в качестве конститутивных выступают обе эти единицы – и слог, и морфема.

Будучи одновременно потенциальным минимумом произносимого высказывания и совокупностью морфем, слово характеризуется единством внешней и внутренней формы и, как следствие, сопряженностью слоговой структуры с морфемным строением.

Для морфемно-слоговой модели слова существенны: морфемное строение, длина морфем в слогах, структура слогов, соотношение морфемных стыков со слоговыми границами, и наоборот.

Языки различаются по числу морфемно-слоговых моделей (в синтетических языках их, естественно, больше), по степени дифференциации семиологических и грамматических классов слов в отношении числа и характера моделей, по типам морфемных стыков и их соотношению со слогоразделами.

Разные семиологические и грамматические классы слов характеризуются своим набором морфемно-слоговых моделей. Модели со сложным морфемным и слоговым строением обычно отсутствуют у заместительно-указательных и связочных знаков (т.е. у местоимений и служебных слов) и имеют место в называющих знаках (т.е. в собственно-знаменательных словах). Какая из основных собственно-знаменательных частей речи – имя существительное или глагол – отличается бóльшим набором и бóльшей сложностью морфемно-слоговых моделей, зависит от способа выражения предикативной функции (так, в синтетическом русском языке это глагол, в аналитическом йоруба – имя существительное). Среди моделей, однотипных по своему морфемному строению, более длинные, многосложные закреплены за называющими знаками, более короткие – за заместительно-указательными и связочными знаками. Таким образом линейный характер означающих ограничивает произвольность языковых знаков.

Докт. филол. наук Н.А.Илюхина (Самара)

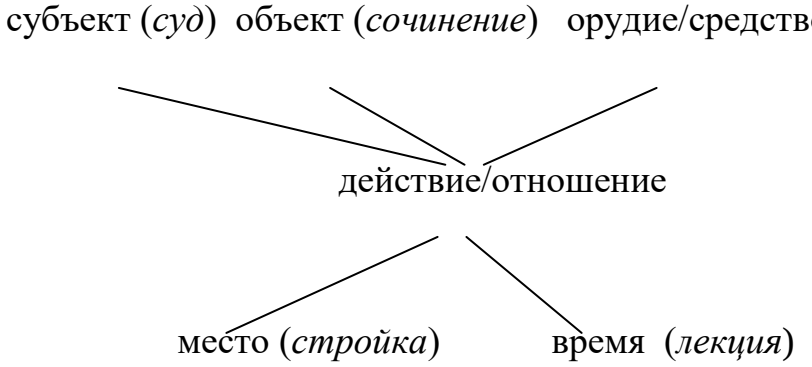
ПРОПОЗИЦИЯ И ПРОЦЕССЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Механизмы когнитивной деятельности определяют функционирование разных элементов языковой системы. Значительна в этих процессах роль пропозиции – ментальной структуры, представляющей знания о реалии в аспекте её ситуативных связей. Эти типовые связи выражаются в категориях субъекта, объекта, адресата, орудия, места, времени и т.д., объединённых конкретными отношениями.

Известна тесная связь пропозиции с предложением. Пропозитивную структуру отражают семантика и синтагматика глагола – единицы лексической системы. Однако пропозиция отражается и на процессах номинации и моделирования действительности. Обозначу несколько разных проявлений связи ментальных и языковых процессов.

Логике пропозиции подчинен процесс образования слов: состав производных слов отражает структуру соответствующей пропозиции: *читать – читатель – чтиво – читальня*.

Комплекс ЛСВ – результатов метонимического переноса названия также отражает структуру ситуации, с номинацией элементов которой это слово связано: название всей ситуации становится названием ее элементов: субъекта, объекта, орудия и др. В системе языка обычно закрепляется результат переноса одной лексемы по одному-двум векторам (см. на схеме).

Однако в речи наблюдаются факты многовекторного переноса лексемы, охватывающего все компоненты ситуации: *Собрание* длилось долго ‘мероприятие’ – *Собрание* постановило… ‘участники’ – Вопрос был решен *еще на собрании* ‘время’ – Ивана сейчас нет, он *на собрании* ‘место’.

Параллелизм процессов семантической и морфологической деривации выражается 1) в единстве векторов переноса, которые 2) соединяют одни и те же концепты, 3) связанные отношениями в одной типовой ситуации. Слово *трапеза* в Словаре Даля позволяет проследить оба процесса. Слово связано с приемом пищи, ситуация включает пищу, людей, предмет мебели, помещение. Коммуникативно востребованные имена для этих компонентов ситуации появляются в результате параллельных процессов – семантической и морфологической деривации этого слова.

Набор значений слова *трапеза* очерчивает состав компонентов ситуации: ‘стол’, ‘пища’, ‘обед, ужин’, ‘столовая’, ‘люди, принимающие пищу’.

Состав морфологических дериватов этого слова в совокупности с исходным словом обозначают те же компоненты: *трапеза*, *трапезная*, *трапезник*, *трапезничать*.

Итак, связь с пропозицией предопределяет параллелизм принципиально разных языковых процессов: номинации (морфологической и семантической деривации), переносов слов-названий и оставшихся за рамками публикации слов-определений, предложно-падежной формы с одного разряда существительного на другой и концептов-образов.

Канд. филол. наук А.А. Калинина (Йошкар-Ола)

ВОЗМОЖНЫ ЛИ УТВЕРЖДЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ В ВОПРОСИТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ?

Вопрос о совместимости значений вопроса и утверждения/отрицания поставлен давно и имеет разные решения. Многие исследователи считают, что понятие утверждения/отрицания неприложимо к типу вопросительных предложений, несовместимо с семантикой вопросительности, поэтому возможна антитеза «вопросительное предложение – утверждающее или отрицающее предложение».

С позиций логического подхода возможность выражения утверждения/отрицания связывается только с суждением и считается прерогативой повествовательного предложения как языковой формы выражения суждения.

С грамматической точки зрения, оппозиция «утверждение/отрицание» распространяется на все без исключения функциональные типы предложений. Как повествовательные, так и вопросительные предложения могут иметь форму грамматически утвердительного и грамматически отрицательного предложения.

За внешней формой положительного или отрицательного вопроса стоит определенное содержание. Содержательная сторона утверждения и отрицания, выражаемого средствами вопросительного предложения, – это то значение, которое выражается утвердительной (положительной) или отрицательной формой вопроса. Это не утверждение и отрицание в логическом смысле этого слова, однако в вопросительном предложении могут выражаться значения, подводимые под понятия «утвердительное значение» и «отрицательное значение». «Вопросительное» утверждение и отрицание отлично от значений утверждения и отрицания в повествовательном предложении и определяется спецификой мыслительного содержания, заключенного в вопросе.

При решении вопроса о присущности/неприсущности категории утверждения/отрицания типу вопросительных предложений необходимо иметь в виду семантико-функциональную неоднородность класса вопросительных предложений, а также наличие внутри него таких предложений, которые имеют лишь внешнюю форму вопроса.

Утверждение/отрицание как логическое понятие противоречит семантике вопроса и неприложимо к классу вопросительных предложений в целом, хотя оно может быть свойственно отдельным его типам, таким, как риторический вопрос. Утверждение/отрицание, квалифицируемое как «слабое», выражается структурой вопросительно-предположительных предложений.

Таким образом, утверждение/отрицание как логическая категория не свойственно классу вопросительных предложений. В вопросительном предложении (исключая риторический вопрос) не выражается утвердительное или отрицательное суждение. Однако утверждение/отрицание как языковая категория вполне совместимо с семантикой вопроса.

Канд. филол. наук С.Б. Козинец (Саратов)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

С начала 90-х годов дериватологи начинают активно разрабатывать проблему непрямых мотивационных отношений в словообразовании, хотя первые наблюдения были сделаны еще в середине 70-х годов. Большинство исследователей при этом только констатировали наличие непрямых мотивационных отношений, а в некоторых случаях пытались создать классификацию различных типов семантической связи между производным и производящим, и при достаточно большом количестве работ пока ещё нет системного описания не только всего массива производных слов с непрямой мотивацией, но хотя бы какой-либо его части.

Цель данной статьи – представить некоторые результаты анализа системных свойств сложных существительных с метафорической мотивацией.

1. При всем разнообразии композитов обращает на себя внимание тот факт, что почти все они служат для оценочной характеристики лица (прямой или опосредованной) – его действий, поступков, особенностей поведения, черт характера, при этом оценка чаще всего негативная. Среди них можно выделить несколько смысловых подгрупп. Например: а) с общим значением *«живущий за чужой счет»:* ***дармоед.*** *Разг.* Тот, кто живёт за чужой счёт; бездельник, тунеядец; ***небокоптитель***. *Разг.* Человек, который ведёт праздную, бесцельную жизнь; ***мироед***. *Разг.* Тот, кто живёт чужим трудом; кулак, бездельник, а также ***лоботряс, шкуродёр, живоглот, пенкосниматель;*** б) с общим значением *«отношение к делу»:* ***крючкотвор***. Человек, занимающийся канцелярской волокитой; ***буквоед***. *Ирон.* Формалист, педант, придающий значение внешней стороне дела, мелочам в ущерб смыслу; ***головотяп***. *Разг., неодобр*. Тот, кто небрежно и бестолково ведёт какое-л. дело, а также ***чинодрал, бумагомарака, щелкопёр, борзописец, стихоплёт, рифмоплёт, виршеплёт;*** в) с общим значением «интеллектуальный свойства»: ***красноречие.*** Способность, умение говорить красиво, убедительно; ***остроумие***. Изощренность мысли, изобретательность в нахождении ярких, острых или смешных выражений, определений; ***туполобие.*** *Разг. пренебр*. Умственная ограниченность, тупость и др.

Существительные, обозначающие лицо, характеризуются ярко выраженной (в большинстве случаев) разговорной окраской и обнаруживают тенденцию к уходу в пассивный запас, что отражается соответствующими словарными пометами. Отвлеченные существительные, дающие опосредованную характеристику лицу, тяготеют (что вполне естественно) к книжной лексике: ***низкопоклонство, простосердечие, прямодушие, сладкоречие, скотоподобие, косноязычие, слабодушие, словоизвержение, чистосердечие***. Однако и среди них выделяется группа слов, имеющих сниженную стилистическую окраску: ***бумагомарание*** (разг.), ***верхоглядство*** (разг.), ***головомойка*** (разг.), ***живодёрство*** (прост.).

Таким образом, метафорически мотивированные сложные существительные создаются в основном как стилистические синонимы литературных слов.

2. Метафорически мотивированные композиты – в своей массе – обладают незначительным семантическим потенциалом (практически нулевым): из 96 про-

изводных только 5 развивают вторичные значения, например: ***сладострастие.*** Повышенное стремление к удовлетворению полового чувства, чувственным наслаждениям. // *перен.* Большое удовольствие, наслаждение; ***головорез.*** *Разг.* 1. Отчаянный человек. 2. Бандит, убийца; ***горлодер.*** *Прост.* 1. Крикун. 2. То, что раздражает горло; ***губошлеп.*** *Прост.* 1. Человек с большими отвислыми губами, вследствие этого непонятно, неразборчиво говорящий. 2. *Бран.* Разиня, растяпа.

3. Словообразовательный потенциал данных производных также невысок: только 14 слов имеют парадигму, не превышающую трех слов: ***зубоскал*** *– зубоскалка, зубоскалить, зубоскальство;* ***верхогляд*** *– верхоглядка, верхоглядничать, верхоглядство;* ***лизоблюд*** *– лизоблюдка, лизблюдничать, лизоблюдство;* ***дармоед*** *– дармоедка, дармоедничать, дармоедство;* ***пенкосниматель*** *– пенкосниматель-ский, пенкоснимательство* и др. Деривационный акт проходит при этом без семантического напряжения: все производные в парадигме являются либо синтаксическими дериватами (*головотяпский, пенкосниматель*ский), либо относятся к модификационному типу, т.е. их значение полностью складывается из значения составляющих частей: ***дармоедка*** – ‘женск. к дармоед’.

Такая семантическая и словообразовательная неактивность объясняется, по-видимому, несколькими причинами. Во-первых, спецификой лексического значения сложных слов, обусловленной, в свою очередь, их словообразовательной структурой, содержащей отсылку минимум к двум производящим. Наличие двух корней, отражающих взаимосвязь различных понятий, предопределяет достаточно узкое лексическое значение композита и, естественно, тормозит его семантический и словообразовательный потенциал. Кроме того, «узость» значения предопределяется и характером мотивации – метафорическим переосмыслением производящих слов. Во-вторых, стилистической маркированностью, ограничивающей употребление слова, и яркой оценочностью, затушевывающей денотативное содержание лексической единицы.

Аспирант Е.А.Кораблёва (Челябинск)

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

1. Человек, являясь живым организмом и членом общества, отражает в общей мыслительной деятельности объективные отношения, которые он испытывает, взаимодействуя с определенными предметами или другими членами общества. Эта своеобразная сторона отражения мира в мозгу человека составляет область чувств или эмоциональную сферу его личности.

2. Чувства – особая форма отражения к действительности; они отражают отношение людей друг к другу, а также к объективному миру. Батаршев определяет чувство, как «переживаемое в различной форме внутреннее отношение к предмету или явлению действительности, отличающееся относительной устойчивостью» (Батаршев, 1998: 79)

3. Являясь сигналами успешности или не успешности выполнения деятельности, соответствия или несоответствия предметов или явлений потребностям и интересам человека, чувства тем самым занимают существенное место в регуляции деятельности людей.

4. Среди чувств выделяются специфические виды их – настроения, аффекты, страсти. Особую группу чувств составляют высшие чувства – нравственные, эстетические, интеллектуальные.

5. Чувства являются системой сигналов о том, какие предметы, явления окружающего мира являются значимыми для человека. Эта сигнальная функция в психологии называется импрессивной стороной чувств.

6. Одни раздражители вызывают положительно окрашенные переживания, другие проявляются в отрицательных эмоциях. Чувства, имеющие положительный эмоциональный фон называются активными или стеническими, а чувства вызывающие отрицательный эмоциональный фон – пассивными или астеническими. И стенические, и астенические эмоции могут быть как положительными, так и отрицательными в зависимости от того, как оценивает их сам человек, как воспринимает их его сознание.

7. Чувства и многообразные формы их проявлений выполняют регулятивную функцию. Они определяют поведение человека и, в известной мере, становятся длительными или кратковременными мотивами человеческой деятельности, порождая влечение, стремление к цели.

8. Чувства, испытуемые человеком выражаются в целом ряде внешних проявлений. Они выражаются в мимике и пантомимике, в речи, интонации и тембре голоса. В связи с этим, вероятно, есть смысл говорить о коммуникативной функции чувств.

9. В зависимости от длительности и интенсивности протекания, все эмоциональные состояния делятся на чувственный тон, настроения, эмоции, аффекты, стресс, фрустрацию, страсть, высшие чувства.

10. Неповторимые индивидуальные проявления индивидуального облика человека складываются в течение всей жизни и неразрывно связаны с развитием личности в целом. Чувства не могут существовать вне конкретной личности, они не имеют своей истории, а образуют совместно со всеми структурами личности сложную систему, психический облик человека.

Аспирант А.В.Коряковцев (Кемерово)

ФРЕЙМОВЫЙ АСПЕКТ КАК ОДИН ИЗ ПАРАМЕТРОВ ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ ИНВЕКТИВНОСТИ

Говоря об относительной устойчивости слова на «шкале инвективности», мы учитываем возможность универсализации рассмотрения категории инвективности и ее относительной устойчивости в процессе коммуникативного акта. Коммуникативная ситуация при переходе в статус инвективной будет иметь во многом стереотипный характер, предполагающий сходное действие в определенных контекстуально-прагматических условиях. В связи с этим, достаточно перспективной, на наш взгляд, является попытка описания категории инвективности в аспекте фрейма.

Фрейм, как определяет М.Минский [Минский, 1979], является структурой данных для представления стереотипной ситуации. Как структурное образование, он представляет собой многоуровневую сеть. Верхний уровень фрейма занят понятием (значением) которое четко определено и всегда справедливо относительно

описываемой фреймом ситуации. В нашем случае название ситуации будет непосредственно связано с мотивом оскорбления. Узлы нижнего уровня фрейма М.Минский называет терминалами. Они, как правило, не заполнены конкретными понятиями. Такое заполнение производится в процессе приспособления фрейма к ситуации. При каждом терминале могут быть указаны условия заполнения его конкретными понятиями, или заданиями. Условия оформления ситуации принято обозначать как «маркеры». Отдельные системы фреймов связаны друг с другом информационно-поисковой сетью, которая используется в том случае, если фрейм не удается согласовать с ситуацией, т.е. когда для терминалов не удается найти значений, удовлетворяющих ее маркерам.

Ситуация оскорбления в представляемом аспекте имеет следующую структуру: знаковым определителем будет действие – «оскорбление», включающее в себя вершину «оскорбить» и три терминала, каждому из которых приписывается определенная роль: тот, кто оскорбляет – инвектор, тот, кого оскорбляют – инвектум, то, в какой форме выражено оскорбление (объективация) – прямое / косвенное, эксплицитное / имплицитное – инвектема. Это описание является наиболее успешным при жанровой классификации (речеведческой) инвективных ситуаций бытовой сферы: жанры скандала, «пиления» и т.д.

Муж (X) поссорился с женой (Y) → вербальная форма (N).

Описание инвективных ситуаций при помощи фреймов можно проводить в собственно лингвистическом, литературоведческом аспектах. Например, научный интерес в этом отношении вызывает анализ инвективных фреймов в литературных произведениях [Н.Д.Голев, Н.Б.Лебедева, 2000, с. 179-194]. Также, возможна разработка фреймового аспекта описания инвективных ситуаций как компонента инвектологического анализа текста в юрислингвистическом аспекте (при проведении юрислингвистической экспертизы текста).

Канд. филол. наук Л.Н. Котова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ТОЖДЕСТВО И ПОЯСНЕНИЕ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

В поле зрения современной научной лингвистической парадигмы, определяемой чаще всего как антропоцентрическая, вполне закономерно оказываются вопросы гармонизации человеческого общения. В качестве одного из частных случаев диалога мы рассматриваем общение автора текста со своим адресатом. Данный аспект позволяет по-новому взглянуть на вопросы, связанные с основами теории референции, так как коммуникативная неудача может программироваться на этапе ввода имени предмета речи.

Одним из средств гармонизации «совместной деятельности» [Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 217–237] участников диалога является функционирование в тексте уточнения, имеющего в нашем случае синтаксическую репрезентацию. Референтно употребленная определенная дескрипция может сочетаться в границах одного высказывания с еще одним обозначением объекта, который является ее денотатом; в этом случае мы имеем высказывание, состоящее из двух компонентов, представляющих собой два наименования одной реалии, находящиеся между собой в отноше-

ниях тождества. Это позволяет первое из наименований уточнить через второе, чтобы исключить коммуникативную неудачу. Ядерной конструкцией, выражающей отношения тождества в языке будет являться специальная синтаксическая модель – предложения тождества.

Определенные типы тождества могут становиться содержанием другой конструкции – пояснительной, если они обладают дифференциальными признаками семантического инварианта пояснения [Л.Н.Котова. Уточнение, пояснение и приложение в аспекте функционального синтаксиса: Учеб. пособие. – Усть-Каменогорск: Изд. ВКГУ. 2004. С. 21]. В этом случае отношения тождества (предикативные по своей природе) «сдвинуты» на периферию (компоненты не являются главными членами предложения). Соотношение конструкций тождества и пояснительных представляется нам следующим образом: всякая пояснительная конструкция есть конструкция тождества, но не всякая конструкция тождества является пояснительной.

Признаками, отмеченными для тождества, заключенного в пояснительной конструкции, в полной мере обладают конструкции, называемые в логике дефинициями (определениями), которые мы относим к одной из разновидностей конструкций тождества. В процессе осмысления дефиниции можно выделить два этапа: 1) адресат прочитывает «и д е ю тождества» первого компонента второму, (даже если он пока не в состоянии идентифицировать ни тот, ни другой) и 2) адресат проникается с о д е р ж а н и е м данного тождества, осознает тождественность первого компонента второму, в результате чего, – если автор не ошибся в выборе средств и оценке своего потенциального адресата, – у него должно сформироваться ясное представление о предмете, обозначенном первым именем.

Логика выделяет два типа определений – номинальное и реальное. Логические дефиниции при воплощении в языке могут лечь в основу предложений: тождества (дефиниция в центре), пояснительных (на периферии), а также сходных с ними по форме предложений, в которых *подобная* конструкция (также периферийная) имеет другую семантику. Конструкции, лежащие в основе синтаксических реализаций тождества, подвергаются классификации по своей логической природе.

Анализ показывает, что эти конструкции обладают известной семантической общностью. Это влечет за собою общность формальную; они связаны между собою как трансформы. Дефиницию мы считаем логическим прототипом, *проконструкцией* пояснения; языковой его проконструкцией является конструкция тождества. Наряду с этим они обладают функциональной общностью (метаязыковая функция).

Ю.А.Кошеварова (Уфа)

ПРОСТОЙ (ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ) И ОСЛОЖНЕННЫЙ ДИСКУРС КАК КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

На основании изучения научной литературы по теме дискурса (Демьянков 1982; Пушкин 1989; Степанов 1995; Рогозина, Босова, Стриженко 2000; Петрова 2003; Губик 2006; Шпар 2006 и другие) уточняется понятие аргументативного

дискурса, который представляется как связный устный или письменный текст, конституирующий последовательность высказываний в определенной аргументативной коммуникативной ситуации, в процессе развертывания которой говорящие попеременно продуцируют взаимодействующие между собой, взаимосвязанные аргументативные высказывания с целью достижения определенной коммуникативно-прагматической цели, а именно – убедить собеседника в истинности какого-либо суждения и заставить его принять это мнение. Основными коммуникативно-прагматическими свойствами аргументативного дискурса являются интерактивность и целенаправленность.

В качестве коммуникативно-прагматических разновидностей аргументативного дискурса выделяются «простой (элементарный) аргументативный дискурс» и «осложненный аргументативный дискурс».

При этом под простым (элементарным) аргументативным дискурсом понимается имеющая трехчастную речеактовую структуру последовательность высказываний, которая продуцируется говорящими с вышеназванной целью в процессе развертывания определенной аргументативной коммуникативной ситуации.

Под осложненным аргументативным дискурсом понимается расширенная (более трех высказываний-иллокуций) речеактовая структура. При осложнении дискурса говорящим вводятся новые речевые акты, с помощью которых он пытается достичь большей убедительности своей речи. В осложненном аргументативном дискурсе меняется как количество речевых актов, так и их качество; то есть усложнение коммуникативно-прагматической структуры дискурса идет за счет изменений как количественных, так и качественных параметров.

Таким образом, были уточнены некоторые важные понятия аргументативного дискурса.

Докт. филол. наук Н.А.Красавский (Волгоград)

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОСФЕРАХ

В самом конце 80-х годов прошлого века в отечественной лингвистике наметилась тенденция антропоцентрического подхода к изучению языка (Ю.Н.Караулов, Б.А.Серебренников), окончательно оформившаяся в 90-е годы в качестве таких научных направлений, как лингвокультурология, лингвоконцептология и аксиологическая лингвистика (С.Г.Воркачев, В.И.Карасик, Ю.С.Степанов и др.). Этот период в истории отечественной лингвистики характеризуется четко выраженным отказом филологов от имманентной, замкнутой на себе языковой парадигмы и активным расширением объекта филологических притязаний до уровня триады «язык – сознание – культура».

В современной лингвоконцептологии можно наблюдать дифференциацию двух основных направлений – лингвокогнитивного и лингвокультурологического.

Ознакомление с многочисленными исследованиями, в том числе и диссертационного плана, показывает, что круг не изученных концептов, становится всё уже и уже. Отмечается тенденция привлекать к анализу диады концептов (стыд – вина) (см.: Е.А.Дженкова), максимально коррелирующих друг с другом в лингвосемиотическом пространстве культуры; имеют место смелые и удачные исследо-

вательские попытки ученых в описании концептуальных полей в разных лингвокультурах (см.: И.А.Долгова). Укажем, что подобного рода новации принадлежат прежде всего сторонникам лингвокультурологической концептологической школы, считающими в отличие от когнитологов, что далеко не всякое понятие можно отнести к концепту. Критериями концептов при этом признают номинативную плотность, индекс употребления вербальных репрезентантов концепта, их культурную ценность и образность.

Думается, что в ближайшей перспективе лингвоконцептологи обратятся к фундаментальному анализу и индивидуальных концептосфер, поскольку, во-первых, перечень ценностей культуры лимитирован, во-вторых, сегодня мы изучаем преимущественно усредненные ценности, ценности, разделяемые большинством носителей того или иного языка, в-третьих, в поле зрения лингвоконцептологии, направившей свои усилия на описание этнического менталитета, менталитета социальных групп того или иного лингвокультурного сообщества, не вошла задача анализа концептосферы *индивидуальной*, т.е. системы ценностей, оформленных образами, которыми мыслит не среднестатистическая языковая личность, а элитарная личность – известные ученые, писатели, некоторые общественные и государственные деятели и т.п., обогатившие своими концептами как минимум групповые концептосферы, а в ряде случае и общенациональные.

Исследователь, поставивший перед собой задачу описания концептосферы конкретной языковой элитарной личности, столкнется как минимум с вопросами следующего порядка: 1) какова техника, процедура выявления базисных индивидуальных концептов – можем ли мы полагаться, напр., исключительно на квантитативные показатели вербализации того или иного понятия, идеи, которые эксплицируются в авторских текстах? Следует ли учитывать суждения специалистов по творчеству того или иного автора? Как быть в ситуации множественности толкования тех или иных идей автора (напр., разные суждения о творчестве Ф. Ницше)? 2) Можно ли с уверенностью расценивать, к примеру, авторские афоризмы, в целом прецедентные тексты как свидетельство усвоения социумом или определенной социальной / возрастной группой индивидуального концепта? 3) Каковы критерии выбора элитарной языковой личности, концепты которой повлияли на развитие социума? Поставленные здесь вопросы ждут своего решения.

Докт. филол. наук В.А.Курдюмов (Москва)

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ – КОТОРОЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

(если отказаться от некоторых ((около)-структуралистских) постулатов)

Классическое советское т.н. «вузовское» языкознание обычно базировалось на диалектических методиках и постулатах, где какой-либо лингвистический объект (вплоть до основного – языка) описывался как единство двух взаимоисключающих характеристик (якобы одновременно объекту присущих), как противопоставление. Обычно за основу брались дихотомии из «Курса…» Ф.де Соссюра.

В роли главного объекта лингвистики выступал, конечно, язык, но он интерпретировался либо как язык-склад («язык — упорядоченная система знаков, с помощью которой возможно общение, возможен обмен мыслями и знаниями между

людьми»), противопоставленный (хаотической) деятельности (речи), либо язык, понимаемый как langage, включающий единство / противоположность этих самых языка и речи.

При этом постоянной, плохо решаемой и требующей постоянного уточнения оставалась проблема границ между языком и речью, которая решалась либо как «ограничение уровней» («снизу» до предложения включительно / исключительно – язык, «выше», если такие уровни предполагаются – речь), либо при помощи емкой и остроумной формулировки: «нет ничего такого в речи, чего бы не было в языке».

Аналогично вечно «модной» и постоянно присутствующей в исследованиях была т.н. «проблема языка и мышления», сопровождаемая тем же набором проблем сопутствующих: границы, общее содержание и пр. (сколько языка/ речи в мышлении, к примеру). Собственно, она была трактуемой, но не решаемой, – решения вовсе и не предполагалась – объект мыслился как диалектичный, т.е. не только по Гегелю мыслимый как единство постоянно присутствующих противопоставленных свойств, но и существующий как такое единство (материалистическая диалектика, достаточно абсурдная с точки зрения здравого философа).

Если проблему «языка и мышления» спроецировать на философию (если опять же традиционно разделить языкознание и философию, построив такую «возможную диалектику»), то она вырастает до соотношения онтологии, гносеологии и языка. Т.е. собственно, является философской (и в этом можно не сомневаться, поскольку лингвистика суть конечная и высшая философия, что недостаточно осознается и лингвистами, и философами). «Решить» «проблему» «языка и мышления» – не что иное, как решить или способствовать решению «проблемы» «соотношения онтологии, гносеологии и языка».

Кавычки ставятся, поскольку «проблематичность» снимается при отказе от «диалектики» и перехода к рассмотрению объекта как процесса, поскольку язык таковым и является.

Язык – не что иное, как совокупность предикационных цепей, процессов порождения-восприятия, формализуемых в моделях как изоморфные преобразования изоморфных же структур (и таковыми же являющимися), – форм-«носителей» идеи. Тогда взаимоисключающие характеристики, наряду с многими другими – не что иное, как области или этапы процесса. Мышление, то, что называется «мышлением» – формирование и многократное переформирование вербальной / вербализованной формы идеи, иной цели у этого самого «мышления» нет. Фактически, это одно и то же, просто из мышления выпадает внешне реализованный знак как сотрясение и воздуха или искажение белизны бумаги, магнитных свойств жесткого диска и пр. Мышление как этап процесса языка есть предицирование, в том числе включающее от-/до-визуальные объекты.

Следуя многомерной модели языка, где в плоскостном ее выражении по горизонтали (-ям) располагаются предикационные цепи, а по вертикали уровни, и вся схема есть процесс «мышления», формирования идей, их преобразования в высшие (текст, дискурс и далее) и низшие (словосочетание, фразеологизм, лексема и далее) уровни, легко иллогично сделать следующие выводы.

Язык представляет собой:

– в узком смысле – коммуникативное знакопорождение и знаковосприятие, то есть совокупность предикационных цепей/процессов (предикационная цепь суть язык в синхронии);

– в более широком смысле: знакопорождение и знаковосприятие в синхронии и диахронии (предикация в синхронии и диахронии: уровни, предикационная цепь и синтактика). При таком понимании речь является составной частью языка (см. определение речи выше), а противопоставление "язык-речь" снимается. Язык есть "всё в языке", он начинается там и тогда, где и когда стимулируется динамика бинарных форм. "Словность" языка есть не самый обязательный и не самый основной его признак. Знакопорождение и знаковосприятие суть оперирование идеями, следовательно, главным признаком языка является наличие идеи как заполненной/заполняемой/перезаписываемой бинарной рамки.

Мышление, как и речь, является составной частью языка: это вся система координат, исключая материальные составляющие (знаки): выход в формальный "нуль" необязателен (не все результаты мышления материализуются).

Тогда гносеология становится ни чем иным, как средством (достижения) онтологии, перехода от языка повседневности к отрицанию языка от финальной языковой идеи «язык существует, и все, что существует, не только спровоцировано, но находится в языке». Противопоставление мышления и языка – суть ложная и вредная для онтологического / динамического этапа / раздела науки о языке методологическая посылка.

Аспирант М.В. Маравина (Ульяновск)

ПАРАМЕТРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ В КОММУНИКАЦИИ

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы уточнить параметры выражения актуализационного и манипулятивного начал в коммуникации. Для решения этой проблемы, полагаем, следует начать с экстралингвистических параметров, разграничить проявления актуализации и манипуляции во внеязыковой реальности.

Вслед за Е.Л. Доценко [Е.Л.Доценко 2003: 51] в качестве основных нами выделяются следующие параметры манипуляций:

1. Отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей.
2. Стремление получить односторонний выигрыш.
3. Скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности).
4. Использование (психологической) силы, игра на слабостях.
5. Побуждение, мотивационное привнесение.
6. Мастерство и сноровка в осуществлении коммуникативных действий (стремление говорящего создать у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения).

Важно отметить, что логика осмысления предмета требует различать актуализационное и манипулятивное воздействие на человека (об оппозиции ***актуализатор/манипулятор*** см.: Э.Шостром 2004: 8)

Суммируем эти параметры в виде таблицы:

№№	Параметры	Актуализатор	Манипулятор
1.	Отношение к другому как средству достижения исключительно собственных целей.	-/+	+
2.	Намерение получить главным образом односторонний выигрыш (различное соотношение контроля и свободы, цинизма и доверия).	-	+
3.	Скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности).	-/+	+
4.	Использование (психологической) силы, игра на слабостях.	-/+	+
5.	Побуждение, мотивационное привнесение (навязывание целей, ранее не предполагавшихся адресатом).	-/+	+
6.	Мастерство и сноровка в осуществлении коммуникативных действий (стремление говорящего создать у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения).	+	+
7.	Осознанность адресантом коммуникативного воздействия.	+	+/-

Нельзя не видеть, что многие характеристики действий актуализатора и манипулятора могут совпадать, ср.: отношение к другому как средству достижения исключительно собственных целей; скрытый характер воздействия; использование (психологической) силы, игра на слабостях; побуждение, мотивационное привнесение. В то же самое время между воздействием актуализатора и манипулятора имеется принципиальное различие. Оно заключается в наличии/отсутствии намерения получить главным образом односторонний выигрыш. Это главное различие между актуализацией и манипуляцией.

Приведём соответствующие примеры из художественной и научной литературы.

– Две либо три тысячи! – раздумывал Патап Максимыч. – Ну это ещё туда-сюда… На этом можно помириться. А насчёт пятидесяти серебра – нет, брат, шалишь, мамонишь.

– Как вперёд загадывать? – отвечал Яким Прохорыч, – может статься, и много меньше пятидесяти тысяч положишь, а года в два миллион наживёшь.

– Уж и миллион? Не широко ль загинаешь? – перебил Патап Максимыч.

– Не один миллион, три, пять, десять наживёшь, – с жаром стал уверять Патапа Максимыча Стуколов. – Лиха беда начать, а там загребай деньги. Золота на Ветлуге, говорю тебе, видимо-невидимо. Чего уж я – человек бывалый,

много видал золотых приисков – и в Сибири и на Урале, а как посмотрел я на ветлужские палестины, так и у меня с дива руки опустились… Да что тут толковать, слушай. Мы так положим, что на всё на это дело нужно сто тысяч серебром [П.И. Мельников 1976: 185].

1. В приведённом примере Патап Максимыч является для Стуколова и Якима Прохорыча средством достижения их цели, а именно – получения большой суммы денег.

2. Хотя в их намерение входит получение совместного выигрыша с епископом Софроном, но по отношению к крестьянину они выступают как манипуляторы, поскольку в результате их афёры Патап Максимыч ничего не получит и даже останется в убытке.

3. Полагаем, что в примере скрыт не сам факт воздействия, а его истинная направленность. Мошенники всячески показывают, что заботятся исключительно о благосостоянии своей жертвы, а на самом деле пекутся лишь о своих интересах.

4. Стуколов и Яким Прохорыч ловко сыграли на жажде наживы, которая характерна для любого торговца, коим и является Патап Максимыч.

5. Побуждение несомненно присутствует в данном отрывке. Прибыльность будущего мероприятия аферисты подтверждают тем, что, по их словам, найденное месторождение золота гораздо богаче, чем в Сибири и на Урале. Наблюдается также и мотивационное привнесение – Патап Максимыч в конце концов захотел вложить денги в сомнительный проект, хотя в начале всячески этому сопротивлялся.

6. Стуколов и Яким Прохорыч мастерски убедили купца принять участие в их предприятии, и он полагал, что принял данное решение самостоятельно.

7. Несомненно, что описанное в данном случае воздействие проводилось адресантами совершенно осознанно.

Нет никаких сомнений, что приведённый пример является яркой иллюстрацией манипулятивного воздействия.

Второй пример.

Один юноша, не достигший еще совершеннолетия, но весьма смышлёный, рано лишился обоих родителей и жил под опекой своего дяди. Однажды юноша заметил, что у дяди очень обеспокоенный вид. Он стал расспрашивать о причинах этого. Дядя отвечал, что тревожится о том, что у него нет сына. Чтобы позаботиться о мужском потомстве, следовало бы взять в дом наложницу, но этого не хочет его супруга. Потому он и озабочен.

Юноша немного подумал, а затем сказал:

– Дядя, не печалься более. Я вижу способ добиться от тёти согласия.

– Вряд ли у тебя что-нибудь получится, — недоверчиво проговорил дядя.

На следующий день с утра юноша взял портновскую линейку и стал мерить ею землю, начиная от двери дядиного дома, и занимался этим так упорно, что тётка выглянула из дому.

– Что это ты тут делаешь? – спросила она.

– Я обмеряю участок, – хладнокровно отвечал юноша и продолжал свое занятие.

– Что? Обмеряешь участок? – воскликнула тётка. – Что это ты волнуешься о нашем добре?

На это юноша с самоуверенной миной пояснил:

– Тётушка, это же само собой разумеется. Я готовлюсь к будущему. Вы с дядей уже не молоды, а сыновей у вас нет. Поэтому, конечно, ваш дом останется мне, вот я и хочу его обмерить, потому что собираюсь впоследствии перестраивать.

Тётка, раздражённая и разгневанная, не смогла ни слова вымолвить. Она побежала в дом, разбудила мужа и начала умолять его, чтобы он как можно скорее взял наложницу [Х. фон Зенгер 1995: 22].

1,2. В данной притче юноша отнёсся к своей тётке как к средству достижения цели. В то же самое время эта цель не была его собственной: он помогал своему дяде. Указанные параметры позволяют говорить как о манипуляции, так и актуализации.

3. Можно утверждать, что факт воздействия, так же как и его направленность были скрыты от тётки. Здесь тоже можно говорить и о манипуляции, и актуализации.

4. Полагаем, что племянник сыграл на слабостях своей родственницы, справедливо полагая, что она будет ратовать за то, чтобы имущество (дом и участок) осталось в семье. Очевидно, племянник проявил свою психологическую силу.

5. Налицо мотивационное привнесение: тётке были навязаны цели, ранее ею не предполагавшиеся. Но и здесь в одинаковой степени можно говорить как о манипуляции, так и актуализации.

6. Несомненно, что племянник обнаружил мастерство и сноровку в осуществлении коммуникативных действий, что и позволило ему создать у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения. Несомненно, племянник – мастер в области коммуникации: ему удалось навести тётку на мысль, что мужу нужна наложница, хотя изначально она этой мысли и противилась.

7. Юноша пошёл на манипуляцию совершенно осознанно, желая помочь дяде.

Таким образом, опираясь на ключевой параметр, можно рассмотреть ситуацию с двух сторон. С одной стороны, приведённый пример иллюстрирует актуализацию, т.к. намерение юноши заключалось в получении выигрыша не для себя, а для дяди. С другой стороны, с точки зрения тётки, племянник отнёсся к адресату исключительно как к средству достижения цели и, значит, в общении с ней выступил как манипулятор.

Можно сделать предварительный вывод о том, что определение коммуникативного воздействия как манипулятивного или актуализационного в некоторых случаях зависит от того, с какой стороны данное взаимодействие мы рассматриваем.

Третий пример.

7 мая 1938 г. Дневниковая запись Л. К. Бронтмана о приёме в Кремле папанинцев:

***«...Сталин:** Кто знал Папанина, Ширшова, Фёдорова, Кренкеля? Сколько они стоят? Американцы скажут 10 000 франков, а сам франк стоит копейку (смех). А мы скажем миллиарды. Героям таким нет цены.*

За талантов мало известных раньше, а теперь героев, которым нет цены: за Папанина, Кренкеля, Ширшова, Фёдорова. За то, чтобы мы, советские люди,

не пресмыкались перед западниками, перед французами, англичанами не заискивали, чтобы мы, советские люди, усвоили новую меру в оценке людей — не по рублям, не по долларам, чтобы вы научились по-советски ценить людей по их подвигам.

А что такое подвиг? Чего он стоит? Никакой американец не ответит на это, не скажет кроме доллара, стерлинга, франка. Отвага, мужество, геройство — это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных фунтов стерлингов, презренных франков (бурные аплодисменты)...

***Чкалов:** За Сталина умрём!*

***Сталин:** Я считаю, что оратора перебивать не стоит...*

***Чкалов:** За Сталина умрём!*

***Сталин:** Простите меня за грубое выражение, умереть всякий дурак способен. Умереть, конечно, тяжко, но не так трудно... Я пью за людей, которые хотят жить! Жить, жить как можно дольше, а не умереть.*

***Чкалов:** От имени всех героев заверяю Сталина, что будем драться за него так, что он даже сам не знает. Водопьянов, Громов, Байдуков, Юмашев, Данилин, Молоков, все герои сидящие здесь в зале, идите все сюда, идите к Сталину, будем драться за Сталина, за сталинскую эпоху!*

(Со всех сторон зала идут герои Советского Союза и становятся стеной около Сталина. Зал грохочет и неистовствует)...» [цит. по: А.А.Меняйлов 2005: 257-258]

1. В приведённом примере Сталин продемонстрировал отношение к другому как средству достижения целей государственного (отнюдь не узкоэгоистического) характера, и о манипулятивности его воздействия говорить в данном случае не приходится.

2. В данном случае, полагаем, весьма затруднительно говорить о получении Сталиным главным образом одностороннего выигрыша. Он делал это не в корыстных целях, а с намерением укрепить стойкость советского народа.

3. Полагаем, что Сталин скрыл факт воздействия в данном примере, и можно утверждать что скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности) в данном случае имеет место: скрытый характер воздействия обеспечивался речевой ситуацией – ситуацией тоста.

4. Очевидно, что в приведённой ситуации была использована психологическая сила – авторитет руководителя государства, но об игре на слабостях говорить в данном случае весьма затруднительно.

5. Несомненно, что здесь наблюдается навязывание целей, которые ранее не преследовались адресатом (призыв ***жить*** вместо того, чтобы ***умереть***). Полагаем, однако, что новая, сформулированная Сталиным цель вовсе не противоречит инстинкту жизни в каждом человеке.

6. Налицо мастерство в осуществлении коммуникативных действий: оратор создал у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения (***жить*** за Родину и за Сталина). Полагаем, что именно благодаря подобным ситуациям во многом и сформировалась высокая боевая стойкость русских воинов во время Великой Отечественной войны: «боевая стойкость генералов была в 6,5 раз выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат в 17 раз!» [Ю.И.Мухин 2005: 127].

7. Нет никаких сомнений, что Сталин проводил коммуникативное воздействие на адресата вполне осознанно.

Таким образом, если исходить из параметров различения актуализации и манипуляции, можно сделать вывод, что третий по счёту отрывок являет собой яркий пример актуализации.

Итак, важнейшим отличием манипуляции от актуализации является намерение получить главным образом односторонний выигрыш – либо житейского (материального), либо психологического характера. Именно поэтому есть все основания утверждать, что первый из приведённых примеров иллюстрирует факт манипуляции, второй – иллюстрация промежуточного характера, интерпретация которой зависит от точки зрения на неё, тогда как третий – пример осознанного актуализационного воздействия.

Цитируемая литература:

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.

Зенгер Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия / Отв.ред., автор предисл. и коммент. В.С.Мясников; Пер. с нем. А.В.Дыбо. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – 384 с.

Мельников П.И. (Андрей Печёрский). В лесах. В двух книгах. Книга первая. – Горький: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1976. – 574 с.

Меняйлов А. А. Сталин: тайна Валькирии / Меняйлов А.А. – М.: Крафт+, 2005. – 416 с.

Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. – М.: Яуза, 2005. – 672 с. – (Русская правда).

Шостром Э. Человек-манипулятор. – М.: Апрель-Пресс, 2004. – 192 с.

Канд. филол. наук Е.М.Мартынова (Орел)

КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМОЕ МОЛЧАНИЕ

Принято разграничивать коммуникативное или коммуникативно значимое и некоммуникативное молчание. Первый вид молчания представляет собой значимое прерывание речевой цепи в коммуникативном акте или пропуск речевой реакции. Некоммуникативное молчание обусловлено социально-культурными факторами и отмечается в ритуалах, обрядах, религиозно-мистической практике.

Молчание занимает особое место в коммуникации, располагаясь между ее двумя основными составляющими: вербальной и невербальной. Молчание обладает признаками обеих сфер коммуникативного взаимодействия. Феномен молчания обычно относится к слушающему, тогда как паузы могут характеризовать речь говорящего.

Основными причинами коммуникативного молчания выступают:

1) явления, связанные с эмоциональной сферой – потрясение, волнение (пример 1).

(1) Она молчала, опустив голову. Ее рука, соскользнув с перил, повисла вдоль бедра. Но Николай Иванович в это время с огромным усилием складывал в уме фразы, в которых хотел выразить чистые намерения. Язык его точно прирос.

Молчание было гибелью – он это чувствовал и не мог двинуться с места, потому что не понимал, что происходит. И минута прошла бесплодной (А.Н.Толстой).

2) согласие или несогласие с утверждением говорящего, неудовольствие (пример 2).

(2) – Теперь я вижу, что вас не только за злодея, но и за слишком испорченного человека считать нельзя. Вы, по-моему, просто самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве только что слабый очень и нисколько не оригинальный.

Ганя язвительно про себя усмехнулся, но смолчал. Князь увидал, что отзыв его не понравился, сконфузился и тоже замолчал (Ф.М.Достоевский).

3) отсутствие общих тем для беседы (пример 3).

(3) Говорить бывало, когда мы останемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была сизифова работа. Только выдумаешь, что сказать, скажешь, опять надо молчать, придумывать. Говорить не о чем было. Всё, что можно сказать о жизни, ожидавшей нас, устройстве, планах, было сказано, а дальше что? Ведь если бы мы были животные, то так бы и знали, что говорить нам не полагается; а тут, напротив, говорить надо и нечего (Л.Н.Толстой).

Это далеко не весь перечень причин появления молчания в коммуникации, но можно с уверенностью сказать, что названные выше факторы наиболее частотные.

Часто молчание не используется в коммуникации изолированно, его значение дублируется невербальными средствами – слушающий может кивнуть, отвести взгляд, отвернуться, улыбнуться и т.д. Большое влияние на интерпретацию молчания оказывает социальный фактор – молчание начальника и молчание подчиненного несут противоположное значение.

Канд. филол. наук М.В.Масалова (Ульяновск)

МЕЖТЕКСТОВАЯ ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВ

Понятие гипертекста привлекло внимание ученых различных областей науки в начале 90-х годов прошлого века. Он интересен и гео-, и этно-, и социолингвистике, психолингвистике, философии. В России первыми обратили внимание на гипертекст специалисты в области информатики, психологии, социологии и теории обучения. Большое количество мнений по этим вопросам привело к формирование широкого спектра мнений, иногда совершенно противоположных. Термин *гипертекст* используется настолько широко и в применении к т такому множеству объектов, что трудно подобрать универсальное определение этого феномена.

Актуальность исследования определяется растущей популярностью гипертекста как средства коммуникации, который используется не только в общем процессе человеческого общения как деятельности, но и учебном процессе в частности. При этом процесс лингвистического исследования и освоения гипертекста и гипертекстуальности находятся в стадии развития, характеристики гипертекстуальности как феномена остаются расплывчатыми. В данном исследовании гипертекстуальность понимается как имманентная текстовая характеристика,

возникающая при определенном сочетании эксплицитных характеристик – линейности и нелинейности. Это потенциальная и реализованная возможность нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов.

Межтекстовая гипертекстуальность присутствует не в рамках одного текста, а, как понятно из названия, между несколькими текстами. Согласно Р. Барту (1993), «всякий текст есть между-текст по отношению к другому тексту». Таким образом, нет такого текста, который не обладал бы межтекстовой гипертекстуальностью (потенциальной или же реализованной). Межтекстовая гипертекстуальность является универсальной характеристикой каждого текста. Ни один текст не существует сам по себе в отрыве отпредшестующих, параллельных или последующих текстов. В компьютерной среде связи между текстами эксплицированы при помощи гиперссылок. В печатных текстах наиболее ярким проявлением межтекстовой гиперетекстуальности также является ссылка. Но в художественных текстах межтекстовая гипертекстуальность предстает в менее явных формах. Понятие межтекстововй гипертекстуальности предлагается использовать как более общее понятие по отношению к другим типам взаимодействия текстов (интертекстуальности, перетекстуальности, метатекстуальности, архитекстуальности и др.).

С.В.Минина (Брянск)

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ И НЕПОНИМАНИЯ В ВОПРОСНО-ОТВЕТНОМ ДИАЛОГЕ

Речевое общение является исключительно человеческой деятельностью.

Одной из форм речи выступает диалог. Диалог является первичной, естественной формой языкового общения, и восходит к устно-разговорной сфере.

Поскольку самым распространенным видом диалога является вопросно-ответный диалог, именно на примерах таковых мы в первую очередь рассмотрим случаи понимания и непонимания высказываний.

Вопросительная конструкция является лингвистической универсалией, и это означает, что потребность в вопросе присутствует в сознании человека от природы.

В теории речевых актов и коммуникативной лингвистике проблема принадлежности высказываний-вопросов к тому или иному целевому (иллокутивному) типу речевого воздействия ставилась на всем протяжении развития данных областей исследования, но до сих пор, по-видимому, не получила окончательного удовлетворительного решения.

Проблему классификации вопросительных высказываний мы изучаем в ситуациях общения, приводящих к сбою, непониманию, неудаче коммуникации, то есть в так называемых аномальных коммуникативных ситуациях. Под аномальной коммуникативной ситуацией мы понимаем ситуацию, в которой ход развития диалога не соответствует или не в полной мере соответствует коммуникативным намерениям/ожиданиям говорящего и/или его партнера.

Несмотря на различные подходы к рассмотрению вопроса, нужно отметить, что любой вопрос имеет своей целью вызвать реакцию, будь то высказывание или действие.

Мы имеем дело с ситуациями общения, в которых адресат реагирует на вопрос спрашивающего встречным вопросом, или вопрос появляется как ответная реплика в ситуациях, где он не ожидается в силу логической связи с предыдущим высказыванием, причем в большинстве случаев речевая ситуация оборачивается дискомфортной, конфликтной или терпит коммуникативную неудачу. При этом совсем не обязательно, что аномальная ситуация завершается полной коммуникативной неудачей (прекращением диалога), поскольку в распоряжении коммуникантов – определённый набор стратегических и тактических средств нейтрализации дискомфорта или конфликта.

Мы условно выделили четыре типа аномальных речевых ситуаций, в которых аномалию создают вопросительные высказывания: уточняющие вопросы, вопросы в функции переспрашивания, вопросительные высказывания со снятым условием успешности, встречный вопрос как выражение нежелания отвечать на вопрос собеседника. Приведённая классификация не является окончательной, ее уточнения и дальнейшая конкретизация может составить перспективу исследования.

Канд. филол. наук Е.А.Пескова (Пенза)

О ТЕРМИНЕ ‘АФФЕКТИВНОСТЬ’

Понятие ‘аффективность’ известно в психологии, философии и лингвистике. С точки зрения психологии, аффективность связана с состоянием аффекта – это эмоция очень сильной степени интенсивности. Аффективность – это иррациональная философская категория (НФИ, 2001, Психология, словарь, 1990).

Термин ‘аффективность’ как лингвистическое понятие введен французским ученым Ш. Балли (Bally 1951: 16) и закрепился во французской лингвистической традиции, он обозначает способность выражения в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства. В русском переводе К.А. Долинина термин Ш. Балли «la valeur affective» дается как ‘эмоциональная экспрессия’. В лингвистической литературе, прибегая к термину аффективность, либо учитывают выражение чрезмерной эмоциональности (Скрелина 1995), усиление выразительности (Береговская 2004), говорят о высокой степени субъективной заинтересованности субъекта (Вольф 1985), либо приравнивают аффективное к эмоциональному/эмотивному (Khovanskaïa, Dmitrieva 2004). При этом характеризуют аффективность как менее рациональную или иррациональную составляющую языковой единицы. «Аффективный, тоже, что эмоциональный – относящийся к выражению чувств, настроений субъективного отношения» (Ахманова 1969) или «аффективный – затрагивающий скорее чувство, чем разум» (Марузо 1960).

Мы предлагаем использовать термин ‘аффективность’ как более точное лингвистическое определение для единиц языка и речи, выражающих сильные чувства. Понятие аффективности приложимо к уровням языка и речи: фонетике, грамматике, лексике, ритмико-мелодическому рисунку предложения. Кроме этого, в анализе лингвистического материала нам поможет обращение к теории психосистематики Г. Гийома. Если Ш. Балли противопоставляет интеллектуальную форму выражения мыслей аффективной, то Г. Гийом говорит, что любая языковая единица содержит как выражение (expression), так и выразительность (expressivité). Термин «выражение» (expression) в психосистематике описывает

системное значение языковой единицы: например, лексическое значение, зафиксированное в словаре, системное значение глагольной формы, а термин «выразительность» (expressivité) описывает контекстно-речевое значение актуализированной языковой единицы. Соотношение выражение / выразительность соответствует отношению устоявшегося аспекта рече-языковой деятельности (l'institué) и неустоявшегося, импровизационного аспекта (langage improvisé). Акт речевой деятельности представляет собой сумму выражения и выразительности: Выражение (expression)+Выразительность (expressivité) = 1, где 1 – символ целого, совокупности речевого акта (Гийом 1992: 86-90). Эта теория дает понимание аффективности как максимальной выразительности любой языковой единицы, и, имея в потенции даже минимальный процент выразительности, при реализации в речи субъектом данная языковая единица может получить максимальную выразительность.

Канд. филол. наук Н.Е. Петрова (Москва)

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В НОМИНАТИВНОМ АКТЕ

1. Номинация денотата путем словообразования должна иметь определенные предпосылки, к каковым можно отнести следующие: а) намерение говорящего выделить предмет, указав на него посредством имени; б) первичное осмысление денотата; в) существование необходимого языкового (словесно-морфемного) материала; г) знание словообразовательных правил (моделей словообразовательных отношений, морфонологических закономерностей, интуитивное ощущение деривационных связей между словами.

2. Смысл, подлежащий лексической объективации, возникает на синтаксической основе, так что словотворческую интенцию мышлению задает не только познавательно-коммуникативная прагматика говорящего, но и сам язык ─ текст, который первоначально и выражает то, что впоследствии будет названо словом.

3. Образование ВФ слова определяет как формальное, так и семантическое строение новой единицы и является изоморфным процессу образования смыслов, или концептов. Деривация является таким видом речевой деятельности, который объективирует, делает «зримым» указанный когнитивный процесс.

4. Образование ВФ слова, требуя опоры на уже известное, начинается с выбора мотивировочного признака номинации и соответствующего производящего слова. Лингвистическим фактором выбора является наличие слов, объективирующих те смыслы, с которыми устанавливается связь в процессе предварительного осмысления объекта номинации. В связи с этим можно предположить, что осмысление денотата в процессе номинации в какой-то мере предопределено индивидуальным словарем личности: активность в его идиолекте определенных слов может заставить человека «увидеть» именно те, а не другие признаки. Таким образом, базовый компонент ВФ слова составляет не признак денотата как психический образ или представление, а мотивирующая основа как формально-семантическое единство.

5. Отсылка к уже известному слову не исчерпывает всего содержания ВФ производного слова, поскольку связь с известным содержанием должна быть ка-

ким-то образом интерпретирована в отношении нового объекта номинации, причем так, чтобы интерпретация могла быть адекватно осмыслена другими, *понята*. Модель интерпретации мотивировочного признака заимствуется из словесного материала в единстве содержания и чувственно воспринимаемой формы его выражения. Это единство представлено деривационным формантом, который наряду с мотивирующей основой составляет часть ВФ производного слова.

6. При создании слова говорящий может воспользоваться готовой моделью ВФ, представленной в конкретных словах языка, причем выбор мотивирующего будет обусловлен теми ассоциациями, которые возбуждает мотивирующая основа слова-образца. В этом случае логический ход словообразовательного акта можно представить так: модель ВФ → мотивирующее слово. Ход номинативного процесса может быть другим: говорящий сначала осознает существенный для него (и вербализованный) признак реалии, а затем применяет к ней определенный способ интерпретации из числа тех, которыми он интуитивно владеет. «Поставщиками» необходимой модели, как и в первом случае, являются слова, чья внутренняя форма соответствует замыслу номинатора. Ход номинативного процесса будет иметь вид: мотивирующее слово → модель ВФ.

Канд. филол. наук И.В.Приорова (Астрахань)

«ОКОЛЬНЫЕ ПУТИ» РЕАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Функционирование слов в процессе речевой деятельности обусловлено их грамматическими свойствами. Сочленение слов в предложения и расчленение предложений на слова в актах речеобразования и восприятия речи неизменно совершается в опоре на грамматические свойства лексических единиц. Однако из всех разновидностей звукового выражения грамматических форм выхватывается словоизменение, которому приписывается роль едва ли не важнейшего конструктивного фактора. Имена определяются как слова склоняемые, глаголы – как спрягаемые, наречия – как неизменяемые.

Сталкиваясь же «с исключениями из этих фактов, традиционная грамматика либо молчаливо отмечает их, либо же конструирует из них особую часть речи. Так, в грамматиках русского языка отмечается существование группы несклоняемых существительных (*пальто, эму, боа*)…» [Кацнельсон: 2002, С.129] Для нашего понимания морфологической категории несклоняемого слова существен не способ выражения как таковой, а соотношение функционального содержания категории с ее внешним выражением.

Парадигматические нагромождения, вносимые синтетической морфологией в строй языка, особенно наглядно проявляются в морфологической категории падежа, где они выступают в виде серий словоформ существительных. Но особенно сложная формальная структура русского языка, «…где одна падежная форма обслуживает несколько падежей и, с другой стороны, какой-либо один падеж выражается различными внешними формами в разных классах существительных» [Кацнельсон: 2002, 39], на группу несклоняемых слов не распространяется, хотя в лексико-дистрибутивном плане падежи отличаются свойством тотальности. Однако в русском падежном языке встречаются существительные, которые либо со-

вершенно не склоняются, как ассимилированные заимствования *боа*, *реноме*, *пари*, либо имеют неполную парадигму склонения, как русское *мечта*…

Для несклоняемых имен, так же как и для склоняемых, морфологические категории – это не только двусторонние языковые единицы, легко распадающиеся на «означающее» и «означаемое». Формы слов, обладающие категориальной функцией числа и падежа, выступая в функции согласования с несклоняемым словом, становятся подсобным средством для образования синтаксических форм, реализуя, таким образом, их скрытую парадигму, которая в свою очередь определяется явной синтагматической функцией.

Взаимоотношения формы и содержания в процессах согласования у несклоняемых имён раскрываются как многоплановые и многоуровневые. То, что на одном уровне выступает как содержание *какаду*, на другом, более высоком уровне проявляется как форма нового содержания *забавный какаду*, т. к. в русском языке несклоняемые слова вроде *гну*, *колибри*, *колье*, вне контекста обозначают неактуализированное понятие о предмете.

Для несклоняемых имён скрытые категории – это подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке. Из сказанного, однако, не следует, что скрытые категории вообще никакого звукового выражения не имеют, но выражаются они не прямо, не непосредственно, а синтагматически, «окольным путем», при посредстве слов и словесного контекста. То, что «…не лексические значения и синтаксические связи сами по себе, а грамматические оформленные и сочетающиеся в предложении словесные знаки являются выразителями скрытых категорий» [Кацнельсон: 2002, 83] является неоспоримым фактом, что парадигматика и синтагматика неразрывнее у несклоняемых имён, чем в склоняемых именах, т.к. одно без другого просто не существует.

А.В. Прохоров (Тамбов)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ИНФЕРЕНЦИИ И ИХ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИМПЛИКАТУРАМИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Любой рекламный текст наряду с эксплицитными смыслами содержит имплицитные смыслы – импликатуры, на основании которых адресат рекламного текста осуществляет инферентный вывод. Данные импликатуры представляют собой определенную информацию о рекламируемом объекте в виде различных его характеристик.

Согласно утверждению Е.С.Кубряковой, любая языковая форма и текст, прежде всего, сигнализирует не только о том, что в ней реально присутствует, но и о том, что подлежит выводу по инферентному типу. Исходя из данного утверждения инферентный вывод, основанный на импликатурах, обусловлен наличием в тексте рекламы и м п л и к а т о в, указывающих на концептуальные области, в границах которых осуществляется поиск и вывод импликатур. В качестве импликатов рекламного текста выступают вербальные, иконические и индексальные знаки, активирующие соответствующие концептуальные области.

Концептуальные области, активируемые импликатами рекламного текста, представляют собой различные фрагменты фрейма «ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ», который обеспечивает формирование общего смысла текста рекламы.

Инференции адресата могут базироваться на различных типах взаимодействий импликатов, активирующих отдельные участки фрейма «ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ»: по функции объекта рекламируемого объекта, по характеристике объекта рекламы, по производителю объекта рекламы, по потребителю объекта рекламы.

Основными когнитивными механизмами формирования инферентных смыслов на базе импликатур рекламных текстов являются сравнение и концептуальная метафора. В результате сравнения объекта рекламы с объектами того же класса происходит формирование оценочных смыслов, определяющих мнение и предпочтение адресата по отношению к объекту рекламы. Сравнения, лежащие в основе инференций адресата, осуществляются адресантом рекламного текста несколькими путями:

• за счет выделения отдельного образца категории (объекта рекламы) из всей категории сходных объектов;

• посредством выделения отдельного образца категории (объекта рекламы) из категории сходных объектов за счет сравнения с прототипом или рядом членов данной категории в пользу объекта рекламы;

• на основании сравнения объекта рекламы со стереотипным представлением об объекте категории.

В результате использования концептуальной метафоры происходит перенос характеристик исходной понятийной области на рекламируемый объект. Концептуальные метафоры, используемые в текстах реклам различных товарных групп (лекарственные средства, косметические средства, автомобили, товары для дома, продукты питания и т.д.), базируются, в основном, на активации концептуальных характеристик понятийной области ЧЕЛОВЕК или ЖИВОТНОЕ и их проецировании в понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ.

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Ульяновск)

О ПЛОДОТВОРНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АНАЛИЗА ПО ЭЛЕМЕНТАМ И АНАЛИЗА ПО ЕДИНИЦАМ

Основное внимание в настоящем докладе сосредотачивается на том, что разграничение анализа по элементам и анализа по единицам плодотворно не только в лингвистических сочинениях, но и в собственно житейском плане.

Чем отличаются друг от друга понятия “элементы” и ”единицы”?

В словаре С.И.Ожегова у слова *элемент* выделяется шесть значений, или, как говорят лингвисты, шесть лексико-семантических вариантов этого слова: “1. Элемент – составная часть чего-нибудь. *Разложить что-нибудь на элементы*. 2. Доля, некоторая часть в составе чего-нибудь, в чем-нибудь. *Восточные элементы в русском языке*. 3. Одна из сторон, признак в содержании чего-нибудь. *Элемент историзма в изложении*. 4. О человеке, личности как члене какой-нибудь социальной группы. *Чуждый элемент. Посторонние элементы. Прогрессивные элементы общества. Злостный элемент*. 5. Простое вещество, не разложимое обычными химическими методами на составные части (спец.). *Периодическая система элементов*. 6. Прибор для получения электрического тока. *Гальванический элемент. Сухой элемент* (С.И.Ожегов 1984: 788).

У слова *единица* тоже выделяется шесть лексико-семантических вариантов:

Единица – “1. Цифра, изображающая число 1. 2. Самая низкая школьная отметка. 3. *мн*. Последняя цифра многозначного числа. 4. Величина, которой измеряются другие однородные величины. *Единица силы тока. Денежная единица*. 5. Отдельная самостоятельная часть в составе целого, отдельный предмет (или лицо) в группе подобных. *Боевые единицы флота. Хозяйственная единица. Штатные единицы*. 6. *мн*. Отдельные предметы или лица, немногие по числу. *Только единицы не выполняют плана* (С.И.Ожегов 1984: 159-160).

Наиболее интересными – при разговоре об элементах и единицах мышления, языка, речи и коммуникации – являются у слова “элемент” первый лексико-семантический вариант (1. Элемент – составная часть чего-нибудь. *Разложить что-нибудь на элементы*) и соотносительный с ним пятый лексико-семантический вариант у слова “единица” (5. Единица – отдельная самостоятельная часть в составе целого, отдельный предмет (или лицо) в группе подобных. *Боевые единицы флота. Хозяйственная единица. Штатные единицы*).

Нетрудно заметить, что у слова “единица” – по сравнению со словом “элемент” присутствует такой компонент значения, как самостоятельность, целостность. Слово же “элемент” такой самостоятельности обозначаемого предмета не предполагает (ср.: *Важный элемент костюма* и *Важная единица костюма*).

В связи с указанным различием может показаться интересным заявление А.А.Леонтьева, доктора психологических и филологических наук: “Вся без исключения современная лингвистика имеет дело с анализом по элементам” (А.А.Леонтьев 1997: 48). Мнение А.А.Леонтьева может показаться справедливым: если какая-то единица обладает признаками самостоятельности, то она должна характеризоваться и какими-то динамическими характеристиками, она должна обладать какой-то процессуальностью (ср.: *Боевые единицы флота показали высокую воинскую выучку*). Как часто разбираемые языковые единицы (предложения, тексты) рассматриваются как динамически протекающий процесс? Думается, что при грамматическом разборе (а это, к сожалению, ведущая форма работы по русскому языку в школе и вузе) это делается очень и очень нечасто.

Впервые о разграничении анализа по элементам и анализа по единицам в связи с изучением проблем мышления и речи заговорил один из основоположников советской психологии Л.С.Выготский – в своей известной работе “Мышление и речь”: “Нам думается, что следует различать двоякого рода анализ, применяемый в психологии... Первый способ психологического анализа можно назвать разложением сложных психических целых на элементы... Существенным признаком такого анализа является то, что в результате его получаются продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, – элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить... Само слово, представляющее собой живое единство звука и значения и содержащее в себе, как живая клеточка, в самом простом виде основные свойства, присущие речевому мышлению в целом, оказалось в результате такого анализа раздробленным на две части, между которыми затем исследователи пытались установить внешнюю механическую ассоциативную связь... Нам думается, что решительным и поворотным моментом во всем учении о мышлении и речи, далее, является переход от этого ана-

лиза к анализу другого рода. Этот последний мы могли бы обозначить как анализ, расчленяющий сложное единое целое на единицы. Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает *всеми основными свойствами, присущими целому*, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства. Что же является такой единицей, которая далее неразложима и в которой содержатся свойства, присущие речевому мышлению как целому? Нам думается, что такая единица может быть найдена во внутренней стороне слова – в его значении" (Л.С.Выготский 1982 т. 2: 13-16).

Для иллюстрации мысли Л.С.Выготского обратимся к примеру из школьного курса химии. Как известно, формула воды – H_2O. Изучать свойства воды путём анализа её по элементам – это изучать её свойства путём исследования свойств водорода отдельно от свойств кислорода и на базе поиска общих свойств водорода и кислорода делать выводы о свойствах воды. Но даже школьнику понятно, что водород и кислород по отношению к воде – элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить, и свойств воды таким образом постичь невозможно. Постичь свойства воды можно только тогда, когда мы изучаем свойства молекул воды, т.е. пользуемся анализом по единицам, а не по элементам.

Если принять точку зрения Л.С.Выготского – а она у нас вызывает симпатию, в частности, потому, что в наибольшей степени отвечает общеязыковому использованию слов *элемент* и *единица*, – то мы должны будем придти к выводу, что явления фонетики и морфемики чаще всего – это явления **элементов** языка. Явления **единиц** языка, вероятно, по принятой нами логике, характеризуют более высокие языковые ярусы – прежде всего уровень синтаксиса. Относительно лексического уровня у нас нет полной уверенности. С одной стороны, имеется высказывание основоположника советской психологии Л.С.Выготского о том, что значение слова – это не элемент, а единица психологического анализа. С другой стороны, человек думает всё-таки не словами: единицей мышления, на наш взгляд, является не слово, а мысль. Мысль же – это суждение, развёрнутое или сокращённое, в данном случае это неважно (Ю.А.Самарин 1962: 404). На уровне языка суждению соответствует предложение, но не отдельно взятое слово. Поэтому мы склоняемся к мысли, что слова демонстрируют всё-таки явление **элементов** языка, *но не его* **единиц**. Разумеется, что разграничение элементов и единиц в таком случае должно распространяться и на явления, соответствующие языковым на уровнях мышления, речи и коммуникации.

Лингвисты обычно не разграничивают элементов и единиц языка и речи. Попытаемся сделать это самостоятельно.

Попытаемся дать элементам и единицам языка рабочие определения.

Фонема – это элемент языка, представляющий собой совокупность звуков, выполняющих одну и ту же различительную и объединительную функцию. Это целостная совокупность звуков, находящихся в отношениях позиционной мены. Так, фонема <о> может быть выражена в речевом потоке одним из следующих звуков («фонов»): [о́] вёл, вво̲д, [и^{э}] ве̲ла, [ь] вывел,[ʌ] выводивший, [ъ] вывод.

Морфема – это элемент языка, представляющий собой значимую, далее неделимую часть слова. Этот элемент выступает как совокупность морфов, облада-

ющих одним и тем же вещественным и/или грамматическим значением, и мыслится как некая единая целостность. Так, в словоформах *река, реки, речка* три морфа (*рек-, рек'-, реч-*) составляют одну морфему, а морфема *мороз-* реализуется в виде одного из следующих морфов: *мороз- (морозы), мороз'- (морозить), морож- (мороженое), мораж- (замораживать).*

Лексема – это слово как структурный элемент языка, рассматриваемый во всей совокупности своих соотносительных и взаимосвязанных друг с другом форм и значений, это слово как целостная совокупность его лексико-семантических вариантов (так, лексема *«единица»* включает шесть ЛСВ, объединённых общим семантическим стержнем). В предложении *Рыбак рыбака видит издалека* 4 слова, но 3 лексемы (лексема *рыбак* представлена двумя словоупотреблениями). На уровне речи лексема выступает в виде лексов, или словоупотреблений.

Предложение – это кратчайшая и основная синтаксическая единица языка, служащая средством формирования и формулирования мысли, средством волеизъявления и выражения эмоций. В качестве единицы языка предложение выступает как отвлеченный структурный образец (или материально выраженное предложение с точки зрения проявления в нём такого отвлеченного структурного образца). Примером такого отвлечённого структурного образца может выступить известное предложение акад. Л.В.Щербы: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». На уровне речи предложение реализуется как высказывание с конкретным лексическим наполнением (так, конкретная интерпретация указанного предложения Л.В.Щербы будет определяться конкретным носителем языка).

Сложное синтаксическое целое – это синтаксическая единица языка, служащая компонентом текста и представляющая собой ряд высказываний, которые объединены общей темой и имеют структурные показатели связи.

Элементы (э) и единицы (е) на уровнях:	*Язык*	*Речь*
– фонетическом (э)	фонема <o> вел, ввод	звук, "фон" [о́],[и^{э}],[ь],[Λ],[ъ] ввод, вел, вела, вывел, выводивший, вывод
– морфемном (э)	морфема *мороз-* -ой (-ою)	морф *мороз*ы, *мороз*ить, *мороже*ное, за*мораж*ивать *мороз-, мороз'-, морож-, мораж-* весн*ой*, весн*ою*
– лексическом (э) Рыбак рыбака видит издалека.	Лексема "рыбак"=1	лекс, словоупотребление "рыбак"= 2
– синтаксическом (е):	предложение Глокая куздра штеко будланула бокра и кур-	высказывание (Его содержание зависит от конкретного носителя

	дячит бокрёнка	языка)
– синтаксическом (е):	сложное синтаксическое целое	сложное синтаксическое целое
– синтаксическом (е):	текст	текст

Текст – это синтаксическая единица языка, представляющая собой объединенную смысловой связью последовательность языковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность (см.: ЛЭС 1990: 507). В предельных случаях текст может быть выражен сложным синтаксическим целым и даже одним предложением (текст Т.Белозерова цит. по: Л.И.Величко 1983: 12):

БЕРЁЗА

На высокой гриве стоит берёза. Её корявый ствол оброс лишайником и тугим, как резина, трутом. С пожелтевших сучьев до самой земли свешиваются длинные молодые ветви. Эти ветви делают берёзу очень чуткой: кругом ни ветерка, а береза покачивается, сверкает листьями и шумит, шумит. И тонут в этом родном сердцу шуме все обиды, горести и боязни. Войди в этот шум, и ты станешь самым счастливым.

(Т.Белозеров)

На уровне коммуникации основной единицей является коммуникативный акт. Такая единица – по нашему мнению – предполагает наличие определенных интра- и экстралингвистических факторов, важнейшим из которых является наличие минимум двух субъектов (в качестве второго субъекта может выступить и «второе Я» одного субъекта). В качестве коммуницирующих субъектов могут выступить и разные субличности одного и того же субъекта.

При рассмотрении психофизиологического и психологического субстрата единиц мышления, языка, речи и коммуникации мы опираемся главным образом на книгу Ю.А.Самарина “Очерки психологии ума” (Ю.А.Самарин 1962: 216-219).

“Аналитической единицей в физиологии высшей нервной деятельности, – пишет в своей книге Ю.А.Самарин, – является рефлекторный акт, хотя, как показано новейшими исследованиями, сам он включает в себя ряд постоянных и временных связей, а рефлекторная дуга, обеспечивающая данный рефлекс, представляет собой весьма сложную систему взаимодействий внешней и внутренней среды организма” (Ю.А.Самарин 1962: 216). На наш взгляд, именно рефлекторный акт является физиологическим субстратом единиц мышления, языка, речи и коммуникации.

Сам по себе рефлекторный акт – сложное психофизиологическое явление, внутри которого могут быть выделены различные, его составляющие элементы.

Основной единицей мышления является, вероятней всего, мысль. По поводу мысли как основной единицы мышления, мыслительной деятельности очень хорошо написал Ю.А.Самарин (см.: Ю.А.Самарин 1962: 404-406, 407).

Мысль – это суждение, развёрнутое или сокращённое, в данном случае это неважно.

Для примера лучше взять простое суждение, например: «Волга длиннее Днепра». Данное суждение включает в себя целый ряд ассоциаций ощущений: слухо-

вых (ассоциация звуков, составляющих отдельные слова данного суждения), кинестетических (ассоциация артикуляционных ощущений, связанных с произнесением данных в суждении слов). При чтении данного суждения образуется ассоциация зрительных ощущений, т.е. ассоциация между элементами букв, и более сложная ассоциация между буквами, составляющими слова. Без данных ассоциаций, естественно, невозможно ни восприятие данного суждения (слуховое или зрительное), ни его словесное воспроизведение. Вот почему всякое суждение (мысль) основано прежде всего на ассоциациях ощущений.

Однако если данное суждение не сводится только к восприятию или воспроизведению отдельных звуков, артикуляционных ощущений очертаний букв, но включает хотя бы простейшее понимание, то тогда число ассоциаций резко увеличивается и вместо отдельных ассоциаций мы уже имеем ряд ассоциативных систем.

Так, чтобы слова «Волга», «длина», «Днепр» были поняты, нужно, чтобы они актуализировали не только связь между отдельными ощущениями и их следами, но связь между системой этих ощущений и их следов. Такой простейшей системой будут слова «Волга», «длина», «Днепр». Каждое такое слово должно актуализировать (в потенции) соответствующие представления и понятия. Например, слово «Волга» должно актуализировать слово «река» и не только слово «река», но и те представления и понятия, которые являются содержанием слова «река». В его содержание входят представления о различных реках и понятие о реке как о постоянном или временном водном потоке, питающимся стоком атмосферных осадков с площади своего водосбора и текущим в разработанном им русле. В свою очередь данное понятие опирается на ряд входящих в него понятий, например: «водный поток», «сток», «атмосферные осадки», «площадь водосбора», «течение», «русло» и т.д. Каждое такое понятие опять-таки распадается на ряд представлений и более частных понятий, раскрывающих содержание данного понятия.

Здесь уже не говорится о том, что слово «Волга» раскрывается не только через отнесение его к более общему понятию «река», но и через дифференцирование «Волги» от других рек, что требует актуализации специальных представлений и понятий, характеризующих понятие «Волга».

Конечно, степень возможного обобщения понятия «Волга» и степень дифференциации данного понятия зависит от уровня знаний человека в той или иной области.

Причем, для того чтобы понять приведённое выше суждение, вовсе не обязательно исчерпать все возможные обобщения входящих в его содержание понятий и все возможные их дифференциации.

Так, например, ребенок, видевший Неву и знающий, что Нева это река, хотя и не владеющий научным содержанием понятия «река», вполне ориентируется в приведенном выше суждении.

«Днепр и Волга – это реки, такие, как Нева. Только Днепр длиннее Невы, а Волга ещё длиннее Днепра» (ученица I класса С.).

Сказанное позволяет вычертить следующий ряд понятий, соответствующих основным единицам мышления, языка, речи и коммуникации: рефлекторный акт (психофизиологический аспект) – мысль (психологический аспект, уровень мыш-

ления) – предложение (уровень языка) – высказывание (уровень речи) – коммуникативный акт (уровень коммуникации).

Если вспомнить, что идеалом научного познания является не изучение фактов, а скрытой под их поверхностью сущности, то придётся признать, что следующее этому идеалу лингвистическое исследование должно прежде всего ориентироваться на выделение (отбор), уточнение, переинтерпретацию и классификацию единиц мышления, языка, психофизиологии, речи и коммуникации.

Для нас же важно то, что разграничение элементов и единиц, анализ по элементам и единицам является в значительной мере полезным и в общежитейском плане.

Обратимся к проблемам развития общества. Что является элементом общества и его единицей?

Является ли личность, о правах которой сегодня так часто говорится, – единицей общества, т.е. некой частью, в которой отражаются все качества целого, т.е. общества? Вспомним многочисленные примеры, когда человек – в силу каких-то обстоятельств – оказывается изолированным от общества. В условиях такого рода он быстро дичает. Не является личность единицей и жизни, поскольку сама по себе (без помощи другой личности) она жизнь воспроизводить не может.

Как общество, так и жизнь человеческая воспроизводится в единице общества (и жизни). Название этой единицы общества (и жизни) общеизвестно – семья. Семья – это первичная единица общества, это основанная на браке или кровном родстве группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. Именно в семье воспроизводится как само общество, так и жизнь вообще (Философский энциклопедический словарь 1983: 602).

Конечно, в качестве коммуницирующих субъектов могут выступить и разные субличности одного и того же субъекта. Но здесь мы имеем иллюстрацию принципа иерархичности, согласно которому элементы и единицы нижнего яруса в предельном случае могут выполнять роль элементов и единиц более высокого яруса. Делать это они могут только в предельных и потому достаточно редких случаях (вспомним известный пример А.А.Реформатского спора о самом коротком предложении: *«Eo rus. – I»*).

Воспитываемое сегодня у молодых людей стремление строить карьеру, заниматься саморазвитием и не заботиться о создании семьи, о создании единицы общества и жизни, фактически является отказом от строительства жизни. Но кто отказывается от жизни, от того отказывается и она сама…

Цитируемая литература:

Величко Л.И. Работа над текстом на уроках русского языка: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 128 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. – М.: Педагогика, 1982-1984.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 57000 слов. – Изд. 16-е, испр. – М.: Русский язык, 1984. – 798 с.

Самарин Ю.А. Очерки психологии ума. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. — 504 с.

Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

Канд. филол. наук И.А.Пуник (Ульяновск)

ЗВУКОВЫЕ КОРРЕЛЯТЫ СЛОВА В ФОНОЛОГИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ ЯЗЫКА

В современном языкознании радикально изменилось понимание фонологического уровня языка, в том смысле, что он не считается больше низшим ярусом в системе языка и речевой деятельности. Многочисленные исследования фонематической структуры слова, фонологической интерпретации гласных, просодической структуры высказывания убедительно доказали, что «фонология – относительно самостоятельный компонент языковой системы» (В.Б.Касевич 1983: 260). Для морфологического, лексического, семантического и синтаксического компонентов языка характерны свои закономерности построения плана выражения и плана содержания (там же). Так, исследование фонетических характеристик слова во фразе показало, что слово обладает богатым арсеналом фонологических средств. Речь идёт в данном случае о фонемной цепочке слова и его просодических характеристиках. Эти единицы, образуя план выражения слова, выполняют при этом различные функции: фонемная цепочка слова, осуществляя словоопознавательную функцию, способствует различению слов и их форм; в то время как словесное ударение выполняет словоорганизующую или интегративную функцию. Реализация вышеназванных функций придаёт фонетическим характеристикам словесного ударения фонологическую сущность. Предметом нашего исследования послужили просодические характеристики слова в условиях разной фразовой интонации в немецком языке. Экспериментально-фонетическое исследование позволило сделать вывод о том, что слово обладает собственными просодическими характеристиками, которые включают в себя мелодический рисунок слова и его общую длительность. Несмотря на то, что конфигурация мелодического рисунка зависит от места слова во фразе и от структуры интонационного контура, в плане реализации интонационных противопоставлений релевантно движение тона на отрезке целого слова. В многосложных словах мелодические характеристики удалённых предударных и заударных слогов могут не иметь определённого направления, в таких случаях в качестве собственной характеристики слова, как показывает наше исследование, выступает общая длительность слова. В изменении общей длительности слова нами установлена следующая закономерность: чем многосложнее слово, тем ярче проявляется тенденция к сохранению его общей длительности. Указанные параметры обеспечивают функционирование слова как самостоятельной единицы в звучащем тексте и вносят в план выражения структуру последовательной иерархической членимости, они являются звуковыми коррелятами элементов поверхностного синтаксиса и во взаимодействии со служебными

морфемами обеспечивают первичную сегментацию и интерпретацию звукового сигнала.

Таким образом, мы хотим ещё раз подчеркнуть мысль, высказанную в начале наших тезисов. Тот факт, что просодические характеристики слова имеют свою структуру, они не представляют собой сплошной линейной последовательности, а являются совокупностью комбинирующихся единиц, подтверждает положение о том, что фонологический компонент языка обладает собственными подуровнями и сложным образом скоррелирован с другими уровнями языка и речевой деятельности.

Канд. филол. наук С.В.Рябушкина (Ульяновск)

ОТ *ОДНОГО* ДО *МНОЖЕСТВА* (КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ)

1. Одним из важных способов познания явлений окружающего мира оказывается их количественная характеристика, определение их величины, объема, числа, степени развития. Для передачи этих характеристик в языке можно выявить по крайней мере две «размерные» шкалы – обозначения определенного и неопределенного количества (по мощности множества, величине и проч.) с помощью специализированных языковых средств, главными из которых становятся числительные (как номинативные, так и дейктические).

2. При обозначении определенного, точного количества просматривается оппозиция «Один – Два / пара / оба – Множество / много». *Один* – это основная, организующая величина, начало числового ряда; в числе *один* видим также целостность, нерасчлененность. *Два* называет наименьшее множество; в языке оно может обозначаться как *пара* или *оба*, что отражает важную роль числа *два* и понятия парности в познании мира, ведь именно с помощью бинарных оппозиций человек описывает все сущее (единство и раздельность противоположностей, День и Ночь, Мужское и Женское, Небо и Земля и проч.). С *трёх* начинается множество, которое противопоставлено и *одному* и *паре*. (Конечно, если обратиться к числовой гармонии мира, то следует рассмотреть *триаду* как основную количественную константу во многих культурных традициях, и *четыре* как идеально устойчивую структуру, отраженную в мифах о сотворении мира и ориентации в нем, и другие сакральные числа.)

3. «Размерную» шкалу неопределенного количества можно представить как «Один – Один-два / пара / два-три / пара-тройка – Несколько – Много» (впрочем, границы можно установить и от *Ничто* до *Бесконечности*). В этой системе слово *пара* реализует иное значение – неопределенно малого количества, примерно от *двух* до *пяти*, это как бы нижняя граница понятия *несколько*. Сходное значение передают количественные сочетания (своеобразные синлексы) в контекстах типа *один-два дня; день-два; раз-другой; два-три года; пара-тройка книг* и проч. Количество, обозначаемое словом *несколько*, чаще всего находится в пределах от *трех* до *десяти*, а реальное количество, называемое как *много*, зависит от свойств измеряемого и представлением об определенной количественной «норме» этого предмета: нижнюю границу отмечают в пределах от *пяти* до *десяти*. Таким образом, неопределенные количества как бы «перетекают» одно в другое: от *один* к

несколько есть этап *пара, два-три* (это количество может быть также обозначено как *несколько*), а различия *несколько* и *много* довольно субъективны.

Канд. филол.н. Я.Н.Скрипник (Ставрополь)

К ВОПРОСУ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПОНЯТИЙ «СИСТЕМА» И «СТРУКТУРА» ЯЗЫКА

Для того, чтобы осознать язык в его целостности и во всем функциональном многообразии его элементов, нужно связать воедино все сведения о нем, представить их в виде некой иерархической системы, цементирующей каркас такого сложного явления, каким является язык. Осмысление языка как определенной структуры и целостной системы должно способствовать формированию целостного научного мировоззрения, целостной языковой и научной картин мира.

Системное рассмотрение фактов языка и речи обусловливает необходимость их группировки в зависимости от форм содержания и выражения, объединяющих функций и принадлежности к тем уровням языка, в которые они входят в качестве элементов. Совершенно очевидно, что единственно правильным путем решения возникающих в этой связи проблем теоретического или практического свойства будет системное описание явлений, предполагающее всестороннее освещение взаимосвязей между элементами в их многоплановых отношениях и взаимозависимостях.

В отечественном языкознании интерес к системному описанию языка с особой силой проявился в последние десятилетия. Активно разрабатывается вопрос о сущности языковой системы, об иерархии уровней и единиц языка, о соотношении отдельного и общего в языке, о системных соотношениях в родственных и разносистемных языках, разграничении в языке статики и динамики. Помимо общего неравнодушного отношения к проблеме соотношения системы и структуры в языке, реализованного в достаточно большом количестве монографических публикаций, для теоретика и практика языкознания принципиально важным является их терминологическое разграничение и уточнение дефиниций самих понятий. Признанным является факт, что начало современному широкому употреблению терминов «система» и «структура» в языкознании было положено еще в 1929 году «Тезисами Пражского лингвистического кружка», явившимися первой систематизированной формулировкой принципов структурного подхода к изучению языка (Звегинцев 1960: 69-85), однако единства в понимании этих терминов и их взаимоотношений не достигнуто до сих ни в языкознании, ни в философии. По наиболее общему признаку позиции современных ученых могут быть сведены к двум противоположным направлениям в понимании содержания терминов. Одни ученые (Шаумян С.К., Степанов Ю.С., Реформатский А.А., Щур Г.С., Скаличка В., Трнка В., Рассел Б., Бушенс Е., Ельмслев Л. и др.) фактически не усматривают различий в содержании этих понятий, используя термины как абсолютные синонимы. Другая часть исследователей, и их большинство, употребляет термины дифференцированно для обозначения различных понятий, но содержательное наполнение самих терминов весьма пестро и неоднообразно. В работах Афанасьева В.Т., Тюхтина В.С., Мельникова Г.П., Бенвениста Е., Завадовского Л., Ахмановой О.С., Спиркина А.Г. система понимается как внутренне организованная совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, а структура – как

схема взаимоотношений между элементами системы, их внутренней организации. Более общо структура как свойство системы в указанном смысле понимается Ружичкой Р., Ньюманом В., Кробером Г.. Иногда понятие структуры рассматривается как высшее по отношению к понятию системы (Каливода Р.). Довольно часто термины «система» и «структура» употребляются автономно, неоппозиционно, но в таком значении, которое предполагается только в результате противопоставления (Мейе Г.Ф., Трост П., Шмидт В., Вальт Л.О. и др.).

При таком многообразии имеющихся определений никакое рассмотрение сущности соответствующих понятий не может быть даже начато без предварительного выбора наиболее обоснованного и целесообразного понимания значений данных терминов и их соотношения. Уточнению дефиниций терминов посвящены параграфы монографии В.М.Солнцева (Солнцев 1971: 11-28). Полемизируя с Г.П.Щуром и Ю.С.Степановым, В.М.Солнцев убедительно доказывает, что под термином «система» следует понимать «целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях» (там же: 11), в то же время «структура» – это «совокупность внутрисистемных связей, внутренняя организация, упорядоченность объекта» (там же: 26). Иначе говоря, элементы и их связи составляют категорию – систему, или объект как целое; совокупность связей составляет категорию – структуру как атрибут системы, или целого.

Такое определение согласуется и с общенаучным алгебраическим и философским определением статической изолированной реляционной системы, опирающимся на созданную Г. Кантором теорию множеств: S = (S, R), где: S – множество элементов, R – множество отношений (структура) (Шрейдер, Шаров 1982: 23).

Указание на элементы и их взаимосвязи имплицирует понятие о целостном объекте, каким, безусловно, является язык. Именно поэтому говоря о системе языка, следует вкладывать в этот термин два неотъемлемых друг от друга понятия – инвентарь, набор элементов и единиц, присущих данному языковому уровню или языку в целом, и их взаимное по отношению друг к другу расположение. Такой подход обусловлен пониманием и признанием того, что всякое целое состоит из своих частей, находящихся в определенном расположении по отношению друг к другу и ко всему целому. Структура же представляет собой непосредственно данное строение, в котором могут быть определенные иерархические отношения, ориентированные на строение и внутреннюю организацию, структуру языка образуют отношения между ярусами и их единицами и элементами. Структура выражает лишь то, что остается устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях системы. Так, при преобразовании письменной речи в привычной нам буквенной системе посредством азбуки Морзе или флажковых сигналов происходит перенос структуры языка. Однако переносится только принцип организации, упорядоченность элементов, то есть структура, а не сами элементы или единицы системы. Следовательно, структура – лишь один из признаков системы языка.

Понятие структуры коррелирует с понятием формы, поскольку они оба характеризуют организацию, взаимодействие элементов и проявляющуюся внутреннюю связь. Однако поставить между ними знак равенства едва ли правильно. Очевидно, структура как внутреннее устройство объекта входит составной частью

в форму объекта, имеющую и внутреннее устройство и внешний облик. В этой связи нельзя согласиться с В.И. Кодуховым, рассматривающим структуру языка в рамках ее внешнего и внутреннего выражения. Под внешней структурой языка им понимается «его пространственная, временная и социальная вариантность. Она обусловлена структурой общества, его функционированием и историей» (Кодухов 1987: 73). По мнению В.И.Кодухова, современная внешняя структура проявляется в системе функциональных стилей, социальной дифференциации и под., а историческая внешняя структура – в исторических вариантах языка. Под внутренней структурой понимается изоморфность ярусов, или уровней языка. Очевидно, в этом случае происходит смешение понятий: речь идет о временной, пространственной и социальной вариантностях формы языка, и только когда упоминается об изоморфизме, возможно говорить о структуре.

По нашему мнению, принципиальная важность проблемы изоморфизма состоит также в том, что она обнажает и выводит на первый план вопрос сохранения информации. Вообще понятия структуры и информации связаны через понятие упорядоченности. «Структура есть упорядоченность данной системы (объекта), информация (согласно Шеннону) есть мера упорядоченности данного объекта (системы)» (Солнцев 1971: 33). Возникает ситуация зависимости между структурой объекта и количеством информации, которую он может передавать: чем сложнее структура, тем более она информативна, и наоборот. Однако при образовании изоморфных или подобных структур для некоторой данной структуры, при перекодировке информации происходит ее энтропия, и она тем более значительна, чем больше разницы между исходной и новой структурами. Это кажется справедливым и естественным при перекодировке устной речи в электрические посылки: часть информации, передаваемой посредством просодических единиц, ритмико-мелодической инструментовки, оказывается утраченной. Однако если происходит перекодирование письменной речи в сигналы азбуки Морзе, или устной речи из одной материальной субстанции в другую (например, при телефонном разговоре – звука в электромагнитные волны и опять в звуки), или устной речи в письменную, то это уже не кажется само собой разумеющимся. Таким образом, обнаруживается, что «мысль изреченная» становится ложью не только в процессе озвучивания, но и во время переноса структуры соответствующей ей субстанции. Прогрессирующая тенденция экономии языковой энергии и придания информативной насыщенности различным языковым структурам, по моему мнению, делает затронутую проблему одной из самых важных.

Язык, говоря словами Ю.Д. Каражаева, «есть бесконечное, конституируемое конечным» (Каражаев 2005: 81). Язык, как и всякая система, дискретен, поскольку в нем выделяются элементы. Дискретность понимается как конечность языка, а его бесконечность – это комбинаторность. Иначе говоря, язык есть дискретно-комбинаторное образование.

Однако представление о том, что дискретен может быть не только план выражения, но и план содержания, вызывает возражение у некоторых исследователей. Так, В.М.Солнцев в качестве важнейшего свойства простейших означаемых отмечает глобальность: «попытки расчленить простое означаемое на какие-то элементы значения … представляют собой истолкование исследователем содержания данного означаемого (= значения) с помощью более или менее адекватно

выбранных признаков. Однако такое «расчленение» отнюдь не есть выделение реально составляющих его элементов» (Солнцев 1971: 136). В качестве аргументов невозможности выделения компонентов значений В.М.Солнцев отмечает, во-первых, полную свободу выбора их количества при отражении классов предметов в зависимости от степени детализации, во-вторых, отсутствие выражения в отдельной знаковой форме. Однако с такими аргументами едва ли можно согласиться. Независимо от степени детализации в дефиниции слова должен присутствовать необходимый и обязательный набор признаков, релевантный для единственно возможного и тождественного истолкования значения того или иного слова. Так, исключение из дефиниции отец даже одной из сем ‘предок’ ‘первого колена’ ‘по прямой линии’ ‘мужского пола’ делает невозможным его адекватное восприятие. Сказанное В.М.Солнцевым может, в таком случае, относиться и к единицам плана выражения: ведь в зависимости от степени детализации звукового облика слова мы можем выделить имплозивные призвуки и под., в то время как для комплексной звуковой оболочки они релевантными не будут. Относительно второго замечания можно сказать, что и в плане выражения имеются элементы, не получающие в знаковой форме отдельного выражения: так, фонемные признаки, являющиеся сигналообразующими, сами по себе представлены только в нашем сознании.

В этом смысле мы согласны с Н.Д.Арутюновой, которая констатирует возможность членимости языковых планов следующим образом: «Если означающее знака допускает членение на симультанные единицы – фонемы, разложимые в свою очередь на дифференциальные признаки, то означаемые знаков, будучи сами симультанными единицами, делятся только на компоненты значения» (Арутюнова 1969: 41).

Итак, структура может пониматься как некая идеализированная сущность, возникшая как результат творческой мыслительной деятельности человека, так называемый инвариант, соответствующий классу однородных реальных объектов, и в то же время в реальном выражении – как вариант определенного инварианта. Между инвариантом и его вариантами допустимы определенные различия, расхождения, но амплитуда таких колебаний должна быть в фиксированных пределах. В противном случае, если отклонения превышают допустимые параметры, из варианта инварианта А новая структура переходит в иной статус, образуя вариант инварианта Б или даже самостоятельный инвариант.

Система представляет собой категорию, которая располагается на целый порядок выше, поскольку она включает помимо элементов строения также еще элементы функционирования, объединенные в категории и ярусы по типовым отношениям. Это те же элементы, но взятые не в застывшей субстанции, а в их живом функционировании и взаимном влиянии друг на друга. Структура показывает, из каких элементов она состоит и какое место в ее строении занимает каждый элемент как часть целого.

Соотношения между структурой и системой можно определить как соотношение между формальной стороной и ее содержательным наполнением. Структура – это материальная сторона системы. И в то же самое время структура представляет собой понятие, «противопоставленное материальным … или идеальным объектам системы» (Солнцев 1971: 25). Система включает структуру в качестве

важнейшей составной части, является структурообразующим фактором. Взаимодействие структурных элементов в процессе функционирования языка и представляет собой действие языковой системы. И термин «структура», и термин «система» служат для обозначения сложного многоэлементного единства, но указывают по-разному на характер взаимодействия между его частями.

Цитируемая литература:

Арутюнова Н.Д. О минимальной единице грамматической системы // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969.

Каражаев Ю.Д. Дискретно-комбинаторный характер языковой структуры и его след в грамматике НС и генеративной грамматике //Мат-лы 5-ой Всероссийской научной конференции «Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты». – М.- Пенза, 2005.

Кодухов В.И. Общее языкознание. – М., 1987.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М., 1971.

Тезисы Пражского лингвистического кружка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч.2.

Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. – М., 1982.

М.В.Соснина (Ульяновск)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КВАЛИТАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ.Р.Р.ТОЛКИЕНА.

В данной статье рассматривается проблема логико-семантического признака квалитативности в английском языке и способов его выражения для существительного в рамках словосочетания. Выделены некоторые наиболее типичные модели выдвижения сравнительного компонента; приведены примеры употребления подобных конструкций в речи.

Согласно теории морфотемного анализа единиц языка и речи, каждая единица языка и каждая часть речи содержит в себе несколько логико-семантических признаков [А.И.Фефилов 1997: 64-66], в числе которых не последнее место занимает квалитативность. Этот логико-семантический компонент присутствует во всех частях речи. В данной статье он рассматривается на примере сравнительных конструкций с существительным в английском языке. По сути своей квалитативность означает придание одному предмету качественных характеристик другого предмета, эмоциональную оценку предмета и сравнение. Для актуализации данной характеристики и выдвижения именно сравнительно-оценочного компонента существительного в английском языке используются определенные типы словосочетаний, из которых, на наш взгляд, наиболее интересны следующие:

1.$\boldsymbol{A_N}$ **+ N**, *отсубстантивное прилагательное + существительное*: The Orc’s clawlike hand gripped Pippin’s arm like iron; the nails bit into him. [10; 59];

2.**N’s + N**, *существительное в генитиве + существительное*: But I can hear fireside-tales and children’s stories at home, if I want to. [9; 58];

3.**N + of + N**, *существительное + предлог “of” + существительное*: The stay in Rivendell had worked a great wonder of change on him: he was glossy and seemed to have the vigour of youth. [9; 367];

4.***N + N****, существительное в общем падеже + существительное:* This is no time for hobbit pertness. [11; 26].

Все эти конструкции имеют одну общую черту: они могут выражать значение сравнения, характеризуя таким образом предмет с позиции квалитативности и выдвигая именно этот логико-смысловой компонент значения на передний план. Выделенные модели имеют различия по структуре, по стилистической окраске, по экспрессивности. Такие различия, несомненно, оказывают влияние на предпочтение той или иной конструкции в речи. При исследовании художественных произведений на английском языке, в частности, произведений Дж. Р.Р. Толкиена, можно обнаружить вариативность предпочтений даже в рамках одного произведения или, вернее сказать, одной группы произведений, связанных общими персонажами и единством сюжетной линии.

Как уже отмечалось выше, способы выражения квалитативнго логико-семантического компонента различаются по многим параметрам. Прежде всего выбор определенной конструкции отражает одну из ведущих тенденций в английском языке: либо тенденцию к экономии (A_N + N и N + N), либо тенденцию к избыточности (N + of + N и, в меньшей степени, N's + N). Если преобладает стремление автора дать подробное описание качества, имеют место более громоздкие конструкции; если же для более быстрого понимания автор стремится к сжатости и четкости изложения, преобладают более емкие и сжатые модели. В то же время нельзя забывать об экспрессивности каждой отдельной конструкции и о ее структурных особенностях, которые в некоторых случаях влияют на постановку той или иной модели в предложении. В каждом отдельном случае выбор языковых средств зависит от интенции автора. Приведем несколько примеров, которые показывают зависимость авторского выбора от различных факторов:

With a sheepish glance at his leader, who looked wrathful but didn't dare to interfere, Shiriff Smallburrow fell back and walked beside Sam, who got down off his pony. [11; 311]. Прилагательное "sheepish" зафиксировано в английском языке как обладающее негативным эмоционально-оценочным компонентом, то есть «овечий взгляд» подразумевает выражение раболепия и покорности, что в культуре имеет явно выраженную отрицательную оценку. Прилагательное с суффиксом –ish употребляется в данном случае как для сокращения достаточно длинного предложения, так и для выдвижения негативной коннотации с помощью суффикса.

…two pale lamplike eyes shone coldly as they peered inside, and then they lifted and gazed up at Frodo on the eyot. [9; 504]. Примечательно, что глаза, похожие на лампы, встречаются еще в одном примере: But the eyes that he liked the least were horrible pale bulbous sort of eyes. [8; 133], в описании одного и того же лица. Различие состоит в том, что здесь просто констатируется похожесть глаз на светильники, а в другом случае есть негативная оценка явления.

Then the hobbit slipped on his ring, and warned by the echoes to take more than hobbit's care to make no sound, he crept noiselessly down, down, down into the dark. [8; 199]. Хоббиты – существа тихие и незаметные, основным их умением является пробираться крадучись, неслышно. Генитив используется здесь для четкости и краткости высказыывания, то есть обусловлен конструкцией.

Diving under Aragorn's blow with the speed of a striking snake he charged into the Company and thrust his spear straight at Frodo. [9; 427]. Данное употребление обу-

словлено самой конструкцией предложения, так как слово «snake» имеет при себе определение. При другой конструкции потерялся бы ритм высказывания, а следовательно, художественный образ был бы неполным.

And the Dwarf, hearing the names given in his own ancient tongue, looked up and met her eyes; and it seemed to him that he looked suddenly into the heart of an enemy and saw there love and understanding. [9; 467]. В данном примере структура позволяет выбрать другую конструкцию, но автор предпочитает именно так построить высказывание из-за дополнительного возвышающего значения. На высокий стиль указывает, в частности, употребление слова “heart” в значении «душа», с высокой эмоциональной окраской, и общий патетический тон высказывания.

Для конструкции N + N наиболее характерны сравнения с неодушевленным предметом, например:

After breakfast, which they again ate alone, they made ready to say farewell, as nearly heavy of heart as was possible on such a morning: cool, bright, and clean under a washed autumn sky of thin blue. [9; 178]. Такой выбор обусловлен краткостью конструкции.

Проблема квалитативности и ее выдвижения в рамках определенных конструкций далеко не исчерпывается предоставленными теоретическими положениями и статистическими данными. Тем не менее, в английском языке существует определенный набор языковых средств для выдвижения качественного компонента значения существительного и придания ему сравнительно-оценочной характеристики. Выбор этих языковых средств зависит не только от индивидуальных предпочтений автора, но и от особенностей состояния языка в определенную эпоху, в частности, от преобладания той или иной тенденции в языке.

Библиография.

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., «Высшая школа», 1973. – 353с.

2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002. – 383с.

3. Блох М.Я. A Course in Theoretical English Grammar. М., «Высшая школа», 2000. – 380с.

4. Фефилов А.И. Морфотемный анализ единиц языка и речи. – Ульяновск: УлГУ, 1997. – 246 с.

5. Хорнби А. Конструкции и обороты английского языка: Пер. с англ. – М.: АО “Буклет”, 1994. – 334 с.

6. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н.Телия, Б.М.Серебренников. «Наука», 1991. – 214с.

7. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка: фактор человека в языке. М., МГИМО, 1996. – 254с.

8. J.R.R. Tolkien. The Hobbit. 310pp.

9. J.R.R.Tolkien. The Fellowship of the Ring. – 535p.

10. J.R.R.Tolkien. The Two Towers. – 415p.

11. J.R.R. Tolkien. The Return of the King. – 347p.

Канд. филол. наук Т.И.Суркова (Пенза)

КОМПЛЕКСНЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НОВЫЙ ТИП УЧЕБНЫХ СЛОВАРЕЙ

Современная учебная лексикография развивается в двух направлениях: 1) создание разнообразных аспектных словарей русского языка (словари структурных слов, сочетаемости и др.); 2) создание комплексных словарей, тяготеющих к словарям универсального типа.

В настоящее время существует два типа комплексных словарей, различных по принципам подачи материала. Во–первых, это комплексные учебные словари, объединяющие в одном томе несколько наиболее востребованных словарей русского языка. Примером может служить «***Новый учебный словарь русского языка»*** А.Н. Тихонова, Е.Н. Тихоновой, М.Ю. Козак (М.: Изд. АСТ, 2003).

В одном томе Словаря собраны 7 словарей: грамматический, морфемный, словарь омонимов и четыре орфографических (аспектных) словаря: «Прописная или строчная?», «Слитно? Раздельно? Через дефис?», «Слова с двойными согласными», «Правописание слов с не-, ни-, пре-, при-, роз-, рос-».

Так, ***Грамматический словарь*** в составе комплексного словаря представляет наиболее трудные случаи русской грамматики, с которыми часто сталкиваются как учащиеся, так и преподаватели. Это первый учебный Грамматический словарь, цель которого – дать максимум грамматических сведений о слове с учетом основных трудностей русского языка.

ГАРАНТИРОВАТЬ, перех., нсв и св: наст. и буд. гарантиру/ю, -ешь, мн. -ют; прош. гарантирова/л, -а, -о, мн. -и; повел. гарантируй, мн. -те; прич. действ. прош. гарантирова/вш/ий, -ая, -ее, мн. -ие; только нсв: прич. действ. наст. гарантиру/ющ/ий, -ая, -ее, мн. -ие; прич. страд. наст. гарантиру/ем/ый, -ая, -ое, мн. -ые; деепр. гарантиру/я; только св: прич. страд. прош. гарантирова/нн/ый, -ая, -ое, мн. -ые; кратк. ф. гарантирован, -а, -о, мн. -ы; деепр. гарантирова/в.

Большое внимание уделяется случаям отсутствия в словоизменительной парадигме тех или иных грамматических форм слова. Для этого используются пометы «не употр.», «только ед.», «только мн.», «только 3 л.» и др.

БЫТЬ, только нсв: наст. только 3 л. ед. есть; буд. буд/у, -ешь, мн. -ут; прош. бы/л, бы/л/а, бы/л/о, мн. был/л/и; повел. будь, мн. -те; прич. действ. наст. не употр.

Другой тип комплексных словарей представлен словарями, объединяющими в одной словарной статье информацию о слове нескольких аспектных словарей. Так, ***«Комплексный словарь русского языка»*** А.Н. Тихонова и др. (М.: Рус. яз., 2001) дает всестороннюю комплексную характеристику слова и фактически включает информацию 15 аспектных словарей одновременно: орфографического, орфоэпического, акцентологического (словарь ударений), грамматического, морфемного, словообразовательного, морфологического, стилистического, толкового, синонимического, антонимического, омонимического, сочетаемостного, тематического, фразеологического.

Словник включает наиболее употребительные слова современного русского языка, в том числе активные неологизмы. Объем словника – 15000 словарных статей. Оригинальная система подачи материала: частичное гнездование однокоренных слов, широкое использование синонимических и антонимических связей, по-

каз разнообразных моделей сочетаемости – делает этот Словарь словарем нового типа.

Приведем примеры словарных статей.

АБИТУРИЕНТ [риэ], м: род.-вин. -а, предл. (об) абитуриент/е [н‘т‘], мн. –ы, род.-вин. -ов; непроизводн.: абитуриент/

Тот, кто поступает в вуз, техникум.

Ср.: выпускник, студент.

Сильный абитуриент. Абитуриент (чего) вуза. Способности абитуриента. Требования к абитуриентам. Экзаменовать абитуриента. Фотостенды знакомят абитуриентов с историей университета.

АБИТУРИЕНТК/А [риэ], ж., род.-вин. -у; мн. -и, род.-вин. абитуриенток/, дат. абитуриентк/ам; произв. абитуриент – абитуриент+к+а.

Способная абитуриентка.

АБИТУРИЕНТ/СКИЙ [риэ], -ая, -ое, мн. -ие; произв.: абитуриент – абитуриент+ск+ий.

Абитуриентская работа.

Как видим, словарная статья высоко информативна. Она содержит: 1) орфоэпические рекомендации, 2) грамматическую характеристику, 3) словообразовательную и морфемную характеристику, 4) стилистическую характеристику, 5) толкование, 6) синонимы и антонимы, 7) слова, связанные тематически и лексико–семантически, 8) сочетаемость слова, 9) иллюстративный материал, 10) «свернутые» лексические значения, 11) составные наименования, 12) устойчивые сочетания.

«Комплексный словарь» является первым опытом создания словаря универсального типа. Он содержит материал, необходимый и вполне достаточный, чтобы довести работу над словом до правильного его употребления в устной и письменной речи. Эта отличительная особенность приближает Словарь к пособиям активного типа, за которыми, по мнению ведущих лексикографов, будущее учебной лексикографии.

Докт. филол. наук А.И.Фефилов (Ульяновск)

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКОГИТОЛОГИИ

– Известные в историографии лингвистики поиски «генеалогического родства, общего праязыка или прототипа», «внутренней формы», «общей языковой одаренности», «типологического единства», «структурного сходства», «тождественной сети функций, или аналогичных схем языковых соотношений», «функционального, или семасиологического сходства» и т.п. в целом характеризуют стремление языковедов выявить **универсальную структуру общечеловеческого сознания**, воплощенную в языке и обозначаемую с помощью языка; а также **универсальную структуру общечеловеческого мышления**, проявляющуюся в речи и выражаемую посредством речи.

– Универсальная структура общечеловеческого сознания и мышления подтверждается сходством разносистемных родственных и неродственных языков – в оязыковленной интрамысли и оречевленной экстрамысли. Национально-

специфические различия языков приходятся на способы и характер формантизации и семантизации продуктов общечеловеческого разума.

– Цель лингвокогитологии как науки о языкосознании и речемышлении описать и объяснить процессы интериоризации ретромысли в языке и экстериоризации актуальной мысли в речи. В частности, лингвокогитологическое направление исследований предполагает анализ перехода языкослова в речеслово, т.е. лингвемы в локутему, а именно, освещение процессов предицирования лингвемы в пропозициональной структуре и ее взаимодействия с коммуникемой и прагмемой в условиях речевого акта.

– Прикладные аспекты лингвокогитологии – это лингводидактическая и лексикографическая обработка результатов лингвокогитологического анализа.

– Одним из направлений лингводидактики нового типа должна стать методика преподавания иностранных языков когитологической ориентации. Суть ее заключается в том, что она отходит не от языка (грамматики и лексики в традиционном понимании), а от структуры экстрамысли к языку и речи. Это путь от прагматически обусловленной организации актуальной мысли к ее языковому оформлению и коммуникативно-речевой презентации.

Такое методическое направление не противоречит природе говорения и способствует развитию иноязычных речевых умений и навыков, поскольку говорящий прокладывает путь от мыслительного конструкта, регулируемого прагматической необходимостью, к его языковому облачению и коммуникативно-речевому оформлению, а не наоборот. Традиционное преподавание иностранных языков продолжает двигаться в направлении от языка к мысли – от слова к обозначаемому понятию, от предложения к выражаемой ситуации, от текста к мыслительным композициям. Это перспектива слушающего, или путь, если не пассивного, то во всяком случае бессистемного усвоения языка.

– Лексикография когитологического типа это совмещение понятийно-центрического и формоцентрического принципов в оформлении словарных статей. Это путь от мысли в слове к мысли, выражаемой с помощью слова, иначе говоря от вербализованной интрамысли к оречевляемой экстрамысли. Лингвокогитологическая лексикография, ориентированная на изучение соотносимых языков как иностранных, а также на перевод должна строится на контрастивной основе, чтобы выявить особенности национально-специфического языкового сознания. Так, например, в словарную статью такого типа под ключевым словом каждого из сопоставляемых языков объединяются не только единые с ним по звучанию и аналогичные ему по значению словоформы, но и разные, даже не синонимические словоформы, эквивалентно-специфически представляющие иноязычное сознание на данном участке вербальной объективации, ср.:

<**ябло**> <**apfel**>

яблоко – **Apfel** m;
яблоко мишени – *das Zentrum der Scheibe;*
яблоко раздора – Zank**apfel** m; der **Apfel** der Zwietracht;
величиной с небольшое **ябло**ко – klein**apfel**groß;
яблочный сок – **Apfel**most m;
#
айва дикая – **Apfel**quitte f;

апельсин – **Apfel**sine f;
буланая лошадь – **Apfel**falber m;
витушка – **Apfel**schnecke f;

Канд. филол. наук Х.А.Чижова (Иркутск)

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ: ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Вопрос о соотношении единиц языка и сознания не имеет в настоящее время однозначного решения. Процессы мышления являются универсальными, однако инкультурация в обществе и освоение национального языка формируют определённым образом сознание человека и могут быть «вычитаны» в продуктах его деятельности. Более того, мы имеем возможность исследовать сознание, прежде всего, благодаря анализу речевых произведений, то есть языка. Анализируя отдельные речевые произведения с учётом экстралингвистических данных, стремимся выделить инвариант языкового сознания, являющийся национально специфическим и разделяемый в той или иной мере всеми носителями данной культуры.

Способность вычленять из потока впечатлений наиболее важные в соответствии с определёнными качествами, функциями и структурировать их в категории является основой мыслительной деятельности человека.

В соответствии со структурным характером мира, категории представляют собой определённые системные образования, формируемые вокруг прототипа. Каждая категория содержательно многопланова и существует лишь в единстве с другими категориями.

Основным признаком эгоцентрических категорий является импликация «Я», основанная на антропоцентричности естественного языка. Эгоцентрические категории включает в себя смыслы (концепты), формирующиеся у личности в диалоге с культурой, собой, определяющие бытие человека в мире. Каждая эгоцентрическая категория имеет своё ядро, свой прототип и в тоже время все они ориентированны на концепт «человек». Содержательная сущность эгоцентрических категорий определяется психофизиологической и социальной организацией человека и его ценностными установками в универсуме (Малинович 2003). Такие категории, как СФЕРА САКРАЛЬНОГО, ЛЮБОВЬ, ВОЛЯ, ЖЕЛАНИЕ, ДОЛГ, СОВЕСТЬ формируют смысловое пространство человека, наполняют его жизнь внутренним содержанием. Они не доступны эмпирическому наблюдению и знание о них складывается в результате размышления над своим опытом и опытом других.

Язык, объединяя в себе идеальное и материальное, позволяет приблизиться к познанию эгоцентрических категорий. Их выделение, анализ и описание проводится на основе анализа языкового материала, который репрезентирует данные категории различными лексическими, фразеологическими и синтаксическими средствами.

Изучение вопросов, касающихся онтологии бытия человека, то есть проблемы отношения мира (макрокосма) и человека (микрокосма), выраженное в проблеме семантики эгоцентрических категорий, с позиций антропологической лингвистики позволяет приблизиться к постижению предмета научного анализа в це-

лостности его объективных взаимосвязей и отношений. Таким образом, реализуется принцип системности научного анализа.

Изучение семантики эгоцентрических категорий вносит определённый положительный вклад в изучение внутреннего мира человека, его сознания.

Канд. филол. наук Л.В.Шалина (Москва)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Номинация есть универсальный, интернациональный процесс. В разных языках все новые факты, все изменения в окружающем человека мире вещей и идей непременно обозначиваются – появляются их наименования, называемые исследователями неологизмами. Создание наименований-неологизмов осуществляется разными путями. Некоторые наименования приходят в виде заимствований из других языков вместе с теми предметами и явлениями, которые они обозначают. Они не имеют в языке-преемнике «предшественников» в виде слов, образованных от того же корня, и являются практически словами-интернационализмами, так как представлены во многих других языках и свидетельствуют об интеграции различных народов в мировую культуру. Такие эпохальные достижения, как компьютеризация и интернизация всей планеты принесли во многие языки мира, в том числе русский и немецкий, большое количество новых слов, которые никакими этимологическими нитями не связаны с другими словами, функционирующими в русском и немецком языках, например: англ. *Computer* – нем. *der Computer* – русск. *компьютер*, англ. *Internet* – нем. *das Internet* – русск. *интернет*, англ. *modem* – нем. *das Modem* – русск. *модем*, англ. *server* – нем. *der Server* – русск. *сервер* и др. Они практически «европеизировались», вошли во все европейские языки.

Следует заметить, что взаимосвязь заимствования и словообразования в русском и немецком языках разная. В немецком языке любая иноязычная лексема очень быстро обрастает, подобно корневым словам, словообразовательными структурами. Однако основная масса номинаций как в русском, так и в немецком языках возникает на основе существующих словообразовательных элементов: основ, суффиксов, префиксов, а также путем словосложения. Структура сравниваемых языков такова, что она открывает широкие возможности для конструирования и перереконструирования слов из существующих компонентов. В словообразовательный процесс включаются не только слова, основы, аффиксы сопоставляемых языков, но и иностранные языковые единицы. Они создают слова, построенные по моделям словообразования русского и немецкого языков. Поэтому с номинацией непосредственно связано словообразование. По мнению Е.С.Кубряковой, «словообразование и есть то звено в языковой системе, которое «ответственно» за формирование «обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека», ибо «все его средства, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации» (Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований / Под ред. Б.А.Серебренникова. М., 1977.С. 223).

Именно благодаря словообразованию любой язык постоянно пополняется огромным количеством новых слов, отражающих все стороны жизни человека. В каждом живом языке никогда не прекращается этот процесс.

Асп. Л.М.Шлёнкина (Ульяновск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО В АНТОНИМИИ (на материале французского и русского языков).

В методологии, как правило, выделяют три вида: философскую, общенаучную и частную. В качестве общефилософской методологии в данной работе используется субстратная методология, автором которой является современный российский философ А.А. Гагаев [А.А. Гагаев 1991]. Основная цель настоящей статьи – рассмотреть методологические основы исследования языковой выраженности внутреннего и внешнего в антонимии (на материале французского и русского языков) в аспекте требований указанных видов методологии.

В общефилософском плане следует, во-первых, обсудить категории внутреннего и внешнего, а во-вторых, наметить философские основания изучения выраженности внутреннего и внешнего в антонимии.

Категории *внутреннего* и *внешнего* постоянно привлекают внимание философов [А.Ф. Лосев 1990; М.М. Бахтин 1986; Д.И. Дубровский 1988 и мн. др.].

Внутреннее и *внешнее* рассматриваются как различные стороны, связи предметов и явлений. «Данные категории *диалектики* характеризуют предметы и явления с точки зрения не только их связей, строения, но и глубины проникновения в них человеческого познания» [Краткий словарь по философии 1979: 40-41].

Внешнее (как категория):

1. Отражает поверхностную, непосредственно доступную чувствам сторону предмета или вне предмета существующую действительность; в процессе познания обычно выступает как то, что обнаруживается непосредственно [Философский словарь 1991:68, ФЭС 1997: 86].

2. Выражает связи данного предмета с другими предметами, отражает окружающую среду и место в ней данного предмета [Краткий словарь по философии 1979: 39].

3. Обозначает способ выражения, обнаружения внутреннего [ФЭС 1997: 86].

Внутреннее (как категория):

1. Выражает существенную сторону предмета, закон развития этого предмета; непосредственно не дано органам чувств, скрыто от непосредственного наблюдения и может быть выявлено благодаря теоретическому осмыслению [Философский словарь 1991: 68].

2. Это строение самого предмета: его структура, характеристики его элементов и связей между ними [Краткий словарь по философии 1979: 39].

3. Раскрывается и познаётся через внешнее, через те или иные проявления [Философский словарь 1991: 68, ФЭС 1997: 86].

Вопрос взаимосвязи и взаимообусловленности внутреннего и внешнего раскрывается в теории познания. В рамках теории познания существен переход от внешнего, чувственного данного к ненаблюдаемому, теоретически мыслимому,

причём духовное объявляется истоком и смыслом внешнего бытия [ФЭС 1997: 86].

Среди философов бытует мнение и о том, что не всё внешнее может выражать собой внутреннее и не всё внутренне может выражаться вовне (см. напр.: [А.Ф. Лосев 1982: 192]).

В марксистской гносеологии категории внутреннего и внешнего понимаются как моменты целостного, саморазвивающегося бытия, подчёркивается их неразрывное единство [ФЭС 1997: 86]. Данное понимание соотносится с законом единства и борьбы противоположностей, который, вероятней всего, действует и в отношении языковых противоположностей – антонимов. «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [В.И. Ленин 1963: 316-317].

Чаще всего к категориям *внутреннего* и *внешнего* обращаются при характеристике человеческой психики. В этом смысле говорят о внешнем мире, имея в виду то, что́ противостоит психической деятельности, на что́ она направлена (например: предмет науки, социальная действительность и т.д.) и о внутреннем мире как о том, что освоено психикой, что составляет её собственное содержание и структуру (например: эмоциональные переживания человека, его установки, мотивы) [Краткий словарь по философии 1979: 39].

Приведём некоторые мнения. В частности, А.Ф.Лосев рассуждая о психологии личности, отмечает, что «антитеза *внутреннего* и *внешнего*» совершенно необходима для понятия личности. «В личности обязательно два различных плана, и эти два плана обязательно отождествляются в одном неделимом лике. Наблюдая хорошо знакомое лицо человека, которого вы давно знаете, – вы обязательно видите не просто внешность лица как нечто самостоятельное… Вы видите здесь обязательно нечто *внутреннее*, – однако так, что оно дано только через внешнее…» [А.Ф. Лосев 1990: 97].

М.М. Бахтин в книге «Вопросы литературы и эстетики» подробно рассматривая личность творца в искусстве, также указывает на единство внутреннего и внешнего. «Положительно-субъективная творческая личность есть конститутивный момент художественной формы, здесь субъективность её находит своеобразную объективацию, становится культурно-значимой творческой субъективностью; здесь же осуществляется своеобразное единство органического – телесного и внутреннего – душевного и духовного человека, но единство – изнутри переживаемое» [М.М. Бахтин 1975: 69].

Очевидно, что к категории внешнего, по мысли М.М. Бахтина, относится органическая, телесная, физическая сторона человека. Категория внутреннего представлена душевной, духовной стороной.

К.С. Станиславский, в рамках психологии сценического творчества разрабатывая свою систему работы актёра над собой, постоянно обращается к оппозиции внутреннего/внешнего: «психика», «душа», «эмоции» есть нечто внутреннее, а «движения тела», «мимика», «голос», «речь» – внешнее.

«Голос и тело должны с огромной чуткостью и непосредственностью, мгновенно и точно передавать тончайшие, почти неуловимые внутренние чувствования. Вот почему артист нашего толка должен гораздо больше, чем в других

направлениях искусства, позаботиться не только о внутреннем аппарате, создающем процесс переживания, но и о внешнем, телесном аппарате, верно передающем результаты творческой работы чувства, – его внешнюю форму *воплощения*» [К.С. Станиславский 1939: 51].

Следует также отметить важную роль оппозиции внутреннего/внешнего в исследованиях психолингвистики, в частности, в осмыслении процессов порождения и продуцирования речи. «…Внутренняя речь является механизмом, превращающим внутренние субъективные смыслы в систему внешних развёрнутых речевых значений» [А.Р. Лурия 1975: 10].

Итак, разграничение внутреннего и внешнего имеет общефилософский характер и находит подтверждение в естествознании, например, в химии. Взаимовлияние внутреннего и внешнего удобно наблюдать на примере одного химического элемента – углерода.

1. *Влияние внутреннего строения на внешние признаки.*

«Алмаз и графит – это два аллотропных видоизменения углерода. <…> Алмаз обладает особой твёрдостью, а графит – вещество мягкое. Особая твёрдость алмаза обусловлена тем, что в его кристаллической решётке каждый атом углерода связан ковалентными связями с четырьмя другими атомами, размещёнными вокруг него на одинаковых расстояниях. Эти связи по всем направлениям одинаково прочные. В графите же атомы располагаются как бы слоями и расстояние между атомами, расположенными в разных плоскостях, гораздо больше, чем между атомами в одной плоскости. Этим и объясняется резкое отличие физических свойств графита от физических свойств алмаза» [Ф.Г.Фельдман 1994: 80].

2. *Влияние внешнего на внутреннее строение.*

«Доказано, также, что при определённых условиях алмаз превращается в графит, а последний – в алмаз. Так, например, если алмаз без доступа воздуха нагревают свыше 1000°С, то он постепенно превращается в графит. Наоборот, если графит в присутствии катализаторов нагревают от 1200 до 1600°С под давлением 10^4 МПа, то он превращается в алмаз. Это способ получения искусственных алмазов» [Ф.Г.Фельдман 1994: 81].

Поскольку нами в качестве философской методологии используется предложенный А.А. Гагаевым вариант общей теории систем, постольку важным представляется дать характеристику внутреннему и внешнему в аспекте используемой субстратной методологии. Напомним, что она выступает в виде очень строгой схемы и предполагает формализацию связи используемых категорий.

Согласно субстратному методу в любом предмете исследователь обязан различать четыре ступени его сущности – *бытие, сущность, явление* и *действительность* предмета. Логика категорий внутреннего и внешнего предполагает, что категория *внутреннего* характеризует *сущность* предмета, а категория *внешнего* – *явление* предмета. Вероятней всего, на уровне бытия и действительности предмета категории внутреннего и внешнего выступают в их единстве и переплетаются друг с другом в каждом конкретном случае самым различным образом. С точки зрения субстратной методологии, любое внешнее являет собой внутреннее, и всё внутренне выражается вовне.

Субстратная методология предполагает разграничение на каждой из четырёх ступеней сущности предмета пяти ведущих аспектов – пяти целевых подсистем,

но в рамках настоящей статьи это обстоятельство представляется несущественным.

Что касается антонимии (в частности – противопоставленности значений тех или иных слов), то в общефилософском плане антонимия выступает как проявление в языке противоречия, противоположностей.

Многие важные вопросы, связанные с изучением противоположности, были представлены ещё в античной философии и логике [Аристотель 1939, Платон 1968]. Впоследствии суждения о данному вопросу высказывали Гегель [Гегель 1971], К.Маркс, Ф. Энгельс, [К.Маркс, Ф. Энгельс 1964].

Отметим одну из важнейших особенностей противоположности, необходимую для понимания данного явления: единство и взаимопроницаемость.

Наиболее ярко, на наш взгляд, данные характеристики противоположностей представлены в учении Лаозцы о единстве противоположностей, как о переходе одной противоположности в другую. Так в учении утверждается: «…человек при рождении нежен и слаб, а после смерти твёрд и крепок» [Мудрецы Китая 1994: 375]. «Перед тем как ослепнуть, глаза разглядят даже кончик волоска» [Мудрецы Китая 1994: 53]. «Перед тем как утратить рассудок, сердце легко отличает правду ото лжи. Причина в том, что, не достигнув предела, вещи не переходят в свою противоположность» [Мудрецы Китая 1994: 54].

Заканчивая краткое рассмотрение философских аспектов антонимии, заметим постоянное обращение к этой проблеме самых видных учёных и в то же самое время полное отсутствие обсуждений того, насколько в антонимах (словах, обозначающих противоположность) сохраняется корреляция внутреннего и внешнего.

В качестве общелингвистической методологии в настоящем исследовании выступает лингвистический вариант субстратной методологии А.А. Гагаева, предложенный А.В. Пузырёвым. В соответствии с используемой общелингвистической методологией нами используется тетрахотомия *мышление – язык – речь – коммуникация*. Каждая из этих ступеней сущности языка рассматривается в пяти целевых подсистемах [А.В. Пузырёв 1995: 11].

Что представляет собой явление антонимии в плане общелингвистической методологии? Для ответа на поставленный вопрос следует иметь в виду известное разграничение языкового и метаязыкового мышления.

В плане языкового мышления явление антонимии иллюстрирует проявление в языке ассоциаций по контрасту. Ассоциации такого характера приводятся почти во всех психологических учебниках в разделе «Память» (см., например [Общая психология 1986: 292]).

На уровне мышления наиболее важным вопросом представляется вопрос отображения в антонимии действительности.

В данном исследовании представляется удобным принять за основу систему бинарных оппозиций, представляющую собой способ описания мира [Т.В. Цивьян 2005: 5].

Их набор обычно включает в себя 10–20 пар противопоставленных друг другу признаков, имеющих соответственно положительное и отрицательное значения. Эти оппозиции связаны: «со структурой пространства – верх/низ, небо/земля, земля/подземное царство, правый/левый, восток/запад, север/юг и др.; со структу-

рой времени – день/ночь – свет/мрак, лето/зима, весна/осень и т. д.; с цветом – белый/черный, красный/черный и т.д., с оппозицией природа /культура (которая, кстати, может описывать и структуру одной ММ изнутри, и структуры разных ММ извне, например, сопоставление архетипической и секуляризованной ММ – мокрый/сухой, сырой/варёный и т.д., с социальными категориями – мужской/женский старший/младший (в разных значениях – возрастном, генеалогическом, общественном), свой/чужой близкий/далекий, внутренний/внешний (две последние относятся к пространству, в данном случае метафорическому) и др. В этот набор включается и более общее противопоставление, определяющее его модус – сакральный/мирской (профанический) [Т.В. Цивьян 2005: 6-7].

Рассматривая явление антонимии на уровне мышления, нельзя обойти вниманием вопрос о том, каким образом были зафиксированы в языке противоположные значения слов.

Существует предположение, что значение, непосредственно присущее слову, и служит источником образования ассоциаций – связи мыслительного содержания, когда возникновение восприятий, представлений или понятий ведёт к репродукции связанных с ними иных восприятий или понятий. Исследователи полагают, что противоположные значения слов первично обнаружены в речи по ассоциациям благодаря интуиции, в основе которой лежит опыт человека. Постоянное восприятие слов-антонимов, совместно употребляемых в речи, является таким опытом.

Согласно А.А. Гагаеву, «ассоциации имеют внутреннюю форму – психические процессы в ЦНС, и внешнюю двоякую форму: языка и речи культурно-типического характера…» [А.А. Гагаев 2005: 340]. Исходя из данного утверждения, представляется целесообразным рассмотреть проявление антонимии на уровне языка и речи.

Рассматривая проявление антонимии на уровне языка, следует сказать о разграничении двух видов противоположности: контрарной и комплементарной [М.Р. Львов 2002: 9]. Контрарная противоположность выражается видовыми понятиями «X» и «Y», между которыми возможно третье, среднее «Z» и которые не только отрицают друг друга, но и характеризуются своим положительным содержанием.

Пример: *«**jeune**» – «d'age moyen», «d'un certain age» – «**vieux**» – «**молодой**» – «средних лет», «пожилой» – «**старый**».*

Комплементарная противоположность представлена видовыми понятиями «X» и «Y», дополняющими друг друга до родового так, что между ними невозможно никакое третье, среднее понятие. Пример: *«vrai» – «faux» – «истинный» – «ложный».*

Поскольку противоположные видовые понятия в отличие от противоречащих определяют предел проявления качества, свойства, определяемых тем или иным родовым понятием, принято считать, что именно они и образуют логическую модель истинной антонимии. Два понятия противоположны (контрарны), по определению Г.Клауса, «если между явлениями, в них мыслимыми, существует наибольшее различие в пределах, устанавливаемых родовым понятием» [Г.Клаус 1960: 213]. Например, «горячий» – («тёплый», «прохладный»…) – «холодный». Такие понятия, образующие «оппозицию контрастности», отличаются наиболь-

шими качественными, количественными другими различиями [L. Guilbert 1964:29].

Поскольку уровень языка предполагает рефлексию, постольку разные учёные по-разному определяют сущность антонимии.

Следует отметить, что, как правило, антонимы определяются, как слова с противоположным значением. Приведём некоторые из определений.

«Антонимы являются словами разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [Н.М. Шанский 1972: 64]. «Антонимы – слова с противоположными значениями» [М.Р. Львов 2002:3]. «Антонимы – это взаимопротивоположные по значению номинативные единицы языка, которые служат для обозначения взаимопротивоположных односущностных явлений объективной реальности» [Е.Н. Миллер 1985:80–81].

Во всех приведённых определениях под антонимичностью слов фактически понимается антонимичность отдельных значений этих слов.

Учитывая специфику предпринятого исследования, в данной работе предлагается понимать антонимы как противоположные лексико-семантические варианты слов (ЛСВ).

Объектом данного исследования являются оппозиции внутреннего и внешнего в антонимических парах русского и французского языков. Прежде всего, следует отметить, что антонимические отношения слов отражаются, кроме прочего, и в возможностях их лексической сочетаемости. Если антонимическую оппозицию образуют слова, имеющие широкие границы лексической сочетаемости, то их можно использовать в разнообразных антонимических сочетаниях.

Оговорим используемую терминологию. ЛСВ, связанные с обозначением физических характеристик и свойств предмета, в нашей работе обозначаются в качестве внешних значений слов. ЛСВ, связанные с обозначением психологических характеристик и свойств предмета, обозначим в качестве внутренних значений слов.

Заметим сразу же, что исследование антонимов следует производить с учётом существования антонимо-синонимических блоков, под которыми обычно понимается такое объединение антонимов и синонимов, ядром которого является антонимическая пара, возглавляющая два синонимических ряда, упорядоченных посредством единой для всего объединения градуальностью в значении (подробно об этом понятии см.: [Ю.В. Федосов 2001: 17]).

В данной статье обозначим наиболее общие положения сохранения антонимичности внутренних и внешних значений в русском и французском языках.

Обратимся к материалу антонимичной пары *богатый – бедный // riche – pauvre*.

***Богатый** фермер – **бедный** фермер // Un fermier **riche** – un fermier **pauvre**.*

В данных оппозициях русские и французские пары антонимов сохраняют общую сферу лексической сочетаемости. Здесь реализуется внешнее значение слов. В русском и французском языках антонимия внешних значений слов во многом совпадает, см. также:

***Богатые** люди – **бедные** люди // Les gens **riches** – les gens **pauvres. Богатая** семья – **бедная** семья// Une famille **riche** – une famille **pauvre.** Пища, **богатая** витаминами – пища, **бедная** калориями//Un aliment **riche** en vitamines – un aliment*

pauvre *en calories. Край,* ***богатый*** *озёрами – край,* ***бедный*** *лесом //Une terre* ***riche*** *– une terre* ***pauvre***.

Встречаются также оппозиции, в которых сохраняется общая сфера лексической сочетаемости при реализации внутреннего значения.

Богатая *натура –* ***ничтожная*** *личность//C'est une* ***riche*** *nature – c'est un* ***pauvre*** *type.* ***Богатое*** *воображение –* ***бедное*** *воображение//Une imagination* ***fertile*** *– une imagination* ***sterile***.

Выше были приведены примеры, где антонимия как внешних, так и внутренних значений одинаково проявляет себя в русском и французском языках. Следует, однако, иметь в виду, что при сопоставлении внутренних значений выявляются и различия, свидетельствующие о различной дробности французского и русского языков.

Обратимся, например, к материалу антонимичной пары *grand – petit // большой – маленький*.

Un homme ***petit*** *– un homme* ***grand*** (говоря о росте человека, французы используют антонимичные прилагательные: большой – маленький). В русском языке о росте человека говорят: высокий – невысокий человек, человек маленького/большого роста. Примеров подобного рода имеется не один:

Une ***petite*** *bourgeoisie – une* ***grande*** *bourgeoisie.* Русский эквивалент: ***крупная*** *буржуазия –* ***мелкая*** *буржуазия. Un* ***petit*** *personnage – un* ***grand*** *personage.* Русский эквивалент: ***незначительный*** *человек –* ***важная*** *особа.*

Пример данной антонимичной пары свидетельствует о бóльшей дробности противопоставлений в русском языке по сравнению с французским. Примеров подобного рода можно привести больше, используя материал антонимичных пар *bon – mauvais // хороший – плохой, fort – faible // сильный - слабый.*

Например: *Un* ***bon*** *métier – un* ***mauvais*** *métier.* Русский эквивалент: ***хорошая*** *специальность –* ***малодоходная*** *профессия. Un* ***bon*** *oeil – un* ***mauvais*** *oeil.* Русский эквивалент: ***бодрый*** *человек –* ***дурной*** *глаз. Un* ***bon*** *calcul – un* ***mauvais*** *calcul.* Русский эквивалент: ***точный*** *расчёт –* ***неточный*** *расчёт. Une* ***bonne*** *chance – une* ***mauvaise*** *chance.* Русский эквивалент: *удача – невезение. Un* ***bon*** *répas – un* ***mauvais*** *répas.* Русский эквивалент: ***вкусная*** *еда –* ***невкусная*** *еда. Une voix* ***forte –*** *une voix* ***faible***. Русский эквивалент: ***громкий*** *голос –* ***слабый*** *голос*.

В русском языке, как следует из приведённых примеров, используется бóльшее количество обозначений. Можно предположить, что нами отмечено явление более широкого характера, но насколько это явление распространено в оппозиции антонимов-прилагательных, представляет собой предмет дальнейшего изучения.

На уровне речи предметом основного изучения должен явиться вопрос о том, какие ЛСВ антонимов используются наиболее часто – внутренние или внешние. Обязательным требованием для исследования на уровне речи является использование данных статистических словарей, анализ стилистических приёмов, основанных на явлении антонимии.

На уровне коммуникации представляется актуальным выяснение того, насколько мотивировано то, что выражено в речи, и как антонимы воспринимаются личностью. Одним из важнейших вопросов является коммуникация переводчика и автора. Данная проблема также представляет собой предмет дальнейшего изучения.

В качестве специальной методологии для сопоставления оппозиций внутренних и внешних ЛСВ антонимов-прилагательных на материале русского и французского языков в данном исследовании предполагается использовать количественный метод и такие виды анализа, как компонентный и сопоставительный.

Приведём пример анализа пары антонимов *богатый – бедный.* Прежде всего, в совокупности значений выявляются внешние и внутренние ЛСВ. Критерии определения внутреннего и внешнего значения должны соответствовать характеристикам категорий *внутреннего* и *внешнего*.

Чрезвычайно важным представляется выявить совпадение//несовпадение антонимичных внутренних и внешних ЛСВ антонимов в русском и французском языках.

Примеры антонимии внешних значений в русском языке:

Богатый (= обладающий большим имуществом, деньгами, очень зажиточный) // бедный (= то же, что неимущий) – ***богатый*** *фермер –* ***бедный*** *фермер;* ***богатый*** *человек –* ***бедный*** *человек.*

Богатый (= дорого стоящий, роскошный) // бедный (= дёшево стоящий) – ***богатая*** *обстановка –* ***бедная*** *обстановка.*

Богатый (= то же, что обильный, содержащий в себе много чего-нибудь ценного) // бедный (= имеющий недостаток в чём-либо, скудный) – ***богатый*** *урожай –* ***бедный*** *урожай; край,* ***богатый*** *озёрами – край,* ***бедный*** *лесом*

Примеры антонимии внешних значений во французском языке:

Riche (= qui a de la fortune, possède des biens, et spécialt de l'argent en abondance; ‘обладающий в изобилии богатством, благами, деньгами’) // pauvre (= qui n'a pas suffisamment d'argent, de moyens, pour subvenir à ses besoins; ‘не имеющий денег, богатства’) – *les quartiers* ***riches*** *– les quartiers* ***pauvres*** *d'une ville (‘****богатые*** *кварталы –* ***бедные*** *кварталы’); les pays* ***riches*** *– les pays* ***pauvres*** *(‘****богатые*** *страны –* ***бедные*** *страны’); les gens* ***riches*** *– les gens* ***pauvres*** *(‘****богатые*** *люди –* ***бедные*** *люди’).*

Riche (= riche en (et subst.), ‘богатый чем-либо’) // pauvre (= pauvre en, ‘бедный чем-либо’) – *un aliment* ***riche*** *en vitamines – un aliment* ***pauvre*** *en calories (‘пища,* ***богатая*** *витаминами – пища,* ***бедная*** *калориями’).*

Riche (= qui contient de nombreux éléments, ou des éléments importants en abondance, ‘обильный, содержащий множество ценных элементов’) // pauvre (= qui est insuffisant, offre ou produit trop peu, ‘скудный, имеющий недостаток в чём-либо’) – *une terre* ***riche*** *– une terre* ***pauvre*** *(****богатая*** *земля –* ***скудная, неплодородная*** *земля), langue* ***riche*** *– langue* ***pauvre*** *(‘****богатый*** *язык –* ***бедный*** *язык’)*

Как видно из приведённой антонимической пары, в ней наблюдается совпадение антонимичных внешних ЛСВ в русском и французском языках.

Приведём примеры антонимии внутренних значений в русском языке:

Богатый (= то же, что обильный, содержащий в себе много чего-нибудь ценного) // бедный (= имеющий недостаток в чём-либо, скудный) – ***богатое*** *воображение –* ***бедное*** *воображение.*

Примеры антонимии внутренних значений во французском языке:

Riche (= une personne pleine de possibilités, énergique, ‘личность, обладающая множеством способностей, энергичный’) // pauvre (= qui inspire de la pitié, que l'on

plaint, ‘жалкий человек, вызывающий сочувствие’) – *c'est une* ***riche*** *nature – c'est un* ***pauvre*** *type (‘способный человек,* ***богатая*** *натура –* ***ничтожный*** *человек’).*

В данном случае можно говорить о несовпадении русского и французского антонимов при выражении ими внутренних значений.

Более подробные наблюдения содержатся в докладе. Полагаем, что соблюдение определённых методологических требований к изучению антонимии внутренних и внешних значений в русском и французском языках позволит обеспечить объективность и достоверность проводимого исследования.

Цитируемая литература:

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические свойства языка. – М.: Наука, 1974 . – 367 с.

Аристотель. Категории. – М.: Соцэкгиз, 1939.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М: Худ. лит., 1975. – 502 с.

Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 542 с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1991. – 308 с.

Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 2000. – 1201 с.

Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1971. Т. 2. 236 с.

Дубровский Д.И. Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания //Вопросы философии. М., 1988. № 1. С. 47-56.

Клаус Г. Введение в формальную логику. – М.: ИЛ, 1971.

Клюева В.Н. Проблема антонимов // Уч.записки Первого Московского педагогического института иностр. яз., т. 9. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956.

Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) // Вопросы языкознания. М., 1957. № 2. С. 49–59.

Ленин В.И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 29. М.: Госполитиздат, 1963.

Лопатникова Н.Н. Мовтович Н.А. Лексикология современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1971. – 256 с.

Лосев. А.Ф. Диалектика мифа // Опыты. – М.: Логос, 1990. – 168 с.

Лосев А.Ф. Знак. Символ Миф. – М.: МГУ, 1982. – 479 с.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М., 1975. – 279 с.

Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. – 592 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2. – М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 456 с.

Материалисты древней Греции. – М.: Госполитиздат, 1955. – 324 с.

Миллер Е.Н. Антонимия номинативных единиц в современном немецком языке. – Куйбышев: КГПИ, 1985. – 89 с.

Миллер Е.Н. Отображение в антонимии неязыковых явлений // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 40-51.

Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. СПб.: Петербург – XXI век; ТОО «Лань», 1994. – 416 с.

Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. – М.: МГУ, 1973. – 290 с.

Общая психология: Учебник /под ред. А.В. Петровского. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 464 с., ил.

Платон. Сочинения в трёх томах. – М.: Мысль, 1968. Т. 1. 265 с.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. – 164 с.

Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования// Науч.докл.высш.школы. Филол.науки. 1977. № 6. С. 60-69.

Станиславский К.С. Работа актера над собой. – М., 1938. – 185 с.

Федосов Ю.В. Принципы построения идеографического антоним-синонимического словаря русского языка: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 190 с.

Фельдман Ф.Г., Рудзитис Г.Е. Химия: Учеб. для 9 кл. сред. общеобразоват. учеб. заведением. – М.: Просвещение, 1994. – 176 с.

Цивьян Т.В. Модель мира и её лингвистические основы. – Изд. 2-е, доп. – М.: КомКнига, 2005. – 280 с.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М., 1972.

Краткий словарь по философии. / Под ред. Блауберг И.В., Пантин И.К. 3-е издание. М.:Политиздат, 1979. – 413 с.

Duckacek O. Sur quelque problème de l'antonimie // Cahier de lexicologie. – P., 1965.

Guilbert L. Les antonyms // Cahier de lexicologie. 1964. № 4. P. 21-34.

Robert P. Le Petit Robert. Version électronique du Nouveau Petit Robert, Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française. 1997.

Rugalov A. A propos de l'antonimie // Journal de psychologie normale et patologique. 1958. № 3. P. 78-89.

Канд. филол. наук Г.Ю.Яковлев (Москва)

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МЫШЛЕНИЯ (ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА)

Как правило, в литературе пишут, что мышление есть «высшая ступень познания и идеального освоения мира в формах теорий, идей, целей человека» [Краткий философский словарь. – М: Проспект, 1998. – С.193], есть «немая, внутренняя речь, язык есть озвученное мышление» [Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 280.], то есть утверждают, что мышление есть уровень гносеологической системы, природой и проявлением которого является язык.

В то же время нельзя не отметить, что как в философии (онтологии, гносеологии, метафизике), так и в науке (психологии, социологии, логике) при описании мышления через призму языка, насколько нам известно, не учитываются достижения современной лингвистики. Актуальность проведения исследования данной «ступени познания» с привлечением новейших знаний о языке очевидна.

Итак, будем исходить из того, что достижением языкознания конца 20 – начала 21 века является последовательное обоснование идеи о том, что язык системен [В.М.Солнцев. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 344с.; Г.П.Мельников. Принципы и методы системной типологии языков. Дисс… доктора филол. наук. – М.: ВКИ, 1990. – 406 с.] и динамичен [Е.Г.Пыриков. Коммуникативные аспекты перевода и терминология. – М.: Всероссийский центр переводов, 1992. – 128 с.; Е.В.Сидоров. Проблемы речевой системности. – М.: Наука, 1987. – 144 с.], то есть «язык появляется только там и тогда, где возникает динамика бинарных форм…» [В.А.Курдюмов. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. – М.: Военный университет, 1999. – С. 5].

Система и динамика языка, в свою очередь, могут быть смоделированы как реализация (диктум) частного языка (модуса) в отношении к некому внутриязыковому адресу [Г.Ю.Яковлев. Категория модальности в свете представлений о динамической природе языка. Дисс… канд. филол. наук. – М.: Военный университет, 2002. – 122 с.]. Внутриязыковой характер адреса, очевидно, определяет пребывание структур коммуникации (познания) внутри языкового процесса, что, например, объясняет сосуществование онтологической (истина (диктум) о бытии (адрес)), гносеологической (мой поиск (модус) истины (диктум)) и метафизической (я (модус) в отношении чего-либо (адрес)) систем. Конечно же, все три структурных компонента обязательно реализуются в языке, но один из них может быть выражен неярко. Все системы открыты для дальнейшего структурного анализа. В данном контексте одним из компонентов гносеологической системы является мышление как техника (диктум) предицирования «внутренних концептов» в отличие от ощущений (модус) и представлений (адрес).

Подчеркнем, что презентация категории мышления через призму языка не противоречит, а уточняет и систематизирует идеи о мышлении, изложенные в трудах Р.Декарта (есть свойство сознания), Г.В.Лейбница (управляется логикой), Дж.Беркли, Д.Юма (реализуется по пути ассоциаций), В.Вундта (есть объект естественнонаучных исследований), Дж.Уотсона (соотносится с внешним поведением), М.Вертгеймер, В.Кёлер (по природе – активно), У.Нейссер (едино и процессуально).

Подытоживая все вышесказанное, нужно еще раз сказать, что мышление имеет языковую природу, представляется как процесс пребывания в языке, как техническая часть гносеологической системы.

Постановка вопроса в подобном ключе, на наш взгляд, позволяет выявить решить вопрос о сущностных связях между такими глобальными философскими (мировоззренческими) и научными категориями как «системно-динамический язык» (в современном понимании), гносеологическая система и мышление как ее часть.

Без всякого сомнения, в рамках подобной работы можно лишь наметить пути для дальнейшего исследования мышления и его структур.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Т.Г.Ашуркова (Ульяновск)

АКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ: КОНСТАНТНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ

В классической лингвистике активный словарь определяется как «понятный говорящим и находящийся в активном употреблении» [Ахманова 2004: 36]. Однако, как представляется, «активный словарь» – понятие более сложное и многогранное. Здесь, очевидно, необходимо разграничить критерии «понятности» и «употребительности». Прежде всего «понятный говорящим» и «находящийся в активном употреблении» далеко не всегда предполагают друг друга. Так, большая часть жаргонизмов (ср. молодежный сленг), просторечной лексики и т.п. понятна большинству носителей современного русского языка (а в речевом использовании некоторых социальных, возрастных и др. групп является весьма активной). Однако неправомерно было бы относить ее к активному словарю. С другой стороны, к примеру, для носителей просторечия вряд ли понятна (и тем более находится в активном употреблении) большая часть книжной лексики, которая связана с выделением абстрактных категорий мышления и т.п., которая, безусловно, входит в активный словарь. Другими словами, установка на «активное употребление» обязательно предполагает дифференциацию: отсылку к разным типам дискурса, к разным типам языковых личностей, выделяемых в пределах единого языкового сообщества. Такой подход, как представляется, намечен Н.М. Шанским: «Активный словарь включает в себя как слова общенародного употребления, так и слова, в своем использовании ограниченные (термины, профессионализмы, книжные слова, эмоциональная лексика и т.д.» [Шанский 1975: 63]. Аналогичную точку зрения высказывает М.Н. Нестеров, который пишет: «В активный словарный состав входит лексика, которая повседневно употребляется в речевом общении людей. Сюда входит и общеупотребительная лексика, и стилистически ограниченная, употребляющаяся преимущественно в каких-то отдельных сферах общения, в частности, научные термины, профессиональные номенклатурные названия и т.п.» [Нестеров 1988: 4].

Для более расчлененной характеристики активного словаря целесообразно обратиться к лингвистическому наследию Ш. Балли, который, рассуждая об «употребительности речевых фактов», вводит термин «общий язык». По Балли, «общий язык» – это «совокупность речевых факторов, которые выражают постоянные формы жизненного уклада, свойственного данному языковому сообществу» [см. Балли 2001: 245-246]. «То, что в сходных формах постоянно находится на переднем плане в сознании всех членов данной группы, неминуемо создает известную духовную близость между ними, – пишет Балли, – возникает нечто вроде общего мозга; а все, что одинаково мыслится, выражается тоже более или менее сходным образом» [там же: 245]. Данную точку зрения поддерживает В.В. Виноградов, используя термин «основной словарный фонд» и подчеркивая устойчивость этой части словаря в течение ряда эпох. Основной словарный фонд характеризуется как «определяющий и обусловливающий – вместе с грамматическим строем – общенародный характер языка, взаимопонимание всех членов коллекти-

ва и – в соответствии с этим – единство языка в его историческом развитии» [Виноградов 1977: 47]. В современном языкознании «основной словарный фонд» – одно из базовых понятий. «Слова основного словарного фонда обозначают коренные, фундаментальные и, вместе с тем, обыденные понятия, представляют собой общеупотребительный, повседневный словарный запас» [Поликарпов 1998: 42].

Основной словарный фонд выделяется исходя из повседневного дискурса. Повседневная жизнь человека («то, что в сходных формах постоянно находится на переднем плане в сознании всех членов данной группы»), разумеется, подвержена изменениям, но степень этих изменений в целом невелика. Основной словарный фонд формируется на основе определенных тематических групп (продукты, жилище, родственные отношения и т.п.), соотносящихся с теми формами обиходного существования, которые остаются постоянными, не изменяются на протяжении времени (в большей своей части это слова общеславянского происхождения, такие как «хлеб», «вода», «дом» и т.п.). Вместе с тем основной словарный фонд включает в себя лексику, которую можно условно квалифицировать как первичный тезаурус языка, содержащий первичное знание о мире, о месте человека в мире, о социальных отношениях (например, «земля», «небо», «родина», «власть» и т.п.). Основной словарный фонд составляет «константную часть словаря». Изменения основного словарного фонда возможны на очень длительных временных отрезках, исчисляющихся веками и даже тысячелетиями. По данным, приведенным в исследовании М.Н. Нестерова, коэффициент сохранности основного словарного фонда равен в среднем 81-83% за тысячу лет [Нестеров 1988: 3]. А.А. Поликарпов приводит (по разным языкам) процент сохранности этой части словаря от 77 до 85% [Поликарпов 1998: 42]. Таким образом, главными можно считать следующие характеристики основного словарного фонда: 1) основной словарный фонд включает лексику, предназначенную для вербализации «постоянных форм жизненного уклада», а также первичный языковой тезаурус; 2) лексика основного словарного фонда всегда активна, иначе говоря, она «исторически актуализована».

Основной словарный фонд, таким образом, может быть обозначен как ядро активного словаря.

Между активным словарем и основным словарным фондом устанавливаются отношения включения, но не тождественности. Наряду с ядерной частью (нейтрализованной по признаку времени) активный словарь включает в себя еще и ту часть лексики, активность которой в языке хронологически детерминирована. Эту лексику можно квалифицировать как «находящуюся в активном употреблении на том или ином этапе развития языка». Данное положение требует введения понятия этапа языкового развития – «неповторимой ситуации», непосредственно связанной с общественно-политической, культурной, собственно языковой ситуацией, а также с языковой рефлексией и лингвистическим изучением языка и нормализаторской деятельностью [см. Ревзина 2000: 29-30]. Каждый из этапов «характеризуется, исходя из целей, совокупности внешних и внутренних факторов, конкретного содержания языковых процессов с постоянным учетом функций, возлагаемых на литературный язык» [там же]. И лексика, отражающая эти «неповторимые ситуации», безусловно, является активной в тот или иной период, придает

эпохе определенный «вкус». В.Г. Костомаров в этой связи пишет: «… вкус всегда имеет конкретно-социальную и конкретно-историческую основу… вкус отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе его истории» [Костомаров 1999: 30].

Для обозначения этой части активного словаря предлагается использовать термин «актуализованная лексика». Об актуализованности лексической единицы свидетельствует прежде всего частотность ее употребления в речи. Однако только количественный показатель недостаточен для квалификации слова как актуализованного. Актуализованность слова подтверждается **языковыми** признаками, в числе которых наиболее значимы следующие:

1) активизация семантических преобразований (расширение сочетаемости и изменение ее характера, образование новых значений слов, в том числе переносных, а также изменение значений слов в связи с идеологической переориентацией);

2) возникновение серии устойчивых сочетаний;

3) словообразовательная активизация (формирование словообразовательного гнезда с новыми единицами [см. Скляревская 2001: VII – VIII].

Таким образом, активный словарь должен рассматриваться в синхронии как объемлющее множество, представляющее совокупность лексики его ядерной части (основной словарный фонд) и лексики, актуализованной в тот или иной период времени.

Представив структуру активного словаря таким образом, можно сделать вывод о том, что языковые изменения происходят в зоне актуализованной лексики, фактически не затрагивая его ядра. При этом изменения могут носить как качественный, так и количественный характер. Качественные изменения затрагивают семантическую структуру лексической единицы и выражаются в развитии полисемии, редукции значений (ср.: в конце XX – начале XXI вв. слово «партия» утрачивает идеологические приращения (= «компартия») и сохраняет активность в языке в исконном значении). Количественные изменения сводятся к процессам, которые могут быть «п о л о ж и т е л ь н ы м и или о т р и ц а т е л ь н ы м и, другими словами, это могут быть процессы возникновения нового, либо процессы отмирания старого, либо еще, наконец, процессы з а м е н ы, когда отмирание старого и появление нового совпадают в одном акте» [Пауль 1960: 55]. Последнее можно проиллюстрировать примерами замены внутри тематической группы слов, являющихся номенклатурными обозначениями органов власти – «исполком» – «администрация»; «Верховный Совет» – «парламент» и т.п.

Цитируемая литература:

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 2001.

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.

Нестеров М.Н. Русская устаревшая и устаревающая лексика. М., 1994.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. Дис. … докт. филол. наук. М., 1998.

Ревзина О.Г. Русский язык от Пушкина до наших дней // Доклады Международной конференции. Псков, 2000. С. 29-34.

Скляревская Г.Н. Предисловие / Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. СПб., 2001. С. V-XIV.

Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование. М., 1975.

Докт. филол. наук А.Г.Баранов (Краснодар)

СИНЕРГИЗМ СИГНИФИКАЦИИ

Процессуальный аспект сигнификации высвечивает соссюрианское утверждение о формировании знаковых систем как "социального договора". Зачастую в трактовке этого утверждения процессуальный аспект остается в тени методологического постулата синхронии. Однако с исторической перспективы процессы сигнификации являются постоянно текущими в обществе (диахрония в синхронии). Идет постоянная "распаковка" семантического континуума (В.В. Налимов) как появление новых смыслов культуры и/или уточнение, (а иногда – деградация) уже "распакованных" смыслов.

Рассматривая лексическую систему как открытую, можно определить ее развитие в синергетической парадигме (И. Пригожин): *отклонение → условия → закрепление*, с прогрессивной повторяемостью цикла. Под эту закономерность подпадает огромное число сигнификаций, особенно это касается научно-технической сферы. Словари можно рассматривать как фиксаторы синергии лексиса (материал наблюдения – толковые словари русского и английского языка за последние сто лет).

К примеру, создание автоматических устройств исчисления вызвало к жизни номинацию *компьютер* – в английском языке и *ЭВМ* – в русском, что отражало суть и результат работы устройств на первых порах. Дальнейшее усложнение и приращение функций этих автоматических устройств привело к переосмыслению их как лингвистических устройств обработки информации. В английском языке закрепление нового содержания произошло без смены номинанта. Русский язык пошел по пути заимствования измененного в части смысла английского сигнификата целиком, отбросив существовавший номинант по внутрисистемным причинам (прозрачность – устаревшей к тому времени – внутренней структуры, отсутствие деривационного ряда).

Другой случай процессуальности в сигнификации имеет постоянный характер в европейской культуре, в связи с тем, что каждый этап ее эволюции вызывает уточнение сигнификатов, их разнонаправленное переосмысление. Как правило, это касается экзистенциальных смыслов. В русской культуре одним из таких сигнификатов выступает *интеллигенция*, сформировавшийся в дореволюционной культуре и, по мнению Д.С. Лихачева, составляющий высшее достижение европейской культуры. Укажем основные признаки интеллигентности: образованность, профессиональность, совестливость (этика, мораль), независимость мышления. Затем последовал этап коммунистического развенчания этого сигнификата (см. С.И.Ожегов), которое отразилось в целом наборе уничижающих коллокаций, например, "гнилая интеллигенция". Из смыслового поля был изъят стержневой признак *совестливости* – можно констатировать факт деградации смысла рассматриваемого сигнификата. Со сменой социально-культурных вех в конце 20-го

века, наше общество снова осознало его культурную востребованность, что привело к оживлению дискуссии о его смысловом наполнении. Произошло восстановление и развитие смысловой наполняемости сигнификата. Особенно тщательно рассматривался признак совестливости, его различные грани (этика, интеллектуальная независимость от различных идеологических и прагматических соображений).

Пример интерпретационной судьбы данного сигнификата позволяет дополнить парадигму И. Пригожина еще одной, которая проявляет себя в гуманитарной сфере культуры: *возникновение → забвение (деградация) → воспоминание*. Аналогичная судьба постигла емкий смысловой комплекс *любовь*, проходящий в наши дни фазу деградации в связи с агрессией недавнего заимствования в русский язык сигнификата *секс.*

Две обсуждаемые здесь синергетические парадигмы находятся и в отношении дополнительности, и в отношении дополнительной дистрибуции, раскрывая тонкости процессов сигнификации в культуре разных ареалов христианской цивилизации.

С.Г.Виноградова (Тамбов)

ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ИНГЕРЕНТНО ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Согласно системной грамматической категоризации английские экзистенциальные глаголы организуются в кластерную категорию, одной из составляющих которой является группа ингерентно процессуальных глаголов, обладающих заложенной в их основе способностью реализовывать наиболее существенные признаки категориального значения процессуальности.

В ходе исследования семантики английских ингерентно процессуальных экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте на материале английской и американской лирики XX века установлено, что при функционировании рассматриваемых глаголов в стиховой речи помимо актуализации ими собственно процессуальных категориальных признаков возможна перекатегоризация данных единиц в результате переосмысления их категориального статуса.

Поскольку компоненты поэтического текста находятся в синтагматических и парадигматических связях, значение слова в подобном тексте формируется на уровне предложения-высказывания (линейной последовательности или стиха/ стихов, связанных переносом) и на уровне целого произведения одновременно. Следовательно, на природу значений слов в поэтическом тексте неизбежное влияние оказывают как сентенциональные факторы, действующие на уровне предложения-высказывания, так и текстовые факторы, отражающие особенности стиховой речи. Наряду с сентенциональными и текстовыми факторами при изучении семантики английских ингерентно процессуальных экзистенциальных глаголов в лирике учитывались и различные способы языковой репрезентации пропозициональной модели ситуации существования.

Результаты исследования показывают, что перекатегоризация изучаемых единиц в поэтическом тексте происходит по схеме «процессуальность» → «свойство». Суть этого категориального перехода состоит в том, что системное катего-

риальное значение процессуальности, актуализируемое рассматриваемыми глаголами на уровне линейной последовательности, преобразуется в категориальное значение свойства на уровне текста лирического произведения. Актуализация значения свойства определяется реализацией глаголами признака генерализованной активности субъекта при погашении признаков процессуального значения. Контекстуальная синонимия, лексико-семантические соотношения слов, обеспечивающие действие текстового фактора концептуальной аналогии между составляющими стихотворения, выступают в качестве механизмов перекатегоризации.

Важно подчеркнуть, что перекатегоризация английских ингерентно процессуальных экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте – показатель рассогласованного действия сентенциональных и текстовых факторов. Когнитивным основанием осмысления глагола, выражающего событие-процесс как глагола, выражающего событие-свойство, является переструктурация фрейма «процесс» во фрейм «свойство».

Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Саранск), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)

ПСИХОЛИНГВИСТИКА ЗАМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО ФЕНОМЕНА

Три реалии сопрягаются в сознании человека, готовящегося высказаться личностно по той или иной проблеме в той или иной речевой ситуации – *предмет (тема) высказывания*, *авторская картина мироздания* и *цель высказывания*. Эти реалии сопрягаются и на основе их сопряжения в сознании готовящегося говорить рождается эскиз будущей речи.

Лингвистика этого эскиза являет себя со стороны особой смыслосемантики, формирующейся в сознании говорящего. Какой смыслосемантики и что такое смыслосемантика в данном случае? Эти вопросы видятся нам существенными в контексте сформулированной темы. Постараемся дать на них ответы.

Семантика высказывания (или семантика предвысказывания) нами понимается как некий вербально оформленный устойчивый коррелят (выразитель) конкретных форм бытия человека – его действий, переживаний, волевых изъявлений, сообщений и др. Устойчивость коррелята есть выражение того, что означаемое в нем понимается однозначно всеми носителями данного языка. Однозначность восприятия означаемого свидетельствует о бедности его – означаемого – объема. Конкретная форма бытия человека означивается лишь с какой-то одной стороны. Семантика в этом смысле есть срез духовного бытия человека, его проекция по какому-то основанию и не более того. Именно поэтому семантика есть равно принадлежащее всем носителям языка.

Смысл есть также языковой коррелят конкретных форм бытия человека. Но только такой коррелят, каковой, с одной стороны, стремится к выражению всего и вся в окружающем человека и в нем самом, *являет авторский взгляд на мироздание* и в этом исключительно принадлежит ему как индивиду (он им создается), а с другой – открывается другим носителям языка при условии активного его – смысла – восприятия ими и личного с их стороны истолкования.

Смысл – и это его другая существенная характеристика – в силу своей содержательности есть некое не абсолютно зависимое от носителя речевого созна-

ния, некое стремящееся обособиться в определенном отношении от общей духовной жизни индивида. Смысл, родившись благодаря сознательно-бессознательной деятельности индивида, благодаря его *творческому сосредоточению на неких духовных предметах*, рано или поздно становится *субстанциональной – субъектной* – единицей его психики. Становясь таковой, смысл обретает присущие самодействующему образованию черты – страстность, подвижность, способность к усложнению, открытость и пр. Смысл – сложное, внутренне собранное образование. Собранное на некой коррелирующей с духовностью человека основе. Смысл как и весь человек ищет приложения своей энергии. А она в нем огромна. Смысл просится наружу. Смысл ищет высказаться. Он ищет своей темы. Он стучится во внешнее бытие человека, ища дать простору своим интенциям и резко расширить границы своего содержания и своего бытия.

Смысл при благоприятных для его бытия условиях способен диктовать психике человека свою волю – волю вступать в некие смысловые реалии, оставаться в них, упиваясь ими или неся тяжесть их переживания.

Смысл, таким образом, есть некая ипостась человека, ипостась его активного личностного участия в собственном весьма и весьма множественном – многоосновном – расширяющемся бытии.

Смыслосемантика высказывания в нашем прочтении есть общая вербальная интенция (стремление) к сопряжению неких смысловых и семантических феноменов в рамках осуществления той или иной коммуникативной цели. Складывается эта интенция из общего восприятия инициатором речи самого себя как демиурга смыслов и вопрошаний (что я могу сказать об этом мире?), авторски-смысловой (смысло-субъектной) трактовки темы высказывания (что мое множественное я может сказать о предмете высказывания?) и речевой задачи (что надо сказать о нем в этой ситуации?). Вербальная интенция (речевой замысел) творится на основе актуализируемого в связи с предметом речи авторского смысла, на основе высвобождения и обогащения его содержания.

...Человек пока не выше Бытия!.. Это субстанциональное образование в нашей психике – *личностный смысл* – возникает в качестве замысла-интенции нашего выступления по теме "О нерешенных вопросах человечества" в городском философском обществе. Представим возможную картину возникновения речевого замысла высказывания – картину возникновения общей смыслосемантики высказывания.

...Какие вопросы не решены и не решаются человеком в его истории? Человеком? В его истории? ... В его *бытии*... *Бытии*. Бытии как указующего на некое высокое в мироздании и самом человеке... В бытии *его* – человека – как *ищущей равности с самим бытием духовности*... Ищущей и не достигшей своей великой цели... А может ли она быть достигнута?.. <**Оформляется ценностно-гносеологический контекст осмысления темы выс-казывания**; **очерчивается круг поверяющих тему смыслов-континуумов**>. Так что же есть человек? Бытие – для него или он – для Бытия? Или они оба есть выражение некоего *вдохновенного*?.. <**Ищется –** актуализируется – **авторски принимаемый смысл-интенция поверения этой важной для говорящего и слушающих проблемы**> *... Человек пока не выше бытия!* <**Смысл, откликаясь на вопрошание человека** – на его сосредоточение на проблеме, **раздвигая границы своего бытия** (в

предшествующем личностное образование отчетливо не выделяло в себе соотношение бытия и человека), **дает свое толкование обращенного к нему вопрошания. Им** – его настоящим – **обозначается интенция, каковая и становится основой предстоящего высказывания как авторского целого**. Готовящим речь в соответствии с речевой ситуацией – востребуется глубокое личностное суждение по фундаментальной проблеме бытия человека – **грамматизируется** смысловая интенция>.

...Человек пока не выше Бытия! Личностный смысл-интенция обращается к сознанию говорящего и чрез него к его собеседникам: *Бытие есть указание на некое надвременное, надпространственное, надлогическое в человеке как его частицы, указание на его связь с неким высоким и светлым... Бытие есть указание человеку восходить и восходить к себе как иному и воссобирать для того все свои силы... Бытие ведет человека к горнему! Человек пока еще не равен Бытию. Ему еще многое и многое предстоит свершить, чтобы или стать равным ему – бытию – или уступить место другой более совершенной форме жизни, той, каковая решит вопросы указанные, но не поставленные Бытием!..* Подчеркнем: речь идет не о тезисе предстоящего высказывания, а о личностном образовании в психике говорящего, полнота и интенция которого вбирается в ту или иную грамматическую форму.

Актуализация в речевом сознании указанного смысла (Человек пока не выше Бытия!), явление его в приведенной вербальной форме – перед нами грамматически оформленная смысловая интенция – и составляет *вербализованный замысел* предстоящего высказывания по указанной теме, феномен, в котором представлены черты общей *смыслосемантики предстоящего высказывания*. К их числу относим: *утверждение указанного смысла-положения в настоящем, утверждение через отрицание, утверждение восклицательное, утверждение скупое и сильное, с оттенком горечи и со значением призыва к многотрудному деянию и пр.* Вся речь будет в развитие этой смыслосемантики, в обогащение ее и введение ее в иные смыслосемантические реалии.

Итак, замысел высказывания по определенной теме являет себя в рождающейся в сознании индивида речевой интенции, природа которой есть актуализация того или иного личностного смысла в речевом сознании говорящего, вслушивание в вопрошания этого смысла и их вербализация в соответствии с речевой задачей.

Р.Р.Залялова (Казань)

КОНЦЕПТ «ВРАЧ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В настоящее время используются различные методы и приемы исследования концептов. В работе образ профессиональной личности медика раскрывается на основе сопоставления результатов изучения текстов анекдотов о врачах и данных свободного ассоциативного эксперимента. Такой подход позволяет выявить стереотипный «портрет» врача, представленный в современном языковом сознании.

На основе анализа 864 текстов анекдотов о врачах было установлено, что в создании «портрета» профессиональной личности медика существенным являют-

ся его специальность, место деятельности, названия медицинских аппаратов и атрибутики, «профессиональный объект» медиков и его профессиональная деятельность. Все данные позиции отражены в анекдотах (первое число в скобках указывает на количество лексем, второе – на количество апелляций): 1) медик (специальность, должность и т.д.) (57; 1318); 2) место деятельности медика (30; 170); 3) атрибутика (54; 200); 4) лица, обратившиеся в медицинское учреждение (177; 934); 5) названия тела, организма, их частей (60; 274); 6) названия болезней (68; 155); 7) профессиональные функции (169; 1064).

С целью выявления содержания концепта «врач» в языковом сознании был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагалось записать первую пришедшую им в голову реакцию на слово *врач*. В эксперименте участвовали 436 испытуемых.

Полученные данные были распределены по следующим группам (первое число указывает на суммарное число разных ответов, второе – на количество апелляций): 1) ассоциаты, связанные с профессией, специальностью, должностью (23; 49); 2) ассоциаты, связанные с местом деятельности медика (5; 64); 3) ассоциаты, связанные с названиями атрибутики (19; 122); 4) ассоциаты, связанные с лицами, обратившимися в медицинское учреждение (2; 7); 5) ассоциаты, связанные с названиями тела, организма, их частей (1; 2); 6) ассоциаты, связанные с названиями болезней (3; 48); 7) ассоциаты, связанные с профессиональными функциями (19; 42).

Сравнив данные свободного ассоциативного эксперимента и тексты медицинских анекдотов, можно сделать следующие выводы. Во многом «портрет» врача, представленный в медицинских анекдотах, совпадает со стереотипом, представленным в сознании носителей языка. Как в анекдоте, так и эксперименте актуальными лексико-семантическими группами являются «Медик», «Профессиональные функции». Проведенный свободный ассоциативный эксперимент показал, что актуален для респондентов внешний вид медика (его спецодежда), что практически не находит отражения в анекдотах. У испытуемых единичны реакции на слово *врач*, относящиеся к группам «Лица, обратившиеся в медицинское учреждение», «Названия тела, организма, их частей», однако в текстах анекдотов выявлено большое количество лексем данных групп.

Проведенный анализ текстов анекдотов и свободного ассоциативного эксперимента подтверждает «закон номинативной дробности»: в медицинских анекдотах все, а в эксперименте большинство лексико-семантических групп, которые создают «портрет» профессиональной личности медика, представлены широко и разнообразно. Таким образом, концепт «врач» в настоящее время занимает важное место в сознании носителей языка.

Докт. филол. наук П.А.Катышев (Кемерово)

О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКА НА ТВОРЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Классический системный подход, разработанный в трудах В. фон Гумбольдта, А.А.Потебни, И.А.Бодуэна де Куртенэ, отмечен стремлением постичь устройство языка в связи с тем, **насколько он отвечает запросам чело-**

веческого познания, т.е. доводит до ментального представления и звукового образования отношения человека с природой, другими людьми и с самим собой. При этом атрибутом сугубо человеческого присутствия в мире признаются акты полагания, т.е. создания чего-то нового на основе свободного соединения, разъединения и сочетания элементов. Язык же, согласуясь с актами полагания, воплощает в своем строении идею подобного анализа и синтеза. Если существо языка в анализе и синтезе, то в каждом его звене существуют элементы, которые не только маркируют, но и допускают возможность совершающегося в познании творчества. Момент полагания позволяет объяснить и психические процессы, обеспечивающие человеческое познание. Язык в этом случае **усиливает** (по В. фон Гумбольдту – дополняет) действия души, поскольку чем больше в языке возможностей для связи, соединения, разложения и комбинирования элементов (т.е. для действия аналогии), тем больше он помогает памяти, воображению, размышлению, пониманию (Э.Б. де Кондильяк).

Примером может служить творческое воображение (= процесс смысловой генерации образов), которое, в отличие от репродуктивного воображения, «представляет нечто не так, как оно есть эмпирически, а в каком-то гиперболическом зеркале, увеличивая его и восполняя» (М. К. Мамардашвили). Иными словами, в основе продуктивного воображения лежит переход восприятия и ощущения в понятие на основе смыслового обобщения (генерализации образом) чего-либо чувственного и дальнейшего его раскрытия (партикуляризации) через некоторое множество вторичных образов, т.е. представлений. Значительная роль в трансформации реального восприятия в понятие отводится языку. **Чем язык формальнее** (т.е. чем больше его строй в формальном отношении приближен к творчеству через реляционные – грамматические и деривационные – маркеры, переводящие восприятие и ощущение в какую-либо категорию мысли и впоследствии облегчающие отсылку категоризованного элемента к другим элементам, к предложению и тексту в целом), **тем последовательнее он обеспечивает процесс творческого воображения.**

В соответствии с данным критерием, воплощению фантазии в большей мере способствуют флективные языки, поскольку они, подчиняя воображение чувству флексии, не ограничиваются отражением, фиксированием впечатлений, а до конца доводят их преобразование «в то, во что оканчивается ощущение» (Плотин) (т.е. в языковые образы, представления, понятия, а также в совокупности понятий) на основе широкого спектра аналогических сближений, вовлекающих все уровни знаковой иерархии в познавательную (дискурсивную) деятельность носителей языка.

Канд. филол. наук О.В.Магировская (Красноярск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЫСЛИ

На современном этапе развития лингвистики менее разработанной областью до сих пор остается проблема языковой репрезентации мысли, что обусловлено невозможностью полного проникновения в глубины человеческого мышления. Тем не менее, именно данное направление в науке позволяет продвигаться вперед

в плане решения поставленного вопроса в силу того, что предметом исследования является язык, представляющий собой универсальное средство актуализации результатов работы сознания. Эта задача, в частности, стоит перед всей когнитивной лингвистикой, призванной «изучать язык в свете того, что известно о разуме, независимо от того, является ли он формой экспериментирования, интроспекции или даже наблюдением здравого смысла» [Taylor J.R. Cognitive Grammar. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 8].

Решение такой сложной проблемы предполагает интеграцию знаний об основных процессах мыслительной деятельности – *мыслительных операциях,* фигуре человека, осуществляющего функцию осмысления, – *субъекте познания*, а также о *системе средств их языковой репрезентации*. Исходя из того, что вся мыслительная деятельность, обусловливающая, в свою очередь, возможность осуществления говорящим субъектом деятельности речевой, происходит в сознании субъекта познания, данную координату правомерно рассматривать в качестве основной точки отсчета всего речемыслительного процесса.

В языке субъект познания (собственно индивид и/или результаты его мыслительной деятельности) маркируется как обязательный концептуальный элемент высказывания независимо от контекста реального или вероятного адресата, вербализуемого фрагмента реальной действительности, текстового замысла, смены адресантов и адресатов в момент речи и т.д. В качестве средств его актуализации могут выступать единицы различных уровней языка. Их комплексное использование указывает на сложность мыслительной деятельности и, как следствие, сложный характер языковой репрезентации субъекта познания. Устойчивость и постоянность представленности данной координаты в языке, тем не менее, не предполагает жестко заданного набора языковых средств и моделей ее актуализации.

Таким образом, факт целостности и неразрывности мыслительной и речевой деятельностей в силу их органичного переплетения в сознании человека обусловливает вхождение субъекта познания в антропоцентрическое поле языка в качестве основной координаты речемыслительной деятельности, изучение сущностных характеристик которой требует детального лингвистического освещения, что, в свою очередь, обеспечит дальнейшее решение проблемы языковой репрезентации мысли.

Аспирант Е.А. Малахинова (Москва)

ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ И БУРЯТ

Единство человечества в том, что оно обладает общим институтом родства, который находит свое выражение в терминах родства и свойства, относящихся к наиболее употребительному пласту лексики любого языка.

Терминологию родства следует рассматривать как феномен национальной культуры, и изучение терминов родства позволит выявить общее и специфическое в содержании образов сознания представителей того или иного этноса.

Образ сознания, полученный в свободном ассоциативном эксперименте, репрезентирует феномен массового сознания носителей определенного языка и оказывается способным убедительно продемонстрировать этнокультурную специфику исследуемого этноса.

На основании данных свободного ассоциативного эксперимента устанавливаются ассоциативные связи между словами и сопоставляются данные двух языков, анализируются образы языкового сознания, определяются особенности семантики слов, выявляется специфика образов сознания в рамках той или иной этнической культуры.

Системы родства в разных культурах различаются, и количество терминов родства варьируется. Так, например, в бурятской семье четко разграничиваются родственники по отцовской и материнской линии.

Результаты исследования показывают, что имеются сходство и различие в содержании образов сознания носителей русской и бурятской культур. Принадлежность к данному этносу, одной культуре делает «центр» ассоциативного поля в целом достаточно стабильным, а связи – регулярно повторяемыми в данном языке. Наблюдается стереотипность реакций вследствие стандартного образования (ср. **дядя** – *Ваня*), распространения телевидения и других средств массовой информации (**бабушка** – *рядышком с дедушкой*).

Специфика терминологии родства у того или иного народа объясняется той спецификой общественных условий, которые связаны с жизнью народа.

Определенная система ценностей, которые формируются на протяжении многих лет, складывается под влиянием разных факторов, напр., географическая среда и природные условия; особенности исторического развития; хозяйственная деятельность; взаимодействие с культурами других народов, вследствие чего происходит взаимообогащение культур.

Таким образом, являясь важным историко-этнографическим источником, термины родства представляют большой интерес не только для истории и этногенеза народа, но и психолингвистики, как материал для изучения языкового сознания представителей той или иной культуры.

Аспирантка Е.Л. Морина (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Проблема восприятия и психологической интерпретации невербального поведения разрабатывалась в течение многих веков. По мнению Л.Б.Лебедевой, информация о внешнем мире приходит к нам по нескольким каналам. Наиболее важные для человека информационные каналы – это *зрительный* (визуальный), *слуховой* (аудиальный), а также *кинестетический* (двигательный).

Соотношение этих трех каналов в информационном взаимодействии человека с миром бывает разным, так как может определяться индивидуальными психологическими особенностями человека. Роль *аудиального* канала очень велика, но не менее важна и роль *кинестетического* канала, поскольку воспроизведение звуков языка осуществляется мышечным движением – работой органов речи. *Зри-*

тельный канал также вовлечен в процесс восприятия (мы воспринимаем больший объем информации, когда имеем возможность наблюдать мимику говорящего).

По мнению Фернандо Поятоса (*Fernando Poyatos*), следует уделять особое внимание лингво-культорологическому изучению звукоподражательных номинаций, движениям, имеющим звуковое сопровождение, а также компенсирующим функциям таких движений и их роли в процессе коммуникации, например, при врожденной слепоте. Особое внимание следует обратить на социоэкономическое разделение этих процессов как отражение общеобразовательных навыков и умений человека, так как существует много различных культур и субкультур.

Ф.Поятос полагает, что посредством звуков языка и параязыка можно контактировать с другими людьми через вокально-назально-слуховой канал; посредством движений, производимым в процессе речи (губами, языком, челюстью и т.д.), и других движений, особенно, жестами (даже без прикосновений) можно установить физический контакт («говоря» телом – «артикулируя») с собеседником. Также можно воспроизводить звуки и движения, которые тесно связаны с передачей сообщения в целом.

Н.Б.Мечковская утверждает, что в филогенезе все движения тела обусловлены биологически, что, с одной стороны, исключает их «природную» (изначальную) семиотичность. Однако, с другой стороны, движения тела человека находятся в поле постоянного внимания людей, что ведет к высокой *семиотизации* движений тела: люди постоянно стремятся увидеть в них знаки – безотчетные симптомы и/или сознательные сообщения.

Поэтому, с точки зрения семиотики, в обыденной жизни (которую следует отличать от ритуально-религиозных практик, сценических искусств и искусства кино) можно определить три класса движений тела:

1) психологически *нерелевантные* (для непрофессионального сознания) физические движения тела и *физиологические процессы* («почесался», «открыл глаза, проснувшись», «разжал кулак» и т.п.);

2) явления психологической симптоматики – психологически *релевантные* движения тела, головы, лица, конечностей, т.е. значимые позы, жесты, мимические и артикуляторные движения;

3) *кинезики*, т.е. коммуникативно-релевантные телодвижения, жесты, звуковые проявления, мимические и артикуляторные движения, используемые говорящими в качестве конвенциональных знаков в составе сообщения.

Таким образом, из вышеуказанных точек зрения различных ученых, касающихся видения воспринимаемой информации как совокупности различных факторов, мы можем заключить, что телодвижения, мимика и жесты человека рассматриваются как неотделимая часть взаимодействия людей и должна изучаться и анализироваться в совокупности других не менее значимых факторов для более точного понимания собеседника в процессе общения.

Канд. психол. наук Л.И.Панкова (Пенза)

КОММУНИКАЦИЯ В РЕЖИМЕ ДИАЛОГА

Коммуникация в режиме диалога представляет собой обмен действиями порождения и интерпретации смыслов, взаимодополняющий коммуникативно–познавательный процесс, сопутствующий практической деятельности или осу-

ществляющийся в самостоятельной форме, с собственным мотивом, продуктом и результатом. Высшей формой коммуникации является диалог, который предполагает многоуровневый контакт субъектов (смысловой, духовно-нравственный, эмоционально-психологический).

Совпадение «смысловых фокусов» порождаемого и интерпретируемого текста сопровождается синергетическим эффектом смыслообразования. Это, в свою очередь, зависит от адекватной ситуационной идентификации субъектов диалога. Доминантой коммуникативной ситуации является со-бытие как совокупность значимых для личности явлений, событий, фактов, ценностей и т. д. Диалог – это взаимодействие «разностей» на основе общего (М.М. Бахтин). Поэтому успех диалога в значительной степени обусловливается взаимным соответствием структур действий порождения и интерпретации текстов. Это обеспечивает основу понимания людьми друг друга в процессе совместной деятельности, для координации их знаний и навыков при решении социально-значимых задач. Отсутствие смысловых контактов в ходе общения негативно влияет на эффективность взаимодействия социальных субъектов.

Смыслосопровождающий эффект диалога определяется не только простым сложением суммы смыслов субъектов, но увеличением информационной ёмкости каждого диалогического акта за счет позиции «вненаходимости», в которой каждый из субъектов коммуникации находится по отношению к другому. Лишь наличие иного, несовпадающего с твоим сознания позволяет говорить о возможности свершения «события», которое регулируется в процессе вживания, т. е. переживания чужого переживания. При этом в роли «чужого» может выступать и человеческая личность, и артефакт, и культура в целом. Диалогическая ситуация как ядро межличностной коммуникации возникает в силу объективно существующей заинтересованности потенциальных собеседников в разговоре. Для нее характерно отсутствие дистанции, заранее определенных иерархических позиций, дискретность, т.е. способность выдавать информацию порциями.

В диалоге участвуют личности с их индивидуальным опытом, которые обмениваются информацией различной степени обобщенности и отрефлексированности. Ведущей предпосылкой успешности диалога является высокий уровень коммуникативной культуры субъектов, вступающих в процесс взаимодействия.

Основными компонентами коммуникативной культуры выступают: а) атенционная способность (готовность понимать); б) эмпатия, позволяющая человеку в ходе общения идентифицироваться с проблемной жизненной ситуацией партнера по диалогу и понять порождающие его текст источники (способность отождествлять себя с партнером, умение адекватно интерпретировать детерминирующие общение мотивы партнера, т.е. умение понимать); в) многоуровневая идентичность (личностная, коллективно-групповая, т.е. идентичность с субъективно-значимыми социокультурными, профессиональными, статусными группами, социально–культурная идентификация с социально-культурным сообществом, культурой в целом.

Определяющим является личностный уровень идентичности, который предполагает осознание собственной целостности во множестве речевых актов, (т. е. способность обозначить себя как автора высказывания) и событий собственной биографии (эту способность называют повествовательной идентичностью, в кото-

рой человек осознанно выступает субъектом собственной истории); г) вменяемость, т.е. способность признать себя в качестве субъекта деятельности, «автора» собственных поступков и предвидеть последствия своих поступков и быть готовым нести за них ответственность. Иными словами, удерживать и связывать в сознании «я-действующее» и «я-ответствующее».

Социальность воспитывается и развивается лишь в «общественной связи» человека с другими людьми, в смысловом поле диалога, который составляет суть человеческого бытия. Лишь в пространстве социальной коммуникации человек завершает и реализует свою человеческую природу во всей ее полноте.

Канд. пед. наук С.С.Пашковская, студ. С.А.Пашковский (Пенза)

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Рассмотрим в свете теории взаимодействия мозговых полушарий процессы порождения и восприятия речи.

Разные коммуникативные условия требуют различных усилий от разных полушарий. Бытовое общение, основанное на общности ситуации, связано лишь с правым полушарием при минимальном участии левого.

Более сложные формы речевой деятельности предполагают совместную слаженную работу обоих полушарий.

В правом полушарии появляется общее представление о будущем высказывании, когда говорящий знает, о чем он будет говорить, но не знает как. В правом полушарии осуществляется первичная стадия мотивации и формирования замысла.

В левом полушарии происходит перекодирование содержания сообщения во внутренней речи, выбор синтаксических схем и предикатов. Правое полушарие постоянно сверяет полученные результаты с исходным замыслом.

При понимании речи оба полушария начинают работать от первого слова. «Декодированием» языковых знаков занимается левое полушарие, точнее его задние отделы. Правое полушарие проводит активный поиск целостного смысла воспринимаемого сообщения и помогает левому в понимании различного рода переносных значений слов, крылатых выражений. Результаты анализа левого полушария «перебрасываются» в правое, и здесь они сопоставляются с данными интуитивного постижения смысла, на основе анализа интонации и т. п. Выявленное содержание проверяется на «здравый смысл». Если соотношение не устраивает слушающего, то информация опять перебрасывается в левое полушарие.

Представленная модель лишь грубое приближение сложнейших процессов, которые протекают в мозгу человека в ходе речевой деятельности. Оба полушария функционируют по-разному, но их взаимосвязанная работа открывает огромный творческий потенциал.

В 1861 г. французский анатом П. Брока показал, что поражение задней трети первой лобной извилины левого полушария приводит к своеобразной патологии, когда больной теряет возможность говорить, хотя полностью сохраняет способность понимать обращенную к нему речь.

В 1874 г. немецкий психиатр К. Вернике показал, что больные с поражением трети первой височной извилины левого полушария сохраняют способность говорить, но лишаются способности понимать обращенную к ним речь.

Зоны Брока и Вернике расположены в левом полушарии головного мозга. Нарушения в правом полушарии, как правило, не влекут за собой речевых аномалий. Это и привело к объявлению левого полушария «доминантным», наиболее человеческим (мыслительно–речевым). Однако подобные суждения оказались поспешными. Выяснилось, что только у большинства правшей (не у 100%) речевая зона локализуется в левом полушарии, а у большинства левшей (не у 100%) она локализуется в правом полушарии.

Отечественные нейролингвисты Л.Я.Балонов, В.Д.Деглин и др. разработали и провели серию экспериментов, выявляющих отношение каждого из полушарий к различным единицам языка и речи.

В звуковом аспекте языка у испытуемых при «выключении» левого полушария в значительной степени утрачиваются способности к различению фонем в словах и слов в речевом потоке. Однако они хорошо различают тембр речи и прекрасно улавливают интонацию.

При угнетении правого полушария пациенты различают слова, но не способны отличить речь мужчины от речи женщины и определить интонацию говорящего.

Л.В.Сахарный сделал вывод: каждое полушарие обеспечивает свою стратегию в руководстве речевой деятельности. Главное различие: левое полушарие отвечает за абстрактно-логический анализ поступающей информации. Правое полушарие обрабатывает информацию с опорой на подсознание; его деятельность связана с конкретным, но и глобальным освоением ситуации общения.

В методике преподавания иностранных языков в наиболее общем виде можно разделить учащихся на тех, кто предпочитает запоминать, и тех, кто предпочитает анализировать. Данные различия обусловлены доминированием правого (образного) и левого (логического) полушарий головного мозга в обеспечении высшей нервной деятельности индивида. Такое доминирование влияет на процесс обучения иностранному языку.

Выделяются: а) коммуникативный (интуитивно–чувственный) тип овладения иностранным языком, с выраженными непроизвольными видами запоминания и интеллектуальной деятельности; б) некоммуникативный (рационально–логический) тип овладения иностранным языком, характеризующийся склонностями учащихся к аналитическому «лингвистическому» овладению языком.

Соискательница Ю.В.Рубайло (Пенза)

О НОРМАТИВНОСТИ ЧАСТОТНОСТИ ЗВУКОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЕ

Настоящая статья посвящена исследованию одного из критериев объективности фактов анафонии во французской художественной прозе изучению речевого фона как отражения обычной частотности звуков.

Необходимость данного исследования различных звуковых эффектов во французской художественной прозе мотивированна тем, что для выявления нали-

чия или отсутствия самого факта анафонии в прозе нужны объективные данные. В данной статье нами будет использована методология исследования, предложенная А.В.Пузыревым в монографии «Анаграммы как явление языка» [А.В.Пузырев 1995: 20-196].

Обратимся к понятию речевого фона для анафонии. Это понятие обозначает обычную частотность звуков. Анафония, с данной точки зрения, представляет собой выход за пределы речевого фона; следовательно, превышение звуками или звукосочетаниями речевого фона является и критерием объективности фактов анафонии.

Важным представляется вопрос о субстанции речевого фона. По данному вопросу существуют различные точки зрения. Такие исследователи, как, например, Ф.де Соссюр, Л.Р.Зиндер единицей исследования речевого фона считают букву. Ф. де Соссюр утверждает, что «графическое слово столь тесно переплетается со словом звучащим, чьим изображением оно является, что оно в конце концов присваивает себе главенствующую роль; в результате изображению звучащего знака приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому этому знаку» [Ф. де Соссюр 1977: 63]. Этой точки зрения придерживается и Л.Р.Зиндер, считая, что «…фонема не осознается отдельно от буквы» [Л.Р.Зиндер 1987: 10].

Ряд других исследователей (И.А.Бодуэн де Куртенэ, В.Гумбольдт, Л.В.Щерба) высказывают другую точку зрения, – что единицей исследования речевого фона должен быть признан звук. Итак, И.А.Бодуэн де Куртенэ утверждает, что «…произносительно-слуховое может возникать и мыслиться совершенно независимо от писанно-зрительного: писанно-зрительное же имеет смысл, осмысливается только в связи с произносительно-слуховым» [цит. по: Л.Р.Зиндер 1987: 11]. В.Гумбольдт считает, что «…только звучащее слово является как бы воплощением мысли, письмо – воплощение звучания» [цит. по: Л.Р.Зиндер 1987: 15]. Такой интерпретации придерживался и Л.В.Щерба, писавший, что «…нашим языком является лишь произносимый язык: он имеет непосредственные смысловые ассоциации, тогда как письмо, текст получают их лишь через его посредство. Следовательно, всякий текст требует для своего понимания еще перевода на произносимый язык» [цит.по: Л.Р.Зиндер 1987: 18].

А.П.Журавлев, признавая, что «для грамотного человека звук и буква неразрывно связаны, и появление одного знака сейчас же вызывает в сознании появление другого. Поэтому графический, буквенный образ не может не оказывать влияния на восприятие звука. Буква в этой паре как бы стабилизирует восприятие звука…» [А.П.Журавлев 1974: 34], – попытался примирить две крайние точки зрения и выдвинул гипотезу о необходимости ориентации на звукобуквенную субстанцию. По мнению А.П.Журавлева «…носителем фонетического значения является звукобуквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы» [А.П.Журавлев 1974: 36].

Не отрицая справедливости всех точек зрения, при выборе единицы исследования речевого фона в рамках данной работы нами принят звук. С одной стороны, этим будет обеспечена преемственность нашего исследования от многих психолингвистических исследований, отправной точкой которых был именно звуковая сторона речи (Л.Н.Живаева 2001: 29-32, Л.Н.Ратушная 2005: 88). Кроме того,

можно будет избежать и проблемы статуса графической формы языка. Этот вопрос был поднят более двух столетий назад и до сих пор остается дискуссионным. Наконец, ориентация на звук обеспечивает большую близость к реальному звучанию художественной речи, т.е. позволяет исследованию обрести практическую направленность.

С другой стороны, это создает дополнительные проблемы в определении нейтрального речевого фона, так как все подсчеты придется проводить вручную. Но в целях получения достоверных данных этим минусом полагаем возможным пренебречь.

Для определения обычной встречаемости звуков во французской прозе нами была проделана следующая работа. Были затранскрибированы четыре отрезка равные по объему в 5000 звуков каждый О.де Бальзака, В.Гюго, А.Барбюса, Ж.Сименона, писавших в разное время, был произведен арифметический и статистический подсчет частоты встречаемости каждого звука в каждом отрезке, определена средняя частотность каждого звука во французской прозе.

Плодотворным представляется использование «хи-квадрат критерия», методика работы которого подробно описана Б.Н.Головиным (см: Б.Н.Головин 1971: 28-35): $x^2 = \frac{\sum(xi - \bar{x})^2}{\bar{x}}$, где $\boldsymbol{x^2}$ – “хи-квадрат” критерий, $\bar{x}$ – средняя выборочная частота, $\boldsymbol{x_i}$ – наблюдаемые частоты, $\sum$ – знак суммирования. Эта формула применяется для сравнения выборок одинакового объема. В нашем случае выборки были разными, а потому следует вначале найти выборочную среднюю частоту. Проиллюстрируем это на конкретном примере частотности согласного звука [b] во французском языке (см.: таблицы 3, 4).

Итак, суммируем наблюдаемые частоты, суммируем выборки, разделим сумму частот на величину совокупной выборки, затем умножим результат деления на величину каждой выборки:

а) 69+90+94+49=302; б) 1+1+1+1=4;

в) 302/4 = 75; г) 75*1=75;

Теперь применяем формулу:

$$x^2 = \frac{(69-75)^2 + (90-75)^2 + (94-75)^2 + (49-75)^2}{75} = \frac{1298}{75} = 17{,}3$$

Полученное значение “хи-квадрат критерия” оказалось равно 17,3, что значительно выше предельно допустимого табличного значения (7,81 при четырех степенях свободы). С точки зрения статистики, можно утверждать, что в указании звука [b] проявляется разная вероятность, а в использовании звука [b] расхождения частот существенны. Иными словами, индивидуальные качества писателей влияют на использование звука [b] существенным образом.

Таким же образом был вычислен «хи-квадрат» гласных и согласных звуков разной статистической закономерности каждого и в целом у писателей французской прозы (знак «+» означает проявление одной статистической вероятности, тогда как «–» существенное расхождение частот, см. табл.3,4).

Заметим, что различия частот многих гласных и согласных звуков во французской прозе в целом оказались статистически не значимыми. Достаточно много звуков (20), 13 из которых согласных, и 7 – гласных во французской прозе вписываются в одну и ту же статистическую закономерность. Важным моментом явля-

ется и то, что частотность любого согласного или ударного гласного звука не превышает 9,5%.

Для доказательства высокой степени совпадения приведем конкретные наблюдения в виде таблицы №1.

Таблица 1

Количество гласных и согласных на отрезках в 20 000 звуков

Автор	Гласные		Согласные		Всего	
	кол-во	%%	кол-во	%%	к-во	%%
О. де Бальзак	2182	43,64	2818	56,36	5000	100
В.Гюго	2204	44,08	2796	55,92	5000	100
А.Барбюс	2233	44,66	2767	55,34	5000	100
Ж.Сименон	2250	45	2750	55	5000	100

Данные о средней частотности звуков в художественной речи сами по себе не являются достаточными для определения нарушения нейтрального речевого фона вследствие более частого употребления того или иного звука. Зафиксировать нарушение нейтрального речевого фона можно, произведя расчеты, подобные следующим: «Если соотношение гласных и согласных в … речи равно … 9: 11.., то на десять гласных… обычно приходится пятнадцать согласных. Примем полученные 21 звуков за 100 процентов. Употребление какого либо звука в этих условиях дважды составит 9,5 процентов, т.е. число, которое превышает частотность любого согласного или ударного гласного» [А.В.Пузырев, 1995: 190]. Следовательно, если в пределах 10 слогов какой-либо согласный или ударный гласный звук повторяется дважды, то это является нарушением нейтрального речевого фона и свидетельствует о присутствии в данном тексте анафонии.

Особого внимания заслуживают значительные различия в частоте отдельных звуков во французском прозе (см.: таблицы 3, 4). Предполагаем, что, возможно, французские писатели в своих произведениях использовали так называемые «любимые звуки», частотность которых выходит за рамки одной статистической закономерности. При выявлении «любимых звуков» огромную роль может сыграть уже упомянутый нами ниже «хи-квадрат» критерий.

В приведенных ниже таблицах 2,3,4 знак «–» указывает на существенные статистические различия в использовании данных звуков.

Отметим, что жирным шрифтом в таблицах обозначены звуки, частотность которых не вписывается в одну статистическую вероятность, в этих случаях, думается, и можно говорить о тех или иных идиостилевых особенностях использования данных звуков. Полагаем, что полученные результаты могут быть использованы в исследовании конкретных фактов анаграмматических и анафонических структур французских прозаических текстов.

Выводы качественного характера (с чем связано предпочтение того или иного звука) – это задача, решение которой предполагается в развитии нашего использования.

Таблица 2

«Любимые звуки» французских писателей

автор	**Гласные**			**Согласные**		
	фон.	**кол-во**	**%**	**фон.**	**кол-во**	**%**
О.Бальзак	[ɛ] [i] [o] [ø̃]	284 282 113 73	5.68 5,64 2,26 1,46	[p] [ŋ] [l]	186 12 362	3.72 0.24 7.24
В.Гюго	[e] [ɔ] [ɔ̃] [u] [œ̃]	317 117 92 96 34	6.34 2.34 1.84 1,92 0,68	[ŋ] [l] [v] [b]	3 401 136 90	0.06 8,02 2.72 1,8
А.Барбюс	[o] [e] [ɔ] [ɔ̃] [u] [œ̃] [ø̃]	119 327 108 68 112 37 37	2,38 6,54 2,16 1.36 2,24 0,74 0,74	[b] [ŋ] [v] [ɣ] [k]	94 12 101 24 196	1,88 0,24 2,02 0.48 3.92
Ж.Сименон	[ɛ] [i] [ɔ]	310 290 105	6.2 5.8 2,1	[k] [v] [p] [ɣ]	219 135 178 25	4.38 2.7 3,56 0,5

Таблица 3

Частотность гласных во французской прозе												
Фон. глас.	Всего		О. Бальзак		В.Гюго		А.Барбюс		Ж.Сименон		χ^2	
	кол	%	кол	%	кол	%	кол	%	кол	%	знач.	знак
[a]	1441	7,21	361	7,22	338	6,76	362	7,24	380	7,6	2,46	+
[α]	128	0,64	39	0,78	22	0,44	38	0,76	29	0,58	6,06	+
[á□]	740	3,7	197	3,94	177	3,54	201	4,02	165	3,3	4,67	+
[ε]	**1090**	**5,45**	**284**	**5,68**	**278**	**5,56**	**218**	**4,36**	**310**	**6,2**	**16,69**	**-**
[é□]	177	0,89	51	1,02	45	0,9	34	0,68	47	0,94	3,61	+
[e]	**1192**	**5,96**	**267**	**5,34**	**317**	**6,34**	**327**	**6,54**	**281**	**5,62**	**8,22**	**-**
[ə]	853	4,26	199	3,98	203	4,06	214	4,28	237	4,74	4,09	+
[i]	**1041**	**5,2**	**282**	**5,64**	**260**	**5,2**	**209**	**4,18**	**290**	**5,8**	**15,32**	**-**
[œ]	101	0,5	30	0,6	26	0,52	18	0,36	27	0,54	3,16	+
[œ□]	**112**	**0,56**	**21**	**0,42**	**34**	**0,68**	**37**	**0,74**	**20**	**0,4**	**8,21**	**-**
[y]	475	2,37	107	2,14	132	2,64	131	2,62	105	2,1	5,55	+
[Ɔ̃]	**371**	**1,855**	**41**	**0,82**	**117**	**2,34**	**108**	**2,16**	**105**	**2,1**	**39,68**	**-**
[o]	**381**	**1,9**	**113**	**2,26**	**55**	**1,1**	**119**	**2,38**	**94**	**1,88**	**26,32**	**-**
[Õ]	**276**	**1,38**	**54**	**1,08**	**92**	**1,84**	**68**	**1,36**	**62**	**1,24**	**11,65**	**-**
[ø□]	**145**	**0,73**	**73**	**1,46**	**12**	**0,24**	**37**	**0,74**	**23**	**0,46**	**58,75**	**-**
[u]	**346**	**1,73**	**63**	**1,26**	**96**	**1,92**	**112**	**2.24**	**75**	**1,5**	**16,58**	**-**
Итого	8869	44,34	2182	43,64	2204	44,08	2233	44,66	2250	45	1,23	**+**

Таблица 4

Частотность согласных во французской прозе												
Фонемы согл.	Всего		О. Бальзак		В.Гюго		А.Барбюс		Ж.Сименон		χ^2	
	кол	%	кол	%	кол	%	кол	%	кол	%	знач.	знак
[b]	**302**	**1,51**	**69**	**1,38**	**90**	**1,8**	**94**	**1,88**	**49**	**0,98**	**17,3**	**-**
[p]	**655**	**3,3**	**186**	**3,72**	**148**	**2,96**	**143**	**2,86**	**178**	**3,56**	**8,4**	**-**
! [d]	**988**	**4,94**	**246**	**4,92**	**245**	**4,9**	**247**	**4,94**	**250**	**5**	**0,05**	**+**
[t]	1101	5,5	255	5,1	278	5,56	271	5,42	297	5,94	3,30	+
[ʒ]	185	0,92	47	0,94	52	1,04	34	0,68	52	1,04	4,71	+
[ʃ]	133	0,66	32	0,64	28	0,56	43	0,86	30	0,6	4,09	+
[k]	**741**	**3,7**	**183**	**3,66**	**143**	**2,86**	**196**	**3,92**	**219**	**4,38**	**16,45**	**-**
[g]	101	0,5	33	0,66	23	0,46	30	0,6	15	0,3	7,72	+
[s]	1105	5,52	288	5,76	264	5,28	269	5,38	284	5,68	1,45	+
[z]	310	1,55	82	1,64	69	1,38	88	1,76	71	1,42	3,19	+
[f]	261	1,3	60	1,2	80	1,6	67	1,34	54	1,08	5,76	+
[v]	**469**	**2,34**	**97**	**1,94**	**136**	**2,72**	**101**	**2,02**	**135**	**2,7**	**11,46**	**-**
[m]	595	3	167	3,34	144	2,88	146	2,92	138	2,76	3,25	+
[n]	542	2,71	125	2,5	133	2,66	152	3,04	132	2,64	2,97	+
[ŋ]	**31**	**0,15**	**12**	**0,24**	**3**	**0,06**	**12**	**0,24**	**4**	**0,08**	**10,7**	**-**
[l]	**1414**	**7,07**	**362**	**7,24**	**401**	**8,02**	**314**	**6,28**	**337**	**6,74**	**11,7**	**-**
[r]	1597	7,98	413	8,26	413	8,26	408	8,16	363	7,26	4,43	+
[w]	178	0,89	42	0,84	47	0,94	49	0,98	40	0,8	1,22	+
[j]	350	1,75	102	2,04	92	1,84	79	1,58	77	1,54	4,75	+
[ɣ]	**73**	**0,36**	**17**	**0,34**	**7**	**0,14**	**24**	**0,48**	**25**	**0,5**	**11,5**	**-**
Итого	11131	55,66	2818	56,36	2796	55,92	2767	55,34	2750	55	0,98	**+**

Докт. филол. наук И.В. Труфанова (Москва)

ЗАКОН ПЕРЕХОДА РЕЧЕВЫХ ТАКТИК В РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ

Речевая стратегия – это общий замысел речи. Речевые тактики определяют как приемы, средства, отдельные речевые действия, в которых реализуется речевая стратегия. Речевая стратегия и речевая тактика – это термины и понятия из сферы речевой деятельности. В схеме деятельности, составленной А.Н. Леонтьевым, она соответствует мотиву.

Поскольку потребность, отраженная в мотиве, не удовлетворяется одноактно, мотив раскладывается на цели, а средства достижения целей дифференцируются в зависимости от условий, внешних обстоятельств деятельности.

Термины речевая стратегия и речевая тактика используются в лингвистике как омонимы, что не было осознано до настоящего времени.

«Под коммуникативной стратегией понимается основная задача, генеральная интенция в рамках данного коммуникативного процесса, под тактикой одна из последовательно решаемых задач в границах определенной стратегической линии (…) Обобщая мнения разных исследователей (Верещагин; Городецкий; Демьянков; Зарецкий; Одинцов; Сухих), можно дать целостное определение стратегии как совокупности речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего, а тактики как одного или нескольких речевых действий, соответствующих реализации определенной стратегии» (Матвеева 1995: 66; Рытникова 1996: 94-95).

Речевая стратегия и речевая тактика – это совокупность речевых действий и взаимосвязаны как род и вид (см.: Рытникова 1996: 94; Борисова 1996: 22).

Термин речевая тактика соответствует в схеме А.Н. Леонтьева и операции, и действию, и одной из целей, на которые раскладывается мотив. Термин речевая стратегия коррелирует и с мотивом, и с деятельностью, и с действием.

В системе терминов для описания речевой деятельности речевая стратегия соответствует и Интенции 1, и речевому действию; речевая тактика – и речевому действию, и «иллокутивному компоненту» (Вежбицкая 1999), и интенции (см.: Кобозева; Труфанова 2000).

Речевые стратегии в фатическом общении, о которых пишет К.Ф. Седов (1999) (конфликтно-агрессивная, конфликтно-манипуляторская, центрированная, кооперативно-конформная, кооперативно-актуализаторская), – это Интенции, а упрек, инвектива – косвенные речевые действия фатического общения и интенции.

В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин в качестве речевых тактик описывают интенции и речевые действия; И.Н. Борисова – интенции.

А.Н. Леонтьев открыл закон перехода действий в операции, операций в действия, действий в деятельность.

Аналогичный закон действует и в сфере речевой деятельности: речевые действия переходят в иллокутивные компоненты в Интенции, иллокутивные компоненты в речевые действия.

Но если мы откажемся от использования омонимичных терминов, наше представление о речевой деятельности, речевых действиях, иллокутивных компонентах, интенции позволяет лингвистам, пишущим о данном предмете, легче понимать друг друга и четче представлять объект нашего научного исследования.

Канд. филол. наук Р.Г.Цопанова (Владикавказ)

ЯЗЫК КАК ДЕЙСТВИЕ

В сознании репрезентированы сведения о нравственных ценностях, формирующих духовный мир человека. Среди них есть постоянные составляющие, универсальные, и национальные.

Нравственные понятия рождаются в определенном социуме и закрепляются в языке. Они живут в сознании не только в вербальной форме, но и в виде поступка (действия). Действия, направленные на унижение достоинства человека или его возвеличивание, имеют колоссальное воспитательное значение, поэтому каждый поступок человека оценивается с точки зрения адекватности его ценностным ориентирам общества, в котором происходит это действие.

Нравственные понятия динамичны, но многие из них непреходящи, закреплены в сознании как руководство к действию, что дает возможность людям близкой культуры и моральных установок находить точки соприкосновения. Например, для живущих на Кавказе, независимо от национальности, социального статуса общающихся, считается обязательным уважительное отношение к старшему, женщине, почитание родителей и забота о них. Нравственный опыт передается и сохраняется в той степени, в какой общество готово его воспринять.

В результате длительного речевого взаимодействия в сознании закрепляются важные для определенного социума системы смыслов и служат руководством к действию. Их можно представить в виде концептов нравственного содержания – честь, достоинство, гордость и др.

Содержание концептов отражает коллективный опыт носителей языка, поэтому они имеют воздействие на мир чувств каждого представителя народа. Несмотря на то, что ценностные ориентиры одинаковы, реакция на те или иные слова не адекватна у всех людей. В первую очередь это связано с социальным статусом общающихся (знатный, низкого происхождения, богатый, бедный), с воспитанием.

С этих позиций следует рассматривать слова и поступки двух мужчин из рассказа осетинского писателя У. Шанаева «Сыновья Бата». Один из них выразил свое возмущение тем, что его собеседник говорит с ним грубо, на повышенных тонах. Этим были нарушены важные нравственные принципы, утвердившиеся в обществе, в котором они живут: уважительное отношение к равному по социальному положению и к старшему по возрасту: *«О, и что ты ворчишь на меня и повышаешь на меня голос. Я что, твой ребенок, или ты десять месяцев носил меня в своем животе? – упрекнул его Ахбол».* Доказательством того, что нравственные устои – результат коллективных усилий, является следующее мудрое заключение: *«Рядом с тобой стоят младшие, и при них не разговаривай со старшим грубо, а то они, подобно тебе, станут невоспитанными! – сказал Ахбол и поднес кончик*

плети к глазу Дуда». И слова, и поступки, представленные вниманию читателя автором произведения, оцениваются в поле тех нравственных ценностей, которые зафиксированы в сознании читателя, понятны и близки ему.

Известно, что слово лечит и убивает. Но не всякие слова выполняют такие функции, а лишь те, в которых заложены морально-нравственные понятия народа, помогающие выстраивать и закреплять определенные отношения между людьми. Знание языка в его деятельностном аспекте является важным инструментом в речевом взаимодействии людей как одной, так и разной национальности.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук З.К.Беданокова (Майкоп)

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ ИЛИ ОБЫГРЫВАНИЕ ПАРЕМИЙ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО.

1. Рекламный текст как явление, с одной стороны, выполняющее функционально-коммуникативную задачу, с другой, манифестирующее разнообразие и богатство языковых возможностей. Большинство современных исследований рекламного текста отражают различные аспекты в изучении современной российской рекламы в сопоставлении с иноязычной зарубежной рекламой, нас же интересует лингво-прагматический аспект российской рекламы во всем многообразии языковых уровней: лексического, грамматического, синтаксического, графического.

2. Несомненно, рекламный текст – своеобразный полигон для использования некоторых языковых единиц в несвойственном им назначении и/или при расширении функциональной значимости. Одним из самых интересных процессов в тексте рекламы находим языковую игру, которая используется, как правило, «для усиления выразительности речи, для создания комического эффекта…» (Санников, 36), а в рекламе для создания только положительного и позитивного ассоциативного впечатления при осуществлении коммуникации.

3. Обыгрывание так называемых прецедентных текстов один из самых ярких и запоминающихся процессов, наблюдаемых в рекламном тексте. На наш взгляд, использование и обыгрывание русских пословиц и поговорок делает рекламный текст не только выразительным, запоминающимся в силу объективных причин, но семантически обогащенным, потому что несет в себе этнокультурологический фон.

4. Употребление пословиц даже в неизмененном виде, как правило, обыгрывается контекстом: *Семь бед*? (Простуда. Депрессия. Стресс. Упадок сил. Плохая экология. Нарушение обмена веществ. Курение). *Один ответ*!; *Голод – не тетка*! Голод – дядька! Чипсы «Московский картофель»; *Один в поле не воин*. Воин в поле не один. Приобрети компаньона. Компьютеры «Компаньон». Легко узнаваемы и, несомненно, колоритны трансформированные пословицы, что выделяет их как особый тип русскоязычной рекламы: *В здоровых деснах здоровые зубы*. Orbit Фито; *Евро рубль бережет*! Автомобили Ford; *Иммунитет приходит во время еды*. Иммунеле NEO; *Как у «Мальвы» за пазухой*. Макароны «Мальва»;

Лучше «Волга» в руках, чем «Мерседес» в небесах. Автомобили Волга; *Лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать*! MMS; *Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке*. Пиво «Золотая бочка»; На Ибице не соскучишься! *Чипсы до острова доведут*. Чипсы ESTRELLA.

5. Известно, что языковая игра, искажение правописания, «неправильный» синтаксис и необычное использование знаков препинания характерны для любой рекламы и являются интернациональными средствами выразительности, однако своеобразное употребление устойчивых выражений и паремий свидетельствует о

богатейших возможностях русского языка и является стилеобразующим для рекламного текста.

Е.В.Бобырева (Волгоград)

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН И КОНЦЕПТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

Религия – определенное мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение индивида и определенные культовые действия последнего, основанные на вере в божественное, в существование высшей силы – Бога – определенной разновидности сверхъестественного. Мир религии охватывает широкий диапазон явлений: в него входят религиозные сообщества людей, религиозные субъекты, институты и организации, традиции и ритуалы, религиозная идеология и культура и др. Все элементы поля религии отражаются в дискурсе и реализуются через дискурс: они либо составляют собственно предмет общения, либо выступают в качестве элементов прагматического контекста, прагматических пресуппозиций. В узком смысле религиозный дискурс можно рассматривать в качестве совокупности речевых актов, используемых в религиозной сфере; в широком смысле под религиозным дискурсом понимается набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, а также совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов, включая текстовые фрагменты, используемые в процессе религиозной коммуникации.

Говоря об общественном институте применительно к религиозному дискурсу, прежде всего, выделяют церковь как его главный социальный институт. Однако, границы религиозного дискурса выходят далеко за рамки церкви; ограничение религиозного дискурса только рамками храма может значительно сузить и существенно исказить сущность такого многомерного явления как религиозный дискурс. Религиозный дискурс – сложное, комплексное и многостороннее явление. Церковь, как общественный институт, постоянно присутствует в сознании верующих (по крайней мере, в сознании приверженцев традиционной религии), но реальным местом актуализации и реализации религиозного дискурса не всегда является пространство храма.

Где бы не протекал религиозный дискурс, одну из основных его задач можно сформулировать следующим образом: выразить чаяния, мольбы, надежды верующего человека, найти духовную подпитку, поддержку (либо у последователей той же веры, либо у Всевышнего). Развитие и формы существования религиозного дискурса определяются его целями: а) получить поддержку у Бога, б) очистить душу, в) призвать ближних к вере и покаянию, г) утвердить верующих в вере и добродетели, д) через ритуал осознать свою принадлежность к той или иной конфессии (В.И.Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 325).

Как и любой другой тип общения религиозный дискурс оперирует своими специфическими концептами. Все концепты религиозного дискурса по степени «принадлежности» религиозной сфере представляется возможным разделить на первичные – те, которые первоначально принадлежали области религии, а затем перешли в нерелигиозную сферу – «бог», «ад», «рай», «грех», «дух», «душа», «храм»; и вторичные – такие, которые охватывают как сферу, область религиозную, так и светскую, мирскую, с явным превалированием функционирования в

светской сфере – «страх», «закон», «наказание», «любовь» и др. Таким образом, представляется возможным говорить о своеобразном делении всей совокупности указанных концептов на группы или классы в зависимости от их отношения к религиозному дискурсу: а) концепты религиозной сферы – те, ассоциативное поле которых так или иначе замыкается сферой религиозного дискруса или неизбежно остается в рамках религиозных ассоциативных границ: «Бог», «вера», «дух», «душа», «грех»; б) концепты, первоначально возникнувшие в рамках религиозного дискурса, а затем вышедшие за указанные рамки и функционирующие одинаково в религиозном дискурсе и сфере далекой от религии: «ад», «рай», храм»; в) концепты, которые были перенесены в религиозный дискурс из общечеловеческой коммуникации и в настоящее время имеющие довольно широкий ассоциативный потенциал: «чудо», «закон», «наказание», «страх», «любовь».

Все рассмотренные концепты создают неповторимое своеобразие религиозного дискурса и помогают глубже понять содержательное и ценностное наполнение последнего.

Канд. филол. наук Э.В.Будаев (Нижний Тагил)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ СМИ

Система метафорических моделей в дискурсе СМИ служит индикатором состояния общественного сознания, в ней отражается мировидение действительности независимо от желания и интенций участников коммуникации [Будаев, Чудинов 2006; Lakoff 1993; Lakoff, Johnson 1980; Zinken 2003 и др.]. В монографии А.П. Чудинова [2001], посвященном когнитивно-дискурсивному анализу метафор российских СМИ периода 1999-2000 гг., было показано, что метафорические модели, доминирующие в российских СМИ в последнее десятилетие XX в., характеризуются агрессивным прагматическим потенциалом, концептуальными векторами тревожности и неестественности развития ситуации (сферы-источники «Война», «Криминальный мир», «Болезнь», «Мир животных»).

Материалом для нашего исследования послужили 3000 метафорических контекстов, зафиксированных в текстах 15 российских изданий за период 2000-2005 гг. Результаты процентного соотношения доминирующих метафорических моделей от общего количества метафорических контекстов представлены в таблице 1.

Табл. 1. Процентное соотношение метафорических моделей в российских СМИ.

Человеческий организм	Война	Мир животных	Спорт и игра	Театр	Монархия	Родство	Болезнь
20,7	17,5	16,1	11,3	9,8	9,4	8,2	7,2

Сопоставляя выводы А.П.Чудинова и полученные результаты, можно отметить следующие изменения.

При концептуализации современной России в СМИ метафорическая модель со сферой-источником «болезнь» переместилась на последнее место. Ушли в прошлое образы смертельно опасных заболеваний, агонии, комы и т.п. Согласно метафорической картине российских СМИ, Россия «выздоравливает» или страда-

ет от гораздо менее опасных заболеваний. Наоборот, увеличилось количество антропоморфной метафорики, привносящей в осмысление современной российской действительности естественную перспективу развития.

Заметно снижение доли метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом. Милитарная метафорика доминировала как в советскую, так и в постперестроечную эпоху. Множество метафор из военной сферы служило средством формирования образа коварного буржуазного врага в период тоталитаризма, а по мере демократизации общество все больше дифференцировалось, вступило в стадию «войны всех против всех». Снижение милитарной метафорики свидетельствует о том, что желание борьбы ослабло, а общество стремится заменить все опустошающую войну на стабильность или здоровое соперничество.

Заметную долю в метафорической картине стала занимать монархическая метафора. Очевидно, что это связано не только с заметной централизацией власти и критикой этой тенденции в СМИ, но и с усталостью общества от демократических потрясений, с готовностью отказаться от некоторой части демократических прав в обмен на политическую и социальную стабильность.

Новая эпоха приносит новые метафоры, а соотношение метафорических моделей в дискурсе СМИ меняется вместе с мироощущением общества. Регулярный мониторинг метафорических моделей в СМИ предоставляет новый материал для выводов и обобщений, а в теоретическом плане позволяет приблизиться к решению вопросов о взаимодействия языка, мышления и общественных процессов.

Канд. филол. наук А.Б. Бушев (Тверь)

ЯЗЫК, ВЛИЯЮЩИЙ НА МЫШЛЕНИЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Множатся работы, утверждающие и демонстрирующие, что язык накладывает определенную структуру на реальность, задает способ видения объекта.

В экономической теории **мелиоративная оценка** присуща изначально нейтральным терминам (типа *равновесие, совершенная конкуренция*). «*Естественный уровень инфляции»* – сказывается семантика слова «естественный». И вот уже такой уровень понимается как «неизбежный, желательный, оптимальный прирост».

Многие оперативные термины представляют из себя **убеждающие метафоры**, а не строгие понятия. Широко распространены классические экономические метафоры «*невидимая рука», «ночной сторож», «психология laisez-faire*» (тут в семантике термина участвует и компонент «офранцуживания»: согласимся, что это понимается не так, как буквальный перевод «делайте, что хотите»). Существуют и мировоззренческие метафоры – *свободный рынок, открытый рынок*, *открытое общество*. В утверждении «*переходный период»* кроется признание ситуации приемлемой в силу временного характера.

За многим кроется **неопределенность семантики социальных терминов**. Это нестрогие понятия, объем которых различается для говорящего и слушающего (сказываются разный образовательный уровень, возраст, идеологическая платформа). О том, что перед спором надо определиться с семантикой, писали Платон, Бэкон, крупные философы Нового времени

Экономический дискурс изобилует своими **стертыми и явными метафорами.** Вот эквивалент товара «деньги» со всем известными своими функциями. *Деньги жгут руки, шальные, легкие, приходят, уходят, летят в топку, на ветер, тянут карманы…*Известны случаи как образных метафор (типа *white elephant, bear, bull*) , так и метафорических рефлексов (типа *gobble, grope, float, greed-for surplus labor, hobble, hopping, waiver, target, tailor-made, peg, wear, trust, trim, turnover, tug of war, turnkey, windfall, wrap-up и т.п.*), так и семантического способа словообразования. Известны и присущие даже письменному дискурсу экономики жаргонизмы (*jawboning = переговоры с целью достижения согласия о приемлемом росте зарплаты; kite = дутый вексель).*

Простое перечисление существующих феноменов не проливает света на функции метафор в экономическом дискурсе. Из них явственно видятся оценочная, персуазивная, экспрессивная, образная, информационная.

Варваризмы – примета стремительных языковых изменений в обществе и СМИ, по сути дела выступают метафоризацией престижности. Характерной приметой выступает сегодня использование множества транслитерированных и транскрибированных терминов из английского языка: *дисбурсментский счет, аудит= ревизия, авуары= денежные средства, акт сюрвейера= наблюдателя, супервизирование, аутсайдер, диверсификация экспортной базы, брэндинг, франчайзинг, франшиза, лизинг, мониторинг. мерчандайзер, варрант, котировка, локаут, транзит, трансферт, фондирование, форфейтинг, фри-аут, хайринг, инжиниринговые услуги.*

Злоупотребление англоязычной терминологией маскирует отсутствие самостоятельного мышления, усвоенность истин извне, без критической оценки, пустоту речи, скрывающуюся за оригинальным, не всегда доступным декодированию «фасадом».

Эвфемизация тоже создает стереотипы: *пересмотреть тарифы, дестабилизация, депрессия, стагнация, перестройка, ускорение, дефляция, рыночная экономика, инфляция, бездефицитный бюджет*. Иногда в массовом сознании некоторые «безобидные» слова и фразы становятся сигналами опасных действий, грозящих благополучию масс*: реформа ЖКХ, страхование автогражданской ответственности, пенсионная реформа.*

Выявленная языковая специфика характеризует явления, характерные для дискурса с воздействующей установкой, и влияет на категории профессионального мышления.

Канд. филол. наук Л.Ю.Веретенкина (Пенза)

РЕКЛАМНЫЕ ТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В настоящее время реклама представляет собой обширную область исследования с большим количеством видов и жанров. По определению И.А.Стернина, реклама – это информация, которая имеет целью привлечь внимание людей к товару и продать его; побудить людей воспользоваться какой-либо услугой, принять

участие в чем-либо, поддержать кого-либо, проголосовать за кого-либо (И.А.Стернин 2005: 177-178).

Реклама адресована потребителю и стремится побудить его к совершению выгодных для рекламодателя действий, а именно воспользоваться рекламируемыми товарами и услугами. Совершенно очевидно, что иностранные студенты, получающие образование в России в течение 5-6 лет, также не изолированы от воздействия рекламы.

Опыт работы показывает, что многие учащиеся, владеющие русским языком, просматривают газеты, журналы и часто останавливаются на текстах или объявлениях рекламного характера. Поэтому работа с рекламой на занятиях по русскому языку как иностранному имеет практическую коммуникативную направленность.

Современная реклама характеризуется разнообразием сфер общения, которые могут быть представлены следующими блоками:

1. *Социально-культурная сфера общения* – реклама спектаклей, концертов, выставок, экскурсий, туристических поездок, развлечений во время летнего отдыха и каникул.

2. *Учебно-профессиональная сфера общения* – реклама различных учебных центров и учебных заведений, учебной и профессиональной литературы, образовательных услуг.

3. *Семейно-бытовая сфера общения* – реклама пищевых и промышленных товаров, бытовой, аудио- и видеотехники, реклама, связанная с различными семейными событиями.

4. *Спортивно-оздоровительная сфера общения* – реклама спортивных центров, комплексов, массовых спортивных мероприятий, различных лечебных средств.

5. *Торгово-коммерческая сфера общения* – реклама банков и банковских услуг, фирм, торговых центров, ярмарок и т. д.

Источниками учебного материала могут служить:

1) периодические издания (журналы и газеты),

2) материалы радио- и телепередач (объявления, реклама),

3) рекламные каталоги, буклеты и другая печатная продукция рекламного характера,

4) реклама в Интернете.

Использованию рекламы в качестве учебного материала способствуют следующие особенности. Во-первых, рекламные тексты отличаются от других (не рекламных) информативной насыщенностью, прагматической направленностью, способами внешнего оформления и определенными признаками содержания. Во-вторых, реклама – жанр современный, актуальный, а значит открытый для разного рода инноваций, в том числе и языковых. В-третьих, язык рекламы яркий, образный, выразительный. Авторы рекламных текстов используют интонационные возможности фонетики, богатство русской лексики, экспрессивные возможности словообразования и морфологии, выразительность синтаксических конструкций.

Рассматривая рекламные тексты как средство изучения языка и познания культуры, необходимо выделить трудности понимания текстов, а именно: лингвокультурологические (наличие самой разнообразной фоновой информации), соб-

ственно лингвистические трудности (неологизмы, разговорный язык, аббревиатуры), слова и словесные комплексы с дополнительным национально-культурным компонентом семантики, риторические и стилистические приемы и т. д.

На первом этапе работы с рекламными текстами студенты учатся воспринимать, прежде всего, информативную сторону рекламы. Иностранные учащиеся должны уметь находить тексты рекламного характера, воспринимая главные единицы информации: названия товаров и услуг, отличительные свойства рекламных товаров, название организации, каналы связи и др. Преподавателю необходимо работать над созданием языковой базы, формирующей речевые компетенции учащихся. Языковой материал тщательно подбирается и группируется в тематические блоки.

Переход от овладения языковыми средствами к развитию речевых умений происходит постепенно. Иностранные студенты, имеющие базовую языковую подготовку, должны развивать и совершенствовать речевые навыки делового общения. И только тогда, когда студенты овладеют в достаточной степени языком рекламы, возможно изучение языковых средств рекламы, способствующих осуществлению воздействия на потребителя.

Поэтому целесообразно использовать рекламные тексты сначала в Практическом курсе русского языка, а затем в качестве материала при изучении иностранными студентами-филологами таких дисциплин, как «Язык современных российских средств массовой информации», «Язык делового общения», «Стилистика».

В ходе работы студенты должны определить основные виды рекламных текстов в периодических изданиях, познакомиться со структурными (композиционными) особенностями современной печатной рекламы, на конкретном материале рассмотреть основные языковые средства, используемые в рекламных текстах, выявить особенности их функционирования.

На занятиях исследуется современная реклама с точки зрения употребления и функционирования языковых средств разных уровней (фонетического, лексического, морфологического и синтаксического) в современном рекламном тексте, дается комплексный анализ данных средств языка.

В лингвистике общепризнанным является тот факт, что смыслом обладают не только слова, но и звуки. По мнению И.Морозовой, основой фонетической адекватности рекламной фразы является ее благозвучие, соответствие звукового состава смыслу рекламного сообщения (И.Морозова 1998).

На фонетическом уровне дополнительным средством создания выразительности рекламного текста является использование звуковых созвучий (аллитерации), ритма и рифмы. Например, *Rowenta. Радость в вашем доме* (слоган); *Spark. Яркий и юркий* (реклама автомобиля), *Коровы знают точно – сыр Kraft полезный очень!* (реклама сыра). Замечено, что фонетические особенности рекламного текста влияют на восприятие и быстроту запоминания рекламной информации.

Одним из основных лексических средств воздействия рекламы на потенциальных покупателей выступает эмоционально-оценочная лексика. В качестве оценочных клише чаще всего употребляются прилагательные *«новый», «надежный», удобный», «эффективный», «универсальный»* и др. Данные слова не имеют экспрессивной окраски, но благодаря своей семантике создают в тексте эффект по-

ложительной оценки и этим увеличивают воздействующую силу рекламного обращения.

Можно предположить, что существенную роль в рекламе играет повтор лексических единиц. Как отмечал Ю.М.Скребнев, «функция повтора как намеренно стилистического средства (в отличие от случайного повторения при неподготовленной речи) всегда является усилительной: повторяемое слово подчеркивается отправителем речи; к понятию, выражаемому этим словом, привлекается особое внимание адресата речи» (Ю.М. Скребнев 1975: 139).

Так, в рекламе средства для полоскания *Lenor*, предназначенного для детей, несколько раз повторяются словосочетание *«нежная кожа»* и слово *«мягкость» («волшебная мягкость», «сказочная мягкость»).*

Характерной чертой современной рекламы является увеличение количества терминов (иноязычной лексики) и аббревиаций на английском языке (в рекламе техники, косметики). С одной стороны, данное явление обусловлено развитием современных технологий, науки, с другой стороны, чрезмерное употребление незнакомых слов-терминов затрудняет восприятие и понимание рекламы.

Так, в рекламе косметики встречаются слова *коэнзимы, лептиды, протеины, протектин, олиго-элемент, инкапсулирование, UVA/UVB фильтр,* характеризующие состав косметического средства и определяющие его достоинства. Однако для потребителей данные термины не всегда понятны.

Исследование особенностей употребления в рекламных текстах морфологических средств показало, что за каждой частью речи в рекламе закреплены определенные задачи. Высокая частотность употребления имен существительных объясняется их информативной функцией, так как реклама требует наименования множества предметов и явлений.

Местоимения выстраивают тип отношений между рекламодателем и покупателем (от доверительных и дружеских до деловых). В ходе работы выявлены следующие особенности употребления местоимений в рекламных текстах: 1) противопоставление рекламодателей и потенциальных покупателей с помощью оппозиции «вы» – «мы»; 2) объединение рекламодателей и покупателей, заинтересованных общим делом, общими заботами и проблемами – в текстах употребляются местоимения «мы», «наш»; 3) предложение товара от лица покупателя, воспользовавшегося рекламируемым товаром (услугой) и предлагающего его новым покупателям – «я», «мой»; 4) обращение к покупателю на «ты» с целью создания атмосферы дружеского доверия.

Глаголы придают тексту динамичный характер. Реализации воздействующей функции рекламы способствуют формы императива: *Создай свой фотоархив на http://foto.mail.ru/ и покажи друзьям!* (реклама Интернет-услуг). Употребление инфинитива в сочетании с обратным порядком слов создает выразительную рекламу: *Приобрести, построить, реконструировать, отремонтировать, отделать квартиру, комнату, жилой дом, дачу, садовый домик, гараж, машиноместо, а также земельный участок Вы можете, не откладывая, с помощью Кредита на недвижимость* (реклама услуг Сбербанка России).

Прилагательные и наречия подчеркивают качества (достоинства) рекламируемого предмета и действий, связанных с объектом рекламы. Например, использование определений, выраженных полной формой качественных прилагательных,

способствует созданию яркого, образного рекламного текста: *Компактный, яркий, маневренный, экономичный – Spark в городе как рыбка в воде* (реклама автомобиля Shevrolet Spark); *Послушный, бесшумный, плавный в движении. Lexus RX300* (реклама автомобиля Lexus RX300).

Сравнительная степень прилагательных и наречий обращает внимание читателей на улучшение качества (результата, вкуса и т. д.) рекламируемого товара (услуги): *С помощью специальной подкручивающей щеточки тушь сделает ресницы объемнее на 400%* (реклама туши для ресниц от AVON), *Больше куриного вкуса в гранулах!* (реклама приправы МАГГИ)

Наиболее ярко проявляются языковые средства на синтаксическом уровне. Многие синтаксические средства отличаются эмоциональностью и экспрессивностью. К таким средствам можно отнести: предложения, различные по цели высказывания (побудительные, вопросительные, повествовательные), случаи употребления неполных и односоставных предложений, ряд явлений порядка слов, использование однородных членов предложения, обособленных оборотов.

В русском языке порядок членов предложения считается свободным. В то же время перестановка слов влечет за собой определенные смысловые и экспрессивные изменения: в наиболее выигрышном положении оказывается тот член предложения, который выносится в начало или, наоборот, отодвигается в конец предложения. Инвертированный компонент воспринимается как коммуникативно выделенный и, таким образом, в рекламном тексте привлекает внимание читателей.

Например, в рекламе стиральной машины ARDO глаголы в форме инфинитива акцентируют внимание на возможностях бытовой техники (но ведь и другие модели автоматических стиральных машин обладают этими возможностями?): *Стирать, полоскать, отбеливать, отжимать – наши машины умеют всё!*

Вместе с тем в рекламе складывается специфический синтаксис, например, употребляются парцеллированные конструкции, так называемые конструкции «представления», номинативные предложения различного вида:

Новая РЕНО Лагуна. Она не летает. Пока (реклама автомобиля РЕНО Лагуна);

Просто нажми кнопку «Билайн» – и ты сразу окажешься в своей стихии. Такой женской, неповторимой и модной (реклама сотового телефона Samsung E 350);

Домашние кинотеатры Samsung. Больше возможностей! Больше развлечений!

В рекламе используются и выразительные ресурсы пунктуации. Иногда в рекламных текстах отсутствуют нормативно употребляемые знаки или, наоборот, знаки препинания употребляются ненормативно. В таком случае знаки препинания выполняют сигнальную функцию, т. е. привлекают внимание читателей к содержанию рекламы. Приведем примеры: *Это просто и удобно – потому что рядом – мы!* (реклама услуг Rambler); *Поговорим, о сиянии, которое не меркнет!* (реклама губной помады AVON).

Очевидно, что результативность рекламного текста обеспечивается взаимосвязанностью всех значимых компонентов рекламы: словесного и зрительного рядов, а также лингвостилистическими качествами рекламного текста. Изучение рекламы на занятиях с иностранными студентами-филологами дает представле-

ние о широком использовании возможностей языка на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Таким образом, основная задача рекламного текста – убедить потребителя последовать призыву рекламы — решается при помощи различных средств на разных языковых уровнях.

Цитируемая литература:

Кохтев Н.Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. – М.: Издательство МГУ, 1997. – 97 с.

Морозова И. Слогая слоганы. – М.: РИП-Холдинг, 1998. – 172 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький: Издательство ГГПИ, 1975. – 175 с.

Стернин И.А. Практическая риторика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 272 с.

Аспирант Т.А.Волкова (Челябинск)

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В современных условиях глобализации международные отношения, безусловно, оказывают влияние на общества, языки и культуры; это прослеживается во взаимодействии широко изучаемого в настоящее время институционального дискурса и отдельных сфер деятельности общества. В этой связи дипломатический дискурс как вид институционального наиболее полно отражает и в определенной степени воздействует на внешнеполитические, межгосударственные и межкультурные связи общества, формирует в сознании людей представления о том или ином государстве.

Осознавая, таким образом, связь языка, мышления и общества, рассмотрим дипломатический дискурс с точки зрения прагматики, опираясь на прагмалингвистическое исследование дипломатических документов в рамках теории речевых актов. Текст дипломатического документа целесообразно рассматривать как совокупность иллокутивных (целенаправленно воздействующих) актов, которые, следуя классификации Дж.Серля (Дж.Р.Серль. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. – 194 с.), можно представить следующим образом:

Директивы – выражают побуждение, просьбу, приказ, распоряжение, например:

The Security Council,

…*Requests* the Secretary-General to consult urgently with the Lebanese Government…

…*Directs* the Commission to determine procedures for carrying out its investigation…

Совет Безопасности,

…*просит* Генерального секретаря срочно провести консультации с правительством Ливана…

…*предлагает* Комиссии определить порядок проведения своего расследования…

[UN Security Council Resolution 1595 (2005) – оригинал и офиц. перевод ООН, 2005. // www.un.org]

Основной целью автора в этом случае является донесение информации до получателя при помощи побуждения, основной функцией речевых актов является побуждение к действию. Аналогично рассматриваются и другие иллокутивные акты, краткую характеристику которых мы приводим ниже.

Репрезентативы – констатируют факт, дают описание, объяснение, заверение. Основным мотивом подобных речевых актов является констатация факта или информирование – следовательно, можно говорить о функции информативности. В дипломатическом тексте она является основной, так как полнота сведений, всестороннее рассмотрение проблем, учет возможных факторов особенно значимы для документов, которые создаются для решения практических задач.

Экспрессивы – используются для извинения, благодарности, ответа, обоснования, оправдания. Один из основных мотивов – вежливость, и функция, о которой здесь можно говорить – функция расположения адресата к автору. Формулы вежливости обычны в официальных письмах и письмах полуофициального характера, декларациях, резолюциях и некоторых других дипломатических документах.

Декларативы – используются для выражения того или иного мнения, утверждения, установки и т.д. Основным мотивом является четкое определение позиций сторон; коммуникативная функция может быть названа декларативной.

Комиссивы – используются для выражения обещаний, объявлений, предупреждений. Коммуникативная функция иллокутивных актов такого типа – функция обязательства.

При анализе дипломатических документов с прагматической точки зрения важны также цель и тематика документа, полнота информации, различные подходы к рассмотрению той или иной проблемы.

Н.И.Жабо (Москва)

РЕСЕМАНТИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

1. Возрастание роли науки в жизни современного общества выводит проблему исследования перевода термина в ряд важных проблем общего языкознания. Единое информационное пространство, формирующееся в наше время благодаря новым технологиям передачи информации, необходимо влечет за собой стремление к унификации понятийного набора, выражаемого единицами разных языков, совершенно необходимой при поиске взаимопонимания и взаимоприемлемых решений. Язык как средство кодировки новых понятий и отношений в настоящее время имеет тенденцию к обновлению своих единиц. Этим и определяется актуальность выбранной темы исследования: изучение процесса формирования терминов при переводе, в частности, ресемантизации единиц, имеющих в языке пе-

ревода другие закрепленные за ними значения. Этот феномен представляется нам одним из основных процессов, определяющих развитие языка и основывается на имманентном свойстве языкового знака – асимметрии означаемого и означающего.

2. Лингвистическая правильность при переводе термина менее важна, чем то, что участники коммуникации объединены своего рода общественным договором, заключающемся в общих целях – необходимостью мгновенного или скорейшего понимания – и общими фоновыми знаниями. Особенности использования переводных терминов позволяют предположить существование нескольких экстралингвистические механизмов этого процесса: механизма заражения; переводческой ошибки; калькирования, нередко параллельно с уже существующей в языке единицей; вторичного заимствование слов, пришедших в язык в другой коммуникативной ситуации, из другого лингвистического контекста и в другое время, при том, что первичное значение единицы либо сохраняется, либо не сохраняется. Многоязычие и взаимовлияние нескольких языков через механизм перевода, так же как потребность в кратком оформлении информации и наличие компетентной профессиональной аудитории порождают семантические изменения языка, новое значение общеупотребительного слова становится термином. Выявляется роль переводчика в этом процессе, так как сам по себе процесс перевода как понимания текста и оформление извлеченного смысла в терминах другого языка является в большой мере субъективным.

3. Ассимиляция нового значения общеупотребительного слова, принятого сообществом экологов и журналистов как перевод иноязычного термина основана не только на его необходимости для номинации нового факта действительности, но и на том, что СМИ употребляют это слово как специальное. Тогда значение-неологизм, даже в случае его ошибочного употребления, может моментально перейти в разряд и даже широко употребительных слов и выражений.

4. В частности, поскольку слово *око* и его производные в текстах на экологическую тематику приобретает в современном русском языке следующие новые значения: подструктура власти, чиновник (персонификация), контроль, собственность, приборы (с экраном или глазком), водоем; – то они придаются этому же слову в переводных текстах. Так, перевод слов *eye* (англ.) и *oeil* (франц.) в значениях «под контролем» и «под надзором» зависит от прагматической интенции автора перевода. Ирония, сарказм, и наоборот, желание привлечь покупателя могут передаваться словом *око* (в рекламе различных иностранных приборов: *конструкторы придумали "всевидящее око" для автомобилей* и фар автомашин: *Черноокая Красотка. Opel Vectra стала черноокой: Отличительная черта новых головных фар – все декоративные элементы окрашены в черный цвет, что придает автомобилю индивидуальности*. Наиболее распространенным вариантом этого выражения являются: а) *под зорким оком* (часто как заголовок статьи): *под зорким оком Большого брата, ~ CRM, ~ международных наблюдателей, ~ радаров американской службы безопасности, ~ «электронных глаз», ~ камеры видеонаблюдения, ~ компьютера;* б) теолого-теософские выражения: «Всевидящее Око» (*всевидящее око Интерпола*), *под недреманным оком видеокамеры; под пристальным оком телекомпаний*.

6. Контекстуальный анализ дает возможность составления списка ресемантизированных единиц, проявляющих себя как семантический неологизм в переводах научных и научно-популярных текстах экологической тематики, а также определить экстралингвистические факторы, обеспечивающие запуск механизма ресемантизации, возможного превращения термина в общеупотребительное слово или в узко употребимый профессионализм-историзм.

Канд. филол. наук С.А.Золотарева (Махачкала, Дагестан)

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Важной особенностью языковой игры является ее способность подмечать и выявлять существующие противоречия, что обусловлено парадоксальной сущностью языковой игры: она заостряет реальные контрасты за счет сопоставления и сближения, на первый взгляд, несхожих явлений. С помощью языковой игры обнажается несоответствие между формой и содержанием, теорией и практикой, устоявшимися представлениями о предмете или явлении и их реальным смыслом, т.е. происходит «вывертывание наизнанку» сложившегося строя оценок, представлений, мнений.

Занимаясь проблемой языковой игры, в качестве анализируемого материала мы взяли тексты речевых жанров сатиры и юмора из программ развлекательной направленности. Обоснованность выделения речевого жанра "комический парадокс", в отличие от парадокса как "серьезного" литературно-философского жанра подтверждается анализом речевого материала, которой показывает, что он является одним из основных лингвистических средств создания эффекта комизма.

Пиво с утра не только вредно, но и полезно (Н.Фоменко. Русское радио); *В честной борьбе всегда побеждает жулик* (М.Задорнов.); *В конце концов добро восторжествует. Но некому будет в этом убедиться* (В.Боксер). Парадоксальность данных текстов строится на таком алогизме, который не разрешается компромиссом противопоставленных смыслов. Противоречие двум сущностей в таких комических парадоксах остается не снятым. Например: *Плачу за все – и все же в неоплатном… (*В.Вишневский). Здесь два противоположных утверждения приводятся в прямую зависимость друг от друга. Как показывают эти примеры, механизмом комического в таких текстах служит чаще всего объединение противоположного, взаимоисключающего, где оказывается «задействованной» явная или имплицитная антонимия.

Комический парадокс может быть построен на неправильном силлогизме, где вывод не следует из посылок. *Старожилам особенно памятно цунами 1929 года, после которого никого из них в живых не осталось (А. Кнышев).* Путем использования парадокса дискредитируется понятие разумного. Требуя от адресата игровой интерпретации сказанного, данный вид языковой игры, тем не менее, выражает важные мысли и при этом лишает адресата возможности адекватного по эффективности ответа, поскольку экзистенционал темы уже исчерпан в результате использования адресантом двух слов или словосочетаний с противоположными смыслами в рамках одного высказывания. Воспринимая парадокс, адресат вводится в заблуждение. Его как бы приглашают к игре, к несерьезному восприятию

сказанного. Однако введение окказиональных глубинных смыслов, контрастирующих с игровыми поверхностными смыслами, позволяет адресанту использовать иллокуцию, нацеленную на существенный перлокутивный эффект, прикрываясь впечатлением игры, игрового поведения.

Во всех комических парадоксах «работает» механизм языковой игры.

Мы считаем, что основной коммуникативной функцией парадоксального текста является репрезентативная функция – сообщение знания о действительности, значимого в индивидуализированной картине мире адресанта. В модели «адресант – текст – адресат» данный коммуникативный акт можно представить следующим образом: 1) с позиций адресанта: оформление знания; 2) с позиций адресата: получение знания. Поскольку типичной типологической чертой парадокса является информативная плотность, получение знания, как правило, связано с инферированием коммуникативно важной информации. Можно считать, таким образом, что с позиций адресата текст комического парадокса наделен эвристической функцией, которая поддерживается лингвистическими средствами. Языковая игра как реализация эвристической функции речемыслительной деятельности дает чувство перспективы в самовыражении языковой личности, проявления ее компетенции.

Докт. филол. наук С.В.Ильясова (Ростов-на-Дону)

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬОЕ В АСПЕКТЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИГРЫ
(на материале языка СМИ начала XXI века)

1.Теоретическими предпосылками данного исследования являются следующие:

– словообразовательная игра (далее – СИ) является одним из наиболее заметных источников экспрессивности в языке современных СМИ, при этом арсенал способов выражения экспрессивности СИ непрерывно пополняется как за счет приемов СИ, заимствованных из других функциональных стилей (контаминация, «фокус-покус прием», образование по конкретному образцу, обратное словообразование и т.д.), так и за счет новых приемов, появившихся в языке СМИ вследствие использования возможностей параграфемики (графическое выделение сегмента, скобки, исправления – приемы, направленные на игру с внутренней формой слова;

– поиск новых экспрессивных средств не ограничивается рамками собственно словообразования, СИ раскрывает возможности других уровней языка, что, очевидно, требует пересмотра положения о делении уровней языка на «жесткие», «полужесткие» и «нежесткие» (В.З.Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. С. 39). В качестве примера жесткого уровня приводят морфологический, между тем, наши наблюдения за СИ позволяют утверждать, что и на этом уровне постепенно формируется арсенал собственных игровых средств. Это относится не только к существительным (С.В.Ильясова. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. – Ростов-на-Дону, 2002), наиболее игровой части речи, но и к наречиям (С.В.Ильясова. Образование наречий в современном русском языке: Активные процессы (на материале языка СМИ конца

XX – начала XXI вв.) // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции. М.; Ульяновск, 2006. С.131-133), и к прилагательным.

2. Для доказательства сформулированных положений обратимся к примерам: *Главной целью своей жизни Баталов*, «*человек* ***неандерсталинской*** *эпохи*», *как он сам себя называет, считает помощь людям* (АиФ, 2003, №47); ***Самый сталинный*** *нацпроект* (Известия. 20.04.060); ***НеСТАЛЬная*** *Надежда* (АиФ, 2006, №36).

Приведенные примеры, объединенные общей мотивирующей основой, демонстрируют разнообразные приемы СИ в языке СМИ: контаминацию, окказиональную форму превосходной степени от прилагательного-инновации, псевдомотивацию путем графического выделения. Как перечисленные, так и другие приемы СИ представлены в целом ряде других примеров:

– контаминации, в том числе с графически выделенным сегментом: *Путиконечная звезда* (Завтра, 22.03.04); *За премьерное поведение* (Версия, 2005, №4); *На боосу ногу* (АиФ, 2005, №52); *БУШечное мясо* (АиФ, 2004, №37); *Сказка о МЭРТвом царевиче* (АиФ, 2006, №24); *НеВИЗучие* (Известия. 3.05.06); *ОСКАРбительный выбор* (Версия, 2006, №10); *КРЫМлевские разборки* (Версия, 2006, №23) и др.

– графические окказионализмы: *НаЧИХательская забастовка* (КП.29.08.02); *Самое бОРЗое время* (АиФ, 2002, №51); *Страна попрощалась с воЛЬГОТной* жизнью (КП.6.08.04); *БезрасСУДные* (АиФ, 2006, №40); *НеВИННАЯ оплошность* (АиФ, 2006, №29) и др;

– «фокус-покус прием»: *Тверская-Взрывская* (КП.11.07.03);

– инновации, созданные по образцу узуального слова: *Двухвикторная* рада (Версия, 2006, №10);

– обыгрывание прецедентного феномена: «*Люковое*» горе (КП.22.05.04); *сНЕЖный человек* (КП. 25.11.03); *Вдоль* по *наКЛОННой* (КП.21.05.05); *Невростительная жизнь* (Версия, 2005, №123); *Бюрократовы штаны* (АиФ, 2006, №14) и др. (см. примеры контаминаций).

Приведенные примеры позволяют увидеть как количественное увеличение так называемых игровых прилагательных, так и их качественное разнообразие.

Асп. К.Е.Корнилова (Ростов-на-Дону)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Реформы в экономической, политической и социокультурной сферах российского общества оказали безусловное влияние на стиль и способы подачи информации в СМИ. Свобода выбора языковых средств прежде всего коснулась заголовков газет и журналов. Важную роль в формировании нового лица российской прессы сыграли зарубежные масс медиа, в особенности, англоязычные.

Сегодня главной задачей заголовка является привлечение внимания читателя, и журналисты создают яркие, экспрессивные заголовки с помощью языковой игры. Как показывает исследованный материал, многие наиболее частотные модели языковой игры (словообразовательная игра, трансформация фразеологических единиц, каламбур) в заголовках англо- и русскоязычных СМИ совпадают.

Так, среди разновидностей словообразовательной языковой игры в заголовках чаще всего встречаются создание окказионализмов (*«Пепсизм поколения Next»; «Kennedyism of the Day»),* в том числе графических *(«ВисоЮКОСный год», «WWWarning!»)*, и контаминации *(«Мэроприятие состоялось»; «Tom's 150$ housepital»).*

Трансформированные фразеологические единицы в русско- и англоязычных СМИ как один из приемов игры с читателем в заголовке представлены следующими основными моделями:

1) сокращение: *«Если гора не идет к Магомету…»; «A Bird in the Hand»;*

2) расширение: *«Война и мир подмосковного завода»; «All That Glitters is Gold… & Silver, Platinum, Copper, etc.»;*

3) частичная замена слов: *«Новое – это добытое из сундуков старое!»; «Can a Cup of Joe a Day Keep Parkinson's Away?».*

Среди каламбуров одним из самых ярких и распространенных приемов является игра, построенная на разных смыслах при одинаковом звучании: «*From franc fort to Frankfurt?»; «Джордж Майкл хранил «колеса» в колесах».* Другой частотный прием игры слов со сходным звучанием представлен в стихотворном заголовке («*Мороз до слез»; «The How Behind the Wow»)*.

Столь широкое использование языковой игры в СМИ продиктовано желанием журналиста привлечь внимание читателя к тексту через экспрессивный, выразительный заголовок. Следует также учитывать, что часто в тексте заголовка происходит использование сразу двух или более приемов языковой игры. Языковая игра в заголовках русско- и англоязычных СМИ, таким образом, может реализовываться бесконечно широко, в каких угодно объёмах.

Л.Р.Омарова (Махачкала, Дагестан)

РАЗВЕРНУТЫЕ ВАРИАТИВНЫЕ ПОВТОРЫ В ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Развёрнутые вариативные подходы (РВП) — это речевые средства реализации познания по спирали, когда новая информация накладывается на старую, стыкуясь в какой-то точке с предыдущей. Отталкиваясь от этого, новая информация делает следующий виток, при этом автоматически становясь старой. Основное знание или основной вариант (ОВ) заключает в себе опорное знание, обладающее первичной информативностью, а РВП представляет количественное увеличение объема смысловой информации, активизирующей восприятие адресата. По сути, РВП – это дополнительные варианты ОВ. Понятие развернутых вариативных повторов современная наука соотносит с научными текстами (М.Н.Кожина. Стилистика научного текста. – Изд-во Пермского университета, 1998, т. 2, ч. 2. С. 268), но, исследуя приемы воздействия на слушателей гомилетического слова, мы наблюдаем в старинных текстах православной проповеди продуктивную реализацию принципа РВП:

Я вижу сияющие отличия на груди твоей. И вижу в них или сияние добродетелей твоих, или блеск талантов полезных, или лучи заслуг знаменитых. Я зрю повелительный жезл в деснице твоей. И уразумеваю, что пасешь ты люди Божия

в преподобии и правде... Я зрю тебя посажена при ногу закона во святилища правосудия. И верую, что ты судишь людей в правду... (Амвросий архиепископ Тверской. Слово по случаю присяги избранных по Тульской губернии судей // Сборник проповеднических образцов. Второе издание. – С.-Петербург, 1912. С. 316)

Весь фрагмент построен на принципе РВП. Значимость предстоящей деятельности сначала определена проповедником как обычная чиновничья служба, подчеркнутая разговорным «я вижу». Но основное высказывание совершает движение по спирали и возвращается к точке «я вижу», где не просто отличия на груди, а добродетели, таланты, заслуги характеризуют чиновников. Затем новый виток и значимость усиливается — я зрю повелительный жезл — и чиновник превращается во власть предержащего, но РВП — я зрю тебя... при ноге закона — возвращает государственного мужа на путь исполнителя власти. Деятельность чиновников приобретает уровень великой государственной деятельности. А следующий РВП «верую» — накладывает новое знание, несравнимо увеличивающее значимость первичного ОВ: «Ты судишь людей в правду». Безусловно, чиновники, получившие такое наставление перед принятием присяги, должны были осознать свою значимость в развитии государства и приложить максимум усилий для реализации возложенного на них долга. Но не только в XVIII-XIX веках наблюдается использование РВП. Тексты значительно более ранних проповедей свидетельствуют о широком использовании приема РВП при композиционном развертывании информации. Обратимся к проповеди Иоанна Златоуста «Прощальная беседа» (Иоанн Златоуст «Прощальная беседа» // Сборник проповеднических образцов. Второе издание. – С.-Петербург, 1912. С. 316. С. 196).

ОВ – *Сильные волны, жестокая буря! Но я не боюсь потопления, ибо стою на камне. Пусть свирепствует море: оно не может сокрушить камня! Пусть свирепствуют волны: оне не могут поглотить корабля Иисусова! Скажите, чего бояться мне?*

РВП – *Христос со мною, кого мне бояться? Пусть поднимаются на меня волны, пусть море, пусть неистовство сильных! Сие для меня слабее паутины!*

Первичную информацию проповедник заявляет как главную цель повествования: *чего мне бояться*. РВП повторяет основную характеристику, используя практически одни и те же лексемы: *волны, море, неистовство, свирепствовать*. Но РВП несет в себе новое знание – ответ на главный вопрос (чего мне бояться): *ничего не боюсь, потому что Христос со мною*!

РВП воспроизводит смысловую характеристику ОВ и расширяет старое знание новым. К аллегорической картине *бури*, предъявленной в ОВ, в РВП проповедник вводит новый образ – *неистовство сильных*, переводя, таким образом, повествование от аллегории в плоскость реальных обстоятельств.

РВП является действенным средством познавательного процесса, взаимодействия старого и нового знаний, средством реализации коммуникативной и эвристической функций языка. Широкое использование РВП обусловлено прагматическими причинами установления коммуникативного контакта адресанта и адресата, особенностью восприятия информации «на слух». РВП (наряду с внутренней диалогизацией, экспрессивностью и другими приемами) выступает как доминирующий признак речевой организации жанра православной проповеди.

Аспирант Я.В.Пысина (Ульяновск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В ПСАЛТЫРИ
(на материале русского и английского вариантов)

Настоящая статья посвящена методологическим аспектам исследования речевого выражения оптимизма и пессимизма в Псалтыри. Целью исследования является выяснение соотношения оптимизма и пессимизма в текстах Псалтыри с опорой на их речевое выражение.

Таким образом, перед исследователем стоят следующие задачи: 1) последовательное рассмотрение исследуемого положительного материала на предмет содержания тех или иных лингвистических показателей оптимизма или пессимизма; 2) верификация результатов посредством проективных методик; 3) сопоставление результатов исследования русского и английского вариантов Псалтыри с привлечение статистического, сравнительного и др. методов.

Как известно, в методологии различаются три иерархически расположенных уровня: философский, общенаучный, конкретно-научный [Словарь практического психолога 1998: 295].

Исследование речевого выражения оптимизма и пессимизма в Псалтыри в плане философской методологии опирается на универсальную схему научного исследования, предложенную русским философом А.А.Гагаевым [А.А.Гагаев 1991; 1994] и популяризованную профессором А.В.Пузырёвым в ряде работ [А.В.Пузырёв 1995; 2002; 2006]. В плане общенаучном – на общелингвистическую методологию, предложенную А.В.Пузырёвым (в частности, данная методология базируется на необходимости различать уровни мышления, языка, речи и коммуникации). В плане конкретно-научной методологии нами привлечены известные в лингвистике методы: статистические методы, метод наблюдений, сравнительный метод и др.

Говоря о философском аспекте взятой для рассмотрения темы, следует иметь в виду, что оптимизм и пессимизм (от лат. optimus – наилучший и pessimus – наихудший) – это понятия, характеризующие ту или иную систему представлений о мире с точки зрения выраженного в ней позитивного или негативного отношения к сущему и ожиданий от будущего [Философский энциклопедический словарь 1983: 462].

Укажем на толкование оптимизма и пессимизма, данное Л.Н.Гумилёвым различным типам мироощущения по их отношениям к усложнению/упрощению систем: «Мироощущение негативное – отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к упрощению систем. Мироощущение позитивное – отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к усложнению систем» [Л.Н.Гумилёв 1997: 607]. Иными словами, оптимизм и пессимизм являются важнейшими характеристиками любой саморазвивающейся системы, являются знаками её самоорганизации (оптимизм) или саморазрушения (пессимизм).

Относительно оптимизма/пессимизма христианского вероучения у философов единого мнения нет. С одной стороны, некоторые философы утверждают исторический оптимизм христианства: «Христиане считают, что жертва {Христа}

<…> является божьей и дающей человечеству надежду на обновление Завета с Богом» [О.Н.Кучер 2004: 22]. Согласно приведённому суждению, христианин оптимистичен.

С другой стороны полагают, что христианство по своей сути пессимистично. Известный американский психолог и философ Уильям Джеймс (Джемс) ещё в 1902 году заявил о том, что пессимизм является неотъемлемым элементом теологии христианства. По его мнению, «в религиозной жизни еще больше, чем в моральной, счастье и страдание представляют два полюса, вокруг которых группируются все наши помыслы» [У.Джеймс 1992: 74]. В статье В.П.Визгина о воззрениях Фридриха Ницше на христианство прямо говорится об упадническом влиянии христианства на человека и культуру [В.П.Визгин 2000: 60].

В качестве материала исследования на русском языке выступают тексты Псалтыри (псалмы) в Синодальном переводе Библии, ставшим каноническим для Русской Православной Церкви. Хронологически и стилистически сопоставимым с ним вариантом Библии на английском языке является перевод Джона Нельсона Дарби – Darby Translation – изданный в 1890 (по некоторым источникам в 1871) году.

Переходя к общелингвистическому аспекту темы, следует помнить, что лингвистическое исследование, претендующее на всесторонность рассмотрения проблемы, должно опираться в качестве исходного на разграничение уровней мышления, языка, речи и коммуникации (см.: [А.В.Пузырёв 2002]). Использование этой тетрахотомии имеет все основания оказаться плодотворным способом проникновения в языковую организацию языка Псалтыри в плане выраженности в ней оптимистического и пессимистического начал.

На уровне мышления феномены оптимизма и пессимизма лучше всего разграничивать на основе исследования М.Э.П.Зелигмана и его учеников [М.Э.П.Зелигман 1997]. По мнению исследователей, следы пессимизма можно выявить в речи: особый, пессимистический, склад мышления выражается в речи человека в виде определённого стиля выражения. Негативные представления о будущем, о себе и о мире происходят оттого, что человек считает причины плохих событий постоянными, широко распространенными и личными, а причины хороших событий – противоположными (т.е. недолгими, ограниченными ситуацией и исходящими извне) [М.Э.П.Зелигман 1997: 95]. Исходя из выше сказанного, профессор М.Зелигман предлагает следующие параметры стиля объяснения: постоянство, широта и персонализация [М.Э.П.Зелигман 1997: 72-73].

Параметр постоянства характеризуется константным проявлением того или иного аспекта, события жизни; параметр широты – пространственная характеристика; универсальные объяснения приводят к беспомощности во многих ситуациях, а конкретные позволяют ограничить зону проявления беспомощности областью неприятности; параметр персонализации характеризуется тем, оцениваем ли мы причины неприятностей как исходящие от нас самих (изнутри) или от внешних источников (извне): локус контроля представляется здесь существенным, определяющим понятием.

В настоящее время в психологии распространена концепция о двух типах ответственности (так называемая «теория локуса контроля»), введённое в психологию представителем американской ветви бихевиоризма Дж. Роттером. Ответ-

ственность первого типа это тот случай, когда личность возлагает на себя всю ответственность за происходящее с ней в жизни (интернальный локус контроля). Ответственность второго типа связана с ситуацией, когда человек склонен считать ответственными за все происходящее с ним либо других людей, либо внешние обстоятельства (экстернальный локус контроля) [Л.Д.Столяренко 2000: 190]; см. также [Д.П.Шульц, С.Э.Шульц 1998: 34; В.Г.Крысько 2004: 204-205].

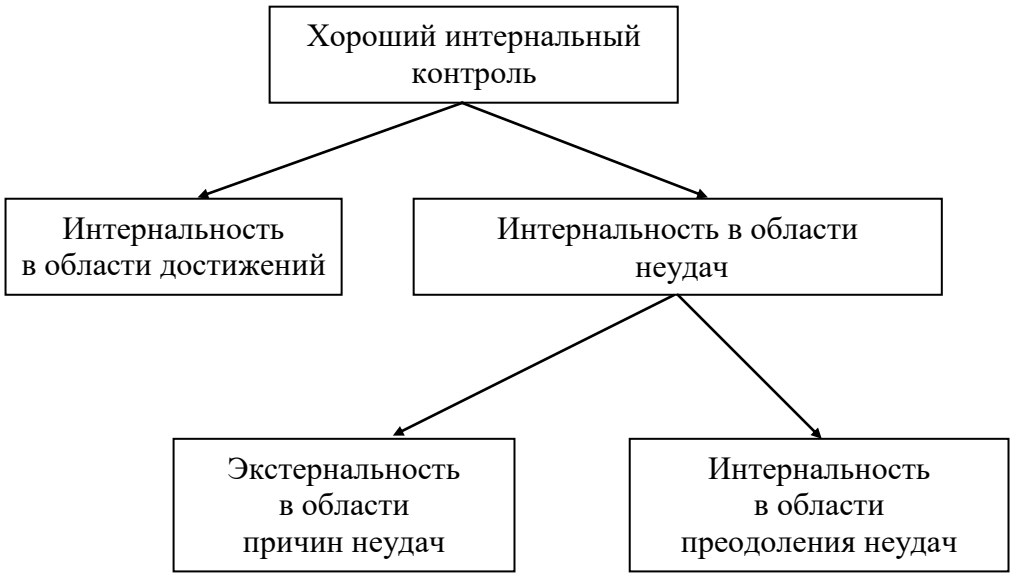
Несомненным является тот факт, что осмысленность жизни, уверенность в своих силах, стабильность психологического состояния чаще всего связаны с понятием интернального локуса контроля.

Кроме того, не должна игнорироваться идея стабильности-вариативности (в терминах проф. М.Зелигмана – параметры постоянства и широты): следует дифференцировать интернальность в области неудач, связанную с вариативным компонентом, и интернальность в области неудач, связанную со стабильным компонентом.

На уровне метаязыкового мышления полезной может оказаться схема оптимального локуса контроля [Л.Д.Столяренко 2000: 193].

На следующем уровне вышеуказанной тетрахотомии (мышление – язык – речь – коммуникация) – уровне языка – мы исходим из положения, что язык – это система знаковых единиц и правил их использования [Языкознание 1998: 605], а оптимизм и пессимизм – своего рода регистры использования языка. Оптимистический и пессимистический стили объяснения можно сравнить с мажорной и минорной тональностью в музыке.

Есть все основания предполагать, что у различных стилей объяснения различным образом будут использоваться и языковые средства.

Следующий уровень анализа, принятый в нашем исследовании – уровень речи. Речь в данном случае выступает в качестве конкретного, функционального, материального проявления языка. На уровне речи нами исследуются тексты Псалтыри на предмет выявления в них оптимистического и пессимистического стилей объяснения.

Конечно, исследование на уровне речевой реальности должно основываться на использовании методов и приёмов статистического анализа. Но перед тем как считать, важно определиться с вопросами, зачем, что и как считать.

Ответ на вопрос, зачем считать, нами уже сформулирован – для выяснения преобладания оптимистического или пессимистического стилей объяснения в Псалтыри.

Ответ на вопрос, что считать, – является более сложным. Полагаем, что анализу должны подвергаться высказывания, т.е. минимальные самостоятельные единицы речи, «речевые знаки, означающим которых является лексико-грамматико-интонационная структура предложения, а означаемым – соотносящийся с ним отрезок действительности со всеми его элементами, характеристиками, связями, условиями общения и т.п.» [Языкознание 1998: 90]. Для исследования отобраны исключительно повествовательные высказывания в изъявительном наклонении.

Для ответа на вопрос, как считать, полагаем необходимым обратиться к методике контент-анализа в качестве опорной. Данная методика разработана доктором психологических наук З.И.Гришановой и Е.В.Левченко для определения психического здоровья [З.И.Гришанова, Е.В.Левченко 2002: 28-30] и успешно применена С.А.Байшевой для определения степени речевой выраженности оптимизма/пессимизма на материале дневников Л.Н.Толстого [С.А.Байшева 2005: 146-151].

З.И.Гришанова, Е.В.Левченко предлагают следующие категории контент-анализа: принятие ответственности за свою жизнь, принятие себя, умение жить в настоящий момент, осмысленность индивидуального бытия, принятие других. В контексте данного исследования наибольший интерес представляют категории: 1) (в параметре постоянства) умение жить в настоящий момент; 2) (в параметре персонализации) принятие ответственности за свою жизнь, осмысленность индивидуального бытия, принятие других.

Авторы указанной методики, при содействии учителя русского языка и литературы О.В.Потемкиной, выделяют целый ряд лингвистических характеристик текста, свидетельствующих о наличии/отсутствии выше указанных категорий. Среди них: пассивные грамматические конструкции (с подлежащим или без него), страдательный залог, выражаемый страдательными причастиями или с помощью постфикса -ся или, напротив, активные конструкции (для категории принятия ответственности); упоминание о бессмысленности своей жизни или, напротив, наличие чётких планов на будущее, намерений, упоминание о наличии смысла в своей жизни (для категории осмысленности бытия); конструкции с использованием прошедшего времени, упоминание о прошлом с сожалением или, напротив, конструкции с использованием настоящего времени (для категории умения жить в настоящий момент); жалобы, обвинения в адрес других, противопоставление себя им (для категории принятия других).

Выделенные категории контент-анализа использовались в ходе лингвистического анализа по параметрам персонализации и постоянства; кроме того, мы исходили из непосредственного семантического содержания высказывания и дополнительных (не указанных выше) лингвистических и экстралингвистических показателей, которые кажутся оправданными и необходимыми в контексте исследования. Эти показатели следующие:

1) вид глаголов, причастий и деепричастий (совершенный/несовершенный) в параметре постоянства: несовершенный вид обозначает действие в его течении,

совершенный – ограниченное пределом действие [Д.Э.Розенталь 1992: 109, 125, 133];

2) лексические показатели, прямо свидетельствующие в пользу параметра (например, наречие «вовеки» говорит в пользу продолженности действия). Профессор И.Г.Милославский замечает, что в спорных решениях о продолженности действия необходимо прибегнуть к «лексическим указателям однократности, повторяемости, постоянности действия [И.Г.Милославский 2002: 113];

3) наличие личных и притяжательных местоимений, и др. в параметре персонализации (помимо страдательных конструкций и т.п.), – позволит установить, выступает участник речевой ситуации как агенс или как пациенс;

4) контекст и фоновые знания. Как справедливо указывает И.Г.Милославский, «в сложении значений участвуют не только те значения, которые имеют в тексте формальное, эксплицитное выражение, но и те, которые <…> принадлежат знаниям о конкретной ситуации, а также знаниям о жизни вообще» [И.Г.Милославский 2002: 114].

В качестве иллюстрации используемых приёмов работы с текстами Псалтыри приведём несколько примеров. Продемонстрируем анализ по указанной методике на примере некоторых высказываний на русском языке.

Ради братьев моих и ближних моих говорю я: "мир тебе!" (Псалом 121:8)

Представленное высказывание положительного характера характеризуется активной позицией автора: об этом свидетельствуют активный залог глагола в сказуемом (говорю), наличие личного местоимения в именительном падеже (я).

Контекст (пожелание мира и процветания Израилю) позволяет отнести это явно позитивное высказывание к универсальным.

Завершая анализ данного высказывания, можно сказать, что действия в нём – постоянны: об этом мы можем судить по видовой характеристике глагола (сказуемого), здесь это – глагол несовершенного вида в настоящем времени (говорю), и контексту высказывания (см. Псалом 121).

Таким образом, общая условная оценка данного высказывания равна «+3».

Применим методику к другому высказыванию, взятому из русскоязычной Псалтыри:

Ибо нет в устах их истины: сердце их – пагуба, гортань их – открытый гроб, языком своим льстят. (Псалом 5:7)

Прежде всего, следует указать, что автор данного высказывания с отрицательным смыслом выражает резко негативную оценку окружающих, их неприятие (нет в устах их истины, сердце их – пагуба и т.д.), что в параметре персонализации является негативным фактором при оценке высказывания.

Далее, в представленном высказывании отсутствует ситуативное ограничение: данное негативное высказывание имеет обобщающий характер.

Наконец, все предикаты данного негативного высказывания представлены нулевыми глаголами-связками «быть» в настоящем времени (Ср.: сердце их есть пагуба), что, с учётом контекста, свидетельствует о постоянстве.

Иными словами, если бы за каждый параметр мы решили ставить условную оценку, приведённое выше высказывание, несомненно, получило бы оценку «–3».

Для демонстрации методики исследования на материале английского языка проведём анализ по известной схеме, предварительно сделав несколько попутных замечаний грамматического характера.

В рамках указанных выше категорий ряд характеристик текста будет соответствовать характеристикам на русском языке (например, страдательному залогу и страдательным причастиям соответствует т.н. Passive Voice и Participle II; будущему времени соответствуют времена Future, и т.д.).

Дополнительные языковые и метаязыковые показатели, не выделенные Е.В. Левченко и З.И. Гришановой, но могущие оказаться существенной опорой в процессе анализа:

1) времена Perfect, Continuous, Perfect Continuous – завершённость, законченность, ограниченность во времени (за исключением некоторых моментов),– и Simple (постоянство в основном значении) в параметре постоянства.

Здесь необходимо сделать одно попутное замечание: значение времён Simple (Indefinite) нерегулярно, и их учёт в оценке параметра постоянства зависит от контекста и лексических показателей [К.Н.Качалова, Е.Е.Израилевич 1997: 113];

2) лексические показатели, прямо свидетельствующие в пользу параметра. Например, адвербиал at all times в высказывании I will bless Jehovah at all times говорит в пользу продолжительности действия (см. выше);

3) личные и притяжательные местоимения с предлогами и без них, и др. в параметре персонализации (см. выше);

4) контекст, фоновые знания (см. выше).

Проведём анализ некоторых высказываний, отобранных из Псалтыри на английском языке, чтобы продемонстрировать описанную выше методику.

Высказывание получает условную оценку «+3», если оно оптимистично по всем трём параметрам:

I will be glad and rejoice in thee; I will sing forth thy name, O Most High. (Psalm 9:2)

В данном высказывании позитивного характера ответственность за свои действия автор берет на себя (показатели: активный залог сказуемого I will be glad and rejoice; I will sing, личное местоимения I в позиции подлежащего), и высказывает при этом намерения и планы (осмысленность личного бытия). Т.е., статус высказывания по параметру персонализации – положительный.

Опираясь на контекст (выражение радости и прославление божества), мы можем отнести это положительное по смыслу высказывание к универсальным: конкретизирующих ограничений ситуативного характера не наблюдается.

Наконец, грамматическое время Future Simple свидетельствует о постоянстве, что также подтверждается лексическими показателями (sing forth).

Проведём анализ другого высказывания:

But I am a worm, and no man; a reproach of men, and the despised of the people. (Psalm 22:6)

Данное негативное по смыслу высказывание содержит негативную оценку автором самого себя, согласно которой он выступает в жалкой, уничижительной, и даже пассивной позиции (I am a worm; …a reproach of men; пассивное причастие…the despised of people), что относит высказывание к персонализации с отрицательным знаком.

В высказывании выражается постоянство, и его можно отнести к универсальным, поскольку в нём не имеется никаких ограничивающих время или пространство факторов.

Таким образом, приведённое выше высказывание получает условную оценку «–3», приобретая тем самым статус пессимистичного.

Нетрудно заметить, что психологическая доминанта высказывания немедленно выражается в лингвистическом корпусе текста, что позволяет сделать вывод о непосредственной её [доминанты] связи с её же речевым выражением в виде конкретных и константных лингвистических показателей.

Приведённые примеры показывают, что метод параметров профессора М.Зелигмана и методика контент-анализа З.И.Гришановой, Е.В.Левченко (с логически оправданными дополнениями) позволяют определить степень речевой выраженности оптимистической или пессимистической модальности высказывания (в данном случае – в тексте Псалтыри) на морфосинтаксическом уровне с опорой на лексику и семантику.

Заключительный уровень указанной выше тетрахотомии (мышление – язык – речь – коммуникация) – уровень коммуникации – индивидуализирующий, уровень «единичного». Говоря о коммуникации как о «единичном», мы имеем в виду именно субъективность восприятия в позитивном смысле этого слова: каждый отдельно взятый индивид уникален и воспринимает действительность никак иначе, чем через призму собственных представлений и взглядов.

Исходя из этого, во избежание разночтений и неточностей, мы предлагаем придерживаться научного подхода и строгой методики, представленной выше, предоставив последнее слово проективным методикам (например, методу ассоциативного эксперимента) как одному из воплощений уровня коммуникации. Именно коммуникация – как «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями» [Языкознание 1998: 233] – позволит свести результаты к некому общему знаменателю.

В качестве резюмирующего положения к данной работе выдвигается следующее: благодаря своей универсальности предлагаемая система позволяет охватить в полной мере проблему оптимизма и пессимизма на всех онтологических (в т.ч. лингвистическом) уровнях, что обеспечивает всесторонность и полноту исследования. Методологическая ориентированность работы гарантирует её адекватность и объективность, обеспечивая соответствие идеалам достижения научного знания.

Цитируемая литература:

Байшева С.А. Речевое выражение оптимизма и пессимизма в дневниках Л.Н.Толстого (1853, 1910 годы) // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты (Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции, Пенза, 11-14 мая 2005г.).

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические. М., 1994

Визгин В.П.. Жизнь и ценность: опыт Ницше // Жизнь как ценность. М., 2000.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск: Изд-во Морд.ГУ, 1991.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании: К вопросу о понятии «субстрат» в классической, неклассической, постнеклассической науке и метафизике. Саранск: Изд-во Морд. Ун-та, 1994.

Гришанова З.И., Левченко Е.В. К вопросу о диагностике психического здоровья личности // Психологическая газета. Январь 2002. № 1 (76).

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997.

Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992.

Зелигман М.Э.П. Как научиться оптимизму: Советы на каждый день. М., 1997.

Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Грамматика английского языка. М., 1997.

Крысько В.Г. Социальная психология: словарь-справочник. Минск, 2004.

Кучер О.Н. Христианство. История и современность. Ростов н/Д, Харьков, 2004.

Милославский И.Г. Культура речи и русская грамматика: Курс лекций. М., 2002.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М., Пенза: Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. Пенза: ПГПУ имени В.Г.Белинского, 2002.

Пузырёв А.В. Об одной из важнейших проблем психологии, не вошедших в вузовские учебники // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты (Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции, Ульяновск, 17-20 мая 2006г.).

Розенталь Д.Э. Русский язык: Пособие для поступающих в вузы. 3-е изд., перераб. М., 1992.

Словарь практического психолога / Сост. С.Ю.Головин. Мн., 1998.

Столяренко Л.Д. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону, 2000.

Философский энциклопедический словарь / Гл.редакция: Л.Ф.Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М.Ковалёв, В.Г.Панов. М., 1983.

Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб., 1998.

Языкознание: Энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н.Ярцева. 2-е изд. М., 1998.

Murphy, Raymond. English Grammar in Use: a self-study reference and practice book for intermediate students, with answers. Cambridge, New York, Melbourne, Sydney, New Rochelle, 1988.

The Holy Bible (Darby Bible). London, Logos Research Systems, 1996.

Канд. филол. наук Т.Г.Ренц (Волжский)

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЮБОВНОГО ДИСКУРСА

Изучение межличностной коммуникации, понимаемой как процесс обмена сообщениями и их интерпретации двумя или несколькими индивидами, вступившими в контакт друг с другом, предполагает также рассмотрение такой ее формы как интимно-личностные отношения (интимный от фр. *Intime* – интимный, близкий; в настоящей работе используется в значении «глубоко личный»). В общении двух индивидов – мужчины и женщины, возникает психологическая близость, до-

верительность, большая чувствительность к состояниям друг друга, а эффекты коммуникации состоят в сближении или расхождении их собственных позиций на чувства партнера. В интимно-личностных отношениях общение «провоцируется» проблемными ситуациями, возникающими в присущих для этих отношений различных жанрах, например, жанре знакомства, ухаживания (сближения), признания в любви, узнавания друг друга и т.д. Процесс общения в каждом из жанров в психологическом смысле представляет собой процесс решения конкретной коммуникативной задачи. Следует подчеркнуть, что последовательность жанров субъективна и индивидуальна для каждой пары влюбленных, как и мотивы, формирующие их коммуникативные намерения. Инициатор категориальной эмоциональной ситуации четко представляет общий замысел любовного дискурса, в то время как его информативное наполнение, а также внешняя форма, которую примет его будущее высказывание, остаются для него неясными (Французский структуралист и семиотик Ролан Барт (Barthes, Roland) (1915–1980) впервые использовал термин «любовный дискурс» в своей книге «Фрагменты речи влюбленного» («*Fragments d'un discourse amoureux»*). – М.: Ad Marginem, 1999. - 432с.). Исследование показывает, что, в зависимости от речевого жанра, в котором происходит развертывание высказывания, любовный дискурс может принимать форму эмоционального спонтанного монолога, например, в жанре объяснения в любви, однако, в бóльшей степени этот тип дискурса характеризуется диалогической формой речи. При обмене репликами субъектов интимно-личностного общения осуществляется постоянный контроль реакций партнера с дальнейшей корректировкой собственного речевого поведения. В интимно-личностной коммуникации между партнерами происходит нечто большее, чем просто передача и восприятие слов: речевая деятельность влюбленных представляет собой кодовые сигналы, которые переносят от человека к человеку насыщенную мыслями информацию, способствуя развитию коммуникации идей и чувств. Анализ показывает, что в реальном общении влюбленных речевые действия развертываются одновременно с неречевыми, которые играют отнюдь не второстепенную роль в интимно-личностных отношениях: любящие люди обычно понимают друг друга «с полуслова» или вообще без слов. Таким образом, любовный дискурс субъективен, индивидуален и характеризуется специфическими особенностями, присущими отдельным речевым жанрам. Его формирование и языковую репрезентацию следует рассматривать в совокупности с невербальными средствами коммуникации.

Канд. филол. наук И.Г.Родионова (Пенза)

ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ: ЯВЛЕНИЕ ПАРОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ

Особенностью функционирования языка современности является возрастающая роль текстов газетно-публицистического стиля, важное место в которых принадлежит заголовкам. Заголовочные конструкции, с одной стороны, привлекают внимание читателей к тексту, а с другой – дают представление о предмете публикации. Поэтому от того, насколько ярким, эмоциональным, необычным будет заголовок, зависит успех того или иного материала.

Одним из способов придания выразительности заголовочным конструкциям, а следовательно, и привлечения внимания читателей является использование в них звуковых повторов.

В лингвистической литературе выделяются следующие виды звукового повтора: звукоподражание, аллитерация, ассонанс, паронимия, паронимическая аттракция (Н.Н.Вольская 1999: 13). Предметом нашего анализа является **паронимическая аттракция** – смысловое сближение слов на основе их звукового сходства. Природа паронимической аттракции основана не на случайном сходстве слов на фоне очевидного различия, а на их «очевидном» сходстве, создающем семантическую аттракцию (Р.Г.Кадимов 1985: 6): *«Беловик человека. Рождается новая наука – медицинская геномика»*, *«Попугаи напугают»*.

Дадим комментарий фонетических, лексических, морфологических и синтаксических условий функционирования паронимической аттракции в газетных заголовках. Материалом исследования послужили заголовочные конструкции, извлеченные из газет: «Комсомольская правда», «Российская газета», «Новая газета» и других – за 2004 – 2005 гг.

Важным **фонетическим** условием функционирования паронимической аттракции является положение совпадающих согласных звуков в словах. Наиболее сильной позицией, способствующей большему семантическому сближению коррелятов, считается позиция начала слова: *«ГАИ на гайки»*, *«Заезжие биты и московские битые»*.

Для паронимической аттракции важными являются **лексические** характеристики. Так, коррелятами могут являться все группы лексики, в том числе имена собственные: *«Каким путем идти к Путину»*, *«Останки от «Останкино»*, *«Дед ЕГЭ вместо бабы Яги»*, заимствования: *«Не намаз, а отмазка чекистов»*.

На основе паронимической аттракции в газетных заголовках строятся отношения контекстуальной синонимии и антонимии: *«Михаил Веллер: козни и казни от Ромула до наших дней»*, *«Юлию Гусману – 60. От прокола до прикола один шаг»*.

Морфологические особенности паронимической аттракции в заголовочных конструкциях связаны с неодинаковой паронимической валентностью разных частей речи. Так, наиболее легко вступают в паронимические отношения имена существительные и глаголы: *«Покупая жильё, не нарвитесь на жульё»*, *«Прощание после прощения. Женщин-матерей освободят от заключения»*, *«Приватизация: уметь иметь»*, *«Тузы и дамы доведут до драмы»*.

Говоря о **синтаксических** условиях функционирования паронимической аттракции, отметим, что самыми частыми являются позиции, выражающие предикативные отношения: *«Коровяк не краковяк»*, *«Шестой канал не проканал»*. Образное сближение созвучных слов, связанных предикативными отношениями, позволяет говорить о текстообразующей функции паронимической аттракции. Реже паронимическая аттракция выражает объектные отношения: *«Завалить валлийцев»*, *«Дым для дам»*. В качестве коррелятов паронимической аттракции могут выступать однородные члены: *«Поэтика и патетика»*, *«Безупречная леди в думе и дома»*, *«Шок и шоу. Во время войны звезды опускаются на землю»*.

Корреляты паронимической аттракции, как правило, находятся в пределах одного предложения: *«Брюки на брюхе»*, *«В ипотеке как в аптеке»*, *«Золотой ус:*

от ацтеков до аптеки»; и очень редко разных предложениях: *«Герой? Вот тебе героин»*.

Таким образом, паронимическая аттракция, являясь разновидностью звукового повтора, выполняет в заголовочных конструкциях текстов газетно-публицистического стиля эстетическую функцию, при этом каждый компонент паронимической корреляции в равной степени является источником смысла.

Аспирант К.М.Романова (Екатеринбург)

ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ ОБ ИТАЛЬЯНЦАХ

Несмотря на то, что современный мир становится все более доступным, размываются политические границы, процессы глобализации пронизывают фактически все сферы деятельности современного общества, люди продолжают мыслить стереотипно. Возможность путешествовать, расширять межкультурные коммуникации все же не может полностью разрушить определенные стереотипы, связанные с другими нациями. У каждого народа, каждой нации есть свои собственные представления об окружающем мире, о людях, о представителях другой культуры.

Стереотипы как мнение о личностных качествах группы людей могут быть чрезмерно обобщенными, неточными и резистентными к новой информации. Основной характеристикой стереотипа является его детерминированность культурой.

Отмечая национальную специфику каждого народа, в нее включают: самосознание, привычки, вкусы, традиции, связанные с национальными чувствами, национальную культуру, быт, национальную гордость и национальные стереотипы в отношении к другим народностям. У большинства людей существуют весьма устойчивые этнические стереотипы по отношению к определенному национальному характеру.

Этнический стереотип – это устойчивое представление, мало согласующееся с теми реалиями, которое оно стремится представить, и вытекающее из присущего человеку свойства сначала определить явление, а потом уже его пронаблюдать. С этническим стереотипом связано понятие гетеростереотип - стереотип, относящийся к другому народу.

В итальянском языке существуют два понятия для обозначения стереотипа: stereotipo e luogo comune. Stereotipo ” (греч. stereos – твердый, typos - отпечаток) – упрощенное, искаженное восприятие реальности, a luogo comune – «избитая», готовая фраза (см. Dizionario etimologico della lingua italiana.- Bologna:Zanichelli,2002). Поэтому, говоря о гетеростереотипе, следует употреблять luogo comune. Ниже приведем наиболее распространенные гетеростереотипы об итальянцах и их мнение об этих высказываниях (по материалам итальянской прессы):

1) «итальянцы постоянно едят спагетти» – сами итальянцы подтверждают правдивость этого стереотипа, добавляя, что только в Италии умеют правильно готовить спагетти;

2) «итальянцы должны считаться с мафией» – по мнению жителей Италии, этот стереотип устарел и был верен в 60-70гг XXв.;

3) «итальянцы постоянно пьют кофе и являются страстными поклонниками футбола» – оба этих высказывания правдивы.

Таким образом, можно сказать что, гетеростереотипы могут быть подразделены на точно передающие реалии народа, устаревшие представления и не адекватно передающие действительность.

Канд. филол. наук Е.Н.Сердобинцева (Пенза)

ЯЗЫКОВАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЧУЖОЙ – СВОЙ» В АВИАЦИОННОЙ ЛЕКСИКЕ ПЕРИОДА 1941-1945 ГГ.

Проблема существования в языке оппозиции «свой – чужой» была выдвинута М.М.Бахтиным в 30-е годы XX века и привлекла к себе интерес многих лингвистов, не ослабевающий до сих пор (см.: Арутюнова Н.Д. 1998; Пеньковский А.Б. 1989; Пузырёв А.В. 2001; Цивьян Т.В. 2005; Йокояма О. 2005 и многие другие). Противопоставление «своего» и «чужого» в речевой коммуникации выступает важнейшим началом для развития коннотативных сем в слове, которые определяют социальную позицию говорящих. Выявление такой позиции было произведено на основе профессиональной авиационной лексики, относящейся к периоду 1941-1945гг.

Профессиональные наименования в оппозиции «свой», несут положительную эмоционально-оценочную окраску. Одним из наиболее эффективных и надежных отечественных самолетов в годы войны был бронированный штурмовик ИЛ-2. Профессионализмы отражают характеристики машины: *двужильный, бомбардир, летающий танк, летающая крепость, чёрная смерть* (последнее название содержит негативные семы, относящиеся к врагу).

Многофункциональный самолет Пе-2, используемый как бомбардировщик, разведчик, истребитель, сыграл выдающуюся роль на фронтах Великой Отечественной войны. Этот самолет летчики ласково называли *пешкой*, *штурмовичком*, шутливо *воздушным хулиганом.* Похожую эмоционально-экспрессивную окраску получили профессионализмы, называющие самолеты-разведчики Р-5 – *крылатый чертёнок* и Р-6 – *эрушка.*

Технически устаревший, несовершенный в конструкции У-2 широко использовался в качестве учебного самолета. У него было много шутливо-ироничных названий: *фанера, фанерная тарахтелка, этажерка, кофейная мельница*, к которым примыкали ласкательное – *уточка* и уважительное – *старушка*. Кроме учебных целей, У-2 применялся как легкий ночной бомбардировщик. Одну из модифицированных моделей этого самолета – ПО-2 – добродушно называли *отважным воробьем*, ласково добавляли *ласточка*, шутливо именовали *лимузином*, *небесным тихоходом.*

В оппозиции «чужой» в профессиональной речи военных летчиков отмечается безусловное преобладание негативной оценки объектов противника. Немецкие самолеты называли пренебрежительно *немец;* в номинациях *слоновик, лапотник, лаптежник* (самолет Ю-88); *пузатый* (самолет Ю-52), *мессер, месс* (самолет МЕ-109Е), *стервятник, ломовик* (самолет немецкой авиации) к пренебрежительной прибавляется уничижительная эмоциональной окраска, которая выражает общее отношение: врага не боятся, его презирают. На фашистов шла *охота* (полет с це-

лью поиска противника и уничтожение боевых точек противника), как на зверей. *Охотник* (самолет, совершающий боевой вылет для поиска противника) искал их тщательно, *прочёсывая, проутюживая* воздушное пространство, *рыская* над территорией дислокации противника. После его обнаружения район *чистили* (бомбили, обстреливали), *шарахая* (сбросить бомбу, бомбить) врага.

Эмоции страха, естественно возникающие в ситуациях, связанных с угрозой жизни, часто маскировались иронией: вместо «сбить самолет противника» говорили *снять*, а количество сбитых самолетов врага именовали *лицевым счетом летчика*.

Профессиональная лексика летчиков Великой Отечественной войны содержит прямо противоположные эмоционально-оценочные семы категорий «свой» и «чужой», подтверждая объективность существования данной оппозиции в языке.

Докт. филол. наук С.А.Сухих (Краснодар)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДИСКУРСА РУССКОГО РОКА

Современная лингвистика, преодолевая имманентность своей модели, расширяет сферу научного поиска до исследования соотношений языкового знака со знаковым пространством сознания языковой личности. Продолжая данную исследовательскую тенденцию, существует необходимость изучения семиотической организации бессознательного.

Исследование данной проблемы имеет уже небольшую традицию, прежде всего в работах Спивака Д.Л.(2000), Сухих С.А.(2006), Ушаковой Т.Н.(2006). Однако необходима разработка методологии и операциональных процедур изучения одного из сложнейших феноменов человеческой психики. Релевантными для исследовании бессознательного могут оказаться представления Руднева В.П.(2005) о бессознательном психотика, главной особенностью которого является искажения соотношения между вещами и знаками и их значениями, т.е. имеет место психотическая семиотика. Главная особенность её, по мнению П. Кюглера (2005), заключается в сходстве подсознательных ассоциаций образа и звука, т.е. тенденция бессознательного конструировать образы в соответствии с фонетическими структурами. В центре же комплекса ассоциаций лежит архетипический образ. Это соответствует парадоксальной фазе состояния сознания в нейрофизиологии, т.е. в измененном состоянии сознания языковая форма становится значимой, тогда же, как в бодрствующем состоянии форма прозрачна, а семантика слова значима.

Данные методологические установки позволяют понять построение и воздействие дискурса русского рока. В качестве рабочей гипотезы принимается положение о том, что в измененном состоянии сознания (ИСС) у человека выключаются логические фильтры и происходит регрессия на более раннюю стадию организации сознания – дологическую.

В экспериментальной работе принимали участие посетители рок-концертов. Операциональная составляющая исследования представлена свободным ассоциативным экспериментом, психолингвистическим анализом текстов.

Дискурс русского рока (ДРР) является разновидностью мифологического дискурса, главной особенностью которого выступает амбивалентность прочтения

или открытость любой ассоциативной интенции, отчуждающей человека от естественных концептов языка, доминантность правополушарной логики. В ДРР транслируются мифологемы отдельных культов: силы, техники, отрицания Бога, «путь героя» – эстетизация насилия, и непристойности.

ДРР можно представить как субъект (наличная ситуация, контекст) и предикат (что нужно делать), герой мифа – бунтарь, скиталец. Мифология русского рока формирует неформальную субкультуру молодежи, которая обусловлена возрастной спецификой подростков.

Основная мифологема ДРР – «путь героя». Безумие аналогично путешествию, которое может приводить к возрождению или смерти, что приравнивается в мифологическом описании угрозам существованию. ДРР предлагает бегство в иную реальность, священное безумие. Художественный экстаз подменяет рационализированную реальность. Однако конечный пункт пути – возвращение домой, т.е. обретение идентичности.

Свободный ассоциативный эксперимент на выборке в количестве 40 человек в возрасте 15-24 года проводился до концерта и после. В ассоциациях до концерта преобладали парадигматические модели реагирования, типа: *небо – облака, пиво – алкоголь*. После концерта в реагировании преобладали две стратегии – синтагматическая, антонимическая. Отмечен высокий уровень вербальной агрессии, а также фонетические ассоциации, типа: *кисть – жесть, грусть, месть*. Значительно уменьшились реакции с абстрактной семантикой, падение времени реагирования, возрастание стереотипности.

Респонденты характеризуются словоохотливостью, нечленораздельностью звуков и выкриков, сбивчивость высказываний, эгоцентричности, преобладание конкретной лексики.

Гипнотическое состояние, вызываемое рок-музыкой, сопровождается нервно-чувственным возбуждением за счет трансляции депрессивных установок, что может приводить к эмоциональным нарушениям и усилении тенденции к самоубийству, бегству в иную реальность.

Канд. филол. наук Т.П.Чепкова (Москва)

СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТОВ И ИХ ОТТЕНКОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Начало XXI века характеризуется увеличением доли составных наименований (далее СН) в системе цветообозначения, что приводит к расширению возможностей говорящего при выборе цветообозначения. В группе цветонаименований действуют две противоположные тенденции. Первая связана с увеличением количества искусственно создаваемых СН, задача которых – дать экспрессивную характеристику какому-либо цвету или его оттенку в обход номинации: *огненный танец, сладкий персик, солнечный коктейль.* Подобные составные наименования обладают широкими прагматическими возможностями и обычно появляются в текстах рекламного характера – каталогах, проспектах и т.п. Ср. названия косметических товаров: *горячая ягода, восточные пряности, серебристый звон, мягкий бархат, свежее утро* и т.п. При создании подобных названий рекламодатели намеренно используют более крупные в сравнении со словом единицы, поскольку

они обладают явным прагматическим потенциалом и способны внушить пользователю более сложный комплекс положительных ассоциаций.

С этой целью часто используются СН, построенные по модели «предмет и его признак» и служащие для создания позитивной характеристики товара путем неожиданной, нестандартной номинации его трудно передаваемого оттенка. При этом эффект необычности может достигаться следующими способами:

1) существительное, обладающее вполне определенной цветовой семантикой, сочетается с прилагательным, имеющим «размытое» цветовое значение (помада *горячий шоколад*, карандаш для глаз *бархатная слива*);

2) прилагательное называет определенный цвет, а существительное, с которым оно сочетается, обладает необычным, экспрессивным компонентом лексического значения, явно контрастирующим с цветовой семантикой определения (помада *янтарный соблазн, клубничная овация*).

3) Кроме того, в языке появляется все больше СН, в составе которых вовсе отсутствуют слова, прямо называющие цвет, например: помада *восхитительный капучино, африканский имбирь* и др. Подобные СН вызывают лишь отдаленные ассоциации с каким-либо цветом.

В то же время в системе цветообозначения заметна альтернативная тенденция: при адресации товаров или продукции не «внешнему», а внутреннему пользователю, т.е. профессионалу (например, парикмахеру), для которого важна точность цветообозначения, в составе СН используются прилагательные (чаще сложные), выполняющие, в первую очередь, номинативную функцию (*светло-русый золотистый/пепельный*). Аналогичная тенденция наблюдается в том случае, если рекламодатели хотят подчеркнуть естественность цвета и натуральность продукции (см., например, каталог «Икеи»: *светло-зеленый, сине-серый, отделка под бук/березу*).

Таким образом, увеличение числа СН в современной системе цветообозначения сопровождается дифференциацией их прагматических возможностей.

Магистрант Н.Г.Солодовникова, докт. филол. наук В.И.Шаховский (Волгоград)

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИЙ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

Эмотиология как раздел языкознания выделила многие жизненные функции эмоций, среди которых для данной работы особый интерес представляет их манипулятивная функция, и именно – в волгоградском предвыборном коммуникативном пространстве.

Уже общеизвестно, что эмоции коммуникативны, и выбор политиками в качестве мишеней воздействия эмоций избирателей объясняется тем, что через ощущения, инстинкты, привычки, интуицию возможно, в обход языкового сознания, влиять на мотивацию человека и его поступки. Соответственно, когда политик стремится «обойти» различными способами рациональное в сознании избирателя, он, в этом смысле, тайно воздействует на его психику, то есть манипулирует (Романов, 2002).

Целью данной работы является анализ выбора лингвистики, паралингвистики и Body Language предвыборных дуэлей претендентами на пост мэра г. Волгограда

(Гребенников, Чувальский, Херианов, Волков, Михеев, Тюрин, Галушкин), используемых ими для более эффективного воздействия на эмоции избирателей, чтобы возможно большее их число смоделированно проголосовало «за».

На наш взгляд, манипулирование эмоциями избирателей широко используется политиками, потому что вера людей в их Слово давно пошатнулась. Поэтому политики привлекают слова языка, чтобы высветить ими, как прожектором, свои благие дела. Однако, тактики претендентов на кресло мэра, при общей стратегии, различны. И политики вдруг активизируются непосредственно накануне выборов. В этот период учащается их вербальное общение с народом – все больше и больше становится радио- и видеоэфиров, то и дело мелькают в газетах благодарственные рассказы очевидцев их «благоденствий» (косвенное влияние на эмоции избирателей), регулярно осуществляется выпуск и доставка бесплатных рекламирующих того или иного претендента газет («Хорошая газета», «Город героев», «Волгоградский курьер», «Первая газета», «Родная земля» и др.), календарей, установка уличных видеоэкранов, выходы в народ, рассылка поздравительных писем, открыток, бесплатные юридические консультации как через газеты, так и «на местах», материальная (точечная или развернутая) помощь пенсионерам, матерям-одиночкам, школам, латание участков дорог, установление урн, лавочек, фрагментарное строительство детских городков и другое. Время от времени они тасуют эти тактики как колоду карт. Многократное вербальное и невербальное напоминание о себе действует как эффект 25-го кадра и направлено на внедрение нужного образа политика в подсознание избирателей. За обещаниями следуют некоторые конкретные дела, а за ними – опять слова – хвалебные, в адрес этих дел, подчеркивающие, что данный претендент может не только обещать, но и выполнять свои обещания. Но это – только на данном коммуникативном отрезке. Политики стремятся возбудить эмпатию избирателей – задеть словом и делом их эмоции. И одной из наиболее распространенных тактик эмоционального воздействия является осуществление двойной тактики – «диффамация vs. глорификация» (Романов, 2002), на которую работают теперь профессиональные имидж – группы, аналитические центры, привлекается студенчество. Именно такое массированное воздействие на эмоциональное сознание («эмоции – мотивационная основа сознания» – Шаховский) избирателей приносит свои результаты – потеря способности избирателей рационализировать свой выбор, и многие голосуют «сердцем», а не «разумом». И в очередной раз делают неверный выбор.

Отсюда важность разработки лингвистической концепцией эмоций способов рационального сопротивления избирателей наведенным на них политиками эмоциям.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Т.В.Волкодав (Краснодар)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНАГРАММЫ В ФЭНТЕЗИЙНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ. РОУЛИГ «ГАРРИ ПОТТЕР»

Анаграммой (от греч. "над-знак", "сверх-знак") – называется такой способ формально-семантической организации текста, при котором повторы звуков и слогов (букв и их комбинаций) воспроизводят центральное в смысловом отношении слово данного текста (Иванов 1976: 251). Анаграммируемое слово (или другой знак) в некотором отношении выражает смысл текста и потому неизменно присутствует в формулировке интерпретации текста тем получателем, которому удалось обнаружить анаграмму.

Анаграмма предполагает "прерывистое чтение", "обратное чтение", разнообразные метатекстовые циклические операции; текст предстает как нелинейно организованное целое и "рассматривается как картина во всех направлениях" (Топоров 1987: 194-195). Так, в фэнтезийном произведении Дж. Роулиг «Гарри Поттер» название зеркала *Mirror of Erised* и надпись под ним *Erised stra ehru oyt ube cafru oyt on wohsi* необходимо читать справа налево, и переводчики учли это при передаче на русский и немецкий языки – Зеркало Эйналеж (рус.Л; рус.М). Der Spiegel Nerhegeb нем.(Ф); "Иов тяин евор косон килен" рус.(С), «Еиналеж еечяр огеома сеш авон оциле шавеню авыза копя» рус.(Л), "Эйналеж еонт еваза эйнеж арт оен ши диву" рус.(М), NERHEGEB Z REH NIE DREBAZ TILT NANIEDTH CIN нем.(Ф).

Здесь используются следующие сокращения: *рус. (Л)* – перевод на русский язык выполнен переводчиком М.Д. Литвиновой; рус. (С) – перевод на русский язык переводчика М. Спивак; *рус. (М)* – переводчика Ю. Мачкасова; *нем. (Ф)* – перевод на немецкий язык К. Фритца.

Писательница Дж. Роулинг использует анаграммы в произведении «Гарри Поттер» как один из способов кодирования информации, например, имя *Tom Marvolo Riddle* означает *I am Lord Voldemort*. Если рассматривать имя *Remus Lupin* как анаграмму, то получается *Primus Lune*, т.е. *Primus* (лат.) означает первый, начальный или полный, в то время как *Lune* (фр.) переводится как *луна*. Это наблюдение представляется интересным, поскольку герой книги *Remus Lupin* в полнолуние превращается в оборотня/волка; однако, если это имя не воспринимать как анаграмму, то можно заключить, что фамилия Lupin происходит от французского слова *Loup* (волк) или *Loup-Garou* (оборотень); с другой стороны *Lupin* может происходить от английского слова *Lupine* (волчий). Что касается имени *Remus*, то, возможно, оно представляет собой аллюзию на имя из римской мифологии – так звали одного из братьев-близнецов, основателей Рима, которых вскормила волчица.

Таким образом, обнаруживается, что анаграмму можно рассматривать не только как «способ самоорганизации текста, который формально и семантически

отмечает метатекстовый код, имеющий своим референтом содержание (тему, идею и т.п.) этого же текста», но и как один из приемов языковой игры.

Канд. филол. наук Гирина Н.А. (Пенза)

АНАФОНИЯ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

В качестве исходной базы нами принято исследование анафонии (А.В.Пузырев 1995), основанное на приоритете смысловых аспектов над звуковыми, где, в частности, предполагается регистрация звуковых повторов, окружающих объективно представленные в тексте опорные слова.

В качестве опорных слов в художественном тексте рассматриваются все имена собственные, за исключением иноязычных вкраплений – слов, звуковая форма которых передана буквами нерусского алфавита. Обладая информативными, ассоциативными и экспрессивными возможностями (Е. Н. Винарская 1989: 27-28; А. В. Суперанская 1973: 322; В. А. Лукин 1999: 32 и др.), собственные имена, и особенно антропонимы, являются важнейшим компонентом содержания художественного произведения. Возможность ориентации на такую разновидность опорных слов была намечена ещё Ф. де Соссюром в определении анаграммы как «звукописи, направленной на определенное имя и стремящейся воспроизвести это имя» (Ф. де Соссюр 1977: 639), а также русскими исследователями начала XX века.

Поскольку имена собственные, именуя конкретный предмет-лицо, в то же время ассоциируются с действиями, поступками, поведением их носителей (А.С.Белоусова 1989: 189), вполне вероятно, что писатели, создавая произведения, учитывают потенциальную ассоциативность разных имен и сознательно или интуитивно выбирают из них наиболее подходящие. По словам Л.А.Климковой, ассоциативная потенция имен собственных реализуется в субъективных ассоциациях, выражающих информацию, «субъективно преломленную в восприятии писателя и выраженную или им самим, или персонажем произведения» (Л. А. Климкова 1991: 46).

Наше исследование проводится на материале художественных произведений Ф. М. Достоевского. Согласно результатам, наибольшей «озвученностью» отличаются имена собственные в романе «Преступление и наказание». Характерной особенностью анафонии в этом произведении является относительно большое количество звуковых скоплений, или «гнезд» (термин А. В. Пузырёва).

Особенно много звуковых скоплений относится к опорному слову «Раскольников». Приведем лишь самые яркие из тех, в которых полностью подчеркивается семантика корня:

«Раз как-то, месяца два тому назад, они было встретились на улице, но Раскольников отвернулся и даже перешел на другую сторону, чтобы тот его не заметил» (Достоевский 1973, 6: 44).

«Гость несколько раз тяжело отдыхнулся. «Толстый и большой, должно быть», – подумал Раскольников, сжимая топор в руке.

В самом деле, точно всё это снилось. Гость схватился за колокольчик и крепко позвонил» (Достоевский 1973, 6: 67);

«– А куда, позвольте спросить?

– По улице.

– Коротко и ясно.

Раскольников отвечал резко, отрывисто…» (Достоевский 1973, т. 6: 83).

«– Как? Неужели вы до сих пор не изволили ещё получить никаких известий? – спросил Пётр Петрович, несколько коробясь.

В ответ на это Раскольников медленно опустился на подушку, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок. Тоска проглянула в лице Лужина» (Достоевский 1973, т. 6: 112);

«Раскольников вынул сколько вынулось: три пятака.

– Ах, какой добреющий барин!

– Как тебя зовут?

– А Дуклиду спросите» (Достоевский 1973, 6: 123);

«Он …воротился в «Хрустальный дворец» допросить поскорее Заметова. Раскольников прошел прямо на -ский мост…» (Достоевский 1973, 6: 131);

«– …Пол-то вымыли; красить будут? – продолжал Раскольников.– Крови-то нет?

– Какой крови?» (Достоевский 1973, т. 6: 134);

«– Сделайте же одолжение, – раздражительно продолжал Раскольников, – позвольте вас просить поскорее объяснится…» (Достоевский 1973, 6: 221);

«– Довольно, маменька, – сказал Раскольников, глубоко раскаиваясь, что вздумал прийти» (Достоевский 1973, 6: 398).

Тщательная продуманность имен и фамилий героев Ф.М.Достоевского, не раз отмечавшаяся учёными-литературоведами, не могла не отразиться в анафонии. В литературоведении толкование фамилии главного героя «Преступления и наказания» исходит либо из объяснения семантической части, как *раскол* – раздвоение, либо из связи корня с *расколом* – раскольничеством (С.В.Белов 1984: 53, 54, 25; М.С.Альтман 1974: 44). Концентрация звуковых повторов, как видим, акцентирует ту же семантическую часть имени собственного.

Анафония, таким образом, как звукопись, воспроизводящая звуковой состав опорного слова, является одним из средств актуализации внутренней формы имени собственного и отражает глубинные ассоциативные связи в мышлении писателя.

Цитируемая литература:

Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен.– Саратов:СГУ,1975. – 279с.

Белов С.В. Роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. Пособие для учителя./ Под ред. Д.С.Лихачева. – 2-ое изд., испр. и доп. – Л.: Просвещение, 1984. – 240 с.

Белоусова А.С. Имена лиц и их синтаксические свойства // Слово и грамматические законы языка. Имя. – М., 1989. – С. 131-205.

Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). – М.: Высшая школа, 1989. – 136 с.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полное собрание сочинений: В 30 т. – Т.6. – Ленинград: Наука, 1973. – 423 с.

Климкова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте. // Филологические науки, 1991. – № 1. – С. 45-54.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учебник для филол. спец. вузов. – М.: Издательство «Ось – 89», 1999. – 192 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М., Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1995. – 378 с.

Соссюр Ф. де. Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащие записи об анаграммах / Перевод с французского Вяч.Вс.Иванова // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 639-645.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.

Аспирант И.В.Малофеева (Москва)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ КАТЕГОРИИ ПРОСПЕКЦИИ В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ СЮЖЕТА ПРОЗАИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Художественное время прозаического текста – это в первую очередь сюжетное время: «время в художественной литературе воспринимается благодаря связи событий – причинно-следственной или психологической, ассоциативной. (…) События в сюжете предшествуют друг другу и следуют друг за другом, выстраиваются в сложный ряд, и благодаря этому читатель способен замечать время в художественном произведении, даже если о времени в нем ничего специально не говорится. Где нет событий – нет и времени…» (Д.С.Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., Наука, 1967. С. 217). Однако зачастую континуум намеренно нарушается, в том числе благодаря временным скачкам, сдвигам по отношению к фабульному времени. Одной из форм дисконтинуума является проспекция, это текстовая категория, объединяющая все языковые средства, с помощью которых реализуется темпоральный сдвиг вперед по оси времени, нарушается последовательное развитие сюжетной линии.

Функциональные типы проспекции в художественном тексте многообразны, что обусловливает необходимость разноуровневой типологии, учитывающей различные параметры и аспекты: по типу референции, по соположению единиц, по типу повествователя, по способу выражения авторской модальности и др. В докладе мы обратимся к анализу функциональных типов проспекции, непосредственно влияющих на развитие сюжета. Различаются:

1. Проспекция **темы или представления**: дается краткое сообщение информативного характера с целью актуализировать тему сверхфразового единства или всего текста, сформировать у читателя нужное представление о том, как будет развиваться сюжет, создать особую эмоциональную тональность повествования. Обязательным признаком проспекции данного типа является ее контактный характер:

И мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе. История эта, так, как она сложилась в моем воспоминании и воображении, вот какая.

(Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат);

Воспользуемся же хрипло задыхающейся паузой для краткой биографической справки.

Он: доктор наук, историк, специалист по хазарам, автор двух известных книг, женат, две дочери – семнадцати и двенадцати лет.

Она: журналист, автор сценариев двух никому не известных документальных фильмов, два неудачных брака, детей нет, сыта по горло, оставьте меня в покое…

(Д. Рубина. Область слепящего света).

2. **Формально-информативная реактивная** проспекция: автор, словно стараясь избежать возможного недоумения и возникающих вопросов читателя, заранее сообщает о ходе и принципах дальнейшего повествования, о героях и перипетиях произведения, вступает в своеобразный диалог с реципиентом.

Николай Петрович родился на юге России, подобно старшему своему брату Павлу, о котором речь впереди, и воспитывался до четырнадцатилетнего возраста дома, окруженный дешевыми гувернерами, развязными, но подобострастными адъютантами и прочими полковыми и штабными личностями;.

И Аркадий рассказал ему историю своего дяди. Читатель найдет ее в следующей главе.

(И.С. Тургенев. Отцы и дети).

3. Проспекция **развития событий.**

Временной сдвиг в континууме в этом случае обусловлен сообщением о каком-либо дополнительном событии или о подробностях уже описанного явления и дает возможность нового сюжетного решения или более детального осмысления названных ситуаций.

Чернышевский жил тогда близ Владимирской церкви (позднее астраханские его адреса тоже определялись близостью к тому или иному храму) в доме Есауловой, где до него, покуда не вышел в министры, жил Муравьев… 7 июля у него сидели два приятеля: доктор Боков (впоследствии изганнику посылавший врачебные советы) и Антонович…

(В.В. Набоков. Дар).

Ср.:

Он (Свидригайлов – И.М.) вышел, оставив Соню в изумлении, в испуге и в каком-то неясном и тяжелом подозрении. Оказалось потом, что в этот же вечер, часу в двенадцатом, он сделал и еще один весьма эксцентрический и неожиданный визит.

(Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

4. Проспекция может указывать на **первичный факт из череды подобных**, на первое проявление каких-либо признаков, событий и т.д., которые, приобретая функцию мотива (а иногда и лейтмотива), затем будут многократно повторяться и играть существенную роль в развитии сюжета. Ср.: *Он резко похудел, и в один из этих тягостных тупых вечеров у него вдруг начался приступ астмы – первый приступ болезни, которая потом будет мучать его всю жизнь.*

(Д. Рубина. Мастер-тарабука).

5. Проспекция **развязки**: в этом случае автор либо совсем опускает развитие действия, и за завязкой сразу же следует разрешение конфликта, либо переносит его в другую часть текста, отделенную от описываемой значительным временным отрезком. Проспекция данного типа может содержать также сведения о дальнейшей судьбе героя или о последствиях, к которым привело то или иное событие.

...здесь встретились два знакомых господина, у одного была палка для ходьбы – вступив в беседу со вторым, он поставил палку позади себя и оперся об нее. Завязался разговор. Первый рассказывал, а второй слушал. (...) Потом они разошлись в разные стороны и через несколько лет умерли. Человек летуч и непредсказуем…

(М. Шишкин. Взятие Измаила).

6. Проспекция **отрицания**: предстоящее событие либо результат уже произошедших ситуаций нарушают горизонт ожидания, опровергая ранее сообщенные факты, либо же сообщается о результате, противоположном изложенному:

Помнится, в тот период пришлось ему (Александру Дудкину – И.М.) развивать парадоксальнейшую теорию о необходимости разрушить культуру, потому что период историей изжитого гуманизма закончен и культурная история теперь стоит перед нами, как выветренный трухляк… Александр Иванович в эту пору проповедовал сожжение библиотек, университетов, музеев; проповедовал он и призванье монголов (впоследствии он испугался монголов).

(А. Белый. Петербург).

Специфика семантики и языковых средств, характерных для каждого функционального типа проспекции, требуют дальнейшего детального анализа.

Соискатель О.Г. Мукина (Ульяновск)

СИНЕСТЕЗИЯ И ХАРАКТЕР ВОСПРИЯТИЯ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А.АХМАТОВОЙ И М.ЦВЕТАЕВОЙ)

Интерес к синестезии, к межчувственным соответствиям открыто был заявлен на рубеже XIX-XX вв (А.Р. Лурия, А. Веллек, Ч. Осгуд, Р. Якобсон и др.). Свое внимание мы хотим обратить на то, что оценки были весьма полярными: от признания их чудесным признаком таланта до понимания их как проявления патологии восприятия или, в лучшем случае, как тривиальной катахрезы типа «жареная вода». Большое внимание уделялось анализу межчувственных переносов в поэзии, напр., «флейты звук зорево-голубой» (К.Бальмонт) и т.п.

Синестезией называют, прежде всего, межчувственные связи в психике, а также результаты их проявлений в конкретных областях - поэтические тропы межчувственного содержания; цветовые и пространственные образы, вызываемые музыкой; и даже взаимодействия между искусствами (зрительными и слуховыми). Так, к литературной синестезии относят выражения типа «красный зов» (А.Блок), «острый взгляд» (М.Лермонтов) (Словарь по эстетике 1981). И вполне органичны синестетические обороты для творчества Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. Наша статья посвящена идиостилевым особенностям проявления синестезии в характере восприятия мира А.Ахматовой и М.Цветаевой.

Под идиостилевыми особенностями синестезии понимаются индивидуальные особенности проявления этого явления в речи того или иного индивида (в нашем случае – в поэзии А.Ахматовой и М.Цветаевой).

Важно отметить следующее.

В поэзии Марины Цветаевой случаи синестезии довольно редки (в нашем материале – всего несколько примеров). Прежде всего, сочетаются такие типы модальностей, как осязание и зрение:

Ночных – блаже вода!
Вода – глаже простынь!
Любить – блажь и беда!
Туда – *в хладную синь!*

Цв., 1977, т.1: 57

А что если кудри в плат
Упрячу – что вьются валом,
И в *синий* вечерний *хлад*
Побреду себе потихон.

Цв., 1977, т.1: 61

Единичным случаем выступает сочетание таких модальностей, как слух и осязание:

Голос был, *горячий* и глубокий...
Говорят, что тот голубоокий
Горностаевый ребенок – мой.

Цв., 1977, т.1:31

В целом же случаев синестезии в творчестве М.Цветаевой очень мало.

В творчестве А.Ахматовой случаев синестезии значительно больше, шире и набор сочетания модальностей. Ср.:

Зрение+осязание:

Ведь где-то есть простая жизнь и *свет*,
Прозрачный, *теплый* и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

Ахм., 1983, т.2: 48

Осязание+обоняние:

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и *остро пахли* морем
На блюде устрицы во льду.

Ахм., 1983, т.1: 98

Вкус+обоняние:

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.
Голос твой и глух и безотраден.
Никого мне, никого не жаль.

Ахм., 1983, т.1: 12

Вкус+зрение:

Было душно от *жгучего света,*
А взгляды его - как лучи.

Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.

Ахм., 1983, т.1: 78

Осязание+слух:

Горячий шелест лета
Словно праздник за моим окном
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

Ахм., 1983, т.2: 126

Предварительный анализ показывает, что А.Ахматова обладает более широким веером модальностей, в которых воспринимает окружающий мир. Можно предположить, что картина мира этого поэта более красочна и многогранна, нежели у М.Цветаевой.

В заключение заметим, что тема речевой репрезентации синестезии в поэтическом творчестве и идиостилевых особенностей проявления данного феномена нами пока может быть только обозначена. Полагаем, что это – тема, которая заслуживает специального рассмотрения.

Канд. филол. наук А.П.Петрикеева (Магнитогорск)

ХАРАКТЕР АДРЕСОВАННОСТИ И ПОБУДИТЕЛЬНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛИРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

1. Текст, по наблюдениям ряда ученых (Р.Якобсон, Ю.Лотман, Ю.Левин, И.Бескровная, М.Болотнова, Н.Фатеева и др.), определяется как коммуникативная система, как модель речевой деятельности (адресант (говорящий, автор), адресат, сообщение (текст), сообщаемое, канал связи, код), как свернутая система коммуникативного акта. Подобное толкование соотносимо и с природой художественного, в частности поэтического (лирического) текста, поскольку «существенно важным для теории литературной коммуникации явилось обнаружение известного параллелизма между свойствами художественного текста и речевого акта вообще» (Г.Степанов). Следовательно, формально-содержательная структура коммуникативного акта выступает адекватной формой воплощения важнейших особенностей поэтического мышления и мировидения. Соответственно поэтический текст строится как модель коммуникативного акта (И.Бескровная). Поэтому лирическое стихотворение обязательно предполагает наличие бинарности, то есть двух участников речевого акта. В лирическом коммуникативном акте говорящий-адресант (лицо, почти или полностью совпадающее с реальным автором, или же сконструированный образ «лирического героя») отправляет сообщение другому одушевленному лицу, не лицу или себе самому.

2. Модель «Я-Я» представляет собой модель автокоммуникации, характеризующуюся «слиянием субъекта и адресата»(И.Ковтунова). Показателями этой

многомерной модели автоадресации могут служить:1) автокоммуни-кативное второе лицо (ты= я), 2) собственное первое лицо (эксплицитное я может быть отождествлено с реальным автором), 3) обобщенное второе лицо (ты = я = они вообще).

2.Характер адресации влияет на значение и функции языковых средств в поэтической речи. Под влиянием своеобразных условий коммуникации побудительные высказывания «актуализируют те смысловые потенции, которые согласуются с коммуникативной позицией автора речи» (И.Ковтунова).

При самоадресации побудительные высказывания могут выражать чистое побуждение (модель 1): «Придешь под утро, рухнешь на кровать, Чтобы в подушку тихо бормотать: Угомонись! Забудь! И будь забыта!»О.Краузе; желательность (модель 2): «Ну так пускай я буду одинок» (П.Антокольский); побудительность с оттенком необходимости (модель 2): «И думал я: витийствовать не надо» (О.Мандельштам). Это значение может быть реализовано и в модели 3 (обобщенное значение): «Довольно лукавить: я знаю, Что мне суждено умереть…» (О.Мандельштам); «Но не пытайся для себя хранить Тебе дарованное небесами» (А.Ахматова). Приведенные примеры отличает неопределенность, так как неясно, обращен текст к говорящему (ты = я) или к человеку вообще.

Канд. филол. наук Л.Г.Ратушная (Пенза)

РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ АВТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Факт отличия оригинального художественного текста от его переводного варианта признается и исследователями текста, и рядовыми читателями. Переводной художественный текст – это индивидуальный, «переводческий» вариант оригинального художественного текста, выполненный средствами другого языка автором или другой личностью. Если перевод художественного произведения на другой язык выполнен самим автором (ярким примером этого явления являются переводы собственных произведений В. Набокова), смысл текста вряд ли подвергается каким-либо изменениям. Автор создаёт идентичное произведение, используя при этом средства другого языка, в наборе которых и заключается основное различие оригинального и переводного произведений. Если же перевод выполняет переводчик, то он воплощает прежде всего своё видение художественного текста, которое не всегда совпадает с авторским.

Проблема эквивалентности оригинального текста переводному коррелирует с проблемами эквивалентности текста «на выходе», т.е. в том виде, в котором он вышел из-под пера автора, тексту «на входе», т.е. того текста, как его в итоге воспринял читатель. Ведь переводчик первоначально является читателем, и от его восприятия оригинального текста зависит корректность передачи этого текста на другой язык. Таким образом, переводчику необходимо правильно интерпретировать использованные автором средства языка оригинала и верно передать полученную информацию средствами языка перевода. Если этого не происходит, возникает речевой конфликт в коммуникации автора и переводчика.

Закономерно встаёт вопрос о формальных способах обнаружения авторской коммуникативной интенции в художественном тексте. Вероятно, наряду с семантикой и стилистикой произведения она передаётся языковыми средствами различных уровней. Средства морфологического, лексического и синтаксического уровней, используемые при переводе текста с английского языка на русский и с русского языка на английский достаточно изучены, выработаны определенные переводческие модели. В последние годы увеличивается число работ, посвященных изучению средств фонетического уровня, но поле неисследованного на этом уровне языка огромно.

Составляющими ассоциативной структуры текста, «узлами смысла» могут являться лексические единицы со схожей фонетической организацией. Изучение ассоциатов в оригинальном и переводном вариантах «Американской трагедии» и «Анны Карениной» подтвердило тот факт, что и в авторском, и в переводческом вариантах романов они являются информативными и значимыми, а наблюдающиеся расхождения в них могут влиять на общее восприятие того или иного варианта произведения. Таким образом, одним из способов устранения речевого конфликта автора и переводчика художественного текста является требование соответствия содержательного аспекта ассоциатов оригинального и переводного вариантов художественного произведения.

Канд. филол. наук С.Ш.Рыткина (Ульяновск)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ О ПРИРОДЕ В ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Комплексный многоаспектный анализ в рамках новой лингвистической парадигмы требует и делает возможным учет всех факторов, влияющих на формирование смысла текста: содержания семантического пространства текста, соотношения формальных структурных элементов и широкого культурного контекста. На примере конкретного произведения «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси в исследовании рассматриваются возможности интегрирования данных аспектов в выявлении смыслового содержания художественного текста.

Каждая эпоха определяет свою поэтику образов. Контекст художественного произведения формирует эвентуальную сопряженность концептов, обусловленную объективными законами мироустройства, местом, занимаемым писателем в макроконтексте культуры и его оценочной позицией.

В истории литературы существуют различные трактовки образа природы. Концепт «природа» относится к набору универсальных концептов и констант культур у многих народов. В анализируемом произведении все фрагменты, формирующие концептосферу «природа» лексически разработаны и концептуально значимы, т.е. здесь можно говорить о текстообразующей роли этого концепта.

Ю. М.Лотман писал: в основе художественного замысла лежит не рационально формулируемая тема, а символ — «зерно развертывания будущего текста» [Ю.М.Лотман. Анализ поэтического текста. Л., 1972]. Именно символика образов диктует развитие сюжета, с одной стороны, и языковые способы ее выражения, с другой. То, что читатель принимает за сюжетную событийность, за событийность

самой жизни, является формой воплощения художественной идеи. Развертывание символов, «собрания мыслей, сцепленных между собой» [Л.Н.Толстой. Письмо Н.Н.Страхову 23 и 26 апреля 1876 // Толстой Л.Н. Собр.соч. в 20 тт., Т. 17. М., 1965, с. 433] воплощается в деталях сюжета. Человек нарушил неумолимые законы природы. Это нарушение законов жизни проявилось в порочном желании обладать и подчинить себе другую жизнь. Оппозиция разрешается только путем разрушения «человека», которое глубоко привлекательно у Э.Бронте («Грозовой перевал»,1847), трагично у Д.Лоуренса (Д.Лоуренс «Сыновья и любовники»,1913) и противоречиво драматично у Дж.Голсуорси. Символы, к которым прибегает Голсуорси для художественного осмысления действительности, узнаются как знакомые приметы образного мира писателей, явственно эксплицируется диалог культур в перекличке проблем у писателей той эпохи.

В формально-семантических механизмах текстообразования символ природы выполняет различные функции: служит смысловому обобщению сюжетно-фабульных связей, природа изображается как объект восприятия субъекта, являясь инструментом развития сюжета, автор прибегает к концепту «природы» для формирования оценочного модуса.

Таким образом, выявление смысла текста должно основываться на принципе учета всех элементов художественной системы в макроконтексте литературной традиции и культуры, которым анализируемое произведение сопричастно.

Соискатель Л.Р.Янборисова (Пенза)

КВАНТИТАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Проблема функционирования ключевых элементов в структуре стихотворного текста и их роль внутри текстообразующих средств, а также влияние ключевого элемента на осознание глубинной структуры стихотворного текста представляют собой один из важнейших аспектов при лингвистическом анализе поэтического текста. Целью данной статьи является рассмотрение и обобщение квантитативных (количественных) характеристик ключевых элементов во французской и русской поэзии.

Под ключевым элементом мы понимаем единицу, семантически и стилистически не равную самой себе в начале и в конце порождения текста. Особо подчеркнём, что далеко не каждый стихотворный текст построен на использовании ключевого элемента, употребление которого является особым композиционным приёмом.

Выделяясь из разнообразнейших средств художественной системы, ключевой элемент аккумулирует основной смысл текста, характеризуясь при этом семантико-стилистической вариативностью – основополагающим свойством всех ключевых элементов. «Если в тексте налицо семантико-стилистическая изменчивость какого-то слова на протяжении всего текста, совпадение этого слова с центром поэтической (художественной) рефлексии – то налицо и существование ключевого слова в тексте. Если же пусть даже у неоднократно повторяющегося слова семантико-стилистическая вариативность (общетекстового характера) от-

сутствует, то ключевым в тексте такое слово не является» (см.: А.В.Пузырев 1995а: 132). Ещё раз подчеркнём, что использование ключевого элемента является особым композиционным приёмом и наблюдается далеко не в каждом стихотворном тексте.

При лингвистическом анализе текста необходим учёт факторов и средств текстообразования – при их строгом разграничении. К факторам текстообразования относятся причины и условия отбора языковых средств, необходимых для организации текста. Средствами текстообразования являются языковые средства, обеспечивающие тексту связность, целостность и индивидуальное своеобразие [Купина Н.А., 1983].

Особо подчеркнем, что одной из основополагающих задач лингвистического анализа текста является выявление и описание именно средств текстообразования. Средствами текстообразования могут выступать единицы любого уровня (фонетические, морфологические, лексические, семантические, синтаксические, а также другие языковые единицы).

Ключевые элементы занимают особое место среди текстообразующих компонентов текста. При анализе функционирования ключевых элементов в структуре стихотворного текста и их роли внутри текстообразующих средств, особое внимание привлекают лексические и семантико-композиционные средства текстообразования. Внутри текстообразующих средств выделяются тематические, опорные, стилеобразующие и ключевые слова и, если шире, элементы. Если тематические, опорные и стилеобразующие слова наличествуют практически в любом тексте, характеризуя его лексическую организацию, то ключевые слова (элементы), являясь структурообразующими, присущи лишь текстам с соответствующей композицией, так как наличие в тексте ключевого элемента представляет собой особый композиционный прием [Пузырев А.В. 1995].

При изучении свойств ключевых элементов не обойтись без разграничения поверхностной и глубинной организации текста. В трактовке термина «глубинная организация текста» мы следуем за З.Я.Тураевой: глубинная структура – это идейно-тематическое содержание, отношения и характеры, иными словами – замысел автора [Тураева З.Я., 1986]. Поверхностная же структура художественного текста – это речевая форма, в которую облечена глубинная структура, то есть реализация замысла

Материалом исследования служат поэтические тексты французских и русских поэтов, содержащие ключевые элементы. При исследовании французской поэзии нами были отобраны стихотворные тексты таких поэтов, как Ж.П.Беранже, П. Дюпон, В.Гюго, Ш.Бодлер, Л.Арагон, Г.Аполлинер, А.Мюссе, А.Рэмбо, Ж.Превер, П.Верлен, Ж.Брассенс, С.Малларме, Ф.Вийон, О.Барбье, П.Элюар, Ж.Брель, Ш.Азнавур, Т.Готье, А.Виньи, А.Шенье, Э.Парни, Ж.П.Флориан, Ш. Мильвуа, С.Прюдом, Т.Корбьер, Ш.Кро, М.Роллина, Э.Верхарн и другие. Ключевые элементы в русских стихотворных текстах изучались на материале поэзии С.Есенина, А.Твардовского, В.Брюсова, М.Цветаевой, Н.Рубцова, Б.Пастернака, В.Федорова, М.Исаковского, М.Кузьмина, М.Волошина, А.Блока, Н.Клюева, Н.Гумилева, Б.Лившица, И.Северянина, А.Ахматовой, О.Мандельштама, И.Эренбурга, В.Рождественского, Э.Багрицкого,

П.Антокольского, В.Катаева, А.Прокофьева, В.Луговского, Н.Заболоцкого, Л.Мартынова и многих других.

Исследование показало, что использование ключевого элемента (далее – КЭ) является характерным приемом как для русской, так и для французской поэзии. Однако интересным и показательным является тот факт, что русские поэты в большей степени тяготеют к использованию ключевого элемента: так корпус изученных французских текстов составил 3829, количество русских стихотворных текстов составило 2685; и в первом и во втором случае было выявлено по 500 стихотворных текстов с ключевыми элементами во французской и русской поэзии. Для начала можно констатировать, что для выделения одинакового количества текстов с КЭ потребовалось исследовать французских стихотворных текстов намного больше, чем русскоязычных текстов. Иными словами, русскоязычные поэты значительно чаще обращаются к этому конструктивному приему организации художественного текста.

Важным аспектом при исследовании ключевых элементов стихотворных текстов является характеристика ключевых элементов с точки зрения их строфической роли. Обращение именно к строфическому аспекту ключевых элементов носит далеко не случайный характер, ибо с точки зрения своей композиции (распределения, расположения), стихотворная речь организована в строфы. Именно строфа является первичной единицей поэтического произведения. Она делит поэтическое произведение на смысловые звенья, облегчая тем самым восприятие стихотворного текста, и придает произведению композиционную упорядоченность. Строфа является главной композиционной единицей в области метрики. Поэт мыслит строками, в поэтическом сознании мысль облачается в строку, несущую конкретную мысль, которая затем оформляется в синтаксическое, тематическое и метрическое целое, а именно в строфу.

Существует множество определений строфы, наиболее точным нам представляется определение В.М Жирмунского: строфа – это единица метрической композиции, состоящая из ряда стихов, расположенных по известному закону и повторяющихся в том же порядке. Строфа является одновременно законченным синтаксическим, тематическим и метрическим целым: она заканчивается точкой и заключает в себе самостоятельную мысль [Жирмунский В.М. 1975]. Существует много разновидностей строф, например одическая строфа, октава, терцины, сонет, онегинская строфа, балладная строфа и др., однако эти разновидности строф не являются предметом данного исследования.

Данное исследование определяет роль ключевых элементов в стихотворной организации стихотворного текста.

Ключевые элементы – с точки зрения их участия в композиции стихотворных текстов – были распределены по шести группам: 1) ключевое слово, 2) часть стихотворной строки, 3) стихотворная строка, 4) часть строфы, 5) строфа, 6) неопределённые в строфическом отношении. В каком-то плане эти группы соотносятся с синтаксическими свойствами ключевых элементов: ключевое слово, словосочетание, предложение, сложное синтаксическое целое, – но синтаксические характеристики ключевых элементов нами не рассматриваются.

Ограничимся примерами всего лишь одной разновидности ключевых элементов – ключевого слова во французской и русской поэзии:

SUR LA GRÈVE

Couche-toi sur la grève et prends en tes deux mains,
Pour le laisser couler ensuite, grain par grain,
De ce beau sable blond que le soleil fait d'or;
Puis, avant de fermer les yeux, contemple encor
La mer harmonieuse et le ciel transparent,
Et, quand tu sentiras, peu à peu, doucement,
Que rien ne pèse plus à tes mains plus légères,
Avant que de nouveau tu rouvres tes paupières,
Songe que notre vie à nous emprunte et mêle
Son sable fugitif à la grève éternelle.

(Henri de Régnier 1973: 518)

НА ОТМЕЛИ

Прилечь на отмели, двумя руками взять
(Чтоб за песчинкою песчинку высыпать)
Горсть белого песка, что золотит закат,
И, раньше чем глаза закроешь, бросить взгляд
На море стройное и в глубину небес;
Потом, почувствовав, что весь песок исчез
Из облегченных рук, что нет в них ни крупицы.
Подумать, прежде чем опять раскрыть ресницы,
О всем, что наша жизнь берет у нас, мешая
Летучий свой песок на отмели без края.

(А. Ренье 1973:519)

В данном стихотворном тексте ключевая роль принадлежит существительному *le sable – песок.* Оно выражает концептуальный смысл текста, а также его глубинную подтекстовую информацию. Двуплановость данного слова несомненна, так как в ходе развития текста он становится не равен сам себе, вследствие этого оно приобретает главный параметр, позволяющий отнести его к разряду ключевых слов – семантико-стилистическую вариативность. Ключевая позиция данного слова доказывается начальным употреблением данного глагола в следующем предложении:

Pour le laisser couler ensuite, grain par grain,
De ce beau sable blond que le soleil fait d'or;

Затем следует финальное употребление, где данное слово переосмысляется и приобретает индивидуально-авторское значение:

Songe que notre vie a nous emprunte et mele
Son sable fugitif a la greve eternelle.

Что касается перевода данного стихотворения, то здесь ключевая роль данного слова полностью сохраняется. На протяжении всего текста оно является семантико-композиционным центром, аккумулирует основной смысл и обладает семан-

тико-стилистической вариативностью – испытывает приращение смысла посредством приобретения дополнительной семы: существительное *песок* обогащается новым смыслом, переосмысляется и приобретает индивидуально-авторское значение: песок символизирует протекание, ход жизни, а также жизненное непостоянство. Человек является лишь рабом жизни и она распоряжается им так, как ей угодно.

Приведём пример из русской поэзии (все выделения в тексте наши. – Л.Я.).

ТЫ И Я

Ты поздно встал, угрюм и вял,
И свет тебе не мил.
А я еще зарю застал
И с солнцем в день вступил.

К тебе, несвежему со сна,
Никто не подходи.
А мне на редкость жизнь красна
И – радость впереди.

Я утро на день запасал,
Его вбирая в грудь.
Теперь за стол, как за штурвал,
И снова – в дальний путь.

Тебе в унынье не понять,
Как полон мир красы,
Как стыдно попусту терять
Заветные часы.

И все тебе нехороши.
И сам ты нехорош:
Мол, хоть пиши, хоть не пиши—
И так, и так умрешь.

И все вокруг—до тошноты,
Все повод для нытья...
Как горько мне, как жаль, что ты –
Ведь это – то же я.

Я все твои ношу в себе
Повадки и черты.
Еще спасибо той судьбе,
Что я – не просто ты;

Что я – в тебе таком – не весь

Отнюдь, – скажу любя:
Я – это я, каков я есть,
За вычетом тебя.
1957—1958

(Твардовский А.Т. 1990: 389-390)

В данном стихотворении мы наблюдаем интересное употребление ключевого слова: «я» в процессе развития текста становится «ты», а «ты» становится «я». В силу ограниченного объема статьи мы не станем подробно доказывать ключевую роль данных слов. Совершенно очевидно, что данные слова принимают активное участие в формировании текста, они относятся к ключевым словам, формирующим текст. В композиции данного текста они играют решающую роль. Что касается наличия у них семантико-стилистической вариативности, то из текста следует, что она носит общетекстовый характер.

Проведенное исследование показало, что строфические разновидности ключевых элементов во французской и русской поэзии представлены неодинаково.

Обратим внимание на распределение ключевых элементов (в порядке убывания) внутри французской поэзии. Оказалось, что наиболее распространенной формой строфической организации ключевых элементов во французской поэзии является стихотворная строка – 135 случаев (27%). Далее следуют: строфа (127 текстов, т.е. 25,4 %), часть строфы (110 употреблений, т.е. 22 %), ключевое слово – (102 употребления – 20,4%), далее следуют часть строки (24 употребления, 4,8 %), а также стихотворные тексты, где ключевые элементы в строфическом отношении должны быть признаны как неопределённые (2 употребления, т.е. 0,4%).

Несколько иначе выглядит строфическое распределение ключевых элементов в русской поэзии. Ведущее место принадлежит здесь строфе – 254 употребления (50,8%). Далее следуют: часть строфы (125 примеров, т.е. 25 % от всего количества текстов с КЭ), стихотворная строка (57 примеров, т.е. 11,4 %), ключевое слово (46 примеров, т.е. 9,2 %), часть стихотворной строки (14 употреблений, т.е. 2,8 %). Стихотворные тексты, где строфическая роль КЭ выглядит как неопределённая, встретились четырежды – 4 примера (0,8 %).

Показательным является тот факт, что в группе ключевых слов французские стихотворные тексты во многом превосходят по количеству русские, ср.: во французской поэзии мы наблюдаем 102 употребления ключевого слова из 500(общее количество текстов), в русской же – лишь 46 из 500. Данное расхождение имеет принципиальную разницу, и ни в коем случае не вписывается в рамки одной статистической вероятности.

Не менее значительное и важное расхождение наблюдаем также и в представленности строфы во французской и русской поэзии. В русской поэзии строфа является наиболее употребительной формой выражения ключевого элемента: около половины русских текстов с КЭ представлены КЭ-строфой – 254 употребления на 500 (на общее количество ключевых элементов), ср. во французской поэзии: 127 употреблений на 500. В русской поэзии самой частой формой организации ключевого элемента является строфа.

Что касается стихотворной строки, то здесь также наблюдается явное преимущество у французских стихотворных текстов – 135 употреблений на 500, в русских же – 57 на 500.

В качестве предварительных можно сделать следующие выводы: употребление ключевых элементов в большей степени характерно для русской поэзии. Если для выделения 500 текстов с КЭ в русской поэзии пришлось проанализировать 2685 стихотворных текстов (доля текстов с КЭ составляет 18,6 %), то во французской поэзии общее количество исследованных текстов составило 3829 текстов (текстов с КЭ – 13,1 %).

Существенны различия и в строфических характеристиках ключевых элементов: такие строфические формы КЭ, как ключевое слово и стихотворная строка, характерны для французской поэзии. В русской поэзии наиболее частой строфической формой ключевых элементов является строфа (254 случая на 500 текстов с КЭ, т.е. 50,8 %; ср. во французской – 127 случаев на 500 текстов).

Поскольку использование ключевого элемента чаще всего проявляется в композиции кольца, можно сделать вывод, что композиционная форма кольца в большей степени свойственна русской поэзии, где текст – в результате кольцевого употребления ключевого элемента – приобретает семантическую многослойность.

Цитируемая литература:

Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 536 с.

Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. – Красноярск, 1983. – С. 38-43.

Пузырёв А.В. Анаграммы и ключевое слово текста // Проблемы изучения анаграмм. – М., Пенза, 1995б. – 56 с.

Пузырёв А.В. Изучение факторов и средств текстообразования в практикуме «Лингвистический анализ текста» // Проблемы изучения русского языка в педвузе: Межвузовский сборник научных трудов.– Тула, 1987. – 120 с.

Тураева З.Я. Лингвистика текста: (текст: структура и семантика). – М.: Просвещение, 1986. – 128 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. пед. наук И.Э.Абдрахманова (Казань)

АУДИВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Потребность в познании – величайшая движущая сила человеческого разума. Экранные аудивизуальные способы коммуникации занимают важное место в современном человеческом познании. Они помогают студентам в вузе, как и учащимся в школе, быстрее и нагляднее осваивать новые знания. Они информируют о событиях в мире. Они вовлекают большие социальные группы в мировые проблемы. Все виды телевидения и кино – от игрового до рекламного, от спортивных репортажей и до телеспектаклей – могут быть отнесены к познанию. Неверно было бы предположить, что художественный фильм включает одни механизмы восприятия, научная программа – другие, а политическая информация – третьи. Познание происходит через информацию.

Под информацией понимают новые знания, принятые, понятые и оцененные как полезные для решения тех или иных задач. Мерой и условиями информативности сообщения являются его новизна, актуальность; опора на усвоенное ранее; адекватность восприятия текста на уровне слова, предложения, сложного синтаксического целого, всего контекста; соответствие потребностям и интересам аудитории (адресата); значимость сообщения для телерадиоаудитории.

Информация может быть двух видов: основная, являющаяся предметом сообщения, и дополнительная, связанная с актом коммуникации.

В процессе общения и познания реализуются те или иные функции: контактная, организующая, информационная, разъясняющая, выразительная, призывная, функция формирования взглядов. При передаче и восприятии разной информации реализуются различные функции языка: интеллектуально-коммуникативная, эмотивная (выражающая проявление внимание к присутствию другого лица), эстетическая и др.

Звукозрительный кинематограф, видеокино и телевидение как никакие другие виды массовых коммуникаций идентичны естественному звукозрительному и эмоционально-чувственному восприятию человеком окружающей среды [В.А.Бургов. Психофизика кинопоказа / В.А. Бургов – Спб.: ИКТ, 1993, с. 3]. Зрительный и звуковой каналы служат главными поставщиками информации обо всем, что происходит в мире. Для человека привычно, естественно и закономерно, что, наблюдая объект, он почти всегда слышит звук, который сопровождает его. Если до слуха доносится только звук, то слышащий стремимся представить источник этого звука, идентифицировать этот звук с образами своей зрительной памяти. И если ситуация складывается наоборот, и человек видит действующий объект, но не слышит его «голоса», то им невольно вызывается из звуковой памяти звуковой образ этого объекта. Не случайно психологи-языковеды, и, прежде всего, Л.С. Выготский [Л.С.Выготский. Психология / Л.С. Выготский – М.: ЭКСМО-Пресс, 20004], выделяют в слове три элемента: звук, значение и образ,

или связь того и другого, как бы пояснение, почему данное слово связано с данным звуком.

Соискательница Е.Н. Астраух (Москва)

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЛИНГВО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

В новом тысячелетии меняются подходы к изучению иностранного языка. В перегруженном информацией мире даже полезные сведения уже перестают усваиваться. Кроме того, современному человеку нужны не просто знания, а активное владение иностранными языками, умение пользоваться ими. Поэтому сегодня нужны новые обучающие технологии, которые помогали бы человеку раскрывать и развивать свои способности, активизировать свои резервные возможности, чтобы материал усваивался легче. Причём, раскрываться эти способности должны быстрее, ведь сроки изучения языка диктуются высокой скоростью нашей жизни. Таким образом, проблема интенсификации процесса обучения сегодня крайне актуальна.

Ведущей методической парадигмой 21-го века становится парадигма личностно-ориентированная, которая во главу угла ставит личность и опирается на законы о человеке. Учение с удовольствием, без срывов, без напряжения, но с максимальным результатом превращается в основную задачу новых обучающих технологий. К ним относится и разработанная нами на базе Интегративного лингво-психологического тренинга И.М. Румянцевой система лингво-психологических упражнений, которая, помогая раскрывать задатки и способности человека, облегчает усвоение знаний, делает их прочными и приспособленными к современной жизни.

Данная система лингво-психологических упражнений направлена на то, чтобы человек максимально быстро и успешно заговорил на иностранном языке, т.е. не только обладал знаниями, а чтобы мог использовать их в любой, даже критической ситуации. Система предоставляет возможность людям обучиться общению на иностранном языке, развить восприятие, внимание, память, мышление, воображение, повысить креативность, то есть не только активно овладеть иностранным языком, но и совершенствоваться как личность.

Система лингво-психилогических упражнений развивает уже сформированные психические процессы взрослого человека, которые имеют колоссальные резервы для дальнейшего роста и совершенствования. В этих целях она использует музыку, искусство, техники драмы для обучения иностранному языку.

Разработанная нами система лингво-психологических упражнений для обучения немецкому языку состоит из нескольких частей, связанных с аспектами обучения: с обучением лексике по различным темам, с обучением фонетике и грамматике, а также с аспектом домашнего чтения. В качестве примера приведем несколько упражнений:

ЛЕКСИКА. Тема "Профессия". Отгадайте профессию. Один учащийся а) описывает свой рабочий день; б) описывает недостатки и преимущества своей ра-

боты; в) показывает профессию пантомимой; г) рассказывает, где он работает (на предприятии, в учреждении, на улице), какое получил образование, какие инструменты использует и т.п. Остальные отгадывают его профессию.

ФОНЕТИКА. Произнесите пословицы и поговорки шепотом, с улыбкой, от лица маленькой девочки, старой бабушки, важного бизнесмена, крутого байкера и т.п.

ГРАММАТИКА. Тема "Повелительное наклонение". Один из учащихся – посетитель магазина. Остальные – товары на полках. Необходимо сказать посетителю, почему он должен купить именно вас, для каких блюд вы нужны и какие у вас хорошие качества. Используйте при этом повелительное наклонение.

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ. Нарисуйте главу книги (или всю книгу) в комиксах. Если трудно рисовать, можно вырезать картинки из журналов и надписывать реплики.

Канд. пед. наук И.В. Возмилова (Екатеринбург)

МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК ВИД ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В условиях интегративных процессов, протекающих в социально-экономической и политической сферах жизни современного общества, в аспекте подготовки молодежи к жизни в демократическом обществе, происходит переоценка ценности знания иностранного языка для будущих специалистов. Это привело к диверсификации образовательной среды, необходимости коренных изменений в образовательной системе и инновационной деятельности педагогов. Анкетирование, проведенное методом случайной выборки среди студенческой молодежи РГППУ (18-19 лет) в 2006 г., показало, что 100% опрошенных считают целесообразным изучения иностранного языка в вузе. 64% – считают количество часов, отведенное программой на изучение иностранного языка, достаточным. По мнению 75% опрошенных, обязательна профессиональная направленность тем, предлагаемых программой.

Изучение иностранного языка в создаваемых на занятиях ситуациях учебно-профессиональной деятельности является средством овладения специальностью и приобретения навыков самостоятельного использования иностранного языка в профессиональной деятельности.

Однако в современном российском вузе большая часть знаний по изучаемым дисциплинам преподносится в готовом виде и не требует дополнительных поисковых усилий. Поэтому одним из важнейших условий повышения эффективности учебного процесса является инновационная деятельность педагогов.

Уровень инновационной деятельности в вузе во многом зависит от педагогического коллектива, его способности и готовности включиться в эту деятельность. В ходе инновационных преобразований повышается научно-теоретический уровень и профессиональное мастерство педагогов. Критериями инновационности выступают новизна концепции, новые учебные программы, содержание и средства педагогической работы.

Из всего многообразия инновационных направлений в современной дидактике можно выделить метод проектов как наиболее соответствующий специфике предмета «Иностранный язык».

Заявления о внедрении личностно ориентированного подхода, являющегося основной стратегией обновления высшей школы, зачастую носят декларативный характер, так как ввиду ограниченного числа тем, предлагаемых для изучения, игнорируются собственные идеи и мнения студентов. Проектная деятельность позволяет расширить тематику, выбор методов и форм и предоставить широкое поле для творческой деятельности.

Применительно к предмету «Иностранный язык» метод проектов – это целенаправленная, в целом самостоятельная деятельность студентов, осуществляемая под руководством преподавателя, направленная на решение исследовательской или социально значимой проблемы. Итоговым результатом работы студента может быть как идеальный продукт (сделанные на основе изучения информации умозаключение, выводы, сформированные знания), так и материальный (реферат, картотека, наглядные пособия и т. п.).

Одной из причин использования метода проектов является то, что уже сейчас одним из критериев при отборе кадров в нашей стране и за рубежом является умение работать в команде, умение реализовывать различные проекты.

Таким образом, используя метод проектов, мы развиваем инновационный механизм образования, включающий в себя: создание творческой атмосферы на занятиях, культивирование интереса к инициативам и новшествам; создание условий для действия разнообразных нововведений; инициирование поисковой деятельности; интеграцию наиболее перспективных нововведений и продуктивных проектов в реально действующие образовательные системы и перевод накопленных инноваций в режим постоянно действующих поисковых и экспериментальных образовательных систем в рамках неязыкового вуза.

Аспирант Н. М. Голушкова (Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

Иностранный язык исторически является важнейшим предметом общеобразовательного обучения. Однако развивающие резервы этого предмета школьной программы до сих пор полностью не изучены и значение обучения иностранному языку, которое способствует психическому развитию учащихся, по-прежнему недооценивается на практике.

К числу психологических вопросов, имеющих важное значение для практики обучения иностранным языкам, относится проблема взаимоотношения языка и речи. Связь языка и речи, речи и мышления как центральный вопрос психологии определил ряд научных позиций. Языковеды говорят о единстве языка и мышления, в то время как психологов интересует единство речи и мышления.

Хотя язык и речь теснейшим образом связаны в своем порождении и функционировании и образуют тесную связь с процессами мышления, они не тождественны. «Речь и язык и едины, и различны. Они обозначают два различных аспекта единого целого» [С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. – СПб.,

1999, с. 382]. Это очень важно знать и учитывать при преподавании иностранного языка. Преподаватели должны четко понимать, когда учащиеся имеют дело с изучаемым языком, а когда с речью на этом языке.

Процесс обучения иноязычной речи на уроках иностранного языка может быть действенным фактором всестороннего психического развития личности школьника:

– обучение иноязычной речи способствует развитию всех без исключения психических процессов, свойств и состояний личности учащегося;

– на уроках иностранного языка в ходе тесного межличностного взаимодействия можно создать благоприятные условия для формирования у учащихся навыков эффективного общения;

– на уроках иностранного языка можно оказывать влияние на групповую динамику в целом и ее личностные компоненты в частности,

– и, наконец, посредством специально подобранных упражнений, техник и процедур возможно психокоррекционное воздействие на отмеченные выше составляющие.

В этой связи большую теоретическую и практическую значимость представляет разработанная И.М. Румянцевой, известным психологом, педагогом, лингвистом, «новая интегративная теория речи в единстве всех её сторон (языковой, психической, физиологической, деятельностной), а также построенная на этой теории действующая система обучения иноязычной речи, которая так же многоаспектна и интегративна, как и само речевое явление, и каждой своей методической гранью направлена на соответствующие стороны речевого процесса, которые необходимо развивать и формировать» [И.М. Румянцева. Психология речи и лингвопедагогическая психология. – М., 2004, с. 10].

Таким образом, речь человека включается в определенные взаимоотношения со всеми психическими процессами, но определяющим для речи является ее отношение к мышлению. Поэтому возникает вопрос о необходимости развития мышления в процессе обучения иноязычной речи. По мнению И.М. Румянцевой, речь соотносится не только с логическим, но и образным, а также творческим мышлением; причем именно творческое мышление «обеспечивает гибкость и плодотворную работу всех познавательных процессов, в том числе и речи». Поэтому развитие творческого мышления в процессе овладения иноязычной речью является важной задачей, т.к. речь – это всегда творческая деятельность. Речь любого человека творчески создается им в целях сообщения своих мыслей. Пользуясь языком в своей речи, человек никогда не бывает «автоматом», а всегда творческой личностью.

Канд. филол. наук А.К. Григорьева (Пенза)

СТАНДАРТНОЕ И НЕСТАНДАРТНОЕ В РЕЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАДАНИЯ ЧАСТИ С ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ)

Реальное речевое поведение характеризуется единством социального и индивидуального. Каждый «носитель языка как бы фокусирует в себе черты ”коллективных языковых личностей”», и «говорящие в каждый момент своей речевой

биографии демонстрируют особенности группового речевого поведения» (И.Н.Горелов, К.Ф.Седов 1997: 112). По мнению ученых, «сейчас нет возможности достоверно сказать, что в нашей речи стандартно, что вариативно (и в каких пределах), что индивидуально в полном смысле этого слова» (И.Н. Горелов 1987: 9). Усваивая типовые способы осмысления действительности, языковые личности усваивают и типовые способы ее описания, прибегая в своей речевой практике к самым распространенным, часто повторяемым и потому устойчиво воспроизводимым речевым конструкциям, осуществляя перенос усвоенных оборотов речи на осваиваемые речевые ситуации.

Задание части С Единого государственного экзамена по русскому языку требует от выпускников средней школы умения самостоятельно осмыслить прочитанный текст и высказаться по предлагаемой проблеме, согласившись или не согласившись с позицией автора. Такая работа дает достаточно объективное представление о реальном уровне владения языком, а выявленные в текстах ошибки не только отражают структуру речевого навыка, но и позволяют пролить свет на проблему типического и индивидуального, стандартного и нестандартного в речевой деятельности. В связи со сказанным особое внимание следует обратить на штампы.

Под штампами традиционно понимают «отложившиеся в коллективном сознании носителей языка устойчивый, «готовый к употреблению» и потому наиболее удобный знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную и образную нагрузку» (ЛЭС). Штампом может стать любая часто повторяемая структурная или смысловая единица языка (речи), которая теряют свою семантическую полноценность. Это, в свою очередь, негативно отражается на качестве высказывания.

В анализируемых сочинениях штампы, как правило, «прикрывают» реальное незнание, неумение или нежелание найти точное слово и часто используются для характеристики какого-либо явления действительности, жизненной ситуации, оценивания события или поступка, самого предложенного для работы текста или позиции автора. Приведем примеры: *Мы постоянно узнаем много нового; Люди приезжают на море не только отдохнуть, но и поправить свое здоровье; Прочитав это рассуждение и описание писателя, по моему мнению, стоит задуматься о прожитой жизни; Автор не закрывает глаза на эту проблему и поэтому открыто выражает свою позицию; Проблемы, поднятые в тексте, актуальны и требуют пристального внимания и решения; Эпитеты выражают образность и эмоциональность; Произведение написано простым, доступным языком, но за этой простотой скрывается глубокий смысл* и др.

В отличие от информационно необходимых языковых стандартов (клише), например в научной или официально-деловой речи, использование штампов в творческих работах не может быть оправдано коммуникативной ситуацией; штампы не способствуют точности выражения мысли, не содержат конкретной информации и, в конечном итоге, затрудняют восприятие текстов.

Очевидно, освоение стилистических богатств языка ограничено речевыми и когнитивными возможностями выпускников. Можно сказать, что речь человека на данном уровне владения языком характеризуется минимумом «заботы о форме выражения мыслей» (О.Б. Сиротинина 1996: 17): забота о яркости, убедительно-

сти, выразительности речевых произведений не становится осознаваемой стороной речевой деятельности. Причина, видимо, не только в недостаточном уровне знаний по стилистике. Штампы относятся к тем стилистическим недочетам, борьба с которыми практически не ведется в школьном обучении языку, то есть не уделяется достаточного внимания формированию умения выразить в слове себя и свое собственное видение мира. Высокая степень «заштампованности» речи выпускников свидетельствует об отсутствии не только индивидуального стиля речи, но и самостоятельности мышления.

Канд. пед. наук С.Д.Демьяненко (Переяслав-Хмельницкий, Украина)

МЕТОДЫ ПРОПЕДЕВТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ПОНЯТИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Проблема подбора методов пропедевтики языковых понятий в детей старшего дошкольного возраста является актуальной. Для психологически корректной пропедевтической работы с языковыми понятиями необходимо определения методов лингвистической подготовки к обучению в школе.

Внедряя экспериментальное обучение детей старшего дошкольного возраста, использовались методы, которые давали возможность эффективно организовать познавательно-языковую деятельность дошкольников и формировать на этой основе речевые умения, в частности, теоретико-практические наблюдения за языком, языковый анализ, сопоставление, сравнение, абстрагирование, обобщение, моделирование языковых единиц. Они были направлены на овладение языковой действительностью, осознанное вычленение, дифференциацию языковых единиц и использование их в речевой практике. Практические методы: игровые (сюрпризные моменты, игровые действия); аудирование высказываний, их частей, предложений; чтения рассказов, сказок; интонирование предложений; выговаривание слов; артикуляция звуков.

Объяснительно-иллюстративные методы: рассказ-объяснение педагога, чтение стихотворений, рассказов с анализом их содержания, напоминание, подсказка, беседы обобщающего характера – проводились с целью сообщения знаний о существенных признаках понятий языка, их уточнения и развития умения высказываться. Репродуктивные методы: языковые упражнения на выделения предложений из высказываний, слов в предложениях, звуков в словах, которые имели характер подражания и отображения, и использовались для формирования умений и навыков анализа единиц языка, выделенных из речи детей. Предложенный алгоритм действий стал для детей примером, по которому они аналогичным путем проводили подобные действия, например, звук обозначали фишками, согласные – полоской, гласные – кружочком, условными обозначениями. Частично-поисковые (эвристические) методы использовались для введения в познавательно-речевую деятельность детей элементов креативности и самостоятельности. Эвристические беседы активизировали самостоятельность суждений детей. Они способствовали постепенному творческому овладению детьми существенными признаками языковых единиц. Индивидуальные и индивидуально-групповые эвристические беседы обобщающего характера помогали дошкольникам под руководством педагога

поисковым путем приобретать знания об неформальных ориентирах понятий, осознавать их. Эвристические вопросы сопровождали пропедевтическую работу в процессе уточнения и конкретизации знаний, проверки степени их осознания. («Для чего необходимо слово?», «Где слово, а где игрушка?» и др.) Поисковые вопросы требовали от детей умозаключений («Почему ты считаешь, что это звук, предложение, высказывание?»). Частично-поисковые методы (упражнения, задания, игры) применялись и в процессе поиска детьми путей для проведения действий с выделения единиц языка по существенным параметрам с целью формирования речевых умений. Проблемные методы использовались как способ вооружения детей языковыми знаниями, усвоение которых требовало поиска элементов самостоятельности, анализа приобретения знаний проблемным путем, а не получения их в готовом виде. Осознавая существенные (скрытые, невидимые) признаки, они решали проблему под руководством воспитателя.

Исследовательские методы ставили детей в положение «маленького исследователя». Они самостоятельно и под руководством воспитателя поисковым путем находили существенные признаки того или иного языкового понятия, уточняли, где, например, предложение или высказывание.

Творческие языково-речевые задания, упражнения или коммуникативные ситуации способствовали введению детей в условия активного рефлексирования, поиска путей отделения смысловых признаков от несмысловых, объективации языка, его единиц и выделения их из потока речи.

Канд. пед. наук Г.И.Канакина (Пенза)

К МЕТОДИКЕ РАБОТЫ НАД ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ

Текст представляет собой сложное, многоплановое единство. Его воздействие на читателя (слушателя) определяется многими компонентами. Одним из основных факторов воздействия являются **изобразительно-выразительные средства текста**. В литературоведческой, лингвистической и методической литературе нет единого термина для обозначения средств создания образности текста: тропы, стилистические (риторические) фигуры, художественно-изобразительные средства, средства выразительности речи (языка), изобразительные средства, средства художественной изобразительности и др. Наше предпочтение выбранному варианту объясняется ёмкостью и в то же время прозрачностью семантики входящих в него компонентов.

Прилагательное **«выразительный»** связано с глаголом «выражать» и обозначает способность языковых средств текста **выражать идею, авторский замысел**, доносить его до читателя (слушателя).

Изобразительный характер языковых средств связан с их способностью **создавать яркие образы**, оказывать на читателя (слушателя) эмоциональное и эстетическое воздействие.

Образность предполагает живость, наглядность, красочность изображения явлений действительности. Наиболее полно это качество речи реализуется в

текстах художественного и публицистического стилей. Образность таких текстов создаётся за счёт использования тропов и фигур речи.

Однако было бы неверно говорить, что образность присуща только текстам художественного и публицистического стилей. В нехудожественной речи также могут использоваться средства создания выразительности: в разговорном стиле они выражают эмоции говорящего, в научном используются с целью популяризации научных идей, простоты и ясности изложения материала, усиления его убедительности. Даже в некоторых современных жанрах официально-делового стиля допускается использование различных образных средств. Их употребление обусловлено влиянием публицистического стиля.

Кроме специальных образных средств, создающих выразительность текстов, в них для реализации авторского замысла, идеи, воздействия на читателя могут использоваться языковые единицы разных уровней: фонетические, лексические, морфологические, синтаксические. В этом случае образность текста подразумевает, что при восприятии определённых языковых единиц возникает представление, образ, заложенный в так называемую внутреннюю форму слова или конструкции.

Классификация тропов и фигур речи (мысли) также далеко не однозначна. Достаточно обратиться к известным словарям (Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М., 1966; Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987; Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979 и др.), чтобы убедиться, что нет чёткого разграничения средств выразительности, деления их на тропы и фигуры речи, что существуют разные классификации образных средств.

В школьной практике изучить всё многообразие изобразительно-выразительных средств языка в рамках одной учебной дисциплины не представляется возможным. Однако учащиеся должны владеть определёнными знаниями о средствах создания образности текстов разных стилей. Это необходимо как для осмысления образности готовых текстов, понимания авторского замысла, так и для формирования умения использовать средства выразительности текста при создании собственных речевых произведений.

На наш взгляд, в практике общеобразовательной школы оптимальным вариантом введения сведений о средствах создания выразительности текста является их распределение по трём следующим группам:

1) тропы (изучаются при знакомстве с теорией литературы);

2) фигуры речи (изучаются при знакомстве с теорией литературы и вводятся на уроках развития речи);

3) изобразительно-выразительные возможности языковых единиц разных уровней (усваиваются при изучении соответствующих тем и разделов на уроках русского языка).

Е.Д.Каражаева (Владикавказ)

ОПОРА НА ЭТНОПСИХОСОЦИОКОНЦЕПТОСФЕРУ – СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛОГОПЕДИИ

1. Язык и речь – главное достояние человека: без них нет не только гениев, но и рядовых членов нормального социума. Однако, как и физическое тело чело-

века может оказаться с теми или иными изъянами – врождёнными или понесёнными, – и язык, и речь могут находиться в той или иной (генетической или приобретённой) патологии. Избавить человека полностью или хотя бы частично от недуга – это дело практика – логопеда. А вот обеспечить такого специалиста теорией и методикой преодоления тех или иных лингвопатологий, разрушений речи – задача соответствующей науки. Именно потому логопедия как наука должна быть всё время в поисках, опережая своё воплощение – практику на несколько шагов.

2. Сегодня логопедия и как наука, и как практика, переживает большой бум всплеска – развития: появилось и появляется огромное количество разнообразной поисковой – теоретической, методико – практической, тезаурсно – справочной литературы. Однако, к сожалению, большая их часть носит компилятивный характер. Кроме того, как нам представляется, современная патолингвистика всерьёз ещё не воспользовалась достижениями теоретической лингвистики. В патолингвистике и в практической логопедии в качестве диагностирующего языка используется некий стандартный язык, напоминающий собой пресловутый «язык вообще». Этот язык (у нас в России – русский) никак не ориентирован на этнопринадлежность логопата, афазика, хотя абсолютно всем известно, что каждый этноязык имеет свою этноартикуляцию, свои этнозвукодистрибуции, свою этнопсихосоциоконцептосферу.

3.Нам думается, что сегодня опора на этнопсихосоциоконцептосферу, на этнолингвистическую картину мира должна стать стратегической линией не патолингвистики вообще, не логопедии вообще, а этнопатолингвистики и этнологопедии. В самом деле, концептосфера – это этномировидение, этнознания о мире определённого этносоциума. Это общий этнофонд и этнофон знаний, это своеобразная этнопресуппозиция. Не будем забывать и то, что внутри этнопресуппозици есть так же свои социолингвистические, психолингвистические, гендерные, религиозные и другие различия. Так, например, слова-концепты типа осетинских **нуазӕн, фынг, гаджидау, физонӕг, сау бӕгӕны, фыдджын** и многое другое для неосетиноязычного логопата и афазика ничего не означают, кроме прямых референтов «бокал», «стол», «тост», «шашлык», «тёмное пиво», «пирог с мясом», в то время как для осетина за значениями этих же слов скрываются целые смысловые тексты, раскрывающие особенности осетинского застолья. Точно так же, такие, например, русские слова и выражения, как **Кощей бессмертный, баба-яга, сизый орёл, серый волк, на посошок, лихо, тёща, ухват** и многие другие предстают для этнических русских свернутыми текстами, в то время, как для нерусских – это всего лишь номинации конкретных референтов.

В нашей логопедической практике мы не раз убеждались в правоте изложенной мысли. Так больные – афазики-нерусские чаще всего никак не реагируют на русские слова, на предметы русской культуры, но оживляются, при смене языка и демонстрируемых предметов, картин. Больные – афазики- русские не воспринимают в свою очередь предметы экзотической для них культуры.

Соискательница Л.В.Кияшко (Ростов-на-Дону)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Воспитание всесторонне развитой личности невозможно без совершенствования такого инструмента познания и мышления, как речь. Поэтому задача развития речи учащихся продолжает оставаться и в настоящее время одной из главных задач школы и в первую очередь уроков русского языка.

Формой монологической речи учащиеся пользуются, как правило, лишь в школе (да и то эпизодически), вне школы основной формой их речи является диалог, а основным стилем – разговорный стиль, что, безусловно, отрицательно сказывается на развитии связной речи школьников.

Для того чтобы научить ученика правильно и логично выражать свои мысли, учителю необходимо применять на уроках лингвистическую, коммуникативную, языковую компетенции.

Но как построить урок так, чтобы учащиеся прочно усвоили материал, а процесс обучения прошел весело, толково и интересно?

Исследователи отмечали, что на ранних ступенях развития общества, а также в жизни современных детей игра имеет коллективизирующий и тренирующий характер, но в ходе истории происходит постепенное вытеснение игры из жизни взрослых драматическим искусством и спортом. Но всё-таки языковая игра сопровождает человека всю его жизнь.

Языковая игра, «может быть бессознательно, преследует не только сиюминутные интересы (заинтриговать, заставить слушать), но она призвана выполнять и другую цель – развивать мышление и язык, это и замечательный учитель словесности, и забавный собеседник, и великий утешитель-психотерапевт» (В.З.Санников, 2002).

И детям, и взрослым хорошо известны потешки, небылицы, считалки, дразнилки, скороговорки, смешилки и прочая стихотворная «шумиха», которую в житейском обиходе принято считать пустой забавой. Веселое, смешное, устрашающее или дразнящее – это и есть своеобразная словесная «игрушка». Используя данный материал уроках русского языка, предлагаю учащимся разнообразные виды заданий, позволяющие выражать свои мысли связно и адекватно, строить коммуникативно-целесообразные высказывания в устной и письменной форме, пользуясь нужными языковыми средствами в соответствии с целью, содержанием речи и условиями общения. Например, объясняя орфограммы и значение пословицы *Толком толковать, да без толку расперетолковывать* учащиеся не только построят текст-рассуждение, но и вспомнят такие темы как словообразование, правописание приставок и глаголов.

Учитель Л.В.Корогодина (Пенза)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УМСТВЕННОГО И ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СПОРТСМЕНОВ В СВЕТЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИГР

Игра – непременная составляющая любой человеческой культуры. Но само понятие весьма расплывчато и вряд ли может быть строго определено. Поэтому в теории игр под игрой понимается нечто более узкое, охватывающее круг жизненных ситуаций, описание которого можно сделать достаточно точным. Теория игр – математическая дисциплина, в которой уточняются и формализуются такие понятия: “игрок”, “ход”, “стратегия”, “партия игры”, “коалиция” и многие другие. При формальном описании моделей, параллельно протекающих процессов необходимо формализовать связи и взаимодействия между различными процессами. Наиболее популярная модель такого типа – сеть Петри.

Основная задача, решаемая в теории игр, – это поиск для каждого из участников конфликта его рациональной стратегии поведения и оценка предвидимых последствий при рациональном поведении игроков.

Толкование игры охватывает игры политические, экономические, военные и спортивные. Для развития здорового красивого человеческого тела наиболее полезны подвижные спортивные игры.

Для анализа игры строится её формальная модель, описывающая возможности игроков, правила игры и согласованное определения понятия “справедливое решение”. В частности, модель игры характеризует стратегии, которыми располагает каждый игрок, информацию, которую он имеет, возможности обмена информацией, допустимость дезинформации и принципы формирования коалиций, добивающихся лучших результатов за счёт координации своих действий. Модель игры позволяет оценивать гарантированный выигрыш игрока, выбравшего ту или иную стратегию поведения.

В теории игр рассматриваются игры двух и игры многих лиц, игры, в которых каждый игрок может делать лишь один ход, и многоходовые игры.

Стратегии игроков могут использовать и не использовать случайный механизм. В конфликтных ситуациях, в которых допустимо применение случайного механизма, последствия игры определяются средним выигрышем при многократном повторении игры. В таких играх выбор стратегии предусматривает также выбор функции распределения используемого случайного механизма.

Простейшие игры – это игры двух лиц с нулевой суммой, парные игры, в которых выигрыш одного игрока совпадает с проигрышем другого (*теннис)*.

В игре двух лиц с нулевой суммой и конечным числом стратегий у каждого игрока под оптимальными стратегиями естественно понимать стратегии, при которых достигается максимально возможный гарантированный выигрыш в наименее благоприятных условиях. Этот принцип называется принципом максимина. В игре двух лиц с нулевой суммой существования оптимальной (максиминной) стратегии в каждой отдельной партии гарантируется только в играх с полной информацией. В игре неполной информацией максиминная стратегия обеспечивается лишь при применении случайного механизма для выбора очередного хода и

многократном повторении игры. В этом случае используются смешанные стратегии *(шахматы*).

В более сложных играх поиск оптимальных стратегий поведения связан с понятием рационального, справедливого решения игры (так называемый принцип оптимальности в игре), определяемого в зависимости от конкретных содержательных особенностей конфликта.

Принципы оптимальности в теории игр вводятся как некоторые правдоподобные описания представлений о фактическом поведении игроков, принимающих решения в условиях конфликта или неопределённости (*граф*).

Все предложенные до сих пор принципы оптимальности прямо или косвенно отражают идею устойчивости ситуации, удовлетворяющей эти принципам. Однако в различных принципах оптимальности интуитивно оправданная идея устойчивости реализуется по-разному.

Многие принципы оптимального поведения игроков, представляющие на первый взгляд вполне разумными, в действительности могут оказаться нереализуемыми и потому неприменимыми. В связи с этим изучение условий, при которых те или иные интуитивно оправданные принципы оптимальности оказываются реализуемыми, и доказательства соответствующих теорем существования решения игры являются центральной проблемой теории игр, тесно связанной с проблемой *выбора* из множества допустимых альтернатив и проблемой *группового выбора*.

Сети Петри предназначены для описания функционирования процессов во времени. Функционирование сети Петри выражается в том, что в ней срабатывают переходы и изменяются маркировки. Это происходит следующим образом. Если во всех входных позициях перехода имеются фишки, переход называется возбуждённым. В результате срабатывания перехода из всех его входных позиций отнимается по фишке, а во все выходные позиции добавляется по фишке. Таким образом, каждое срабатывание перехода, вообще говоря, изменяет маркировку сети (однако маркировка сети может и не изменяться). Если возбуждены несколько переходов, срабатывает только один из них; какой именно – это зависит от внешних условий и самой сетью Петри не определяется. Поэтому при анализе функционирования сети Петри рассматриваются все возможные варианты срабатывания переходов. Разработка стратегии спортивных игр с помощью модели графа Петри – наиболее приближена к реальности, поскольку человеческое тело – это «машина времени».

Наш проект представлен в виде компьютерных моделей, он подтверждает возможность решения любых практических задач, в частности – как помочь человеку обрести мудрость тела, найти способы самореализации, с помощью спортивных игр постичь тайны человеческой культуры.

В работе исследуются реальные и формальные модели графа, компьютерных стратегических карт и пути умственного и физического развития игроков.

М.В.Лила (Переяслав-Хмельницкий, Украина)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ПОРОСТКОВ

Системное исследование психолингвистических особенностей развития иноязычной речи учащихся в процессе обучения иностранному языку имеет большое значение. В отечественной педагогической психологии разработана концепция зависимости развития ребенка от его обучения. Согласно этой концепции в основе становления личности лежит деятельность воспроизведения, на основе которой усваиваются соответствующие способности ученика.

Успешность усвоения иноязычных знаний обуславливается сложной системой психологических факторов. К ним относят особенности умственной деятельности ребенка, отношение к обучению, самооценку собственных успехов, уровень притязаний, возрастные и индивидуальные особенности развития, а также методы обучения, условия жизни и т.д.

Л.С.Рубинштейн подчеркивал, что процесс усвоения знаний является центральной частью процесса обучения. Этот процесс никак не сводится к памяти или запоминанию. В него включаются восприятие материала, его осмысление, запоминание и такое овладение им, которое дает возможность свободно употреблять приобретенные знания в различных ситуациях.

Необходимо выделить точку зрения П.П.Блонского относительно того, что процесс усвоения знаний не сводится к какой-нибудь определенной психической функции, а зависит от восприятия, памяти, мышления и речи на разных ступенях развития школьников, что взаимосвязь и взаимозависимость психических процессов в ходе усвоения знаний носит диалектический характер.

Большой интерес при постановке нашего исследования имели работы И.А.Зимней. Согласно данных ее исследования, у подростков продолжают совершенствоваться номенклатура и отбор речевых средств, их комбинаторика, способы формирования и формулирования мысли, совершенствуются все механизмы речи – память, мышление (осмысление), достоверность прогнозирования. Конечно, коммуникативное развитие подростка осуществляется на основе развития его формального, теоретического, рефлексивного, рассудительного мышления. В этом возрасте формируются умения размышлять гипотетико-дедуктивно, самостоятельно и творчески делать обобщения и выводы, открывать причинно-следственные связи, строить доводы. Учащиеся средних классов начинают сознательно пользоваться такими мыслительными операциями как сравнение, анализ, абстрагирование, индукция и т.д. На основе центрального психологического новообразования этого возраста – ощущения взрослости – мышление подростка становится все более самостоятельным, творческим, активным, формируется критичность мышления, а потом и самокритичность.

Приведём пример нашего исследования отдельных свойств мышления учащихся

7-9 классов. В отличие от предшественников мы изучали не только возрастные, но и индивидуальные свойства мышления учеников, которые сопоставляли с учебной деятельностью при изучении английского языка.

Рассматривая динамику развития объема мышления учащихся 7-9 классов, мы пришли к выводу, что диапазон индивидуальных изменений мыслительной операции обобщения сужается от +/- 30 (7 кл.) до +/- 16 (9 кл.) При этом развитие обобщения семиклассников составляет 58, восьмиклассников – 72, девятиклассников – 77 отыскиваемых признаков. Во время изучения словесно-логического

мышления были установлены индивидуальные отличия в развитии объема. Диапазон индивидуальных отличий семиклассников и восьмиклассников почти одинаковый, но он значительно шире, чем у девятиклассников. Что касается словесно логического мышления, то оно, согласно нашему исследованию, у восьмиклассников возрастает у 1,6 раза по сравнению с семиклассниками. Примерно такое же увеличение наблюдается и у девятиклассников по сравнению с учащимися восьмого класса (Лила М.В. Психологічні фактори успішного засвоєння учнями 7-9 класів іноземної мови. – Канд..дис. – К., 1997. – 151 с.).

Знания о влиянии психологических факторов на успешное овладение иностранным языком разрешают выделить условия повышения эффективности процесса обучения, одним из которых, как показало наше исследование, есть дифференцированное обучение в группах, выделенных на основании уровней развития внимания, мышления, памяти, наблюдения.

Аспирантка Е.А. Листопад (Москва)

ОБУЧЕНИЕ КРИТИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ ЧЕРЕЗ КРИТИЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ

В современном мире миссия системы образования значительно изменилась. С расцветом информационных технологий, повсеместным использованием глобальной сети Интернет, проблема нахождения интересующей человека информации перестала быть актуальной. На передний план вышла новая задача – выработать у учащихся правильный подход к отбору и обработке «вала» информации, вооружить их методами и инструментами, позволяющими им выносить собственные суждения и проводить собственный анализ информации. То есть развивать у учащихся ***критическое мышление*** (далее КМ), характеризующееся стройностью и цельностью суждений, критическим отношением к чужим и собственным мыслям, идеям, теоретическим положениям, мышление, сопряженное с наблюдательностью учащихся, их готовностью к самостоятельной работе с целью выработки новых знаний.

«Когда мы говорим о КМ, – пишет Е.А. Генике, – то имеем в виду не только обнаружение ошибок, несоответствий и поиск путей их исправления, но и следующее: открытость новым идеям, стремление к избежанию ошибок в собственных суждениях, знание разницы между возможно правильным и неправильным, осознание своего непонимания, разграничение обоснованных и необоснованных ошибок» [Е.А.Генике 2001: 33].

В целях обучения КМ преподаватели специализированных вузов [3, с.11-19] на занятиях по английскому языку развивают у студентов следующие навыки: умение применять в спорах аргументы, отстаивать собственное мнение, смотреть на старые идеи с новой точки зрения, отличать факты от предположений, выделять причинно-следственные связи и обнаруживать ошибки в них. К завершительному этапу обучения студенты овладевают навыками логического анализа, самостоятельной работы над решением учебных задач.

Приобретение навыков ***критического чтения*** является одной из основных задач и необходимым условием для овладения подъязыком специальности.

По словам З.А.Куприяновой, «существуют различные мотивы овладения профессионально ориентированным чтением: коммуникативные, познавательные,

мотивы самоутверждения, мотивы осмысленного чтения профессионально ориентированных текстов как вида учебной деятельности… Чтение научной литературы на иностранном языке, осознанная работа с текстом позволяют студентам овладеть логикой профессионального мышления, развить творческий потенциал, помогают свободно ориентироваться в потоке научной информации, что способствует становлению специалистов высокого уровня» [З.А.Куприянова 2002: 145].

Технология развития критического чтения состоит из следования трем фазам: ВЫЗОВ – ОСМЫСЛЕНИЕ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ – РЕФЛЕКСИЯ (РАЗМЫШЛЕНИЕ) [Е.А.Генике 2001: 35]. Соответственно, работа над каждым текстом разделена на три этапа: дотекстовый, текстовый и послетекстовый [Е.Н.*Соловова* 2001: 2-7].

На **дотекстовом этапе** преподаватель формулирует речевую задачу для первого прочтения, создает у студентов необходимый уровень мотивации, развивает навыки скорочтения, выбора ключевых слов и фраз, являющихся опорой для быстрого извлечения информации и понимания ее смысла. Например:

– сформулировать собственные предположения о содержании статьи;

– выразить согласие или несогласие с тем или иным утверждением;

– определить проблематику статьи;

– попытаться ответить на предложенные вопросы до прочтения статьи [Exploring Newspapers 2002].

Цель **текстового этапа** – проконтролировать степень сформированности различных языковых навыков и речевых умений и продолжить их формирование. На этом этапе студентам предлагаются следующие задания:

– ответить на предложенные вопросы;

– подтвердить правильность или ложность утверждений;

– сформулировать главную мысль каждого абзаца;

– Можно ли сказать, что…? Что доказывает то, что…? Почему…?;

– обобщить содержание абзацев, описывающих… [Exploring Newspapers 2002].

На **послетекстовом этапе** ситуация текста используется в качестве языковой/речевой/содержательной опоры для развития умений в устной и письменной речи. На этом этапе студентам предлагаются следующие задания:

– составить аннотацию (реферат) по статье, пользуясь предполагаемым планом;

– высказать собственное мнение по проблемам, рассматриваемым в статье [Exploring Newspapers 2002].

Таким образом, подобные задания являются весьма полезными с точки зрения овладения навыками критического чтения. Все они развивают умение читать между строк, извлекать необходимую информацию и давать ей критическую оценку, а также отрабатывают навыки скорочтения – всё, что является необходимым рабочим инструментом любого современного специалиста.

Цитируемая литература:

Генике Е.А. Анализ внедрения технологии «Развитие критического мышления через чтение и письмо» в высшее и последипломное образование в России // Сб. Через чтение в мировое образовательное пространство. М., 2001.

Куприянова З.А. Роль иностранных языков в формировании профессиональной компетенции // Обучение профессиональной лексике / Сб. материалов научно-практической конференции вузов правоохранительных органов России. М., 2002.

Мыльцева Н.А. Подготовка специалистов со знанием иностранных языков в высших учебных заведениях // Иностранные языки в школе. – М., 2006. - №7.

Соловова Е.Н. Обучение чтению: Лекция 8. Ч.2 // ELT News and Views. Issue 3 (20). September 2001.

Exploring Newspapers: Практическое пособие по обучению чтению газетных и журнальных статей / Авторы: *О.А. Кузнецова, Б.Г. Солдатов, Н.В. Солдатова, Н.П. Рявкина*. – Ростов-на-Дону: РИО РФ РТА, 2002.

Канд. пед. наук М.Ю.Олешков (Нижний Тагил)

СТЕРЕОТИП В ДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1. Существенным признаком дидактического взаимодействия является относительное стилевое единообразие речевого поведения участников (учителя и ученика) в рамках институционального дискурса. Это обеспечивается механизмом *ролевого поведения*: стандартная дидактическая коммуникативная ситуация, соотносится субъектом речи с типовой «контекстной моделью» [Dijk T. A. van. On macrostructures, mental models, and other inventions: A brief personal history of the Kintsch-van Dijk theory // Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch. — Hillsdale, 1995], задает типовой образ адресанта – речевую (дискурсивную) роль, поведение в рамках которой регулируется социально установленными предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнеров (учителя и учащихся).

2. Такая стереотипность речевого поведения членов образовательной среды (участников дидактического взаимодействия) обусловлена когнитивными и социально-психологическими факторами. Если считать, что ментальные схемы (фреймы, модели, сценарии), обеспечивающие человеку ориентацию в ситуациях и событиях, в которых он участвует или которые наблюдает, иерархически организованными структурами данных, аккумулирующими знания об определенной стереотипной ситуации [М.Минский. Фреймы для представления знаний. М., 1979 и др.], то следует признать, что именно они позволяют субъекту общения более или менее адекватно интерпретировать поведение других людей, планировать собственные действия и осуществлять их традиционными (принятыми в данном обществе) способами, что и позволяет партнерам интенционально понимать поступки и воспринимать их логику.

3. Есть все основания считать, что правила построения дискурсов в стереотипных (ритуализованных) дидактических коммуникативных ситуациях, известные большинству участников взаимодействия (учителю и учащимся), есть особый вид ментальных схем — сценарии, фиксирующие типовые способы реализации и обычный (стандартный) порядок протекания речевых событий, типичных для данной среды. (Ср.: *Здравствуйте, садитесь! На этот вопрос нам ответит… Смотрим на доску! А голову дома не забыл?* и т.п.). Такая когнитивно-конструктивная функция дидактического дискурса – своеобразный «горизонт

ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» [Ст.Гайда. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. Пермь, 1986]. Знание дискурсивных канонов («контекстной модели») обеспечивает идентификацию информации получателем (для чего часто бывает достаточно небольшого фрагмента дискурса), т.е. ориентировку в речевом событии (*Откроем учебники, параграф двадцать восемь*).

4. «Выстраивая» свое сообщение в соответствии с канонами данного дискурса, адресант (учитель) сигнализирует, что воспринимает данную дидактическую коммуникативную ситуацию как релевантную определенной модели и, следовательно, подает себя как носителя соответствующего социального статуса и исполнителя соответствующей речевой роли (учитель!), чем дает понять адресату (учащемуся), что хочет быть воспринят как учитель и тем самым предлагает ему роль, соотнесенную со своей (ученик!), то есть задает «правила игры» (*Васильев, уважай себя и своих товарищей. Веди себя как положено*). Таким образом, выбор дискурсивной модели (там, где он возможен) в определенной мере характеризует субъекта как обладателя личностных свойств, способствует созданию образа «держателя речи».

5. В еще большей степени дискурсивные каноны работают на формирование образа говорящего в случае, когда допускают вариативность речевого поведения: они служат фоном, на котором реализуются индивидуальные личностные свойства. Учащиеся судят об учителе в классной аудитории по тому, насколько и в каком направлении его речь отклоняется (или не отклоняется) от идеальной нормы (дискурсивной модели).

6. Итак, «горизонты ожидания для слушающих и модели построения для говорящих», своеобразные способы самоподачи и установления «правил игры», то есть дискурсивные дидактические модели, являются важнейшим средством организации дидактического взаимодействия, без которого эффективное речевое общение в рамках образовательной среды невозможно.

Канд. пед. наук С.С.Пашковская, студ. С.А.Пашковский (Пенза)

ИНФОРМАЦИОННО–КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (ИКТ) В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Использование компьютерных материалов позволяет интенсифицировать и индивидуализировать учебный процесс.

Менталитет современных учащихся таков, что они не мыслят себя без компьютера, а это серьезный мотивирующий фактор при обучении русскому произношению.

По данным Бовтенко М.А. (2006 г.), среди наиболее значимых факторов применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в преподавании иностранного языка, позволяющих улучшить качество обучения, студенты называют повышение мотивации к изучению языка и улучшение усвоения материала. «К числу средств ИКТ, способстующих повышению эффективности изучения иностранного языка, студенты относят возможности использования:

– видео- и аудиоформантов;

– интерактивных заданий;

– индивидуального темпа работы» (Бовтенко М.А., 2006 г.).

В учебнике можно воплотить одну концепцию, а компьютерная программа может вместить столько акцентов, сколько нужно преподавателю, но необходим сопоставительный анализ фонем родного и русского языков. Даже возможно несколько обучающих программ по одному акценту.

В обучении иностранным языкам, в том числе русскому языку как иностранному (РКИ), компьютерные технологии используются в течение нескольких десятилетий. В методике преподавания РКИ это направление представлено работами таких отечественных исследователей, как Э.Г. Азимов, Р.И. Бабаева, Т. Байер, А.И. Богомолов, М.Ю. Бухаркина, М.А. Бовтенко, Т.В. Васильева, Е.Ю. Васянина и др.

По русской фонетике подготовлен учебно–справочный комплекс (Кедрова Г.Е., Руденко-Моргун О.И., 2001 г.) с компьютерным приложением CD–ROM. “Взаимосвязанность частей мини-комплекса позволяет читателям вместо привычного линейного прохождения учебного материала «от и до» погрузиться в нелинейную информационную среду пособия, … каждый учащийся выбирает свой «вектор обучения», центральной может стать любая часть комплекса» (Кедрова Г.Е., Руденко–Моргун О.И., 2000, 2001 г.). Авторы выбрали такую форму представления учебного материала, который позволяет интегрировать в процесс обучения высокоэффективные компьютерные технологии.

Компьютер прочно завоевал репутацию инструмента самообучения и самообразования, оптимального для тренировки и контроля, но «…не рассматривается как средство для осуществления взаимодействия учителя и ученика в условиях работы в аудитории. Педагогу предлагается попробовать себя в новой роли – организатора учебной деятельности и партнера своих учеников» (Руденко–Моргун, 2006 г.). Преподаватель должен прогнозировать ход самостоятельной работы ученика, видеть предстоящие трудности и предполагаемые ошибки.

«Традиционные методы обучения не позволяют преподавателю во время урока постоянно иметь сведения об учебном поведении каждого учащегося его группы». В результате этого подавляющее большинство учащихся в каждый данный момент обучения не только ошибается, но и уверенно в правильности ошибочного ответа» (Артемов В.А., 1969).

Это препятствие легко устраняется при компьютерном обучении за счет постоянно действующей обратной связи каждого. Особенно это важно в обучении произношению.

Докт. филол. н., докт. психол. н. И.М. Румянцева (Москва)

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

На рубеже XX-XXI веков в образовании обозначился кризис, обусловленный не только сменой социальных приоритетов, но и рядом иных факторов, которые можно назвать вызовами времени.

1). Прежде всего, это информационное пресыщение людей, вызванное беспрерывно нарастающим потоком новой информации, которую человек просто вынужден «поглощать» и перерабатывать. Оно приводит к таким перегрузкам людей в процессе обучения, на которые их организм отвечает естественным блокированием каналов восприятия даже нужной и полезной информации.

2). К тому же, всё продолжающийся процесс урбанизации населения, отрыв человека от природы также приводит к существенному недоразвитию и сужению каналов восприятия человека, связанных с его органами чувств. Это усугубляется катастрофическим ухудшением экологической среды обитания людей, что выражается в необратимых потерях их здоровья, снижении физических и умственных возможностей.

3). В XXI веке стремительно нарастает масс-медийный прессинг, в том числе рекламы, под психологическим давлением которого находится каждый человек. С одной стороны, он неминуемо приводит к воздействию на эмоциональную сферу людей, которая либо притупляется, теряя чувствительность, либо, наоборот, переполняется агрессией, а с другой стороны – к включению защитных механизмов блокировки от любых воздействий, даже положительных.

4). Этот прессинг прививает также потребительское отношение человека к жизни, к труду и обучению («выиграю в лото Джек-пот – и всё, зачем трудиться!»), что также тормозит развитие интеллектуальной и эмоциональной сферы.

5). Современный человек буквально пресыщается всевозможными продуктами потребления, его трудно чем-либо удивить, заинтересовать. А это также чревато сужением каналов восприятия, притуплением эмоционально-волевой сферы и остановкой роста сферы интеллектуальной (ведь только «голь на выдумку хитра»).

6). В современном открытом информационном обществе поиск нужных и полезных человеку сведений не облегчается, а наоборот затрудняется обилием т.н. псевдо- и лжеинформации, отвечающей чьим-то корыстным интересам, что подрывает доверие к любой информации вообще. Человек буквально тонет в информационном море, не имея возможности получить то, что ему действительно нужно, захлёбывается вредоносной информационной пеной, в которой теряются ценные сведения. Он остро нуждается в проводнике, но не техническом, а человеческом, который помог бы ему не только добраться до берега, но и найти свой дальнейший путь.

7). Кроме того, глобализация общества, быстрый научно-технический прогресс заставляют человека не только учиться, а постоянно переучиваться, чтобы быть «наплаву». Общество требует всё более узкой специализации профессионалов, но с другой стороны, ему всё больше нужны универсалы, способные интегрировать достижения разных отраслей науки и техники, творчески и неординарно мыслить.

8). Наконец, существующие традиционные способы обучения в школах и вузах приводят к большой перегрузке левого «логического» полушария и «недогрузке» правого «творческого» полушария. При этом нарушается механизм нормального взаимодействия полушарий. Левое полушарие не разгружается от привычных актов, накапливающееся левополушарное утомление проявляется в виде психоневрозов, замедления психического развития, потери интереса к обучению, де-

виантного поведения. Обучаемый индивид утрачивает свою целостность и зачастую здоровье, о чем свидетельствует статистика. Данный процесс охватывает все типы современных учебных заведений.

Указанные выше факторы требуют перестройки традиционных программ обучения, создания новых психологических технологий в области образования, адекватных времени и современным условиям. Такие технологии вместе с тщательно продуманной модернизацией содержания образования, позволят перейти к эффективной здоровьесберегающей, отвечающей нуждам общества, системе образования. И внедрением только современных технических и информационных средств (компьютеров и сети Интернета, на которые делается упор во всех планах развития образования, в том числе и в Национальном проекте) здесь не обойтись, ибо инструментарий не решает проблему, а только помогает её решить.

И.Г.Тюкова (Пенза)

ДОГАДКА. НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЕ РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

При овладении иностранным языком широко используется догадка.

Догадка – это способ получения знаний, при котором по несознаваемым в данный момент признакам и без осознания пути движения собственной мысли человек делает вывод о сущности предмета или процесса, являющихся объектом познавательного внимания. Основу ее составляет аналитико-синтетическая деятельность студента.

В процессе обучения иностранных студентов русскому языку используются разные виды догадки: этимологическая, языковая и речевая.

Этимологическая догадка играет важную роль в самом начале процесса обучения иностранных студентов русскому языку. Этот вид догадки основан на полном или частичном звуковом (при аудировании) или зрительном (при чтении) сходстве слов русского языка с интернациональными, которые составляют почти 1/3 лексического минимума начального этапа.

Уже в конце начального этапа при семантизации новых слов преподаватель развивает у студентов языковую догадку. Этот вид догадки основан на знании языковой системы изучаемого языка: корня слова и словообразовательных аффиксов. Так, познакомившись с суффиксом *-тель,* студенты определяют значение существительных: *писатель, читатель, строитель, учитель* и пр. или, зная значение префиксов *вы-, в-, при-* и др., студенты без труда понимают глаголы: *выходить, вылетать, выбегать; входить, влетать, вбегать; приходить, прилетать, прибегать* и т. д.

Особым случаем языковой догадки является определение слов с переносным значением. При этом наличия языковых факторов недостаточно, он должен представить данный предмет, явление или действие образно. Зная, например, значение слова «дом» как здание, строение, помещение, студенты могут встретить словосочетания: *жилой дом, Дом культуры, Дом дружбы, Дом книги, Дом кино, дом отдыха, детский дом, Кукольный дом* и др.

Уже на начальном этапе обучения студенты встречаются с многозначными словами, такими, как например, слова: «план» *(план текста, план урока, план города);* «урок» *(урок русского языка, выучить урок, получить урок);* «школа» (наша школа, средняя школа, музыкальная школа, школа жизни); «дорога» *(дорога в университет, дорога в Москву, железная дорога, дорога жизни);* «курс» *(студент третьего курса, курсы русского языка, курс самолета)* и др. В данных случаях догадка возможна только при наличии контекста.

Развитая языковая догадка освобождает студентов от необходимости постоянно пользоваться словарем, что делает его работу творческой.

Языковая догадка является переходным звеном к речевой догадке, которая возникает в речевом потоке и обслуживает речь.

Можно выделить следующие подвиды речевой догадки:

1. Кумулятивная догадка. Она опирается на семантическую связь слов в предложении. Догадка о значении незнакомого слова или словосочетания происходит благодаря пониманию общего смысла предложения.

2. Догадка по ситуации. Ситуация может быть дана в описательной или наглядной форме. В последнем случае возникает догадка двоякого рода: общая, относящаяся к любой проблемной задаче, и на ее основе – речевая. Этот вид догадки характерен для начального этапа обучения.

3. Догадка на основе знания фактов реальной действительности. Этот вид догадки распространен на начальном этапе обучения, когда другие, более сложные виды догадки еще не проявляются.

4. Догадка на основе компетенции в определенной области знаний. Этот вид догадки необходим, например, при занятиях по общетеоретическим и специальным предметам.

Процессы речевой догадки до предела свернуты и протекают мгновенно. Но это не означает, что им невозможно обучать.

Развитие речевой догадки, как, впрочем, и языковой, достигается посредством определенной системы упражнений. А это в свою очередь может облегчить и ускорить процесс овладения иностранным языком.

Задача и искусство преподавателя заключается в том, чтобы суметь привлечь многообразный языковой материал и весь жизненный опыт обучаемых, научить их в работе над языком пользоваться своими знаниями из самых разных областей жизни.

Канд. пед. наук Н.В.Харченко (Переяслав-Хмельницкий, Украина)

ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ СВЯЗНЫМ ВЫСКАЗЫВАНИЯМ ТИПА РАССУЖДЕНИЙ

Овладение дошкольниками речевыми навыками и умениями построения рассуждений способствует интеллектуальному становлению детей, развитию у них словесно-логического мышления, оперативной речевой памяти, познавательной активности.

Речевые навыки рассуждения – это речевые операции, которые реализуются неосознанно, с полным автоматизмом в соответствии с языковыми нормами и используются для самостоятельного выражения суждений.

Речевые умения рассуждения – это речевые действия произвольного выбора и комбинирования (сочетания) речевых операций (навыков) в процессе коммуникации. Это коммуникативно-речевые умения на уровне общения, а не осознания существенных признаков рассуждения, его структурно-смысловых частей.

Недостаточный уровень сформированности у старших дошкольников навыков рассуждения негативно влияет на дальнейшее развитие у детей речевых умений построения рассуждений, поскольку они [умения] формируются на основе интуитивного детского опыта – речевых навыков.

Осознать, осмыслить и объективировать понятие “рассуждение” возможно при наличии данной языковой единицы в эмпирической речи ребёнка, когда ещё до обучения в школе сформировалось “языковое чутьё” рассуждения, а также когда соответственный тип монолога функционирует в речи ребёнка и он свободно им оперирует на практическом уровне.

Специфика речевой работы с детьми старшего дошкольного возраста заключается в том, чтобы на практико-эмпирическом, интуитивном уровне обеспечить аналого-чувственное овладение детьми навыками и коммуникативно-речевыми умениями построения рассуждений, базируясь на присущем детям ощущении и восприятии речи, путём организации лингвистически корректного обучения. Вопросы рефлексии в обучающем процессе не ставятся. Композиция рассуждения не является предметом осознанного усвоения детьми; она усваивается дошкольниками на уровне генерализации структурно-смысловых отношений рассуждения.

В обучении старших дошкольников связным высказываниям типа рассуждений можно выделить два этапа: подготовительный (логико-синтаксический) и основной (функционально-смысловой).

Целью подготовительного этапа является обогащение эмпирического речевого опыта детей (аудирование и говорение) синтаксическими конструкциями с причинно-следственными отношениями и последовательным накоплением в памяти ребёнка логических форм выражения мысли (понятие, суждение, умозаключение), а также лингвистических (слова, словосочетания, предложения). На этом этапе у дошкольников важно формировать следующие навыки и умения: аудировать, воспринимать и понимать содержание рассуждений; выявлять в окружающей среде, в речевых образцах причинно-следственные связи и отношения, передавать их в собственных рассуждениях; вычленять существенные признаки предметов и явлений для доказательства выдвинутых тезисов; оперировать в рассуждениях понятиями, высказывать суждения, делать умозаключения на основе нескольких суждений, фактов; интонационно выразительно высказывать сложноподчинённые причинно-следственные предложения, используя специальные языковые средства связи между главными и подчинёнными их частями; пересказывать текст-рассуждение.

Цель основного этапа – практическое (аналого-интуитивное) овладение дошкольниками логическими и лингвистическими закономерностями построения рассуждений. Этот этап связан с формированием у детей навыков и умений интуитивно выбирать “рассуждение” для выражения причинно-следственных связей и

отношений, объяснения и доказательства собственной точки зрения; использовать наиболее весомые аргументы и адекватные языковые средства для связи структурно-смысловых частей рассуждения; придерживаться структуры рассуждения (тезис, аргументы и доказательства, умозаключение); интонировать монолог в соответствии с логико-интонационными и смысловыми разновидностями рассуждений; логически и последовательно формулировать собственные мысли в рассуждении.

Аспиранты Чжу Лицюнь, Ли Чинхуа (Чанцунь, КНР)

О ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В последнюю треть XX века советские лингвисты разработали теорию и методику учебного предмета “лингвострановедение”, которой вошёл важной составной частью в преподавания русского языка для иностранцев.

При изучении любого иностранного языка необходимо одновременно изучать и историю, политику, экономику, и культуру народа – носителя данного языка. Цель обучения заключается не только в овладении учащимися новым способом выражения, и передачи существующего в сознании понятия, но и в получении необходимой культуроведческой информации и новых лингвистических знаний – потому что в процессе обучения иностранному языку вместе с упражнением в совершенствовании языковых и речевых навыков и умений надо обучать фоновым знаниям о стране и её культуре, воплощённым в языке. Потому что язык и культура неразрывно связаны, а передача знаний по страноведению способствует пониманию языка и владению им.

В любом языке лексическая семантика более всего воплощает информацию о культуре носителя языка. Как соотносится такая лексика в разных языках? Существует эквивалентная лексика, то есть слова двух языков совпадают. Например, *вода, земля небо, воздух.* Их легко понять и перевести. Существуют слова, которые выражают специфический концепт, свойственный только русской культуре, они называют предметы и явления, которые в других культурах отсутствуют. Мы называем их безэквивалентными. Например: *октябрьская революция, большевик, субботник, комсомольская свадьба, ваучер* и т. д. Эти слова возникли в определённый исторический период и в особых социокультурных условиях. Они содержат в себе богатое страноведческое содержание, отражают исторические факты и особенности современной жизни русского народа. При работе над этими словами мы знакомим студентов с фоновыми знаниями, связанными с этой лексикой, а также соотносящимися с ней обычаями русского народа. В китайской аудитории наибольшую трудность представляют следующие случаи.

Во-первых, это фразеологизмы, пословицы, поговорки, изречения. Родившись в гуще народной жизни, они отражают всю многогранную жизнь народа, все сферы деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями и являются ценными в лексике языка. Объяснение значений таких устойчивых единиц нередко сопровождается страноведческими комментариями. Например: *Слово приходит золотниками, а уходит пудами.* Без дополнительного предварительного толкования мер веса иностранцу трудно понять пословицу (*золотник* – самая ма-

лая русская единица веса, равная 4,266 граммов, употреблявшаяся в основном при взвешивании золота и серебра; *пуд* – русская мера веса, равная 16,38 кг, применявшаяся до введения метрической системы мер).

Во-вторых, это слова, иллюстрирующие традиции русских. Например, фоновое значение русского слова *“раздеваться”* не совпадает с традицией закреплённой за этим понятием в китайской культуре. Все знают, что в большинстве регионов России зимой холодно, но в комнатах тепло. Войдя в комнату, гости снимают пальто. Это означает и уважение к хозяину. В России на дверях часто написано: “Просьба в верхней одежде не входить”. Ещё например: *самовар* – это предмет быта, символизирующий Россию. При объяснении этого слова, кроме описания внутреннего и внешнего вида самовара, мы дополнительно рассказываем и об обычае русского чаепития. Во время чаепития русские угощают гостей, не просто чаем, как китайцы, а чаем с сахаром или с вареньем, с мёдом и непременно с печеньем или с какой-либо другой выпечкой.

В-третьих, это слова, связанные с историческими событиями и явлениями, и слова, отражающие исторические периоды СССР и нынешнюю Россию. Например: *декабристы, гимназия, уезд, губерния, город-герой, военный коммунизм, мать-героиня, ваучер, шоковая терапия* и так далее. Например, при объяснении значения словосочетания “ *студенческие строительные отряды”* мы подробно описываем все детали данного явления. В летние каникулы студенты добровольно едут в разные места, где нужны рабочие руки. Они знакомятся со своей страной, в труде закаляют свою волю, воспитывают в себе самостоятельность и, что немаловажно, зарабатывают деньги.

Известно, что кроме главного способа человеческой коммуникации – языка, важными невербальными средствами общения являются соматические речения – жесты, мимика, телодвижения. Разные нации употребляют невербальные средства общения неодинаково. Например, в знак удивления, недоразумения и непонимания русские привычно пожмут плечами, а китайцы покачают головой; русские обычно проводят рукой по шее, выражая, обозначая тем самым, что сыты по горло. У китайцев этот означает самоубийство или обезглавливание. Ещё о мимике. Посредством улыбки в Китае дополнительно выражается уважение к собеседнику. Например, принято обслуживать с улыбкой. А в России другая ситуация. Обычно русские служащие на работе серьёзны. Улыбка не используется как знак вежливости. Только при общении со знакомыми русские улыбаются или громко смеются.

В процессе обучения, исходя из содержания текста, объясняем студентам ситуации конкретного употребления мимики, телодвижений и привычных действий. Например, выражая сожаление, извинение, благодарность и просьбу, русские прижимают руку к груди ; китаец одной кистью руки обнимает другую кисть, вытягивает руки вперёд и кланяется. Глубина поклона зависит от степени уважения. Русские постукивают пальцами себя по голове (по лбу), выражая колебание, затруднение. В Китае пальцы рук собираются в замок и покачивают вертикально расположенными кистями рук.

Страноведческое значение воплощено в формах речевого поведения. Например, не совпадает внутренняя форма приветствия в русском и китайском языках. При встрече китайцы спрашивают “Куда ты собираешься?”, “Ты кушал?”, выска-

зывают интерес к делам собеседника, а русские выражают пожелание “Доброе утро! ” “Здравствуйте!” Китайские приветствия выражены вопросительным предложением, а русские – восклицательным. Услышав звонок и сняв трубку, русские не говорят, как китайцы, “Я здесь. Говори, пожалуйста”, а обычно “Да. Слушает N”и т.п. В китайской реплике содержится информация о местонахождении “Я здесь”, в русской реплике компонент “Да” выражает готовность продолжать диалог, начатый позвонившим. Формулы речевого общения как языковые штампы, речевые привычки, осваиваются в коммуникативной ситуации.

Яркие национальные особенности соматического языка обусловливают разницу и сходство речевого поведения в разных культурах. Правильному пониманию и уместному употреблению невербальных средств – мы обучаем с опорой на текст, в конкретной ситуации общения.

Страноведение обеспечивает культурологические знания о коммуникации. Без этих знаний возникали бы недоразумение или непонимание, как в следующем случае. В пятидесятые годы китаец-студент учился в СССР. Он отличался своими успехами, по окончании учёбы ему подарили значок с рисунком совы в знак поощрения. Но подарившие не знали, что сова в Китае – это символ коварства и хитрости и считается зловещим предзнаменованием грядущего несчастья. Это пример говорит о том, что отсутствие страноведческого понятия неизбежно вызывает недоразумение и доказывает важность страноведческих знаний.

В связи с быстрым развитием науки и техники наша страна нуждается в большем количестве специалистов, хорошо владеющих русским языком и речью, знающих русскую культуру и менталитет нации. Лингвострановедение поставлено перед преподавателями русского языка как новая проблема. Итак, наша задача заключается в следующем: 1) осознать роль и место лигвострановедения в курсе обучения русскому языку; 2) теоретически доработать его, с учётом диалога русской и китайской культур; 3) внедрить курс в практику (см. также: Чжао Нунчзюань. Русские соматические речения и их сопоставление с китайскими // Journal of Xi’an International Studies University. Vol. 13, No. 1; Тань Линь. Курс по лингвострановедению / Под редакцией Ю.Б. Смирнова. – Чанчунь: Издательство Цзлиньского университета, 1992).

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Доктор филол. наук Д.Н.Жаткин (Кузнецк)

О РОЛИ НАЗВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на материале творчества А.А. Дельвига)

Название является составной частью литературного произведения и несет в себе основную идею, заложенную в художественной ткани текста. В творчестве русских поэтов пушкинской плеяды, в частности А.А. Дельвига, имел место профессиональный подбор лексики для создания семантико-эмоционального единства произведений.

Название текста может иметь прямое, переносное или образно-метафорическое значение. Стихотворений, названия которых прямо указывают на предмет описания, в творчестве А.А. Дельвига совсем немного. Например, свободная синтаксема «*Жаворонок*» раскрывается посредством соотнесения с конкретными особенностями пения жаворонка в конструкциях типа *воздушные трели, внимая свирели*. Бытийный характер названия *«Первая встреча»* передаётся через развитие семантической линии: *юноша пришёл в село, меня к нему влекло, и взоры пламенны его мне что-то изъясняли, и с жаром обнял он меня, краснела, трепетала, покинул он меня*. При этом средства языка позволяют охватить и локализовать непродолжительный временной период, отражённый в названии.

Темпоральная семантика периодов человеческой жизни находит отражение в стихотворениях А.А. Дельвига «*Мои четыре возраста*» и «*Четыре возраста фантазии*». Но если в первом случае прямо говорится о детстве, молодости, зрелости и старости, то во втором раскрытие этих понятий происходит через процесс изменения фантазии, получающей не только темпоральные, но и квалитативные характеристики: *тешит игрушкой младенцев, вместе с любовницей юношу мучит, мужа степенного лавром…прельщает, а вот старцу…ничем не блестит*, поскольку ему уже нечего ждать на земле. В названии «*Четыре возраста фантазии*» очевидно совмещение прямого и образно-метафорического значений, поскольку возраст людских фантазий во многом зависит и от возраста самих людей.

Аналогичное совмещение значений мы видим в названиях стихотворений А.А. Дельвига «*Моя хижина*» и «*Домик*». Их раскрытию способствуют создаваемые при помощи языковых возможностей гедонистические картины, обязательными атрибутами которых являются ручей и посевы: *вот мой ручей, мои посевы («Моя хижина»), в кустах огорода… бежит и журчит ручей («Домик»).* Отбор лексики в этих стихотворениях связан с квалитативным признаком, характеризующим тихую, уединенную жизнь, спокойствие, эксплицитно обозначенные в названиях самих произведений. Два лексических значения – прямое и основанное на метафорическом переносе – имеет название стихотворения «*Роза*». Роза – это и душистый цветок, который вплетается в один венок с лилией, ландышем, и зарумянившаяся пастушка, стыдящаяся принять этот венок в подарок. Совмещение прямого и образно-метаморфического значений имеет место также в названии

другого произведения – «*Луна*». С помощью синтаксических средств создаются образы небесного спутника Земли, что печально глядит в окошко, и Лили – непостоянной, переменчивой девушки. При помощи конструкций с местоимением 1-го лица единственного числа в качестве подлежащего формируется атмосфера сопричастности описываемому: *я… сидел, я слышал, я видел, я прошлое живо душой вспомянул, из трубки я выдул сгоревший табак.*

Образно-метафорическое значение названий обращает на себя внимание в стихотворениях «*Две звездочки*», «*Тленность*» и др. Семантика лексемы *звездочка* раскрывается в строках стихотворения: … *есть две звездочки // приветные, прилучные, // глаза моей красавицы.* Следовательно, «*звездочки*» имеют колоритное значение светящихся, полных добра людских глаз. *Тленность* в одноименном стихотворении показана через образ фиалки, радующейся солнцу, теплому лету, живительной влаге бегущего ручья, но обреченной на увядание и смерть. Автором создано особое темпоральное пространство – в одном предложении соседствуют реальное и ирреальное измерения, передаваемые посредством глаголов настоящего и будущего времени, что способствует демонстрации аморфности границ бытия, охватываемого тлением.

В переносном значении употребляются названия многих произведений об античности, поскольку через далекое прошлое А.А. Дельвиг стремился раскрыть современность. *Цефиз* не просто герой античности, именем которого названа идиллия поэта, но и символ истинной дружбы, духовной щедрости. Помимо Цефиза Дельвиг называет и другие мифологические имена – *Лидий, Дафна, Филинт.*

В целом мифологические имена и названия выступают в заголовках произведений Дельвига в различных значениях. В стихотворении «*К Амуру*» имя божества, к которому поэт обращается с просьбой помочь обрести любовь прекрасной девушки, употреблено в прямом значении. Напротив, в переносном плане используется в заголовке другого произведения имя известного литературного персонажа *Хлои*. У Дельвига так зовут девушку-насмешницу, наказавшую за беспутство любвеобильного старика. Перенос в плане материального воплощения идеального явления очевиден в названии стихотворения «*Купидону*», которое содержит обращение не к божеству любви, а к его скульптуре из камня, словно ожившей «*под гения сильной рукой*».

У Дельвига в качестве заглавий многих стихотворений выступают абстрактные существительные. В «*Утешении*» он призывает надеяться, что на том свете будет лучше, нежели в реальной жизни, при этом активно используя императивные предложения: *Злобу людей…прости и забудь: К солнцу впоследнее взор обрати…и утешься.* В «*Грусти*» поэт раскрывает состояние человека, которого в счастливую минуту охватили тяжкие, тревожные ощущения. Поэт находит наиболее выразительные слова, чтобы показать, как грусть *жмет, волнует* человеческое сердце. Вопросительные синтаксические конструкции со значением предположения, догадки привносят в художественную ткань произведения оттенок компликативности. В сонете «*Вдохновение*» Дельвиг, используя лексическое и грамматическое богатство языка, дает содержательные характеристики художественной индивидуальности любого поэта, который *прочитал свое предназначенье, говорит с грядущими веками, клевете мстит славою своей, делится бессмертием с*

богами. Прилив творческих сил, духовный подъем передается при помощи высокой, часто устаревшей лексики: *разлученье, разуверенье, пиит* и др.

Таким образом, тонкое проникновение в семантику и выразительную сочетаемость языковых средств позволяет А.А. Дельвигу, как, впрочем, и другим поэтам «пушкинской илеяды», давать своим произведениям глубоко продуманные и обусловленные авторским замыслом названия.

Канд. филол. наук Ю.С.Паули (Кемерово)

ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫДЕЛЕНИЯ АНАФОНИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ ИДИОСТИЛЯ

В рамках лингвокреативного моделирования *идиостиль* понимается как специфический способ репрезентации значимых для автора смыслов, обеспечивающий процесс самовыражения «духовной (т.е. творчески проявляющей себя – *Ю. П.*) индивидуальности» (В. фон Гумбольдт). Стилевое своеобразие дискурса складывается в условиях национального языка, определяющих закономерности формирования индивидуально-авторского понятия. Самостоятельность человека проявляется при концентрировании усилий на одном из дискурсивных элементов – доминанте идиостиля – и степени интенсификации его выражения. Стилеобразующим свойством способна обладать *осно́вная анафония*, представляющая собой полное/частичное воспроизведение звукобуквенного состава корня или мотивирующей основы деривата-темы.

Закрепление в идиостиле анафонической доминанты обусловлено флективным строением русского языка, вызывающим у его носителя «ощущение повышенной релятивности» определяемого слова (П.А.Катышев). Значимыми факторами доминантности осно́вной анафонии являются синтетическое объединение в слове маркеров лексической и грамматической языковой категоризации, фузионная целостность слова и его свободное включение в состав предложения и текста (В. фон Гумбольдт). В определяемом деривате содержится указание на те отношения, в которых данное слово находится с другими словами. Созвучные же ему конкретизаторы могут вступать в пространстве дискурса в разнообразные синтагматические отношения.

Примером творческого развития стилеобразующих свойств осно́вной анафонии является дискурс Н. А. Бердяева. Авторский замысел философского трактата «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» заключается в определении богочеловеческой сущности человека и представлен посредством образа, организованного вариантами словообразовательной формы *творчес/тво : твор/чество : творч/ество*. Данный темообразующий дериват кумулирует в себе авторский замысел и обусловливает формально-содержательное развертывание дискурса. Доминантным способом его раскрытия является конкретизация посредством анафонических перифрастических выражений. Например, ***творчес/тво : твор/чество : творч/ество*** ***конкретизируемое*** ← *раскрытие* ***творчес****кой тайны*: *способность со****твори****ть*: *бытие* ***Творц****ом*: *принадлежность к* ***творчес****кой мировой эпохе* ***конкретизаторы•***

Дополнительными факторами укоренения анафонической доминанты в идиостиле выступают структурно-семиологические свойства деривата-темы *творчество*, а именно многоморфемное строение мотивирующей основы *твор/ч/ес/тво* (*твор/ч/е/ство*) и принадлежность к древнему макрогнезду с индоевропейскими корнями *tuer- : *tuȯr-. Абстрактный характер семантики деривата-темы коррелирует с особенностями его словообразовательной формы (ростом аналитизма его внутрисловной структуры).

Стало быть, предпосылками доминантности того или иного дискурсивного элемента являются системные свойства языка и структурно-семиологические особенности конкретизируемого деривата-темы, интенсифицированные при концентрации духовного внимания на данном элементе. Его стилеобразующая значимость выражается в способности формировать индивидуально-авторское понятие, обеспечивать его дискурсивное развертывание и текстовое воплощение.

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Ульяновск)

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ
(на материале прочтения политического послания М.Горького)

В качестве единичного в фоносемантических средствах на уровне коммуникации выступает конкретное использование того или иного фоносемантического средства, актуализованное в конкретном коммуникативном акте воспринимающим (а ранее – говорящим или пишущим) субъектом.

Примером единичного, уникально-неповторимого использования фоносемантических средств, актуализованного М.Горьким в процессе коммуникации с автором настоящего доклада, может послужить то, что мы определяем как политическое послание М.Горького. Тот факт, что коммуникация состоялась много лет спустя после смерти писателя, в данном случае особой роли не играет.

В 1995-ом году это политическое послание мы обозначили как политическое завещание М.Горького и писали буквально следующее (см.: А.В.Пузырёв 1995: 305-314).

Горький – фигура одиозная. Идеолог тоталитарного сталинского режима, он завёл всех писателей в стойло социалистического реализма, организовал для них казарму, Союзом советских писателей именуемую, одобрил настоянную на крови коллективизацию, воспел соловецкие лагеря... Так что поделом классику, что его литературный псевдоним – «Горький» – не омрачает теперь карты России, поделом ему, что торжествует историческая справедливость в возвращении исконных названий городским улицам и даже станциям метро, никогда ранее кроме как «Горьковскими» не называвшимися. Может быть даже, где-нибудь – с помощью подъёмного крана и в присутствии собравшихся – снесли писателю памятник (как другому злодею – Ф.Э.Дзержинскому) или, в более мягком варианте, измазали его краской. Уйдёт М.Горький и из школьной программы. «Бунин и Короленко, – справедливо пишет И.П.Золотусский, – не стали бы фотографироваться с чекистами на Соловках, не занялись бы призывом «ударников в литературу» (И.П.Золотусский 1989: 60).

На одну речевую небрежность в статье М.Горького «Ударники в литературе» (а затем – на саму статью) как раз и хотелось бы обратить внимание.

Следует признаться, автор настоящих строк никогда не предполагал, что названная статья М.Горького заслуживает какого-то внимания. Перелистывая книгу А.Мясникова «М.Горький: Очерк творчества» (А.Мясников 1953), мы случайно наткнулись на такой пассаж: «Следуя указаниям партии. Горький советовал в свое время молодым писателям глубоко подумать «о борьбе социалистически организованной воли не только против упрямства железа, стали, но главным образом о сопротивлении живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека». Горький учил советских писателей показывать, как в непримиримых конфликтных столкновениях старое, отживающее, консервативное уступает место новому, рождающемуся, прогрессивному» (А.Мясников 1953: 604). Что нас поразило в этом пассаже? – То, что в цитате из неизвестного нам тогда выступления М.Горького соседствовали два слова («стали» и «но»), как бы составляя имя Сталина.

Первая, поначалу пришедшая мысль была: «Это – случайно». Но эта мысль столь же быстро и ушла: нам было известно, с какой настойчивостью М.Горький воевал против непредусмотренных эффектов в прозе, когда в результате стечения двух слов возникало смешное нежелательное третье (типа: «Мы ветераны, мучат нас раны» – пример, приведённый В.Маяковским в статье «Как делать стихи»).

Ведь это Горький в письме к Н.В.Чертовой от 11 января 1928 года настоятельно советовал: «Следите, чтоб конечный слог слова не сливался с начальным другого, образуя ненужное третье, например, «как ка-мень», «бреду ду-мала» и т.д.» (М. Горький 1956: 63).

Ведь это М. Горький в статье «О начинающих писателях» (1928 г.) по поводу фразы «Он писал стихи, хитроумно подбирая рифмы, ловко жонглируя пустыми словами» удрученно констатировал: «Автор не слышит в своей фразе хихиканья, не замечает "мыло"». Обобщая подобные случаи, когда «из двух слов, неосторожно поставленных рядом, образуется ненужное и, часто, смешное третье», именно он с грустью отмечал: «Такая глухота весьма обычна у молодых писателей» (М.Горький 1953: 414). И примеров обострённого внимания М.Горького к эффектам сочетания поставленных рядом слов нам был известен не один десяток.

Так разве мог писатель, необычайно чуткий, как сказали бы психолингвисты, к наиболее автоматизированным уровням речевой деятельности, – разве мог он не заметить типичную, по его же собственному мнению, для молодых литераторов речевую ошибку? – В это поверить трудно.

Писатель не мог проглядеть такую» грубую и достаточно опасную речевую ошибку и потому, что ассоциация «сталь – Сталин» была узуальной, слишком привычной для того времени, тем более что сам Коба усвоил «русский псевдоним Сталин, производя его от стали» (Л.Д.Троцкий 1990: 27).

Основоположник соцреализма не мог оставить без внимания стечения «стали – но» и потому, что приём сокрытия, маскировки нужного собственного имени был ему слишком хорошо известен – этот приём издавна используется в литературе, особенно в поэзии. Горький не мог не знать стихотворения Д.Д.Минаева «Кумушки», где были зашифрованы фамилии генерала А.В.Паткуля и военного губернатора П.Н. Игнатьева: его стихотворение, запрещённое в своё время цензу-

рой, – ходило по рукам в списках и было в годы первой русской революции напечатано. Тогда же, в годы первой революции, в № 28 «Зрителя» (1905 г.) появилась хлёсткая эпиграмма В.С.Лихачева на царствующую династию – «Писателю Самозванову»:

Сочинена тобою, Самозваное,
Романов целая семья;
Но молвлю, правды не тая:
Я не люблю твоей семьи романов.

Стоило проницательному читателю в последней строке поставить запятую, как она приобретала оскорбительный вид: «Я не люблю твоей семьи, Романов»... Надо ли говорить, что за опубликование эпиграммы редактор-издатель был привлечён к судебной ответственности по ст. 103 Уголовного уложения, предусматривавшей наказание лиц, виновных «в оскорблении царствующего императора…»

В тридцатые годы двадцатого столетия ситуация у нас в стране, как известно, была более суровой. За один только намёк на «великого гения всех времён» человек мог бесследно исчезнуть. По словам Г.Гусейнова, его добрый и старый знакомый отсидел «восемь лет за сказанные им любимой подруге слова: «Я работаю в институте стали и лени» (*Г. Гусейнов* 1989: 74). И Горький шифрует поэтому важное для него слово не в стихотворной форме, которая сразу бы обратила на себя внимание и просто не дошла бы до читателя, а в обычной рядовой статье. Пропуск в предложении одного «но» (слова «не только против упрямства железа, стали, но...» расшифровывались Горьким и его внимательными читателями как «не только против упрямства железа Сталина, но...») в этом смысле служит большей степени зашифровки, а также – подготовке алиби на случай возможного объяснения с известными компетентными органами.

Всё вышесказанное сразу же представилось автору этих строк, когда он «споткнулся» на стечении двух разделённых запятой слов «стали, но». Перед нами встал один вопрос: откуда эти слова М.Горького?

Поиски привели к статье «Ударники в литературе». Эта статья М.Горького впервые увидела свет 21 мая 1931 года в «Ленинградской правде», в бытность С.М. Кирова 1-ым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б). Порицая недорослей из пролетариата» и утверждая, что ударник – это, кроме всего прочего, человек, который пытается и умеет рассказать» (т.е., очевидно, владеет языком и чувствует все его оттенки? – А.П.), М.Горький наставляет: «Вот, подумайте-ка о значении той силы, которая позволяет человеку оформлять материю, не имеющую формы, и одновременно оформлять словами процесс преодоления сопротивления материи. Тут есть над чем подумать и есть что изобразить, потому что ведь речь идет о борьбе социалистически организованной воли не только против упрямства железа, *стали, но* главным образом о сопротивлении живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека» (выделение наше – А.П.).

Самое любопытное в том, что восстановление в тексте имени «Сталина» проясняет туманность выражения и делает фразу более понятной, ср.: «Вот, подумайте-ка о значении той силы, которая позволяет человеку оформить материю, не имеющую формы, и одновременно оформлять словами процесс преодоления материи. Тут есть над чем подумать и есть что изобразить, потому что ведь речь идет о борьбе социалистически организованной воли не только против упрямства

железа Сталина, но главным образом о сопротивлении живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека».

О чем же именно призывает писатель подумать? – о значении творческой силы для писателя, позволяющей Горькому, с одной стороны, «оформлять материю, не имеющую формы», т.е. включить в текст важное для писателя слово («Сталин»), не оформленное в тексте как имя собственное, а с другой стороны – «одновременно оформлять словами процесс преодоления материи», т.е. замаскировывать это слово, создавать для него защитный фон и – что не менее важно – обозначать сам факт тайнописи, или криптограммы (по Ф.де Соссюру). Горький так и пишет: «Тут есть над чем подумать и есть что изобразить...»

Заказав нужный номер «Ленинградской правды», мы поразились тому, насколько понятливым и сочувствующим Горькому оказался наборщик. Слова «Тут есть над чем подумать и есть что изобразить» набраны чуть ли не вразбивку, т.е. явно выделены наборщиком. Слова «стали, но» расположены наборщиком в одной строке (!), хотя и максимально удалены друг от друга, в то время как слово «стали» будто прилеплено к слову «железа», т.е. следует за ним без всякого пробела. Подчёркнутое выделение – с помощью разбивки и пробелов – слов-указателей «Тут есть над чем подумать и есть что изобразить» (а внутри этих слов – сочетаний «тут есть над чем...» и «есть что...»), рваный ритм расположения слов в наиболее важной типографской строке

упрямства железа,стали, но глав-

не оставили у нас никакого сомнения в том, что наборщик горьковской статьи оказался первым конгениальным писателю читателем (наборщики других изданий горьковской статьи оказались менее догадливыми или, по крайней мере, более осторожными).

Но что именно «изображает» писатель? – Борьбу «социалистически организованной воли» против упрямства железа Сталина, а также «сопротивление живой материи».

Одна из частей предложения: «...о сопротивлении живой материи», – может получить по крайней мере два толкования. Если считать слово «материи» употреблённым в родительном падеже (сопротивление кого? чего? чье? – материи), то речь идет о сопротивлении со стороны «живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека». При таком подходе в контексте чувствуется определённая самооценка со стороны писателя, не решившегося выступить против Сталина открыто.

Но если слово «материи» считать употреблённым в дательном падеже (сопротивление кому? чему? – материи), – и это прочтение представляется более точным – то речь идет уже о сопротивлении Сталину как олицетворению «живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека». При таком подходе М.Горький относит себя к представителям «социалистически организованной воли», борющимся с «упрямством железа Сталина». А помогает писателю в этой борьбе «сила, которая позволяет человеку оформлять материю, не имеющую формы», т.е. язык, о значении которого он и предлагает подумать в начале абзаца.

Полагаем, что А.М.Горький, прекрасно владевший всеми изгибами речи, предвидел возможность двоякого прочтения своей фразы и предпочёл сохранить многозначность (для понимающего читателя) или туманность выражения (для по-

верхностных или непосвящённых читателей). С точки же зрения культуры, поборником которой писатель был всегда, он как бы пропускает элементарную речевую ошибку типа «Поздравление дочери отправлено вовремя (кого? чье? – или кому?). В данной ситуации, однако, перед нами не ошибка, а вполне осознанный приём.

Кого, кроме себя, причислял М.Горький к представителям «социалистически организованной воли»? Выступая летом 1992 г. на симпозиуме «Литература и власть», – проводившемся Норвичским университетом, с докладом «Почему Сталин убил Горького?» (см. статью Вяч.Вс.Иванова «Загадка последних дней Горького» – *Вяч.Вс. Иванов* 1993; см. также: *А. Латынина* 1992: 3), Вяч.Вс.Иванов – на основании тщательного анализа многочисленных свидетельств и их сопоставления – пришёл к выводу, что Горький рассчитывал на победу сил, противостоящих Сталину. И, по-видимому, не ограничивался лишь надеждой. Возможно, указывает Вяч.Вс. Иванов, именно через Горького Рыков и Бухарин пытались войти в контакт с Ягодой – человеком, близким к Горькому. Столь же вероятно, по мнению учёного, что Горький принимал участие в деятельности антисталинской коалиции, существование которой обычно недооценивается – не исключено даже, что посылал сына Максима в 1934 году с поручением к Кирову.

Но вернёмся к зашифрованной фамилии «великого гения всех времён и народов». Надо ли объяснять, почему М. Горький не высказался открыто? – Очевидно, потому, что он просто не смог бы этого сделать: ему не дали бы этого сделать. Зададимся, однако, вопросом: только ли криптограммой «Сталина» привлекает внимание статья М.Горького «Ударники в литературе»? На наш взгляд, она недооценена литературоведами. При внимательном её прочтении сплошь и рядом обнаруживаются строки, имеющие очень даже двусмысленное значение.

Так, сразу же после процитированного в начале настоящих заметок абзаца («Вот, подумайте-ка о значении...») следует такой абзац-пассаж о чрезвычайной содержательности литературы ударников: «В очерке ударников можно прочитать о том, как молодёжь омолаживает стариков, о том, как лентяй, охраняя свою лень, обжигает руку товарища, можно узнать, почему иногда старик моложе юноши, и вообще узнать о «творимой» действительности весьма много полезного». Не напоминает ли по ироничности интонации данный пассаж обращение крыловской Лисы к Ослу? – «Отколе, умная, бредешь ты, голова?»

Следующий за этим предпоследний абзац статьи заканчивается словами другой тональности, но тоже неоднозначными: «Вредительство – тоже действительность, чрезвычайно поучительная её гнусностью. – Товарищи! Держи ухо востро! Гляди в оба! – учит она». Мы не станем обращать особого внимания на завуалированный призыв писателя «держать ухо востро» и «глядеть в оба» (этим как раз, вероятно, и занимаемся). Отметим следующее: открыто назвать проходившие тогда процессы против «вредителей» «действительностью, чрезвычайно поучительной её гнусностью». Горький не мог, и он использует мрачно-ироническую манеру письма, когда слова одновременно выступают и в прямом, и переносном смыслах.

Нельзя обойти вниманием и последнюю, ключевую для понимания позиции М.Горького фразу статьи: «И надобно знать, что настоящее имя нашей действи-

тельности – революция, и что она, всё быстрее развиваясь, легко обгоняет задумчивых людей, оставляет их позади себя».

Действительность 1931 года М.Горький называет «революцией» и прямо говорит о том, что «она, всё быстрее развиваясь, легко обгоняет задумчивых людей». К Октябрьской революции вряд ли приложимы слова о том, что она «обгоняет задумчивых людей» и что она «всё быстрее развивается». К тому же, Октябрь – в относительном прошлом, а здесь речь идет о «настоящем имени нашей действительности».

Как тут не вспомнить слова нынешнего историка о том, что «очень мало людей было посвящено в тайну фальсификации политических судебных процессов 1930–1931 годов», что портреты Сталина «начали повсюду вывешивать только в 1930 году, после того как в декабре 1929 года с небывалой для того времени помпезностью было отмечено его 50-летие» (*Рой Медведев* 1989: 193, 195). Не может ли оказаться так, что слово «революция» в горьковском смысле и – ещё вчера очень популярное – словосочетание «контрреволюционный сталинский переворот» обозначают одно и то же явление и предстают абсолютными синонимами? Может быть, Алексей Максимович Горький был одним из первых, кто понял истинный смысл происходившего в начале 30-х годов?

И.С.Шкала (Гриневский), близко знавший М. Горького, в частности, по работе в журнале «Наши достижения» (где статья «Ударники в литературе» была перепечатана) и затем проведший двадцать лет в тюрьмах и лагерях, утверждает: «Максим Горький не был обольщён той показухой, которую ему организовывал Сталин. Некоторым сегодня почему-то выгодно представлять этого огромного, мудрейшего человека эдаким слепеньким миротворцем... ещё кому-то предстоит раскрыть, проанализировать во всей полноте трагизм существования великого писателя, который прозрел и ужаснулся, но тяжелая, смертельная болезнь, но нелепая смерть любимого сына Максима и соглядатаи, соглядатаи... Мудрейший из мудрых, писатель многое провидел из того, что потом стряслось. Остановить не мог – иное дело...» (см.: *Л. Беляева* 1988: 5). Для нас в этих словах важно подтверждение того, что близкие к М.Горькому люди ощущали трагизм его существования, но одновременно верили в его «тяжелую, смертельную болезнь» и не были в курсе той борьбы «социалистически организованной воли», которую вел М.Горький с «упрямством железа Сталина», в том числе эзоповым языком.

Подтверждений тому, что М.Горький находился в оппозиции к сталинскому режиму, у нас достаточно. Здесь сошлёмся на недавнюю статью Поэля Карпа, где имеется очень важное для нас рассуждение:

«Смысл словоупотребления восстанавливается лишь в соприкосновении с конкретностью истины. Ныне «левые» (или «правые») объявляют Максима Горького глашатаем сталинского террора и клеймят его за известную фразу: «Если враг не сдаётся, его уничтожают», видя в ней лишь призыв к наращиванию жестокости. Никто не заметил, что Горький выдвинул условие: «если враг не сдается». Он этим напомнил: если враг сдаётся, его не уничтожают... Я был тогда мальчиком, но протестантский подтекст этих слов был мне очевиден. А не жившие той жизнью, не ощущавшие их контекста, ныне видят в них противоположное сказанному, хоть и эзоповым языком. Но политическую лексикологию не

прояснить иначе, как обращаясь к реальности, лежащей за словами, и к рядом звучащим словам» (*П. Карп* 1990: 10).

Ср. также знаменательное начало статьи В.Баранова, общая позиция которого совпадает с нашей: «Как-то Горький обронил фразу, показавшуюся собеседникам невероятной. К.Чуковский дословно воспроизвел её в своем дневнике: «С новой властью нельзя не лукавить...» Сказано это в 1919 году» (*В. Баранов* 1993: 3). В этой же статье В.Баранов подчеркивает: «Горький оказался «игроком» более опытным, чем можно было подумать».

Как видим, двойной смысл говоримого Горьким воспринимался уже его современниками. В данном контексте должна рассматриваться и статья М.Горького «Ударники в литературе», оказывающаяся весомым аргументом в пользу того, что великий писатель ясно осознавал сущность «по-революционному» быстро утверждавшегося культа личности Сталина, что он видел себя в рядах «социалистически организованной воли», несовместимой с «упрямством» сталинского «железа».

Знал ли Сталин об истинном отношении к нему М.Горького? Если верить имеющимся свидетельствам очевидцев, то да, конечно, знал. Дошли слова профессора Плетнева, лечившего М.Горького: «Мы лечили Горького от болезни сердца, но он страдал не столько физически, сколько, морально: он не переставал терзать себя самоупрёками. Ему в Советском Союзе уже нечем было дышать. Он страстно стремился назад в Италию... Но недоверчивый деспот в Кремле больше всего боялся открытого выступления знаменитого писателя против режима...» (*Ю. Анненков* 1988: 13). Известно, что 8 июня 1936 г., за 10 дней до смерти М. Горького, выздоравливающего писателя посетили Сталин, Молотов и Ворошилов. Может быть, больной тогда же высказал и просьбу выехать в Италию – для полного излечения?

Узнал ли Сталин о зашифрованности своей фамилии в статье М.Горького «Ударники в литературе»? Позволим себе предположить, что нет: статья была полностью перепечатана в книге М.Горького «О литературе: Статьи и речи (1928–1936)», вышедшей в 1937 году, после смерти писателя, а затем – и в его собрании сочинений. Эта статья до сих пор воспринимается в качестве бодрого просталинского выступления писателя, будто бы всерьез звавшего литераторов учиться у вчерашних полуграмотных «ударников». В страшной действительности начала 30-х годов М.Горький предпочитал считаться идеологом режима и, пользуясь своим положением, спасать конкретных людей... Поведение А.М.Горького для нас чем-то схоже с поведением Федора Дежкиа в романе В.Д.Дудинцева «Белые одежды», но в отличие от литературного героя он был слишком крупная фигура и не мог спастись бегством. Впрочем, А.М.Горький был менее осторожен. В выступлениях на Первом съезде писателей он прямо говорил о своем неприятии «вождизма». Почему-то на *эти* слова великого писателя у нас обращают меньше внимания, чем на глуповато-восторженные, и не замечают в последних нескрываемой иронии. Легче покрасить в одну краску? Но такое наше поведение говорит не о писателе (не всё ли равно ему теперь?) – оно говорит о нас, о нашей культуре, об уровне нашей интеллигентности...

Так на что же рассчитывал в 1931 году великий писатель, пиша свою – по установившемуся мнению, довольно-таки глуповатую и бодро одобрявшую всё

происходящее – статью «Ударники в литературе»? О чём он думал, если не посвящал в свое политическое завещание даже довольно близких людей?

Мы полагаем, что Горький думал не о современном ему настоящем, а о далёком для него будущем, когда потомки *внимательно* перечтут всё им написанное и поймут его... Он не мог не предвидеть нынешних споров о его отношении к культу личности. И это, думается, тоже одна из причин того, что он послал нашему поколению свое политическое завещание, оказавшееся недоступным угрюмо-непросвещённой сталинщине...

Именно так мы писали 12 лет тому назад. Спустя годы, прошедшие после опубликования вышеприведённых строк, вопрос о политическом завещании М.Горького для нас приобрёл иное звучание. Контекст восприятия изменился главным образом вовсе не потому, что изменилась наше мнение о наличии/отсутствии зашифрованной фамилии Сталина в указанной статье М.Горького (здесь наша позиция осталась прежней), но потому, что – благодаря новым исследованиям – значение фигуры Сталина в истории нашей страны приобрело новый характер. Соответственно, подверглась изменениям и наша позиция относительно политического послания М.Горького.

Что конкретно изменилось в нашем восприятии горьковской статьи «Ударники в литературе»?

Сегодня мы полагаем, что М.Горький в 1931-м году не смог увидеть масштабности личности Сталина. Для великого писателя это простительно и потому, что фигуры такого масштаба человеческая история не знает вообще, и потому, что направленность деятельности Сталина во многом остаётся неясной даже многим нашим современникам.

Примем ныне господствующую фразеологию и сопоставим факты. При *злодее* Сталине:

1) продовольственная корзина, разработанная в 1950-ом году советскими учёными, была значительно «тяжелее» той, которую предложили в 1994-ом году «учёные-демократы» – в 1,1 – 2,5 раза (конкретные показатели по хлебу, картофелю, овощам и фруктам, мясу, рыбе и т.д. см.: Ю.И.Мухин 2005: 137);

2) цены на товары – при сохранении размера пенсий, стипендий, зарплаты – каждую весну снижались, в то время как при замечательных демократах они растут, и компенсации (называемые *повышением заработной платы*) за инфляцией явно не успевают;

3) правительство обеспечило высокий уровень обороноспособности страны, что позволило одержать победу в самой страшной войне: в частности, «боевая стойкость генералов была в 6,5 раз выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат в 17 раз!» (Ю.И.Мухин 2005: 127) – тогда как сегодня о благополучии в этой области не решаются писать даже самые проправительственные издания;

4) уголовники, насильники и враги советской власти репрессировались, а численность народонаселения росла (армия, имевшая перед войной 680 тыс. командиров, в годы чисток потеряла менее 2 %, и прежде всего она *рассталась* с изменниками типа Тухачевского – см.: Р.К.Баландин и С.С.Миронов 2006: 8) – тогда как сейчас демократические СМИ просто захлёбываются в восхищении от бандитов, а численность народа снижается в размерах, сопоставимых с геноцидом

(факт сокращения численности населения России сегодня настолько очевиден, что от ссылок воздержимся);

5) люди не боялись спать с приоткрытыми от жары дверями, поскольку преступность практически не ощущалась: в 1940-м году в СССР при численности населения в 190 млн. было всего 6549 убийств, тогда как в демократическом 1998 году в России с около 140 млн. населения от преступников погибло более чем в 10 раз – 64545 человек (см.: Ю.И.Мухин 2005: 263);

6) люди не знали, что такое наркотики, тогда как сегодня, при славном демократическом режиме, наркомания, токсикомания, алкоголизм – трагедия общенационального масштаба;

7) интеллектуальный труд очень высоко ценился: если оклад союзного министра в 1953 году не превышал 5000 рублей в месяц, то зарплата профессоров и академиков была выше, нередко превышая 10000 рублей (см.: Ю.И.Мухин 2005: 139), сегодня же о высокой оценке интеллектуального труда говорить просто неприлично;

8) при *деспоте* Сталине главным оружием милиционеров была их форма (дубинок и оружия им не требовалось), а при славных демократах растёт число охранников, бандитов и телекамер слежения.

Сопоставления можно продолжать и продолжать, но почти все они сложатся не в пользу демократов. Самое же главное отличие злодея Сталина от нынешних славных правителей заключается в том, что при нём в стране царил культ знаний, режим высокой духовности. Люди в возрасте помнят, что электрички Московского метрополитена были заполнены читающими людьми: как только пассажир присаживался, то сразу же доставал книгу или газету, хотя многие читали даже стоя.

Об угрюмой непросвещённости Сталина говорить было тоже несправедливо: это был один из самых образованных людей (конкретные факты см.: Ю.И.Мухин 2005: 162-165).

Горький не смог разглядеть в Сталине самое главное – его фанатическую преданность России, её народу. «Лицом к лицу – лица не увидать». В главном же М.Горький и И.В.Сталин объективно были союзниками. Одним из подтверждений этого может служить, в том числе, и переименование станции метро «Горьковская»: если бы победившие демократы числили писателя на своей стороне, то переименования бы не случилось. Неоднократно доказано, например, что М.Н.Тухачевский работал на германский генштаб, но, тем не менее, улиц с его фамилией в российских городах до сих пор намного больше, чем улиц, например, Рокоссовского, честного советского генерала. Наименования и переименования вовсе не случайны. Уже в силу того, что М.Горький объективно был союзником, И.В.Сталин не мог стать причиной его смерти. Сам Сталин считал, что М.Горький был отравлен, и говорил об этом публично.

Одной из причин, по которой М.Горький не смог в 1931 году прочитать И.В.Сталина, было то, что, как показывают этнографические исследования А.А.Меняйлова, что И.В.Сталин на самом деле был волхвом высшей ступени посвящения (см.: А.А.Меняйлов 2004; 2004а; 2005; 2005а). В 1911-ом году И.В.Сталин был инициирован в древнерусский культ Девы и стал непобедимым. Творить ему пришлось, однако, во враждебном окружении, которое не уставало

плести вокруг него заговоры (см.: Ю.И.Мухин 2005; Р.К.Баландин и С.С.Миронов 2006). В этом смысле, слова Вяч.Вс.Иванова о существовании в 30-е годы антисталинского заговора оказываются верными и сейчас, спустя 12 лет.

Что касается инкриминируемых И.В.Сталину массовых репрессий, то теперь стала ясной и очевидной необходимость различать лексемы «репрессии» и «террор». В тех случаях, когда смертность населения уменьшается, численность растёт при увеличении общей продолжительности жизни, когда растут валовой национальный продукт и уровень потребления на душу населения (и это происходит не за счёт ограбления других народов и стран), – значит, государство находится на подъёме, и репрессии необходимы для подавления врагов этого государства. Репрессии не могут быть массовыми в принципе, поскольку героизм не может быть подневольным, а трудовой подъём – результатом приказа начальства. В тех же случаях, когда смертность населения растёт, жизненный уровень населения падает, когда народ в массовом порядке вымирает или уничтожается (как в своё время в Кампучии, во время Великой Французской революции), – в таких случаях и следует говорить о терроре и терроризме как политике террора. Трудовой подъём, как и повышение численности населения, в случаях террора и терроризма оказывается невозможным.

В 30-е годы прирост населения в СССР составлял 1,5 – 2 % в год, а общая численность без учёта присоединённых территорий увеличилась примерно на 24 млн. человек. В наиболее развитых капиталистических странах, грабивших колониальные и зависимые страны, прирост составлял 0,5 – 1,5 % (см.: Р.К.Баландин и С.С.Миронов 2006: 6). О том, что в 30-е годы людские потери были неизмеримо меньше, чем в годы гражданской войны и коллективизации, показывают статистические выкладки В.В.Кожинова, ср.: в 1918-22 годах потери составили 12 % населения, тогда как в 1937-38 гг. – 0,4 % (В.В.Кожинов 2005: 107-111). В этом плане в 30-ых гг. имели место именно репрессии, направленные против отдельных социальных групп, которые хотели обогатиться за счёт народа, при его обнищании, вырождении и вымирании. О терроре в 30-е гг. говорить просто не приходится.

М.Горький как художник в случае со Сталиным встретился с человеком, который не вписывался ни в какие привычные представления (достоверно «прочитать» И.В.Сталина смог, вероятней всего, только М.А.Булгаков в его пьесе «Батум», совершенно неизвестной массовому читателю). Сегодня нам думается, что политическое завещание М.Горького объективно показывает сложность и непостижимость фигуры И.В.Сталина, которая была воспринята писателем в значительной мере упрощённо, все лишь как олицетворение «упрямства железа». Знакомство с последними исследованиями убеждает в том, что существовавшее у нас предположение об убийстве Кирова по заданию Сталина было безусловно ошибочным, что скорее следует говорить о «германском следе» этого преступления (см.: Р.К.Баландин, С.С.Миронов 2006: 43-45, 126-152 и др.).

М.Горький – не единственный, кому сразу не удалось «прочесть» Сталина. Сталина глубоко уважали и тоже не смогли «прочесть» такие выдающиеся люди той эпохи, как А.Гитлер, У.Черчилль. А.Гитлер говорил в доверительной беседе Риббентропу в 1942-м году: «Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941 – 1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным.

Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твёрдости этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин – это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении… Создание Красной Армии – грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, – историческая личность совершенно огромного масштаба». Признание А.Гитлера тем более ценно, что он, по мнению многих, был лучшим полководцем всех времён и народов (достаточно вспомнить его триумфальное шествие по Европе). Суждений У.Черчилля о Сталине приводить не будем в силу ограниченности рамок повествования.

Впрочем, в 1935-м году М.Горький уже иначе относился к И.В.Сталину. В частности, 24 марта 1935 года он писал вождю: «Чем ближе к войне – тем более усиленно будут мерзавцы всех мастей стараться убить Вас, дабы обезглавить Союз. Это – естественно, ибо враги хорошо видят: заменить Вас – некем. Колоссальной и мудрой Вашей работой Вы внушали миллионам людей доверие и любовь к Вам, это – факт… Берегите себя. Мировая – всемирная – ненависть к Вам всех подлецов и мерзавцев говорит Вам о Вашей величине, о значительности Вашей работы так же красноречиво и убедительно, как горячая любовь всех честных, искренних революционеров» (цит. по: Эпоха Сталина 2004: 397-398). В связи с духовным прозрением М.Горького закономерно возникает вопрос: может быть, именно оно, когда над головой Г.Ягоды в 1937 году стали сгущаться тучи, и послужило реальной причиной гибели писателя?

Сегодня нам понятно, что политическое послание М.Горького, призывая бороться «против упрямства железа Сталина», оказалось, вероятней всего, результатом доверчивости писателя к своему окружению, результатом художнического внимания к деталям, результатом того, что за деревьями в 1931-м году ему не удалось разглядеть леса…

Наше прочтение политического послания М.Горького следует рассматривать как иллюстрацию общеизвестного тезиса, что коммуникация – уровень единичного, уникально-неповторимого проявления языка, причём коммуницирование с одним и тем же адресантом варьирует как в пространстве и времени вообще, но так же зависит от уникально-неповторимого пространства и времени адресата.

Цитируемая литература:

Анненков Ю. Максим Горький // Лит. Россия. – 11.11.1988. – № 45 (1345). – С. 12-14.

Баландин Р.К., Миронов С.С. «Клубок» вокруг Сталина. – М.: Вече, 2006. – 320 с.: ил. – (Тысячелетие русской истории)

Баранов В. Горький и Сталин: попытка противостояния // Культура. – 20.03.1993. – № 11(6868). – С. 3.

Беляева Л. «Готов ручаться за него головой»: Беседа с ветераном гражданской войны писателем Ильёй Самсоновичем Шкапой, соратником и другом М.Горького и М.Шолохова, проведшим двадцать лет в тюрьмах и лагерях... // Лит. газета. – 23.11.1988. – № 47 (5217). – С. 5.

Горький М. Ударники в литературе // Ленинградская правда. 21.05.1931. № 138. – С. 2.

Горький М. Ударники в литературе // Наши достижения. 1931. № 5. – С. 1-2.

Горький М. Ударники в литературе // М.Горький. О литературе: Статьи и речи (1928-1936); Редакция Н.Ф.Бельчикова. Изд. 3-е, доп. М.: Сов. писатель, 1937. С. 63-66.

Горький М. Ударники в литературе // М.Горький. Собрание сочинений: В 30-ти т. Т. 26. М., 1953. С. 16-19.

Горький М. Письма, телеграммы, надписи (1927-1936) // М.Горький. Собрание сочинений: В 30-ти т. Т. 30. М., 1956. – 818 с.

Гусейнов Г. «Сколько ни таимничай, а будет сказаться» // Знание – сила. 1989. № 1. – С. 73-79.

Золотусский И. Куда же нам плыть? Полемические заметки // Юность. 1989. – № 11. – С. 59-61.

Иванов Вяч.Вс. Загадка последних дней Горького // Звезда. 1993. № 1. – С. 141-163.

Карп П. Гарантия надежды // Кн. обозрение. 13.04.1990. № 115 (1245). – С. 6, 10.

Кожинов В.В. Правда сталинских репрессий. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2005. – 448 с.

Латынина А. Конец советской цивилизации: Сложный механизм культуры нельзя открыть набором политических отмычек // Лит. газета. 9.09.1992. N 37 (5414). С. 3.

Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 2. – С. 174-194.

Меняйлов А.А. Сталин: прозрение волхва. – М.: Крафт+, 2004. – 352 с.

Меняйлов А.А. Сталин. Культ Девы. – М.: Крафт+, 2004а. – 384 с.

Меняйлов А.А. Смотрите, смотрите внимательно, о волки! – М.: Крафт+, 2005. – 480 с.

Меняйлов А.А. Сталин: тайна Валькирии. – М.: Крафт+, 2005а. – 416 с.

Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. – М.: Яуза, 2005. – 672 с. – (Русская правда).

Мясников А. М.Горький: Очерк творчества. – М.: ГИХЛ, 1953. – 648 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Троцкий Л.Д. Иосиф Сталин: Опыт характеристики // Аврора. 1990. № 4. – С. 23-30.

Эпоха Сталина: события и люди. Энциклопедия / Автор-составитель В.В.Суходеев. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. – 640 с. – (Политический бестселлер).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ..... 3

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Саранск), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)
ПРОБЛЕМА НАРАСТАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ОДНООБРАЗИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, НАРОДОВ И ФАКТОРЫ ДЕГРАДАЦИИ НАУКИ И ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ..... 4

Канд. филол. наук Н.И.Демьянович (Волгоград)
ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(на материале ФЕ с компонентом «голова») 8

Канд. филол. наук Е.А. Дженкова (Волгоград)
ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «СТЫД»/ «SCHAM» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДОВ) 9

Аспирант Ж.Б.Жалсанова (Москва)
ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И БУРЯТ..... 10

Кандидат пед. наук Л.А.Калмыкова (Переяслав-Хмельницкий, Украина)
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В РЕЧЕВОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 11

Соискатель А.Б.Канатова (Владикавказ)
ЯЗЫК ОСЕТИНСКИХ ДЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
(К истокам лингвистической картины мира)..... 12

А.Б.Канатова, докт. филол. наук Ю.Д.Каражаев (Владикавказ)..... 13
ЯЗЫК ОСЕТИНСКИХ ДЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: К ГЕРМЕНЕВТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ. 13

Докт. филол. наук Ю.Д.Каражаев (Владикавказ)
ЯЗЫК И КОГНИЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ИМПЛИЦИТНЫХ МЕТАМОРФОЗ СЛОВЕСНЫХ СМЫСЛОВ 17

Канд. филол. наук М.Г.Луннова (Пенза)
ФОНИКА ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА..... 19

Соискатель Н.Н.Моисеева (Моисеева)
О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ *МЕТОДА РАССТОЯНИЙ* В КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 20

Докт. филол. н. И.М. Румянцева, аспирантка О.А.Симонова (Москва)
К ПРОБЛЕМЕ ПРОСОДИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА СЛОВА В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ..... 25

Канд. филол. наук З.М.Степанова (Пенза)
СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ 26
Соискатель Е.Г.Стешина (Пенза)
СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО / WEALTH» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ СОЗНАНИИ 32
Докт. филол. наук Т.Ю.Тамерьян (Владикавказ)
ЭТАПЫ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ИНДИВИДА 38
Канд. филол. наук В.В.Шмелькова (Пенза)
ОБ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЗМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ 40
Канд. филол. наук Е.В.Шустрова (Екатеринбург)
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ЧЕРНОГО» И «БЕЛОГО» ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА 41
Канд. филол. наук И.Ф.Янушкевич (Волгоград)
ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 42

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

Канд. пед. наук А.А.Абдулфанова (Калуга)
НАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ И МЕТАЯЗЫК ЛИНГВИСТИКИ 44
Докт. филол. наук Н.Ф. Алефиренко (Белгород)
ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ПОЗНАНИЯ В СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМ И КОГНИТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ 45
Докт. филол. наук С.А.Борисова (Ульяновск)
ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА 46
Соискатель С.П.Ванюшина (Ульяновск)
КОМПЛИМЕНТ КАК ЕДИНИЦА КОММУНИКАЦИИ. 49
Канд. филол. наук В.П.Васильев (Кемерово)
ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 55
Соискатель М.Р.Викторова (Пенза)
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДЛЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В АВТОРСКИХ ПЕСНЯХ Ж.БРЕЛЯ И В.ВЫСОЦКОГО 56
Канд. филол. наук Н.В.Гридина (Ульяновск)
ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КВАЛИТАТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ. 62
Канд. филол. наук С.В.Гудилова (Ульяновск)
ПОЛЕВОЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ КОМПОЗИТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ СЕРЕДИНЫ 50-Х – СЕРЕДИНЫ 80-Х ГОДОВ) 68

Соискатель С.О.Гуляйкина (Пенза)
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ МАНИПУЛЯЦИЙ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ 72
Аспирант А.Р.Давлетбердина (Уфа)
ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ *ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ* (В СООТНОШЕНИИ С ПОНЯТИЕМ *ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ*) 79
Аспирант Е.А. Денисова (Москва)
ПРИЗНАКИ МОНОЛОГА И ДИАЛОГА 80
Н.В.Драчук (Волгоград)
РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ОРГАНИЗАЦИИ АНТОНИМО-СИНОНИМИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ 83
Аспирантка Г.В.Дьяченко (Луганск, Украина)
ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 84
Канд. филол. наук О.А.Егорова (Ульяновск)
К ВОПРОСУ О ЛИНГВОЭТИКЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ 85
Асп. Е.В.Задорожнева (Волгоград)
ЗАВИСИМОСТЬ СОЧЕТАЕМОСТИ АНТОНИМОВ ОТ ИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СЕМАНТИЧЕСКОМУ КЛАССУ. 86
Аспирант Ю.А.Золотарёва (Ульяновск)
ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЭЛЕМЕНТЫ ИЛИ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА? 87
Докт. филол. наук Л.Г. Зубкова (Москва)
МОРФЕМНО-СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 89
Докт. филол. наук Н.А.Илюхина (Самара)
ПРОПОЗИЦИЯ И ПРОЦЕССЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ 90
Канд. филол. наук А.А. Калинина (Йошкар-Ола)
ВОЗМОЖНЫ ЛИ УТВЕРЖДЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ В ВОПРОСИТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ? 92
Канд. филол. наук С.Б. Козинец (Саратов)
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ 93
Аспирант Е.А.Кораблёва (Челябинск)
ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ ... 94
Аспирант А.В.Коряковцев (Кемерово)
ФРЕЙМОВЫЙ АСПЕКТ КАК ОДИН ИЗ ПАРАМЕТРОВ ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ ИНВЕКТИВНОСТИ 95
Канд. филол. наук Л.Н. Котова (Усть-Каменогорск, Казахстан)
ТОЖДЕСТВО И ПОЯСНЕНИЕ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ 96
Ю.А.Кошеварова (Уфа)
ПРОСТОЙ (ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ) И ОСЛОЖНЕННЫЙ ДИСКУРС КАК КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА 97

Докт. филол. наук Н.А.Красавский (Волгоград)
ОБ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОСФЕРАХ 98
Докт. филол. наук В.А.Курдюмов (Москва)
ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ – КОТОРОЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ
(если отказаться от некоторых ((около)-структуралистских) постулатов) 99
Аспирант М.В. Маравина (Ульяновск)
ПАРАМЕТРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ
В КОММУНИКАЦИИ 101
Канд. филол. наук Е.М.Мартынова (Орел)
КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМОЕ МОЛЧАНИЕ 106
Канд. филол. наук М.В.Масалова (Ульяновск)
МЕЖТЕКСТОВАЯ ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВ 107
С.В.Минина (Брянск)
ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ И НЕПОНИМАНИЯ
В ВОПРОСНО-ОТВЕТНОМ ДИАЛОГЕ 108
Канд. филол. наук Е.А.Пескова (Пенза)
О ТЕРМИНЕ ‘АФФЕКТИВНОСТЬ’ 109
Канд. филол. наук Н.Е. Петрова (Москва)
ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В НОМИНАТИВНОМ
АКТЕ 110
Канд. филол. наук И.В.Приорова (Астрахань)
«ОКОЛЬНЫЕ ПУТИ» РЕАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 111
А.В. Прохоров (Тамбов)
ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ИНФЕРЕНЦИИ И ИХ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИМПЛИКАТУРАМИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА 112
Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Ульяновск)
О ПЛОДОТВОРНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
АНАЛИЗА ПО ЭЛЕМЕНТАМ И АНАЛИЗА ПО ЕДИНИЦАМ) 116
Канд. филол. наук И.А.Пуник (Ульяновск)
ЗВУКОВЫЕ КОРРЕЛЯТЫ СЛОВА
В ФОНОЛОГИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ ЯЗЫКА 120
Канд. филол. наук С.В.Рябушкина (Ульяновск)
ОТ *ОДНОГО* ДО *МНОЖЕСТВА* (КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ) 121
Канд. филол.н. Я.Н.Скрипник (Ставрополь)
К ВОПРОСУ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПОНЯТИЙ
«СИСТЕМА» И «СТРУКТУРА» ЯЗЫКА 122
М.В.Соснина (Ульяновск)
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КВАЛИТАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ.Р.Р.ТОЛКИЕНА 126
Канд. филол. наук Т.И.Суркова (Пенза)
КОМПЛЕКСНЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК НОВЫЙ ТИП УЧЕБНЫХ СЛОВАРЕЙ 129

Докт. филол. наук А.И.Фефилов (Ульяновск)
ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКОГИТОЛОГИИ 130
Канд. филол. наук Х.А.Чижова (Иркутск)
ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ: ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ 132
Канд. филол. наук Л.В.Шалина (Москва)
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ
КАК ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС..... 133
Асп. Л.М.Шлёнкина (Ульяновск)
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВНУТРЕННЕГО И *ВНЕШНЕГО* В АНТОНИМИИ
(на материале французского и русского языков)..... 134
Канд. филол. наук Г.Ю.Яковлев (Москва)
К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МЫШЛЕНИЯ (ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА)..... 143

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Т.Г.Ашуркова (Ульяновск)
АКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ: КОНСТАНТНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ 145
Докт. филол. наук А.Г.Баранов (Краснодар)
СИНЕРГИЗМ СИГНИФИКАЦИИ 148
С.Г.Виноградова (Тамбов)
ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ИНГЕРЕНТНО
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ..... 149
Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Саранск), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)
ПСИХОЛИНГВИСТИКА ЗАМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ
КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО ФЕНОМЕНА 150
Р.Р.Залялова (Казань)
КОНЦЕПТ «ВРАЧ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ..... 152
Докт. филол. наук П.А.Катышев (Кемерово)
О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКА НА ТВОРЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ..... 153
Канд. филол. наук О.В.Магировская (Красноярск)
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЫСЛИ..... 154
Аспирант Е.А. Малахинова (Москва)
ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ И БУРЯТ 155
Аспирантка Е.Л. Морина (Москва)
К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ..... 156
Канд. психол. наук Л.И.Панкова (Пенза)
КОММУНИКАЦИЯ В РЕЖИМЕ ДИАЛОГА..... 157
Канд. пед. наук С.С.Пашковская, студ. С.А.Пашковский (Пенза)
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ОСНОВЫ
ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ..... 159

Соискательница Ю.В.Рубайло (Пенза)
О НОРМАТИВНОСТИ ЧАСТОТНОСТИ ЗВУКОВ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЕ 160
Докт. филол. наук И.В. Труфанова (Москва)
ЗАКОН ПЕРЕХОДА РЕЧЕВЫХ ТАКТИК В РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ
И РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ 166
Канд. филол. наук Р.Г.Цопанова (Владикавказ)
ЯЗЫК КАК ДЕЙСТВИЕ 167

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук З.К.Беданокова (Майкоп)
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ ИЛИ
ОБЫГРЫВАНИЕ ПАРЕМИЙ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО. .. 169
Е.В.Бобырева (Волгоград)
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН И КОНЦЕПТЫ
РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА 170
Канд. филол. наук Э.В.Будаев (Нижний Тагил)
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ СМИ 171
Канд. филол. наук А.Б. Бушев (Тверь)
ЯЗЫК, ВЛИЯЮЩИЙ НА МЫШЛЕНИЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 172
Канд. филол. наук Л.Ю.Веретенкина (Пенза)
РЕКЛАМНЫЕ ТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО 173
Аспирант Т.А.Волкова (Челябинск)
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ... 178
Н.И.Жабо (Москва)
РЕСЕМАНТИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ 179
Канд. филол. наук С.А.Золотарева (Махачкала, Дагестан)
ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ 181
Докт. филол. наук С.В.Ильясова (Ростов-на-Дону)
ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬОЕ В АСПЕКТЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИГРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА СМИ НАЧАЛА XXI ВЕКА) 182
Асп. К.Е.Корнилова (Ростов-на-Дону)
ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ЗАГОЛОВКАХ
АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ 183
Л.Р.Омарова (Махачкала, Дагестан)
РАЗВЕРНУТЫЕ ВАРИАТИВНЫЕ ПОВТОРЫ
В ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ
ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ 184
Аспирант Я.В.Пысина (Ульяновск)
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В ПСАЛТЫРИ
(на материале русского и английского вариантов) 186

Канд. филол. наук Т.Г.Ренц (Волжский)
КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЮБОВНОГО ДИСКУРСА 193
Канд. филол. наук И.Г.Родионова (Пенза)
ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ: ЯВЛЕНИЕ ПАРОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ 194
Аспирант К.М.Романова (Екатеринбург)
ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ ОБ ИТАЛЬЯНЦАХ 196
Канд. филол. наук Е.Н.Сердобинцева (Пенза)
ЯЗЫКОВАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЧУЖОЙ – СВОЙ» В АВИАЦИОННОЙ ЛЕКСИКЕ ПЕРИОДА 1941-1945 ГГ. 197
Докт. филол. наук С.А.Сухих (Краснодар)
ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДИСКУРСА РУССКОГО РОКА 198
Канд. филол. наук Т.П.Чепкова (Москва)
СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТОВ И ИХ ОТТЕНКОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 199
Магистрант Н.Г.Солодовникова, докт. филол. наук В.И.Шаховский (Волгоград)
МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИЙ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 200

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Т.В.Волкодав (Краснодар)
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНАГРАММЫ В ФЭНТЕЗИЙНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ. РОУЛИГ «ГАРРИ ПОТТЕР» . 202
Канд. филол. наук Гирина Н.А. (Пенза)
АНАФОНИЯ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО 203
Аспирант И.В.Малофеева (Москва)
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ КАТЕГОРИИ ПРОСПЕКЦИИ В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ СЮЖЕТА ПРОЗАИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ 205
Соискатель О.Г. Мукина (Ульяновск)
СИНЕСТЕЗИЯ И ХАРАКТЕР ВОСПРИЯТИЯ МИРА (на материале творчества А.Ахматовой и М.Цветаевой)..... 207
Канд. филол. наук А.П.Петрикеева (Магнитогорск)
ХАРАКТЕР АДРЕСОВАННОСТИ И ПОБУДИТЕЛЬНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛИРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ..... 209
Канд. филол. наук Л.Г.Ратушная (Пенза)
РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ АВТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА 210
Канд. филол. наук С.Ш.Рыткина (Ульяновск)
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ О ПРИРОДЕ В ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ..... 211

Соискатель Л.Р.Янборисова (Пенза)
КВАНТИТАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ 212

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. пед. наук И.Э.Абдрахманова (Казань)
АУДИВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО 219
Соискательница Е.Н. Астраух (Москва)
ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЛИНГВО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ 220
Канд. пед. наук И.В. Возмилова (Екатеринбург)
МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК ВИД ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ 221
Аспирант Н. М. Голушкова (Беларусь)
К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ 222
Канд. филол. наук А.К. Григорьева (Пенза)
СТАНДАРТНОЕ И НЕСТАНДАРТНОЕ В РЕЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ (на материале задания части С ЕГЭ по русскому языку) 223
Канд. пед. наук С.Д.Демьяненко (Переяслав-Хмельницкий, Украина)
МЕТОДЫ ПРОПЕДЕВТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ПОНЯТИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 225
Канд. пед. наук Г.И.Канакина (Пенза)
К МЕТОДИКЕ РАБОТЫ НАД ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ 226
Е.Д.Каражаева (Владикавказ)
ОПОРА НА ЭТНОПСИХОСОЦИОКОНЦЕПТОСФЕРУ – СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛОГОПЕДИИ 227
Соискательница Л.В.Кияшко (Ростов-на-Дону)
ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА. 229
Учитель Л.В.Корогодина (Пенза)
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УМСТВЕННОГО И ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СПОРТСМЕНОВ В СВЕТЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИГР 230
М.В.Лила (Переяслав-Хмельницкий, Украина)
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ПОРОСТКОВ 231

Аспирантка Е.А. Листопад (Москва)
ОБУЧЕНИЕ КРИТИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ
ЧЕРЕЗ КРИТИЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ 233
Канд. пед. наук М.Ю.Олешков (Нижний Тагил)
СТЕРЕОТИП В ДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 235
Канд. пед. наук С.С.Пашковская, студ. С.А.Пашковский (Пенза)
ИНФОРМАЦИОННО–КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (ИКТ)
В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 236
Докт. филол. н., докт. психол. н. И.М. Румянцева (Москва)
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ
НОВЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА 237
И.Г.Тюкова (Пенза)
ДОГАДКА. НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЁ РАЗВИТИЯ
У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ 239
Канд. пед. наук Н.В.Харченко (Переяслав-Хмельницкий, Украина)
ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ
СВЯЗНЫМ ВЫСКАЗЫВАНИЯМ ТИПА РАССУЖДЕНИЙ 240
Аспиранты Чжу Лицюнь, Ли Чинхуа (Чанцунь, КНР)
О ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ 242

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ
ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ
Доктор филол. наук Д.Н.Жаткин (Кузнецк)
О РОЛИ НАЗВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКО-
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на материале творчества А.А. Дельвига) 245
Канд. филол. наук Ю.С.Паули (Кемерово)
ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫДЕЛЕНИЯ
АНАФОНИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ ИДИОСТИЛЯ 247
Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Ульяновск)
ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ
(на материале прочтения политического послания М.Горького) 248

ОГЛАВЛЕНИЕ 260

Российская Академия наук
Институт языкознания

Ульяновский государственный университет
Институт международных отношений

Язык и мышление:
Психологический и лингвистический аспекты

7-я Международная
научная конференция

(Ульяновск, 16-19 мая 2007 г.)

Материалы

Ответственный редактор А.В.Пузырев
Электронный набор А.В.Владимиров
Компьютерная верстка А.В.Владимиров

Сдано в набор 14.04.2007 Подписано к печати 26.04.2007
Формат 60 X 84 1/16 Бумага писчая
Уч.-изд. л. 17.1 Усл. печ. л. 18.3
Печать офсетная Тираж 180 экз.
Заказ № 43/

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Мастер-студия »
(г.Ульяновск, ул. Марата)